

ISSN 1609-624X



ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

TOMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

6'2022

Выпуск 6 (224)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
(Tomsk State Pedagogical University Bulletin)

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 6 (224) 2022

ТОМСК
2022

Главный редактор:

В. В. Обухов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия)

Редакционная коллегия:

- А. Н. Макаренко, доктор физико-математических наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);*
С. Б. Куликов, доктор философских наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);
Н. Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, профессор (Белгород, Россия);
В. И. Богословский, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
Н. С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Томск, Россия);
А. А. Веряев, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия);
М. П. Войтеховская, доктор исторических наук, профессор (Томск, Россия);
Л. Р. Дускаева, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
Ю. В. Кобенко, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);
А. Д. Копытов, доктор педагогических наук, профессор, член-кор. РАО (Москва, Россия);
А. В. Курьянович, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);
В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия);
А. А. Никитин, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО (Новосибирск, Россия);
С. Д. Одинцов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия; Барселона, Испания);
С. И. Поздеева, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);
Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, доцент (Томск, Россия);
Г. Г. Слышкин, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия);
В. А. Стародубцев, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);
А. Б. Туманова, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан);
В. Д. Черняк, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
S. Capozziello, профессор (Неаполь, Италия);
E. Elizalde, профессор (Барселона, Испания);
S. Koryčánková, доктор философии, доцент (Брно, Чехия);
R. Leikin, профессор (Хайфа, Израиль);
S. Odintsov, профессор (Барселона, Испания);
M. Sasaki, профессор (Киото, Япония).

Научные редакторы выпуска:

А. В. Курьянович, Н. В. Полякова, Н. С. Болотнова, Е. А. Полева

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 28.12.2018).

Журнал включен:

- в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- европейскую базу данных European reference index for the humanities and the social sciences (ERIH Plus);
- базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64

Адрес редакции, издательства:

пр. Комсомольский, 75, оф. 205, Томск, Россия, 634041.

Тел. 8 (3822) 52-06-17, тел./факс 8 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано: ООО Полиграфическая компания «СКОРОСТЬ ЦВЕТА».

Адрес типографии: г. Томск, пр. Ленина, 30/2. E-mail: voc2006@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-51990 от 07.12.2012

Подписано в печать: 31.10.2022. Дата выхода в свет: 18.11.2022. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 20,75. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 1233/Н

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: С. Е. Турчинович. Корректор: Е. В. Литвинова

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2022. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Published since 1997

ISSUE 6 (224) 2022

**TOMSK
2022**

Editor-in-Chief

V. V. Obukhov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation)

Editorial Board:

- A. N. Makarenko, Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);*
S. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);
N. F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russian Federation);
V. I. Bogoslovskiy, Doctor of Pedagogy, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
N. S. Bolotnova, Doctor of Philology, Professor; Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Tomsk, Russian Federation);
A. A. Veryayev, Doctor of Pedagogy, Professor (Barnaul, Russian Federation)
M. P. Voytekhovskaya, Doctor of History, Professor (Tomsk, Russian Federation);
L. R. Duskaeva, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
Yu. V. Kobenko, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);
A. D. Kopytov, Doctor of Pedagogy, Professor; Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation);
A. V. Kurjanovich, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);
V. V. Laptev, Doctor of Pedagogy, Professor; Member of Russian Academy of Education, Honoured Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);
A. A. Nikitin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Novosibirsk, Russian Federation);
S. D. Odintsov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation; Barcelona, Spain);
S. I. Pozdeyeva, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);
N. V. Polyakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Tomsk, Russian Federation);
G. G. Slyshkin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Moscow, Russian Federation);
V. A. Starodubtsev, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);
A. B. Tumanova, Doctor of Philology, Professor (Almaty, Kazakhstan);
V. D. Chernyak, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
S. Capozziello, Professor (Naples, Italy);
E. Elizalde, Professor (Barcelona, Spain);
S. Koryčánková, Ph.D (Brno, Czech Republic);
R. Leikin, Professor (Haifa, Israel);
S. Odintsov, (Barcelona, Spain);
M. Sasaki, Professor (Kyoto, Japan).

Scientific Editors of the Issue:

A. V. Kurjanovich, N. V. Polyakova, N. S. Bolotnova, E. A. Poleva

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

The journal is included in the list of the leading reviewed academic journals and publications, publishing main results of doctoral and postdoctoral theses that are approved by the Highest Attestation Board of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (revision of 28.12.2018).

The journal is included:

- in the system of the Russian Science Citation Index;
- in the database of “European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH Plus)”;
- in the database of periodicals “Ulrich’s Periodical Directory”.

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel./fax +7 (3822) 31-14-64

Publisher and editorial address:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 205, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 52-06-17, tel./fax +7 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed by: “Skorost’ Tsveta”.

30/2, Lenina avenue Tomsk 634050 Russia. E-mail: voc2006@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

PI No. FS77-51990, issued on 07.12.2012.

Approved for printing: 31.10.2022. Publication date: 18.11.2022. Format: 60×90/8. Paper: offset.

Printing: screen. Circulation: 1000 copies. Price: not settled. Order: 1233/N

Production editor: Yu. Yu. Afanas'yeva. Text designer: S. E. Turchinovich. Proofreading: E. V. Litvinova

© Tomsk State Pedagogical University, 2022. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Банкова Т. Б., Манашова В. Д. Номинации русской народной одежды в лингвокультурологическом аспекте: к вопросу о потенциале источников исследования (на материале говоров Среднего Приобья)	7
Афанасьева Ю. Ю. Лермонтовские мотивы в повести «Дача на Петергофской дороге» М. Жуковой	17
Грекова О. К. Интерпретационная функция русского глагольного вида. Ретардация и акселерация действия (в аспекте обучения русскому языку как иностранному).	26
Цао Лина. О вариативности способов выражения уступительных отношений (на материале статей научного стиля).	34
Иванова Р. П., Верхотурова Т. Л. Когнитивно-семиотический анализ лексики зрительной перцепции в якутском языке	45

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Краевская И. О., Владимирова С. Б., Михайлова И. В. Сопоставительный анализ метафорических моделей цветообозначений человеческого тела (на материале русского, английского и китайского языков).	52
Волкова М. Г., Васильева С. Л., Абрамова А. А. Особенности перевода терминов в сфере информационных технологий	62

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Го Юйцзе. Критерии оценивания уровня сформированности умений иностранных учащихся по созданию письменной работы в жанре аннотации к научной статье	72
Подкина Ю. В. Метод алгоритма в преподавании русского языка в средней школе.	80

РУССКИЙ ЯЗЫК

Иванченко С. А. Концепты «странничество» и «странник» в лирике М. Волошина и в зеркале ассоциативных экспериментов	88
Безукладникова С. С. Инструкция по сборке как жанр инженерно-дидактического дискурса	97

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бурмистрова С. В. Критический дискурс о Гоголе в «Богословском вестнике» начала XX века	108
Сафронова Е. Ю., Глушкова С. А. Материнские образы в романе Ф. М. Достоевского «Подросток».	121
Олицкая Д. А., Черткова В. В. Репрезентации образа степи в переводах повести А. П. Чехова «Степь» на английский язык.	132
Хадьинская А. А. Георгий Шенгели: культурная изоляция как поэтическая стратегия.	145

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

Болотнова Н. С., Болотнов А. В., Савенко А. С. Итоги XII Международной научной конференции «Русская речевая культура и текст» (Томск, 20–21 мая 2022 г.)	156
--	-----

ЮБИЛЕИ

Карпенко С. М., Пушкарёва И. А. Научное направление «коммуникативная стилистика текста» (к юбилею доктора филологических наук, профессора Н. С. Болотновой).	161
--	-----

CONTENTS

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

<i>Bankova T. B., Manashova V. D.</i> Nominations of Russian Folk Clothing in the Linguoculturological Aspect: on the Potential of Research Sources (Based on Dialects of the Middle Ob)	7
<i>Afanasyeva Yu. Yu.</i> Lermontov's Motives in the Story "The Cottage on the Peterhof Road" by M. Zhukova	17
<i>Grekoa O. K.</i> Interpreting Function of Verbal Aspect. Action Retardation and Acceleration (in Terms of Teaching Russian as a Foreign Language)	26
<i>Cao Lina.</i> On the Variation of the Ways of Expressing Concessive Relationships (on the Material of Scientific Articles)	34
<i>Ivanova R. P., Verkhoturova T. L.</i> Cognitive-Semiotic Analysis of Visual Perception Vocabulary in the Sakha Language	45

COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>Krayevskaya I. O., Vladimirova S. B., Mikhaylova I. V.</i> Comparative Analysis of Metaphorical Models of Color Designations of the Human Body (Based on the Material of Russian, English and Chinese Languages)	52
<i>Volkova M. G., Vasilyeva S. L., Abramova A. A.</i> Features of Terms Translation in the Sphere of Information Technology	62

METHODICAL ASPECTS OF MODERN LINGUISTICS

<i>Guo Yujie.</i> Criteria for Assessing the Level of Formation of Foreign Students' Skills in Creating a Written Work in the Genre of an Abstract to a Research Paper.	72
<i>Podkina Yu. V.</i> Algorithm Method in Teaching Russian at Secondary School.	80

RUSSIAN LANGUAGE

<i>Ivanchenko S. A.</i> The Concepts of "Wandering" and "Wanderer" in the Lyrics of M. Voloshin and in the Mirror of Associative Experiments.	88
<i>Bezukladnikova S. S.</i> Assembly Instructions as a Speech Genre of Engineering and Didactic Discourse.	97

LITERARY STUDIES

<i>Burmistrova S. V.</i> Critical Discourse About Gogol in the "Bogoslovskiy Vestnik" of the Beginning of the XX Century	108
<i>Safronova E. Yu., Glushkova S. A.</i> Mothers' Images in F. M. Dostoevsky's Novel "The Adolescent"	121
<i>Olitskaya D. A., Chertkova V. V.</i> Representations of the Steppe in English Translations of Anton Chekhov's "The Steppe"	132
<i>Khadynskaya A. A.</i> Georgy Shengeli: Cultural Isolation as a Poetic Strategy.	145

SCIENTIFIC EVENTS

<i>Bolotnova N. S., Bolotnov A. V., Savenko A. S.</i> Results of the XII International Scientific Conference "Russian Speech Culture and Text" (Tomsk, May 20–21, 2022)	156
---	-----

JUBILEE

<i>Karpenko S. M., Pushkareva I. A.</i> Scientific Direction "Communicative Stylistics of Text" (on the Anniversary of the Doctor of Philological Sciences, Professor N. S. Bolotnova)	161
--	-----

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'28

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-7-16>

НОМИНАЦИИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ОДЕЖДЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: К ВОПРОСУ О ПОТЕНЦИАЛЕ ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ)

Татьяна Борисовна Банкова¹, Валентина Дмитриевна Манашова²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ tatabank@mail.ru

² valyamanashova@mail.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена определению потенциала источников, привлеченных для исследования номинаций русской народной одежды в лингвокультурологическом аспекте. Диалектный язык напрямую связан с культурной традицией русского крестьянства. Диалектная лингвокультурология сосредоточена на выявлении способности языковых знаков репрезентировать культурное самосознание народа. Изучение лексических единиц – номинаций предметов материальной культуры расширяет научные представления о том, каким образом за словом закрепляются мировоззренческие установки русского крестьянства и его представления о мироустройстве. Номинации русской национальной одежды всегда были объектом внимания различных научных направлений. Актуальность настоящей работы связана с поиском достоверных, адекватных источников исследования для работ лингвокультурологического толка.

Цель работы – определение потенциала источников, привлеченных для исследования номинаций русской народной одежды в лингвокультурологическом аспекте. **Задачи работы:** 1. Выявить круг культурных характеристик, закрепленных за номинациями одежды в говорах Среднего Приобья, на основании данных томских диалектных словарей и Томского диалектного корпуса. 2. Представить актуальные культурные компоненты значения слова, извлеченные из словарей и базы корпуса: это гендерная принадлежность, сезонность, материал изготовления, особенности ношения и прочее традиционной русской одежды.

Новизна – впервые материалы томских диалектных словарей и Томского диалектного корпуса рассматриваются с точки зрения информативности и достоверности их как источников лингвокультурологического изучения номинаций предметов материальной культуры сельских жителей Среднего Приобья.

Материал и методы. Материалы исследования представляют собой данные говоров Среднего Приобья, зафиксированные в словарях томской диалектологической школы и в базе Томского диалектного корпуса. Эмпирическая основа работы формировалась с помощью приема сплошной выборки. В ходе работы используются методы научного описания, контекстного анализа, лингвокультурологического комментария.

Результаты и обсуждение. В результате изучения привлеченных источников был выявлен их потенциал с точки зрения возможностей их использования для лингвокультурологических исследований. Материалы словарей и Томского диалектного корпуса были разделены на группы: номинации мужской, женской, верхней, нижней одежды, головных уборов и обуви. В ходе анализа было выявлено, что культурная составляющая лексемы проявлена уже в зоне толкования. Иллюстративный материал, сопровождающий статью, уточняет, расширяет культурный пласт значения слова за счет реального функционирования слова в речи. Текстовая реализация того же слова еще более расширяет культурные представления, закрепленные за словом. В совокупности данные этих источников составляют реальную картину существования слов, обозначающих предметы материальной культуры, даже тех, что ушли в прошлое. Общее количество исследуемых номинаций – 1 237; текстовых отрывков, в которых реализуются изучаемые лексемы, – 5 279.

Заключение. В диалектном лексиконе имеется обширный пласт культуроспецифических единиц – номинаций предметов одежды, обуви, украшений и пр. Их лингвокультурологическое содержание последовательно прослеживается в работах томской диалектологической школы как в толковании значения, так и в иллюстративной части. Фактический материал, демонстрирующий функционирование слова в речи, может содержать информацию о возрасте носителя, о его половой принадлежности, статусе, материальном состоянии. Репрезентативными показателями являются и лексические единицы, обозначающие цвет и материал одежды. Материалы Томского диалектного корпуса значительно расширяют ряд характеристик, выводящих номинацию в

статус феномена культуры. Как правило, именно материалы корпуса позволяют сформировать представление о культурной реальности, обозначенной словом.

Ключевые слова: традиционная культура, номинации русской народной одежды, диалектная единица, лингвокультурологический комментарий

Для цитирования: Банкова Т. Б., Манашова В. Д. Номинации русской народной одежды в лингвокультурологическом аспекте: к вопросу о потенциале источников исследования (на материале говоров Среднего Приобья) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 7–16. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-7-16>

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

NOMINATIONS OF RUSSIAN FOLK CLOTHING IN THE LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT: ON THE POTENTIAL OF RESEARCH SOURCES (BASED ON DIALECTS OF THE MIDDLE OB)

Tat'yana B. Bankova¹, Valentina D. Manashova²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ tatabank@mail.ru

² valyamanashova@mail.ru

Abstract

Introduction. The article determines the potential of the sources involved in the study of the nominations of Russian folk clothing in the linguoculturological aspect. The dialect language is directly related to the cultural tradition of the Russian peasantry. Dialect linguoculturology reveals the ability of linguistic signs to represent the cultural identity of the people. The study of lexical units, nominations of objects of material culture, expands the scientific understanding of how the worldview attitudes of the Russian peasantry and their ideas about the world order are attached to the word. The nominations of Russian national clothing have always been the object of attention of various scientific areas. The relevance of the work lies in the search for reliable and adequate sources of research for linguoculturological works.

The purpose of the work is to determine the potential of sources involved in the study of the nominations of Russian folk clothing in the linguoculturological aspect. Firstly, the research identifies the range of cultural characteristics assigned to the nominations of clothing in the dialects of the Middle Ob region, based on the data of the Tomsk dialect dictionaries and the Tomsk dialect corpus. Secondly, the article presents the actual cultural components of the meaning of the word, extracted from dictionaries and the base of the corpus: this is gender, seasonality, material of manufacture, features of wearing, etc. of traditional Russian clothing.

It is the first time when the materials of the Tomsk dialect dictionaries and the Tomsk dialect corpus are considered from the point of view of their informativeness and reliability as sources of linguoculturological study of the nominations of material culture objects of the rural inhabitants of the Middle Ob.

Material and methods. The research materials represent the dialects of the Middle Ob, recorded in the dictionaries of the Tomsk dialectological school and the database of the Tomsk dialect corpus. The main method of the research is continuous sampling. In addition, the authors used the methods of scientific description, contextual analysis, and linguoculturological commentary.

Research and discussion. The analysis of the involved sources revealed their potential in terms of the possibilities of their use for linguoculturological research. The materials of the dictionaries and the Tomsk dialect corpus include the following groups: nominations for men's, women's, outerwear, underwear, headwear and footwear. The study showed that the cultural component of the lexeme is already manifested in the zone of interpretation. The illustrative material that accompanies the article clarifies and expands the cultural layer of the meaning of the word due to the actual functioning of the word in speech. The textual realization of the same word further expands the cultural representations attached to the word. Taken together, the data of these sources constitute a real picture of the existence of words denoting objects of material culture, even those that are outdated. The total number of studied nominations is 1 237; the studied lexemes realize in 5 279 text passages.

Conclusion. The dialect lexicon contains an extensive layer of culturally specific units, nominations for items of clothing, shoes, jewelry, etc. Their linguocultural content is consistently traced in the works of the Tomsk dialectological school, both in the interpretation of meaning and in the illustrative part. The actual material demonstrating the functioning of the word in speech may contain information about the age of the carrier, his gender, status, financial condition. Lexical units denoting the color and material of clothing are also representative indicators.

The materials of the Tomsk dialect corpus significantly expand the range of characteristics that make the nomination a cultural phenomenon. As a rule, the corpus materials make it possible to form an idea of the cultural realities indicated by the word.

Keywords: traditional culture, nominations of Russian folk clothing, dialect unit, linguoculturological commentary

For citation: Bankova T. B., Manashova V. D. Nominatsiya russkoy narodnoy odezhdy v lingvokul'turologicheskom aspekte: k voprosu o potentsiale istochnikov issledovaniya (na materiale govorov Srednego Priob'ya [Nominations of Russian folk clothing in the linguoculturological aspect: on the potential of research sources (based on dialects of the Middle Ob)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 7–16 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-7-16>

Введение

В настоящее время вопрос о тесной связи языка и культуры уже не считается дискуссионным. Но исследования, посвященные изучению этого феномена, актуальны сегодня и будут востребованы в будущем. Истоки такого неослабевающего интереса к изучению фактов этого взаимодействия кроются в его многогранности, так как язык – это неотъемлемая часть культуры, ее обязательный фактор развития, он выражает ее и «живет» в ней. Он является инструментом ее усвоения и «присвоения», сама же культура репрезентируется в языковых фактах и текстах.

Диалектный язык напрямую связан с национальным мышлением и культурной традицией русского крестьянства. Изучение диалектного языка и культуры его носителей как источников национальных традиций, самобытности и стабильности жизни на фоне тотальной урбанизации и технизации, а также поиски внутринациональных опор и установок обусловили появление лингвокультурологического направления в диалектологии. Сегодня диалектная лингвокультурология сосредоточена на выявлении «способности языковых знаков отображать современное культурное самосознание народа, рассматриваемое как „остов“ его ментальности» [1, с. 215]. Традиционная культура через факты языка выработала способы сохранения национального космоса, закрепила за ней мировоззренческие установки крестьянского коллектива и его представления о мироустройстве.

В диалектном лексиконе имеется обширный пласт культуроспецифических единиц: номинации праздников, обрядов, реалий, относящихся к крестьянскому быту и пр. Этот массив привлекателен для исследования своей экзотичностью и наличием лексем, называющих уже ушедшие в прошлое предметы и явления. Как справедливо замечает С. М. Толстая: «...исследователей проблемы „язык и культура“ в первую очередь привлекает так называемая культурная лексика, т. е. имена культурных реалий – специальных обрядовых терминов (таких как коровай, свадебная красота, обрядовое деревце май), названия обрядов и праздников (Семик, Купала, Радуница и т. п.), имена мифологических

персонажей (русалка, богинка, упырь и т. п.), культурные концепты („святость“, „судьба“, „грех“ и т. п.). Другое и гораздо более трудное дело – изучение культурной семантики и функции „обычных“ слов, слов общеупотребительных. Ее труднее вскрыть, и она далеко не всегда фиксируется словарями» [2].

Номинации русской народной (или традиционной) одежды относятся к числу «обычных», но их семантика внутренне организована, имеет собственную иерархию значений. Ее культурная составляющая – это репрезентация специфики бытовой, материальной стороны жизни крестьянского коллектива.

Русская традиционная одежда как часть материальной культуры этноса всегда была объектом пристального внимания науки. Специальные этнографические изыскания начиная уже с XVIII в. повсеместно фиксировали территориальные различия крестьянской жизни, в состав которых обязательно входила одежда как характеристика материальной культуры. Номинации одежды являются самым показательным пластом, так как национальный уклад, традиционный быт наиболее адекватно воплощен в одежде как органическом микромире русского человека [3, с. 16], многие из которых являются архаичными. Так, уже в 1965 г. (время появления первых лексикографических трудов томской диалектологической школы) Ф. П. Иванова отмечала, что к таким словам относятся многие названия одежды сибирского крестьянства, например: *азям, шабур, гашиник, бродни, ичиги, кожанки, бахилы, чарки* [4, с. 6] (в томских словарях 60-х гг. XX в. лексемы имеют помету *устар.*).

Перемены в истории этноса напрямую отражаются и в одежде, но при этом сохраняются на протяжении многих столетий исконные черты в покрое, украшениях, названиях и пр. Заметим, что основной комплекс русской народной одежды был неизменен вплоть до середины XX в. Помимо своего основного назначения (способствовать адаптации человека к климатическим условиям), одежда является выразителем национальной принадлежности и теснейшим образом связана с историей и культурой народа.

Традиционная одежда как часть материальной культуры русского народа неоднократно была объектом специальных исследований ученых-этнографов и историков [5–10], культурологов и искусствоведов [11], лингвистов [12–14] и этнолингвистов [15, 16].

Названия одежды – обязательная составляющая лексикографических трудов на диалектном материале. В словарных трудах томской диалектологической школы содержится обширный пласт лексических единиц – названий русской народной одежды. Томские словари – это авторитетный источник для многих лингвистических работ середины XX – начала XXI в. Возникает естественный вопрос: какие информативные возможности имеют томские лексикографические работы для исследований в лингвокультурологическом формате?

Целью настоящей работы является определение потенциала источников, привлеченных для изучения номинаций русской народной одежды в лингвокультурологическом аспекте. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

1. Выявить круг культурных характеристик, закреплённых за номинациями одежды в говорах Среднего Приобья, на основании данных томских диалектных словарей (ТДС) и Томского диалектного корпуса.

2. Представить актуальные культурные компоненты значения слова, извлеченные из словарей и базы корпуса: гендерная принадлежность, сезонность, материал изготовления, особенности ношения и пр. традиционной русской одежды.

Актуальность работы обусловлена поиском объективных достоверных источников лингвокультурологических исследований диалектного языка.

Новизна предпринятого изучения – впервые материалы томских диалектных словарей и Томского диалектного корпуса рассматриваются с точки зрения информативности и достоверности их как источников лингвокультурологического изучения номинаций предметов материальной культуры сельских жителей Среднего Приобья.

Результаты работы позволят определить круг культурных представлений крестьянства, закреплённых за лексической единицей, называющей предметы традиционной одежды.

Материал и методы

Материалы настоящей работы – данные, извлеченные из изданных томской диалектологической школой (ТДШ) словарей (ТДС): «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (т. 1–3), «Полный словарь сибирского говора» (т. 1–4), «Вершининский словарь» (т. 1–7).

Также в работе использовались тексты Томского диалектного корпуса (ТДК), включающего мате-

риалы экспедиций, проведенных сотрудниками кафедры русского языка Томского государственного университета в период с 1947 г. по настоящее время на территории Томской, Кемеровской и Новосибирской областей.

Общее количество исследуемых номинаций – 1 237, текстовых отрывков, в которых реализуются изучаемые слова, – 5 279.

Для сбора материала использовался прием сплошной выборки из названных источников. В работе реализован общенаучный метод описания. Привлечены методы интерпретации, лингвокультурологического комментирования. Приемы контекстного анализа, классификации, систематизации – основные в работе с материалом.

Результаты и обсуждение

В результате изучения привлеченных источников был выявлен их потенциал с точки зрения возможностей использования для лингвокультурологических исследований.

Необходимо заметить, что термин «одежда» (впоследствии дается курсивом) используется в работе в широком значении: он объединяет номинации одежды, обуви, головных уборов, украшений, тканей и материалов, из которых изготовлены предметы; особенности фасона и кроя, а также определения-характеристики, актуализирующие специфику предмета одежды, обуви, украшений и т. п. Заметим, что весь лексический массив номинаций *одежды* – это культуроспецифические единицы, т. е. в их семантике наличествует культурный компонент.

Под культурным компонентом будем понимать соотношение языковых значений с тем или иным культурным кодом, которым владеют представители определенной лингвокультурной общности [1, с. 219].

В ТДС содержится богатейший материал, демонстрирующий через словарную единицу с семантикой *одежда* на лексическом и текстовом уровнях культурную составляющую в разных частях словарной статьи.

С лингвокультурологической точки зрения ценно как само толкование слова, так и иллюстрации – факты живой диалектной речи, в рамках которых реализуется культурная семантика слова.

Заметим, что лингвокультурологическое содержание слова в словарных работах ТДШ фиксируется повсеместно, так как они представляют собой не только систему значений, но и самим тщательным отбором фактического материала, который демонстрирует функционирование слова в речи, что в совокупности и составляет культурные установки крестьянского коллектива, свернутые в слове.

Рассмотрим наименования одежды, представленные в лексикографических трудах ТДШ и ТДК.

1. Одежда. Материал, извлеченный из ТДС, можно разделить на несколько групп: мужская, женская, детская, верхняя, нижняя, предназначенная для ношения в определенный сезон, обрядовая, манифестирующая социальный статус. Каждая из них характеризуется рядом признаков, что и проявлено в толковании значения слова и в иллюстрациях: покрой, фасон и цвет; сезонность, материал для изготовления и пр.

То есть одна и та же номинация актуализирует разные характеристики одежды. Как правило, они отражены в толковании значения слова в ТДС. Анализ показал, что частотной является характеристика *мужское – женское*, проявленная в толковании. Выясним, какие же культурные характеристики помещаются авторами словарей в зону толкования.

1.1. Номинации мужской – женской одежды. В ТДС повсеместно в толковании слова актуализирован гендерный признак, как правило, он поддержан и в иллюстрациях (в наших примерах эти характеристики выделены жирным): БРЮКИ. Мужская одежда, покрывающая ноги и нижнюю часть туловища до пояса: *Мужики – брюки и пинжак, в виде плащей*. БРЮЧИШКИ, мн. Снисх. к брюки. – *Своим шила брючишки, так мало-мальски, кофта себе, платье, юбка – это к всё сошью; Почему-то сейчас брючишек-то нет, брюки мужски токо* [17, с. 67]. Эта же лексема представлена в ТДК так: *Плисовые брюки раньше шили, сяяс наподобие бархата* (Кем. Мар.); *Брюки у нас овчины были, из кожи* (Том. В.-Кет.); *Мужикам брюки шили тканые* (Том. Зыр.) [18]. Т. е. в ТДК тексты более информативны: репрезентативна культурная характеристика номинации, касающаяся материала, из которого изготовлен предмет: плис, бархат, овчина, кожа.

Лексическая единица ШТАНЫ представлена аналогично с лексемой БРЮКИ, но не актуализирована гендерная принадлежность предмета. Ср. Одежда, имеющая две короткие или длинные штанины, закрывающая нижнюю часть туловища и ноги. – *Мы сошлись: у него штанов не было пухлых, ни рубашки, ничё; Гляди: то кранты (кранты) как красны, как-то военны штаны. // Миленький мой, не зови Аринкой. Я сошью тебе штаны С вышитой шириной (частуш.)* [19, с. 231].

Материалы ТДК демонстрируют актуальность материала: *Бывало и штаны, и рубашка мужику холстяны* (Кем. Яйск.); *Мы ране-то в станинках ды в холщовом во всем бегали, а ноне и кимбинации разны шёлковы, и плати хороши такие, и у робят тенниски шёлковы ды штаны из шерсти* (Кем. Яйск.); указывается его регламентирующая харак-

теристика: *Ну, оттэда нам прислал и сам ли привёз, но мы тятю схоронили в военных брюках и в военной гимнастёрке* (Кем. Юрг.) [18].

Женская группа одежды подается в томских словарях аналогичным образом: ЮБКА, и, ж. – Женская одежда от талии книзу. *Юбки холщовые были. Мама ситцевые не даёт, надевай холщовую. Ситцевые – только чтоб по большим праздникам* [20, с. 352].

Отметим, что многие номинации женской одежды имеют в ТДШ помету устар.:

КАЗАЧКА, КАЗАЧОК. Устар. Женская кофта широкого покроя. – *Казачки – кофты таки были широки* [21, с. 35]. Эти же лексические единицы обозначают совершенно иной предмет женской одежды: КАЗАЧКА, Устар. Женская кофта, сшитая в обтяжку, с рукавами грибом; то же, что казачок. – *Казачками звали красивы кофты; Модны кофты казачками звали* [22, с. 66]. КАЗАЧОК. Устар. То же, что казачка. – *Кофта тугая, давно казачок звали, на юбку* [22, с. 66].

НАДЕВАШКА. Устар. Легкая кофточка. – *С перелцниками шили надевашки; Надевашки – кофточки с перелцничками; Надевашка – простая кофта* [22, с. 168]. Как правило, особенно в номинациях, отмеченных как устар., иллюстративный материал отсылает к особенностям покроя и наличию дополнительных деталей.

Материал изготовления предмета одежды (особенно платья – универсальной женской одежды) зафиксирован в материалах ТДК: *В ту пору всё холщово носили, черёмухой корой платья холщовы накрашишь и носишь* (Том. Шег.), а некоторые материалы или место изготовления (как правило, специально приобретённое на базаре) маркируют группу повседневное – праздничное (выходное): *Вот там сошьют ситцевенько платьишко, беленькими цветочками, зелёненькими, красненькими. Так мы его ценили, боже мой, токо бы не холщовое* (Том. Зыр.); *Выходно платье базарно было, платки носили* (Том. Крив.) [18]. Представлены в толковании номинаций-разновидностей платья и указания на особенности пошива: ПРИНЦЕСС, ПРУНСЕСС, ПРЫНЦЕСС. Женское праздничное платье, прилегающее в талии и расклешенное к низу. – *Принцесс в талию, а в подоле широки; Праздничны платье принцесс называли* [23, с. 76], *Прунсес – платье обтяжно; Прунцессы носили ешио наши матери, красны с оборочками; Холодай и прынцес в пять полос* [23, с. 90].

1.2. Номинации верхней одежды. В этой группе также важен гендерный признак, что подтверждено в толковании: БЕШМЕТ и БАШМЕТ. Устар. Зимнее мужское пальто с поясом, отрезное и расклешённое. – *Бешмет назывался. Он вроде расклешённый, или – шуба, мерлушистый мех, сукном*

покрыто; *Бешметы* были – внизу *лохмато*, из *баранины*, *сверху* покрыты *материалом* [17, с. 47]. Как мы видим, толкование ограничивается указанием на пол, сезон и особенности кроя, но не представлен материал и технология изготовления (покрытый сукном), что, как видится, важно для лингвокультурологического представления слова. В другом источнике толкование этого слова ограничивается указанием на длину изделия, гендер и сезон ношения: устар. 1. Длинное теплое мужское пальто. – *Бешметы брали с базару, суконны, тут [внизу] широки* были, *без воротника*. Ну, *женищины*, бешметы не носили. Дедушка бешмет носил. Бешмет шился с *подкладом*; Бешметы *богаты* носили; из *матерьи* сошиты, *по спине поуже*, а в *подоле ширше*; Раньше бешметы все носили. Помню, они бывали *суконны, на меху, тряповы* еще были, *бобрковы*. В общем, *без воротников* они были; Бешметы вроде *полта* носили; Бешметы шили *долгие*, широкие. *Раскосят*, здесь *сбор такой*; из *шкур* или *постежуют*. 2. Овчинный полушубок. – Бешмет – сошьют шубу из овчины; Для зимы *приготовляли по-нашему бешмет* – тулуп [24, с. 37], хотя иллюстрации прямо указывают на технологию изготовления (*без воротника, с подкладом, на меху*), на материал (*суконны, тряповы, бобрковы*), на особенности кроя (*раскосят, сбор, по спине поуже, в подоле пошире*), почеркнут социальный статус владельца (*богаты носили*) и место приобретения (*с базару*). Как явствует из материалов, бешметы были как из меха, так и из сукна и бобрка, использовалась также технология стёжки ткани.

Также зафиксированы номинации верхней одежды, которые не имеют гендерной идентичности: ШУБКА. Разновидность теплой верхней одежды, изготовленной из различного меха. – *Женищины шубки дублёные* надевали. У кого достаток был, так в лавках чё покупали, а у кого нет, так – так (Том. Шег.); *Мушшны* носили шубки (Том. Шег.) [18].

1.3. Номинации нижней одежды. Словарная подача номинаций этой группы сосредоточена на гендерных характеристиках и особенностях изготовления: КАЛЬСОНЫ и КАЛЫЦОНЫ. Длинные нижние *штаны* – мужское бельё. – *Белы кальсоны, рубаха, маска специально*; *Кальсоны – нижни брюки*. Мужики надевают; Правда, в городе *калыцоны называют*; А в деревне *штаны* [23, с. 80]. НАГРУДНИК. Женское бельё; бюстгальтер, застёгивающийся на груди. – *Нагрудник – лифчик называм, женищины на груди застёгиват* [25, с. 40]. ЛИФТ. Бюстгальтер. – *Аксинья никогда не носит лифты* [26, с. 235]. ЛИФТИК. = Лифчик 2. Ласк. к лифту. – *Женищины лифтики к кофточкам внутри пришивали; Нарукавников никаких не было. Лиф-*

тики были [26, с. 235]. Тексты, извлеченные из ТДК, актуализируют ткань, которая шла на пошив белья: лён и белый холст: *Это, раньше же эти, это щас трусы носят, а раньше эти...* *кальсоны* (Том. Том.); *Кальсоны из белого холста* (Кем. Яшк.); *Шили рубахи, кальсоны из льна* (Том. Зыр.) [18].

2. Головные уборы в томских словарях представлены как женскими, так и мужскими наименованиями. Толкование значения демонстрируют описание внешнего вида предмета и указывают на материал: КОКОШНИК. Матерчатый женский головной убор в виде шапочки. – *Кокошник с завязочками; Под платком кокошник; Кокошник – это шапочка ночная; Кокошник по будням сошьёшь и носишь, чтоб волосёв не видать. Обошьёшь и завяжешь; На голове кокошники кругленькие, как шапочки*. [22, с. 87]. ПОВОЙНИК. Устар. Женский головной убор в виде повязки, надеваемой под платок. – *Платки, полушалки, шали бывали, повойники всяки из шёлку, их носили женищины; Повойник носили, да и сейчас в нём волосья не рассыпаются* [27, с. 48].

Замечено, что иллюстративный материал фиксирует обрядовую функцию предмета, свидетельствует о смене статуса его носительницы. Как правило, по завершении обряда эти головные уборы символизируют статус замужней женщины: НАКОЛКА. Устар. Женский головной убор – небольшая матерчатая шапочка, украшенная кружевами, лентами, цветами; то же, что наколок. – *Как от венца приводят, так наколку надевают с кружевами; С невесты шаль снимают, занавешивают и надевают сетку или наколку с лентами; Тюлевы наколки были, пришивали сзади две ленты. Пришьют, они висели, их носили, когда замуж выйдут; Наколки надевали на пирушки. Косматой грех ходить; Когда замуж выйдет, молодуха надевала наколку* [22, с. 173].

В материалах ТДК зафиксирована как обрядовая функция уборов, так и материал, из которого они изготовлены: *Кокошник – надевали, когда уже обвенчаются молодухи, когда ей оденут на голову так, что и волос не видно. Он из товару хорошего, из шёлку* (Том. В.-Кет.); *Раньше наколки называли – сшитые колтаки из шёлку или атласу. За столами посидят, выходит молодуха из-за стола и надевают ей этот чепец* (Том. Кож.) [18].

Без указания на обрядовое значение слова представлены ФАЙЖОНКА, ФАЙШОНКА, ФАЛЬЖОНКА, ФАЛЬШОНКА, ФАНЖОНКА, ФАНШОНКА, ФАНЬЖОНКА, ФАНЬШОНКА, ФАШОНКА в словарях ТДШ. Также не проявлены в толковании цвет, особенности изготовления, статус вещи, возрастные ограничения ношения: Устар. Кружевная или тюлевая косынка. – *Невеста даёт*

в задаток платье или фэйшонку; Реденьки, чёрненьки фэйшонки модны были; Кружевные фэйшонки, шелковые были, косынки; На голове платки носили. Раньше фэйшонки носили хороши, шелковы. Она, как косынка, только вязана узором. Богаты женщины носили; Фальшонки – косынки; Наколку надевают, фальшонку; Фальшонки белы и чёрны были; тюль така. Сейчас нету их; Фальшонки богаты носили; Фаншонки были раньше. Их звали так, а сейчас косынки. Замуж выйдет, ей под косы фаншонку сделают; Фаншонки – кружевные косынки, белые, черные; Фаншонки тюлевые черные; Фаншонки – косинки такие, как мода, знашь, увидишь – надо все сшить; У мамы подвешена была юбка, фаншонка. Теперь косинки, а ране фаншонки; Косинки были тюлевы фаншонки назывались; Фаншонки – редки косинки, женщины носили; Фаншонки у баб молодых; Фаншонку наденешь, тогда котетку [27, с. 207–208]; Этот повойник оденут, фэйшонку оденут. Фэйшонку, ага, наденут; Фальшонка чёрна, шёлкова. Подвяжутся и ходют; Повойник я и счас ношу. Повойник или фальшонку [19, с. 164].

Общие принципы представления номинаций одежды демонстрируются в случае словарного описания мужских головных уборов: это гендерный, сезонный признак, но внешние особенности и материал изготовления не помещаются в зону толкования, хотя в иллюстрациях содержится эта информация: ШАПКА. Головной убор, преимущественно тёплый, мягкий. – Шили шапки **собачьи**, из материала. Ушанки были, с ушами. Папахи были [19, с. 221]. ТАТАРКА. Мужская зимняя шапка. – Татарка, **верх суконный, и обложена мехом**; Мушшны шапки носили, татарки без ушей бывали, **круленька с меховым околышем**; Татарка – они счас ходят татары – это околыш кругом, она просто шапка **из материи** [19, с. 124].

Отметим разнообразие информации в материалах ТДК на слово ШАЛЬ (ШАЛЯ), называющий универсальный женский головной убор: размер, материал, сезон, способ ношения: Шали были **кашемировые, покупные** (Том. Молч.); Женщины **зимой** шали носили, шапочек не было, но уже в Нарыме кто побогаче, торговал (Том. Пар.); Шаля – **больша, кашемирова**, платок наденут зимой (Том. В.-Кет.); Тогда шали были **суконны большие** (Том. Том.); Шаль **суконна**, шаль **кашемирова**, шаль **пухова** (Том. В.-Кет.); Зимой все свадьбы были. Так, **поверх фаты** шаль одеют (Том. Крив.); Хорошу шаль одевали **на праздник**, а плоху или совсем не брали, или **поверх её** одевали **суконну шаль** (Том. Молч.) [18].

3. Обувь. Характеристики обуви, представленные в толковании номинаций, несколько иные. Наряду с гендерными и сезонными актуальны харак-

теристики, связанные с материалом и технологией изготовления: БРОДНИ (БРОДЕНЬ). Кожаная рабочая обувь без каблуков, на мягкой подошве, пришитой внутренним швом. – Бродни носили без подборов, с голенищами; В будни бродни носили; Чирки, как у бродня, **пришиваются**; И человек пойдёт в броднях, и без бродён придет [24, с. 51]. Заметим, что в иллюстрациях нет некоторых данных, которые помещены в толкование: обувь, предназначенная для работы; отсутствие каблука, особо выполненный шов, свойство подошвы, материал изготовления.

В ТДК есть информация о каблуке этого вида обуви, о сезонной и гендерной принадлежности, об особенностях выделки кожи, которая идет на ее изготовление: Бродни, это **мужские** (Том. Том.); Делали из **простой кожи**, бродни. Бродни **шьют из кожи, подошва кожаная и верх тоже** (Том. Зыр.); Раньше сами кожу сделаем и одеваем. Бродни назывались (Том. Шег.); Вот это вот бродни, осенью шил себе, **всю зиму** проходил. Стелька там. **Дёгтем** надо помазать. Бродни – **таки лёгоньки из кожи, с голяшками, без каблуков** (Том. Шег.) [18].

Последовательно представлена сезонная характеристика в толковании номинаций обуви: КАТАНКИ. Валенки; то же, что пимы. – В катанках ты замёрзнешь, а я нет; Зимой носили катанки или ботинки с галошами; Пимы, катанки – все равно; Вот ведь катанки на ногах [22, с. 73]. ПИМ, обычно мн. ПИМЫ. То же, что катанки. – Зимой-то мы вобщише в пимах ходим; Раньше не валенки были, а пимы. Раньше валенками по Сибири не звали. По-россейски был валенок [23, с. 19].

В ТДК представлены следующие характеристики: сезонность, цвет, внешний вид праздничной группы обуви (цвет, оформление вышивкой, бисером), особый статус праздничной обуви: Пимы, хоть валенки. Зимой в пимах (Том. Зыр.); Я могу в день скатать пимы. Всяки катал: **белы, чёрны, красны**. Чёрненьки, как галочка. Красивы пимы катал (Том. Том.); У мужиков **в праздник** пимы вышивали. Так и называли – **пимы красные**. А шпо были **пимы красные**. Их носили мужики. Вышиты красными нитками были. От так повдоль по всем голяшкам. Это было **шибко почётно**, носить их. Бедные люди не носили (Том. Шег.); Краплены пимы одевали на праздники. Краплённые пимы, для красы крапят бисером (Том. Шег.) [18].

Отметим значительный объем информации ТДК, которая сопровождает анализируемые лексические единицы. Например, в контекстах, где зафиксированы лексемы ЧИРКИ (ЧАРКИ) имеются следующие характеристики: гендерная принадлежность – это женская и мужская обувь: Чирки – это **мужска обувь**, а **обутки** – это **женска** (Том. Карг.);

Для женишын чарки шили. Теперь есь женски обутки (Том. Пар.); Кака одежда, чарки. Чарки были вот такие, такие и мужские вот такие с голяшкой. А в основном босиком ходили, летом босиком (Том. Колп.); материал, из которого изготовлена обувь: Чирки – лёгкая, тёплая обувь из кожи (Том. Пар.); Мы раньше все чирки носили, их из кожи шили (Том. Том.); внешний вид: Чирки – лёгкие обувки из тонкой кожи, не высокие, как калоши сейчас. Под вид тапочек (Том. Зыр.); У мужиков они были выше колен, а у женски прямо по ноге обтянуты. Лёжки они, да и прочны (Том. Колп.); технология изготовления: Чирки были, из кожи, некоторые сами делали – колодки таки сошьют с опушками и привязывашь (Том. Том.); особенности ношения: Опушки пришьют, шнурочки, завяжешь и ходишь (Том. Зыр.); Ну это как раньше знаешь чирочки сошьют, таки с омборочками такие. Тут опушку такую тряпочну, туды сплетёшь обложечку и наденешь, завяжешь. Ага. Ну чирки так называли. У мужиков с голяшками, с голяшками были кожаными (Том. Колп.) [18].

Заключение

В настоящий момент лингвокультурология как наука переживает период своего взлета. Естественным можно считать поворот лингвистических исследований в сторону материальной культуры, особенно национальной. Традиционная русская одежда как ее часть неоднократно была объектом специальных исследований ученых-этнографов, историков и культурологов.

Номинации предметов русской национальной одежды часто привлекали и внимание лингвистов. В диалектном лексиконе имеется обширный пласт культуроспецифических единиц – номинаций предметов одежды, обуви, украшений и пр., многие из них обозначают предметы, уже ушедшие в прошлое. Огромный вклад по сохранению целостности диалектного лексикона внесли словари. Лексикографические работы томских ученых на протяжении многих десятилетий – образец описания диалектных единиц. Добротность разработки их словарных статей позволяет использовать лекси-

кографические труды томской диалектологической школы и в лингвокультурологическом формате – это объективный достоверный источник.

Лингвокультурологическое содержание в наименованиях одежды, обуви, головных уборов, украшений и пр. последовательно прослеживается в работах ТДШ как в толковании значения, так и в иллюстративной части. Фактический материал, демонстрирующий функционирование слова в речи, в совокупности может быть «прочитан» как своеобразный культурный текст, он может содержать информацию о возрасте носителя, о его половой принадлежности, статусе, материальном состоянии. Кроме этого, репрезентативными показателями являются и лексические единицы, обозначающие цвет и материал одежды. Также они описывают способ изготовления или ношения определенного предмета одежды, выражают ее эстетическую оценку. Все это дает представление о диалектном языке и диалектной культуре. Материалы Томского диалектного корпуса значительно расширяют ряд характеристик, выводящих номинацию в статус феномена культуры. Как правило, именно данные корпуса позволяют сформировать представление о культурной реалии, обозначенной словом.

Список условных сокращений

Локальные пометы

Том. – Томская область
В.-Кет. – Верхнекетский район
Зыр. – Зырянский район
Карг. – Каргасокский район
Колп. – Колпашевский район
Крив. – Кривошеинский район
Молч. – Молчановский район
Пар. – Парабельский район
Том. – Томский район
Шег. – Шегарский район
Кем. – Кемеровская область
Мар. – Мариинский район
Юрг. – Юргинский район
Яйск. – Яйский район
Яшк. – Яшкинский район

Список источников

1. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Язык русской культуры, 1996. 288 с.
2. Толстая С. М. Этнолингвистика: современное состояние и перспективы // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html> (дата обращения: 03.05.2022).
3. Банкова Т. Б. Лексика сибирской традиционной одежды в лингвокультурологическом аспекте (на материале томских диалектных словарей) // Международный исследовательский журнал. 2012. № 6. С. 16–18.
4. Иванова Ф. П. Предметно-бытовая лексика русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1965. 19 с.
5. Андреева А. Ю. Русский народный костюм (путешествие с севера на юг). СПб.: Паритет, 2005. 135 с.
6. Баранов Д. А. Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. СПб.: Искусство, 2005. 572 с.

7. Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967. С. 87–114.
8. Липинская В. А. Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. М.: Индрик, 2011. 776 с.
9. Рабинович М. Г. Древняя одежда народов Восточной Европы. М.: Наука, 1986. 271 с.
10. Шангина И. И. Русский традиционный быт: энциклопедический словарь. СПб.: Азбука-классика, 2003. 596 с.
11. Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой пол. XX вв. М.: Большая российская энциклопедия, 1995. 383 с.
12. Ковшова М. Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. М.: Гнозис, 2014. 368 с.
13. Банкова Т. Б. Вещный мир традиционной сибирской свадьбы в лингвокультурологическом аспекте: от бытового к бытийному (на материале говоров Среднего Приобья) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 3. С. 5–13.
14. Вановская Л. А. Семантика русской одежды (на материале тамбовских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003. 23 с.
15. Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Ладомир, 2001. 339 с.
16. Подюков И. С. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь: Пермское книжное издательство, 2004. 360 с.
17. Полный словарь сибирского говора / гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. Т. 1. 288 с.
18. Томский диалектный корпус. Томск: Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. URL: <http://losl.tsu.ru/corpus/> (дата обращения: 15.04.2022).
19. Полный словарь сибирского говора / гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. 4. 278 с.
20. Вершининский словарь / гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 7. 526 с.
21. Полный словарь сибирского говора / гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. Т. 2. 301 с.
22. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / под ред. В. В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1965. Т. 2. 233 с.
23. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / под ред. В. В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1967. Т. 3. 250 с.
24. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / под ред. В. В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964. Т. 1. 144 с.
25. Вершининский словарь / гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 4. 368 с.
26. Вершининский словарь / гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. Т. 3. 348 с.
27. Полный словарь сибирского говора / гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. Т. 3. 225 с.

References

1. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguistic and Cultural Aspects]. Moscow, Yazyk russkoy kul'tury Publ., 1996. 288 p. (in Russian).
2. Tolstaya S. M. *Etnolingvistika: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy* [Ethnolinguistics: current state and prospects]. *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika – Folklore and post-folklore: structure, typology, semiotics* (in Russian). URL: <https://ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html> (accessed 3 May 2022).
3. Bankova T. B. *Leksika sibirskoy traditsionnoy odezhdy v lingvokul'turologicheskom aspekte (na materiale tomских dialektnykh slovarey)* [Vocabulary of Siberian Traditional Clothing in the Linguistic and Cultural Aspect (Based on the Material of Tomsk Dialect Dictionaries)]. *Mezhdunarodnyy issledovatel'skiy zhurnal – International Research Journal*, 2012, no 6, pp. 16–18 (in Russian).
4. Ivanova F. P. *Predmetno-bytovaya leksika russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna reki Obi. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Subject-household vocabulary of Russian old-timer dialects of the middle part of the basin of Ob. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Tomsk, 1965. 19 p. (in Russian).
5. Andreyeva A. Yu. *Russkiy narodnyy kostyum (puteshestviye s severa na yug)* [Russian folk costume (journey from north to south)]. Saint Petersburg, Paritet Publ., 2005. 135 p. (in Russian).
6. Baranov D. A. *Muzhiki i baby. Muzhskoye i zhenskoye v russkoy traditsionnoy kul'ture* [Male and female in Russian traditional culture]. Saint Petersburg, Iskustvo Publ., 2005. 572 p. (in Russian).
7. Lebedeva N. I., Maslova G. S. *Russkaya krest'yanskaya odezhda XIX – nachala XX v. [Russian peasant clothes of the 19th-early 20th centuries.]*. *Russkiye. Istoriko-etnograficheskij atlas* [Russians. Historical and ethnographic atlas]. Moscow, Nauka Publ., 1967. pp. 87–114 (in Russian).
8. Lipinskaya V. A. *Russkaya narodnaya odezhda. Istoriko-etnograficheskiye ocherki* [Russian folk clothes. Historical and ethnographic essays]. Moscow, Indrik Publ., 2011. 776 p. (in Russian).
9. Rabinovich M. G. *Drevnyaya odezhda narodov Vostochnoy Evropy* [Ancient clothes of the peoples of Eastern Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 271 p. (in Russian).

10. Shangina I. I. *Russkiy traditsionnyy byt: entsiklopedicheskiy slovar'* [Russian Traditional Life: Encyclopedic Dictionary]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2003. 596 p. (in Russian).
11. Kirsanova R. M. *Kostyum v russkoy khudozhestvennoy kul'ture XVIII – pervoy polovine XX vv.* [Costume in Russian artistic culture of the XVIII – first half. XX centuries]. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1995. 383 p. (in Russian).
12. Kovshova M. L. *Semantika golovnoy ubora v kul'ture i yazyke. Kostyumnyy kod kul'tury* [Semantics of the headdress in culture and language. Costume culture code]. Moscow, Gnozis Publ., 2014. 368 p. (in Russian).
13. Bankova T. B. *Veshchnyy mir traditsionnoy sibirskoy svad'by v lingvokul'turologicheskom aspekte: ot bytovogo k bytiynomu (na materiale govorov Srednego Priob'ya)* [The material world of a traditional Siberian wedding in the linguoculturological aspect: from everyday to existential (based on dialects of the Middle Ob)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2014, no. 3, pp. 5–13 (in Russian).
14. Vanovskaya L. A. *Semantika russkoy odezhdy (na materiale tambovskikh govorov). Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Semantics of Russian clothes (based on Tambov dialects). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Tambov, 2003. 23 p. (in Russian).
15. Kabakova G. I. *Antropologiya zhenskogo tela v slavyanskoy traditsii* [Anthropology of the female body in the Slavic tradition]. Moscow, Lodomir Publ., 2001. 339 p. (in Russian).
16. Podyukov I. S. *Etnolingvisticheskiy slovar' svadebnoy terminologii Severnogo Priam'ya* [Ethnolinguistic dictionary of wedding terminology of the Northern Kama region]. Perm, Permskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 2004. 360 p. (in Russian).
17. *Polnyy slovar' sibirskogo govora* [Complete Dictionary of the Siberian Dialect]. Chief editor O. I. Blinova. Tomsk, TSU Publ., 1991. Vol. 1. 288 p. (in Russian).
18. *Tomskiy dialektnyy korpus* [Tomsk dialect corpus]. Tomsk, Laboratoriya obshchey i sibirskoy leksikografii NI TGU (in Russian). URL: <http://losl.tsu.ru/corpus> (accessed 15 April 2022).
19. *Polnyy slovar' sibirskogo govora* [Complete Dictionary of the Siberian Dialect]. Chief editor O. I. Blinova. Tomsk, TSU Publ., 1995. Vol. 4. 278 p. (in Russian).
20. *Vershininskiy slovar'* [Vershinin Dictionary]. Chief editor O. I. Blinova. Tomsk, TSU Publ., 2002. Vol. 7. 526 p. (in Russian).
21. *Polnyy slovar' sibirskogo govora* [Complete Dictionary of the Siberian Dialect]. Chief editor O. I. Blinova. Tomsk, TSU Publ., 1993. Vol. 2. 301 p. (in Russian).
22. *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna reki Obi* [Dictionary of Russian old-timer dialects of the middle part of the basin of Ob]. Pod red. V. V. Palagino. Tomsk, TSU Publ., 1965. Vol. 2. 233 p. (in Russian).
23. *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna reki Obi* [Dictionary of Russian old-timer dialects of the middle part of the basin of Ob]. Ed. V. V. Palagino. Tomsk, TSU Publ., 1967. Vol. 3. 250 p. (in Russian).
24. *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna reki Obi* [Dictionary of Russian old-timer dialects of the middle part of the basin of Ob]. Ed. V. V. Palagina. Tomsk, TSU Publ., 1964. Vol. 1. 144 p. (in Russian).
25. *Vershininskiy slovar'* [Vershinin Dictionary]. Chief editor O. I. Blinova. Tomsk, TSU Publ., 2001. Vol. 4. 368 p. (in Russian).
26. *Vershininskiy slovar'* [Vershinin Dictionary]. Chief editor O. I. Blinova. Tomsk, TSU Publ., 2000. Vol. 3. 348 p. (in Russian).
27. *Polnyy slovar' sibirskogo govora* [Complete Dictionary of the Siberian Dialect]. Chief editor O. I. Blinova. Tomsk, TSU Publ., 1993. Vol. 3. 225 p. (in Russian).

Информация об авторах

Банкова Т. Б., кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Манашова В. Д., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the authors

Bankova T. B., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Manashova V. D., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 11.05.2022; accepted for publication 01.10.2022

УДК 81.38/42; 82:801.6
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-17-25>

ЛЕРМОНТОВСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ «ДАЧА НА ПЕТЕРГОФСКОЙ ДОРОГЕ» М. ЖУКОВОЙ

Юлия Юрьевна Афанасьева

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, floratomsk@mail.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время исследователей привлекает творчество авторов так называемого второго ряда, чьи литературные творения оказались незаслуженно забыты. Важным является то, какую роль сыграли эти произведения в литературном процессе своего времени.

Материал и методы. Материалом исследования стали повесть М. С. Жуковой «Дача на Петергофской дороге» и глава «Княжна Мери» из романа «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, а также литературный и в целом культурный контекст XIX в. Методы исследования – научное описание, контекстуальный анализ, сравнительный анализ текстов разных авторов с целью установления интертекстуальных переключек, филологический анализ текста с акцентом на выявлении идиостилевых особенностей авторов, привлечение элементов дискурсивного анализа.

Результаты и обсуждение. Сюжетный и текстовый анализ «женской» прозы показал не только переключку главных образов и сюжетных мотивов повести М. С. Жуковой с предшествующими литературными произведениями, но и своеобразие подачи материала, а также особенности авторского идиостиля и идиолексикона. В условиях зарождающегося движения за права женщин писательница попыталась вынести на обсуждение общественности вопросы семьи и брака, роли женщины в обществе. Не имея возможности прямо поднять эти темы, автор-женщина для выражения собственной позиции использует определенные стилистические приемы (курсив, многоточие, вопросительные, восклицательные знаки), внутрисюжетные авторские отступления.

Очень часто М. Жукова применяет скрытые цитаты и реминисценции на произведения известных авторов (А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова). Главные герои в произведениях Жуковой обретают иную смысловую нагрузку. Созданный писательницей мужской образ, имея внешние черты классического героя-любовника (бывший гусар, князь, гвардеец), оказывается грансенъором, т. е. человеком, только создающим видимость джентльмена. М. Жукова показывает также другой взгляд на брак по расчету, когда циничная и волевая наследница богатого состояния сама устраивает семейный союз-сделку с князем. Отголоском романтической литературы является образ провинциалки Зои, чье безумие выступает показателем нежизнеспособности героини в современном мире.

Заключение. Таким образом, сюжетная линия в творчестве писательницы становится более сложной, литературный замысел сливается с жизнью, а второстепенные персонажи имеют не только связующую функцию, получив свое дальнейшее развитие в последующих произведениях писателей-реалистов.

Ключевые слова: *гендерные исследования, «женская» литература, М. Ю. Лермонтов, беллетристика XIX в.*

Для цитирования: Афанасьева Ю. Ю. Лермонтовские мотивы в повести «Дача на Петергофской дороге» М. Жуковой // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 17–25. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-17-25>

LERMONTOV'S MOTIVES IN THE STORY "THE COTTAGE ON THE PETERGOF ROAD" BY M. ZHUKOVA

Yuliya Yu. Afanasyeva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, floratomsk@mail.ru

Abstract

Introduction. Currently, researchers are attracted by the work of the authors of the so-called "second" series, whose literary creations have been unjustly forgotten. What is still important is the role played by these works in the literary process of their time.

Material and methods. The material of the study was the story of M. S. Zhukova "Dacha on the Petergof road" and "Princess Mary" by M. Yu. Lermontov, as well as the literary context of that time. The research methods were gender analysis, structural-typological approach, biographical method.

Results and discussion. The plot and textual analysis of "female" prose showed not only the correlation of the main images and plot motifs of M. S. Zhukova with the previous literature, but the originality of the presentation of the author's

material. In the context of the emerging movement for women's rights, the writer tried to bring to public discussion the issues of family and marriage, the role of women in society. Not being able to raise these topics directly, the female author uses certain stylistic devices (italics, ellipsis, question marks, exclamation marks), author's digressions within the plot.

Very often she uses hidden quotes and reminiscences to the works of famous authors (A. S. Pushkin, V. A. Zhukovsky, M. Yu. Lermontov). Her traditional, at first glance, main characters acquire a different semantic load. The male image created by the writer, having the external features of a classic hero-lover (former hussar, prince, guardsman), turns out to be a "grand seigneur", i.e. a man only pretending to be a gentleman. M. Zhukova also shows a different view of marriage of convenience, when the cynical and strong-willed heiress to a wealthy fortune herself arranges a family union-deal with the prince.

Conclusion. The echo of romantic literature is the provincial Zoya, whose madness becomes an indicator of the heroine's lack of viability in the modern world. Thus, the storyline in the writer's work becomes more complex, the literary idea merges with life, and secondary characters have not only a connecting function, having received their further development in subsequent works of realist writers.

Keywords: gender studies, women's literature, M. Yu. Lermontov, 19th century fiction

For citation: Afanasyeva Yu. Yu. Lermontovskiye motivy v povesti "Dacha na Petergofskoy doroge" M. Zhukovoy [Lermontov's Motives in the Story "The Cottage on the Petergof Road" by M. Zhukova]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 17–25 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-17-25>

Введение

Усилившийся в последние годы интерес к гендерным исследованиям выявил много полузабытых имен авторов-женщин XIX в., чье творчество стояло у истоков феминистского движения. 1830–1840 гг. – это время появления в России талантливых писательниц и поэтесс, которые вслед за Жорж Санд подняли в литературе вопросы положения женщины в обществе, ее право на свободу и самоопределение. Гендерный взгляд на литературное творчество в XX–XXI вв. спровоцировал большое количество критических исследований, рассматривающих «женское» творчество с другой точки зрения [1–3]. В связи с этим интересной для исследования является проза М. С. Жуковой, чьи романы и повести вызвали живой отклик и интерес у современников. Изучением ее творчества занимались как отечественные, так и западные литературоведы и в XX в. [4–6]. В настоящее время представляет исследовательский интерес возможность выявить связь известных литературных сюжетов и их эволюцию в творчестве женщины-автора, а также возможное влияние ее произведений на литературный процесс своего времени.

Материал и методы

Материалом изучения стала одна из лучших повестей Марии Жуковой – «Дача на Петергофской дороге» (1845). Исследовательский интерес вызывают сюжетные переключки, мотивы текста писательницы и романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», а также стилистика «женского» письма, проявления в нем идиостилевых черт. Автор-женщина переосмысляет знакомый сюжет, углубляет его подтекстом и авторскими отступлениями, а также измененным финалом.

В исследовании используются научное описание, контекстуальный анализ, сравнительный анализ текстов разных авторов с целью установления интертекстуальных переключек, филологический анализ текста с акцентом на выявлении идиостилевых особенностей авторов, привлечение элементов дискурсивного анализа.

Результаты и обсуждение

Несомненно, на повесть М. Жуковой повлияло произведение М. Лермонтова «Герой нашего времени». Интересно исследовать, как писательница переработала известный литературный сюжет, показав свой взгляд на любовь и брак, взаимоотношения мужчины и женщины в светском обществе. В «Даче на Петергофской дороге» узнаваемы не только лермонтовские герои, но и тесно переплетаются жизнь и литература, как и у самого писателя, который значимые моменты своей жизни переносил на страницы романов. Так, широко известна любовная история поэта и Екатерины Сушковой, которой он жестоко отомстил за насмешки и невнимание в юности. В реальной жизни с помощью хитроумного плана Лермонтов влюбил ветреную красавицу в себя, а затем бросил, попутно разрушив запланированную свадьбу с другим. Эта часть биографии стала литературным сюжетом и была воплощена им в нескольких литературных произведениях – «Княгиня Лиговская» (1836) и повести «Княжна Мери» (1840), которая позднее вошла в состав романа «Герой нашего времени».

Похожая сюжетная линия прослеживается и в тексте М. Жуковой. Князь Евгений, разочарованный и скучающий молодой человек, бывший гусар, на балу заключает пари с губернской предводительшей о том, что юная сирота Зоя через две

недели забудет про своего жениха и влюбится в него. Конечно, образ провинциальной девушки далек от реальных прототипов и литературных героев Лермонтова. В женских образах Жуковой (Мери, Зоя) находят отклики как воспоминания об Екатерине Сушковой, так и о романтическом образе Варвары Лопухиной, которую Лермонтов страстно любил.

Неслучайно название повести «Дача на Петергофской дороге» дает отсылку к наименованиям известных дач, в том числе знаменитой даче Лопухиных. В описании присутствует много характерных черт усадебных домов того времени. Большой пруд, мостики, зеленые поляны, живописные рощи, густой сосновый лес, стадо оленей, а главное – «большой, деревянный, довольно старый восьмиугольный дом в два этажа, с крытыми галереями, с террасами и балконами» – все это перекликается также с описанием дачи Лопухиных, которая сменила много владельцев [7, с. 263].

Повесть Жуковой интересна для анализа тем, как автор-женщина перерабатывает известный лермонтовский сюжет и выделяет важные для себя акценты. В своей прозе она отражает свое отношение к любви и предательству, браку по расчету и изменяет судьбу героев. Писательница корректирует финал повести, он становится более реалистичным. В конце произведения герой, который разрушил юную женскую жизнь, не погибает, как у М. Лермонтова, а удачно женится на богатой наследнице. Именно это завершение сюжетной линии, по мнению Жуковой, является более правдивым. В реальном мире настоящие искренние чувства не способны противостоять холодному расчету и предательству. Так, главный герой, князь Евгений, умеет красиво говорить, но не способен на решительные поступки. Несмотря на пари, он тоже влюбляется в Зою, но трусливо сбегает, встретив осуждение света: «Влюбился, как влюбляются в каждый фартучек» [7, с. 304]. После случайной встречи с Зоей накануне своей помолвки с другой, князь чувствует временное раскаяние и минутный порыв объясниться. Но каждый день он откладывает свое решение на «завтра» и на «завтра» [7, с. 321].

Много совпадений прослеживается и в образах главных героев в прозе М. Лермонтова и М. Жуковой. Григорий Печорин и князь Евгений похожи даже внешне: тоненький, бледный Печорин и стройный, немного бледный, с черной бородкой и слегка завитыми волосами – князь Евгений. В то же время, несмотря на внешнее сходство, эти типы различаются по своей нравственной характеристике. Если Печорин способен на решительные и безрассудные поступки (пойти одному на медведя, организовать похищение Бэлы), то у Жуковой мо-

лодой князь к своим 30 годам, воспитанный в богатстве, проигравший отцовское наследство, слаб и легко может поступиться своими принципами, например «жениться на двух тысячах душ», чтобы быть как все [7, с. 255]. В то же время есть черта, объединяющая этих героев, – это их отношение к женщине. Герой Лермонтова, как и созданный мужской образ в повести Жуковой, от скуки играет женскими судьбами, заключает пари, влюбляет и бросает юных и неопытных девушек. Печорин говорит о чувствах к Бэле: «Я опять ошибся: любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни; невежество и простосердечие одной так же надоедают, как и кокетство другой» [8].

Можно проследить похожие параллели и в изображении женских образов. Черкешенке Бэле в «Герое нашего времени» Лермонтова, как и Зое в повести Жуковой, только шестнадцать лет. Юная героиня в повести писательницы напоминает Бэлу своей искренностью и чистотой, она также рано потеряла мать. В то же время провинциалка Зоя обладает более глубоким внутренним миром, она перечитала всю библиотеку отца, прекрасно музицирует и поет. Возможно, поэтому автор-женщина изменяет развитие сюжета в «Даче на Петергофской дороге», когда Зоя узнает о предательстве любимого человека. Если в финале повести Лермонтова Бэлу смертельно ранит разбойник и она мучительно умирает, то у героини Жуковой подлый поступок князя Евгения травмирует душу и она теряет рассудок. Несмотря на то что Зоя теперь далека от светских сплетен и материального мира, в своем новом состоянии она еще ближе чувствует свою связь с природой и музыкой. В финале автор прямо не говорит о смерти героини, лишь упоминает, что учитель музыки, немец Карл Адамович, «потерял последнюю радость жизни своей» и грустно бредет со Смоленского кладбища [7, с. 322].

Интересно, что в романе Лермонтова и в повести Жуковой есть девушки с одинаковым именем – Мери. Если в «Герое нашего времени» княжна Мери – это романтическая юная девушка, которая не овладела еще искусством лицемерия и светским опытом интриг, то в «Даче на Петергофской дороге» Мери – наследница богатого состояния, мечтающая о княжеском титуле. Можно предположить, что в прозе автора-женщины этот женский образ получил своеобразное развитие: пережив любовное разочарование, самолюбивая девушка вполне могла стать такой же циничной и расчетливой, как в повести М. Жуковой: «Женитьба выдумана для поправления этих недоглядов судьбы. Для мужчин – это часто окончательная попытка, для женщины – всегда единственное средство. Вот теперь,

например, говорят, что жених мой весь в долгу; он очень хорошо делает, что ищет жениться на богатой... и я не осуждаю его. <...> Мне есть чем жить; но у меня нет ни связей, ни родства. Князь богат и тем, и другим. Право, мне кажется, мы созданы один для другого. Он введет меня в лучшее общество, а я дам ему средства поддержать в нем» [7, с. 273].

Музыка занимает важное место в повести М. Жуковой. С нею связаны сюжетные линии и центральные герои: Зоя и учитель музыки Карл Адамович, Мери и князь Евгений. Если для старого учителя и провинциалки Зои музыка раскрывает душу и чувства человека, то для князя и светской девушки Мери это лишь возможность произвести впечатление. Заклучив пари на балу, князь Евгений раскрывает перед девушкой все свое обаяние и увлекает ее разговорами о музыке великих композиторов: Шуберте, Вебере и Моцарте, Россини и Беллини. Но душа мужчины холодна и пуста, это чувствуется в пении: «Гибкий голос его легко, как будто играючи, передавал трудности композиции; но души не слышалось в его звуках» [7, с. 312].

Юная девушка не замечает фальши. Попав впервые на губернский бал, Зоя очарована музыкой, новизной, пьянящими ароматами экзотических растений: померанцевых, банановых и миртовых деревьев, гиацинтов, фуксий. Главная героиня отождествляется автором с нежным цветком фуксии: «Дерево, высокое, стройное, как сама Зоя; гибкие веточки с длинными узенькими листочками и от каждого – алый грациозный цветок на тонком, алом же стебельке, с темно-красной, почти фиолетовой чашечкой, и наклонился как Зоя, когда зарумянившись, склоняет она голову на грудь» [7, с. 290]. Цветок фуксии является в повести не только существенным звеном сюжетного повествования, но является и метафорой любовного чувства. Знакомство князя с Зоей происходит во время бала у деревца фуксии, во время танцев он прикалывает к ее волосам великолепный цветок, после его визитов в стакане на окне появляется душистая веточка. В день своего скоропалительного отъезда, фактически трусливого бегства, князь Евгений оставляет между нотами фортепьяно искусственную ветку фуксии.

Белое платье, которое было на Зое во время бала, и веточка фуксии становятся знаковыми. Они остаются неизменными и после отъезда князя, во время наступившего безумия, символизируя утраченную любовь [9, с. 112]. Таким образом, фуксия в повести М. Жуковой становится символом хрупкой женской жизни. Этот же мотив женщины-цветка использует и М. Лермонтов в «Княжне Мери» [10]. Так, Печорин сравнивает Мери с цветком, которым можно насладиться, а потом растоптать:

«Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет!» [8].

Природа и музыка неразрывно соединены в духовном мире Зои, героини Марии Жуковой. Музыка вдохновляет Зою, она слышит голос любимого в шуме ветра и шорохе трав. Даже в самом тяжелом и болезненном состоянии помешанная девушка страстно любит музыку, поет целыми часами, считает, что любимый «говорит с нею в музыке» [7, с. 263]. В иллюзорном мире безумной героини враги и друзья превращаются у нее в цветы и растения. Так, светская дама, участвовавшая в пари и рассказавшая об этом случае на светском рауте, становится тигровой лилией: «Помнишь оранжевую лилию: она как огненная, с черными пятнами, и точно будто дразнится языком, на котором привешен черный уголь» [7, с. 262]. Воспоминания о желтой шали губернской предводительницы и шляпе со страусовыми перьями, ее синем платье становятся знаковыми для Зои, ей чудится везде тигровая лилия, которая ей угрожает. Обозначив происшедшее с Зоей как анекдот, очередную любовную победу своего племянника, светская женщина наносит тяжелую психологическую травму юной девушке. В дни редкого просветления Зое становится хуже, когда она видит даму в синем одеянии.

В своем новом душевном состоянии девушка становится похожа на ангела. Ее больше не занимают никакие желания и прихоти светской женщины. Зоя размышляет о гармонии и красоте природы, жизни и бессмертии, нравственных чувствах человека. Даже ее внешний облик (она всегда одета в белое платье, бледная и печальная) ассоциируется с библейскими персонажами. Улыбка на ее лице была словно цветок, забытый поздней осенью, или как бутон «розы на челе умершей красавицы» [7, с. 260]. Лишь ветка фуксии за поясом бедной девушки напоминает о ее былой и растоптанной любви.

В современной филологической гендерологии изучается «музыкальность» «женского» письма, проводятся аналогии между словесными и музыкальными жанрами в плане архитектоники; ритмико-синтаксические, интонационные, фонетические, композиционные особенности текста соотносят с музыкальной техникой развития темы (ритм «женской» прозы) [11, с. 155].

Прозе М. Жуковой также свойственна «музыкальность». Передавая поток внутренней речи своих любимых героинь, она использует принципы музыкального построения: «распредмеченное», иррациональное слово, бессюжетное повествование, ритмическое единство. «Дача на Петергоф-

ской дороге» М. Жуковой – одно из самых «музыкальных» ее произведений. На страницах повести не только встречаются имена знаменитых композиторов (Шуберта, Моцарта, Вебера, Россини, Беллини и др.) или используются музыкальные сцены (например, для передачи чувств влюбленной девушки), но даже поток внутренней речи главной героини оформлен в ритме шубертовского вальса. Стихия бала, на котором Зоя впервые встречается с Евгением, создает атмосферу влюбленности:

*Как он взглянул!..
Как мило он сказал...
Ах, как он умен!..
Как все движения его приятны...
Уж не то что советник...
Здесь последнее колено вальса
И в воображении целый бал, мозаика, огни,
Блеск, шум, и везде и всюду он... [7, с. 295].*

Чудесные воспоминания о романтической встрече воскресают в памяти Зои в виде чудесной музыкальной композиции, звучащей в ритме вальса.

С помощью ритмических повторов, знаков препинания (многоточия, вопросительных и восклицательных знаков) Жукова показывает нестабильное эмоциональное состояние влюбленной Зои, ожидающей свидания с Евгением: *«Сесть за клавикорды и повторять его песни, потом при малейшем шуме бежать к окну – не он ли едет? ...Это знакомый стук колес... он! Вот его султан играет с ветром... серая шинель... он приложил руку к шляпе... Ну, есть ли что милее этой улыбки, этого взора?.. Проехал. Она прижимает руку к груди, как бы желая удержать сердце, готовое вылететь. Смотрит: кажется, небо стало светлее, вокруг нее веселее; как будто небесное сияние осветило комнату» [7, с. 298].*

Частое прерывание текста многоточиями, знаками вопроса и восклицания передает читателю физическое и психологическое состояние Зои. Прерывность мыслей, дыхания и сменяющая их радость при одном только виде любимого подчеркиваются стилистически «музыкальным» оформлением потока сознания героини [9, с. 158].

Интересным для анализа представляется прощальная записка Зои князю Евгению. Ранимая провинциалка переживает настоящий шок, увидев своего любимого мужчину на помолвке с другой девушкой, которую она считала своей подругой. Песенный дуэт князя и Мери привлекает внимание Зои, которая воспринимает это как настоящее предательство, ведь только музыка связывала ее с князем. Несмотря на бушующие эмоции, безумные надежды, она находит в себе силы написать своему любимому. Князь помолвлен с другой, поэтому в письме Зои чувствуется лишь боль и щемящая надежда, что Евгений сможет прочитать между

строк о ее любви. В душевном волнении, когда она пишет эти строки, она называет себя *«бедной больной»*, чей *«нескромный приход»* напомнил *«ничего не значащую для вас старинную встречу»* [7, с. 318].

Совсем другим стилем написана записка Веры Печорину в романе М. Лермонтова. Любящая и страдающая в браке со старым мужем Вера приглашает любимого мужчину на ночное свидание. Этот текст, созданный автором-мужчиной, написан сухим мужским стилем, без излишней эмоциональности, несмотря на сомнения героини, ревность и глубокое чувство: *«Сегодня в десятом часу вечера приходи ко мне по большой лестнице; муж мой уехал в Пятигорск и завтра утром только вернется. Моих людей и горничных не будет в доме: я им всем раздала билеты, также и людям княгини. – Я жду тебя; приходи непременно» [8].*

«А-га! – подумал я, – наконец-таки вышло по моему» [8]. Лермонтов намеренно разделяет слово, используя дефис, чтобы подчеркнуть эмоции уверенности, обладания и победы над женщиной.

При анализе «женских» произведений, гендерной их рецепции необходимо сфокусировать внимание «с центра на периферийное поле фактов и смыслов», чтобы раскрылся не только основной сюжет, лежащий «на поверхности», но и увидеть то, что подразумевалось автором [11, с. 18]. Авторское отношение раскрывается из диалогов, монологов, открытой (или предполагаемой) полемики, из форм обращения к читателю. О нем позволяют судить цитирование и смена речевых планов, красноречивыми становятся чередование стилистических пластов и ритмическая организация [12, с. 84]. В связи с этим особый интерес вызывает изучение авторского подтекста и лингвистических форм его выражения.

Интересно, что М. Жукова не часто использует курсив в повести, как и М. Лермонтов в «Княжне Мери» [13]. По мнению исследователя, «смена шрифта – знаковая авторская пауза, когда линейность текста отяжеляется глубиной смысла» [14, с. 41]. Курсив ориентирован на заострении читательского внимания, что создает условия для объемного видения сюжета [14, с. 42]. Писательница выделяет отдельные слова, фразы, предложения, чтобы создать ситуацию возможного диалога с читателем, дать возможность увидеть второй план и иное прочтение заявленного текста. Важной основной темой, которая проходит через все произведение автора-женщины, является авторское отношение к любви и браку, бедности и богатству, личности и обществу. Жукова реализует это в повести через восприятие мира разными героями, речь и словесные конструкции которых наиболее точно отражают их нравственную характеристику.

Тема денег очень тесно переплетается с сюжетной линией и становится центральной в повествовании. По мнению тетушки князя, превосходной женщины Елены Павловны, сомневаться в браке по расчету – *романтические бредни*. Словосочетание *превосходная женщина* многократно используется М. Жуковой при характеристике этого персонажа. Несмотря на свою второстепенную роль в сюжете, она является яркой представительницей светского общества своего времени. Выданная замуж не по любви и не за богатство, в обществе своего мужа, ставшего впоследствии генералом, она быстро приобрела навык судить о человеке по первому взгляду. Предвосхищая женский образ Душечки, созданный А. П. Чеховым, писательница изобразила тип женщины, ставшей зеркальным отражением идей и умонастроений своего мужа: «Елена Павловна была не только превосходная женщина, но и превосходная жена и потому, как многие превосходные жены, служила отголоском своему мужу» [7, с. 249].

Елена Павловна не имеет детей и всю свою энергию направляет на любимого племянника. Решив найти для Евгения богатую невесту и удачно женить, она все силы отдает на воплощение своего замысла. Превосходная женщина обладала удивительным навыком «сделаться везде и в одну минуту своими и необходимыми» [7, с. 269]. Жукова с иронией изображает ее предприимчивость, которая в ухаживаниях за Мери берет на себя мужскую роль. Вместо племянника она за него влюблена, за него нежна, внимательна: «Я увижу тебя через час, моя бесценная Мери, – писала превосходная женщина, – мне надобно теперь же, сию минуту знать, как ты, как провела ночь. Мне это непременно надобно знать. Бога ради, мой ангел, напиши хоть одно слово, не ленись... Право, это будет доброе дело. И слова „доброе дело“ были подчеркнуты» [7, с. 270]. В этом персонаже писательница показывает фальсификацию любовного чувства и заботы, своего рода сексуальную перверсию.

Князь Евгений, который в молодости «позашлился, проигрался», находится на грани банкротства и изображен автором с точки зрения разных персонажей. Если для тетушек он бывший гусар и повеса, промотавший отцовское наследство, то для кузин случившееся с ним – просто несчастье. Превосходная женщина Елена Павловна называет любимого племянника грансенъором и ясно понимает, что он «умирающий капитал». Ну а для матери сыну «только нет счастья, а будь оно, давно бы оценили его и хоть в министры» [7, с. 250]. Наследница богатого состояния Мери ясно видит, что князь удачной женитьбой лишь хочет поправить свое материальное положение.

Совсем по-другому воспринимает его провинциалка Зоя. Далекая от светских интриг, выучившая почти наизусть маленькую библиотеку покойной матери (Шатобриана, Лессинга, Байрона), истинное наслаждение она находит в музыке и в общении со своим старым учителем музыки Карлом Адамычем. Воспитанная на романтических произведениях и великолепной музыке, Зоя легко готова поверить в чудо. В повести М. Жукова обыгрывает знакомый сюжет о бедной Золушке, когда провинциалка впервые встречает молодого гвардейца на великолепном балу. Она очарована его приятным голосом, который «мог быть только голосом грациозно склоненного цветка», «бледным личиком с черными усами и со взором... обещающим полную гамму звуков, и все задушевных, все полных чувства, как мотив Шуберта» [7, с. 290, с. 293].

Князю легко изобразить влюбленного человека, чтобы выполнить условия пари. Так, на балу он украшает волосы Зои красивой веткой фуксии, увлекает ее беседой о музыке, танцует с ней мазурку и отодвигает в сторону настоящего жениха – советника казенной палаты. Частые визиты Евгения, увлеченного «круглыми атласными плечами, полной, высокой грудью, тонкой талией и грациозным личиком» Зои, совместное музицирование и, наконец, украдкой похищенный поцелуй убеждают наивную девушку в серьезности его намерений. Она воспринимает его как своего любимого, суженого, как жениха. Его голос заключал для нее теперь всю гармонию мира, а взор «сиял всеми огнями солнца» [7, с. 298]. Как Светлана в известной балладе В. А. Жуковского она гадает по книге о чувствах в сердце любимого.

После предательства любимого человека глубокие и искренние чувства не покидают девушку. В безумном мире девушки физический образ молодого человека превращается в туманное видение, с которым она может общаться через музыку, шум ветра, шепот цветов. Писательница использует курсив, вводя воспоминания Зои о нем: *он, за ним, любить его*. Любовь и князь становятся несбыточной мечтой и воспоминанием о счастье.

Интересно, что для более точной характеристики светских героев автор-женщина использует иноязычный контекст. Так, для Мери характерен мужской подход и циничное отношение к институту брака. Она осознает, что князь не влюблен в нее: «Я знаю, что он влюблен в *les beaux yeux de ta cassette* (прекрасные глаза моей шкатулки (франц.)), и не осуждаю его». [7, с. 273]. Слабоволие и бездействие князя Евгения автор-женщина передает с помощью французского слова *fatalité* (судьба, рок, неизбежность (франц.)), которое он бесконечно пишет карандашом на листах, пытаясь оправдать свое малодушное поведение.

Использует курсив писательница и для характеристики личности старого музыканта Карла Адамовича, который «весь век свой собирался *на весну уехать в Германию*» [7, с. 278]. Талантливый и страстный музыкант имел слабость «*упиваться не одною гармонию звуков*», поэтому один из помещиков напоил его сильно и увез из столицы [7, с. 273]. В молодости он был знаком со знаменитыми певцами и музыкантами: Мюллером, Бозльдьё, Каталани, не раз аккомпанировал он M-me Fodor-Mainville, несравненной Зонтаг. Он жил только музыкой. В провинции ему приходилось учить помещичьих дочек бесконечным экзерцициям и гаммам, потом готовить концерт в четыре руки к именинам помещика. Все это наводило на него тоску и уныние, и он снова мечтал о любимой Германии. Встреча с Зоей (ее голос «*чистый, полный контральто, нежный, мягкий, бархатный контральто, которого каждая нота лилась в душу*») стала поворотным событием в жизни Карла Адамыча [7, с. 280]. Шестидесятилетний музыкант встретил в юной девушке родственную душу и привязался к ней, как «*привязывается артист к своему любимому идеалу, как старик к существу, которое на закате жизни подарило его отблеском утренних его радостей*» [7, с. 281]. Позднее психологический «близнец» учителя музыки Карла Адамыча появится и в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1858) в образе немца-музыканта Лемма. Возможно, в создании этого типажа автор использовал открытия предшествующей «женской» прозы, в том числе и М. Жуковой [9, с. 192].

Текст Жуковой с важными особенностями авторского письма – многоточием и курсивом, внутрисюжетными авторскими отступлениями, вступающими в диалог не только с читателями, но и с произведениями предшествующих мужских авторов, а также многочисленными литературными и культурными реминисценциями – представляет интересный материал для анализа особенностей ее «женского» письма [9, с. 180].

Пушкинский контекст возникает, когда писательница рассуждает о таких двух несовместимых понятиях в светском обществе, как «любовь» и

«брак». Передавая чувства своей любимой героини, она говорит о том, что очень важно испытать любовь, без которой жизнь не имеет смысла. Но еще ужасней, когда сердечные раны заживут и «*красавица скажет, смеясь: э! все это вздор! – и пойдет солить грибы*» [7, с. 285]. Для сравнения пушкинские строки:

*Она меж делом и досугом
Открыла тайну, как супругом
Самодержавно управлять,
И все тогда пошло на стать.
Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы...* (15, с. 46).

М. С. Жукова, вводя в повесть пушкинский контекст, оставляет открытым для обсуждения традиционную форму семейного союза, где любовь и брак – несовместимые вещи, а душевные волнения легко заменить бытовыми хлопотами.

Заключение

Анализ прозы Марии Жуковой (в частности, ее повести «Дача на Петергофской дороге») продемонстрировал, как писательница переработала предшествующий литературный материал. Лишь частично используя знакомые сюжеты и образы главных героев, автор-женщина наполнила свою прозу новым звучанием и смыслом. Постепенное изменение положения женщины в семье и обществе нашло свое отражение и в литературном творчестве. Активное использование определенных стилистических приемов и методов (многоточия, курсива, вопросительных и восклицательных знаков) включает читателя в диалог с автором. Музыкальность «женской» прозы, скрытая ирония и авторский подтекст делают узнаваемой прозу Марии Жуковой на лексическом и синтаксическом уровнях. Новое прочтение известных сюжетов, развитие характера главных героев, а также введение новых второстепенных персонажей являются интересными не только для писателей, читателей и критиков того времени, но и для современных исследователей. Таким образом, «женская» проза XIX в. в лице Марии Жуковой внесла свой вклад в развитие русской литературы.

Список источников

1. Danilova Y. Y., Ivygina A. A. Girl-cavalryman Russian phenomenon: Gender aspect // The Social Sciences (Pakistan). 2015. Vol. 10, № 6. P. 937–945.
2. Исаева Н. С. «Женская литература» и проблема канонизации в научном пространстве феминистской критики // European Journal of Humanities and Social Sciences. 2017. № 6. С. 113–119.
3. Шабанова А. М. Женская литература – нейтральный текст или продукт специфического женского письма? Попытки гендерного осмысления культурно ангажированных понятий // European Social Science Journal. 2013. № 12-2 (39). С. 197–204.
4. Савкина И. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века). Wilhelmshorst, 1998. 223 с.
5. Andrew J. Mariia Semenovna Zhukova 1804–1855 // Russian Literature. Chicago, 1998. P. 916–917.
6. Kelly C. Mariya Zhukova // A History of Russian Women's Writing 1820–1992. Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 79–91.

7. Жукова М. С. Дача на Петергофской дороге // Дача на Петергофской дороге. Проза русских писательниц первой половины XIX века. М., 1986. С. 225–326.
8. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. URL: <https://ilibrary.ru/text/12/index.html> (дата обращения: 21.06.2022).
9. Афанасьева Ю. Ю. Проза М. С. Жуковой: женский мир и женское мировидение в русской литературе второй трети XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 215 с.
10. Москаленко Т. В. Элегический код и мифологема женщина-цветок в повести «Княжна Мери» («Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова) // Пятый этаж: сб. науч. ст. молодых ученых. Барнаул, 2015. С. 167–170.
11. Пушкарева Н. Л. Феномен «женского чтения» и задачи исследования текстов, написанных женщинами // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные походы. Иваново, 2000. С. 17–21.
12. Кайда Л. Г. Стилистика текста: от теории композиции – к декодированию. М., 2004. 206 с.
13. Афанасьева Э. М. Образ читателя и феномен чтения в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2006. № 41. С. 35–45.
14. Николаичева С. С. Графические особенности повести «Княжна Мери» (по роману М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6-2. С. 75–78.
15. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Полн. собр. соч.: в 19 т. М., 1999. Т. 6. С. 5–191.

References

1. Danilova Y. Y., Ivygina A. A. Girl-cavalryman Russian phenomenon: Gender aspect. *The Social Sciences (Pakistan)*, 2015, vol. 10, no. 6, pp. 937–945.
2. Isayeva N. S. “Zhenskaya literatura” i problema kanonizatsii v nauchnom prostranstve feministской критики [“Women’s literature” and the problem of canonization in the scientific space of feminist criticism]. *European Journal of Humanities and Social Sciences*, 2017, no. 6, pp. 113–119 (in Russian).
3. Shabanova A. M. Zhenskaya literatura – neytral’nyy tekst ili produkt spetsificheskogo zhenskogo pis’ma? Popytki gendernogo osmysleniya kul’turno angazhirovannykh ponyatiy [Women’s literature – a neutral text or a product of specific women’s letter? Attempts of gender response of culturally participated concepts]. *European Social Science Journal*, 2013, no. 12-2 (39), pp. 197–204 (in Russian).
4. Savkina I. *Provintsialki russkoy literatury (zhenskaya proza 30–40-kh godov XIX veka)* [Provincial women of Russian literature (women’s prose of the 30s–40s years of the 19th century)]. Wilhelmshorst, Verlag F. K. Gopfert Publ., 1998. 223 p.
5. Andrew J. Mariia Semenovna Zhukova 1804–1855. *Russian Literature*. Chicago, 1998. Pp. 916–917.
6. Kelly C. Mariya Zhukova. *A History of Russian Women’s Writing 1820–1992*. Oxford, Clarendon Press., 1994. Pp. 79–91.
7. Zhukova M. S. Dacha na Petergofskoy doroge [Dacha on the Petergof road]. *Dacha na Petergofskoy doroge. Proza russkikh pisatel’nits pervoy poloviny XIX veka* [Dacha on the Petergof road. Prose of Russian female writers of the first half of the 19th century]. Moscow, 1986. Pp. 225–326 (in Russian).
8. Lermontov M. Yu. *Geroy nashego vremeni* [A Hero of Our Time] (in Russian). URL: <https://ilibrary.ru/text/12/index.html> (accessed 21 June 2022).
9. Afanasyeva Yu. Yu. *Proza M. S. Zhukovoy: zhenskiy mir i zhenskoye mirovideniye v russkoy literature vtoroy treti XIX veka. Dis. kand. filol. nauk* [Prose of M. S. Zhukova: Women’s World and Women’s Worldview in Russian Literature of the Second Third of the 19th Century. Diss. cand. philol. sci.]. Tomsk, 2006. 215 p. (in Russian).
10. Moskalenko T. V. Elegicheskiy kod i mifologema zhenshchina-tsvetok v povesti “Knyazhna Meri” (“Geroy nashego vremeni” M. Yu. Lermontova) [The elegiac code and mythologeme of the flower woman in the story “Princess Mary” (“A Hero of Our Time” by M. Yu. Lermontov)]. *Pyatyy etazh. Sbornik nauchnykh statey molodykh uchenykh* [Fifth floor. Collection of scientific articles of young scientists]. Barnaul, 2015. Pp. 167–170 (in Russian).
11. Pushkareva N. L. Fenomen “zhenskogo chteniya” i zadacha issledovaniya tekstov, napisannykh zhenshchinami [The phenomenon of “Women’s Reading” and the tasks of studying the texts written by women]. *Gendernyye issledovaniya v gumanitarnykh naukakh: sovremennyye podkhody* [Gender Studies in the Humanities: Contemporary Approaches]. Ivanovo, 2000. Pp. 17–21 (in Russian).
12. Kayda L. G. *Stilistika teksta: ot teorii kompozitsii – k dekodirovaniyu* [Text style: from composition theory to decoding]. Moscow, 2004. 206 p. (in Russian).
13. Afanasyeva E. M. Obraz chitatel’ya i fenomen chteniya v romane M. Yu. Lermontova “Geroy nashego vremeni” [The image of the reader and the phenomenon of reading in M. Yu. Lermontov’s novel “A Hero of Our Time”]. *Izvestiya Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 2006, no. 41, pp. 35–45 (in Russian).
14. Nikolaicheva S. S. Graficheskiye osobennosti povesti “Knyazhna Meri” (po romanu M. Yu. Lermontova “Geroy nashego vremeni”) [Graphic features of the story “Princess Mary” (based on the novel by M. Yu. Lermontov “A Hero of Our Time”)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2009, no. 6-2, pp. 75–78 (in Russian).

15. Pushkin A. S. Evgeniy Onegin [Eugene Onegin]. *Polnoye sobraniye sochineniy*. V 19 tomakh [Full collection of writings. In 19 volumes]. Moscow, 1999. Vol. 6. Pp. 5–191 (in Russian).

Информация об авторе

Афанасьева Ю. Ю., кандидат филологических наук, редактор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the author

Afanasyeva Yu. Yu., Candidate of Philological Sciences, editor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 12.07.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 12.07.2022; accepted for publication 01.10.2022

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-26-33>

ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА. РЕТАРДАЦИЯ И АКСЕЛЕРАЦИЯ ДЕЙСТВИЯ (В АСПЕКТЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ)

Ольга Константиновна Грекова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, olggre@list.ru

Аннотация

Введение. В исследованиях аспектуальной зоны смысловой организации русского предложения существует тенденция разграничения объективного и субъективного. К последней сфере относят выявленные российскими и зарубежными аспектологами в последние годы интерпретационные, прагматические значения, такие как выделенность, важность действия/состояния, неожиданность сообщения, дистанция между собеседниками, разница в их социальном или ином статусе, снятие с себя ответственности за действие и др. Однако в этом ракурсе до сих пор не была исследована скоростная интерпретация отображаемого в высказывании действия.

Статья посвящена интерпретационной функции глагольного вида в ее новых речевых проявлениях, не включенных в прагматический потенциал глагольного вида – ретардации и акселерации изображаемого действия. Ретардация понимается как искусственное замедление изображения хода развития действия и базируется на понятии фазы действия. Под акселерацией действия подразумевается побуждение собеседника к ускоренному началу совершения названного действия или досрочная сигнализация окончания реально не завершившегося действия. Славянские языки как таковые в значительной степени отличаются от языков других групп тонкой проработкой фаз реализации действия. Конкретно русский язык располагает разнообразными языковыми средствами обозначения фазовости, как морфологическими, так и синтаксическими. Вид глагола также причастен к этой семантической сфере и мена видовременных форм может привести к индивидуальному моделированию ситуации и определенным типам воздействия говорящего на собеседника, *которые и рассматриваются в данной работе.*

Материал и методы. В основе работы лежат реально прозвучавшие разговорные диалоги реплицирующего типа с названными явлениями как обладающие наиболее цельной внутренней смысловой и композиционной организацией. Данный материал подвергнут семантическому и синтаксическому анализу, использовались также некоторые принципы моделирования.

Целью работы является выявление и представление психолингвистических условий возникновения и формирования названных значений и механизма их реализации в дискурсе.

Ключевые слова: интерпретационная функция глагольного вида, ретардация действия, акселерация действия, разговорный диалог

Для цитирования: Грекова О. К. Интерпретационная функция русского глагольного вида. Ретардация и акселерация действия (в аспекте обучения русскому языку как иностранному) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 26–33. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-26-33>

INTERPRETING FUNCTION OF VERBAL ASPECT. ACTION RETARDATION AND ACCELERATION (IN TERMS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE)

Olga K. Grekova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, olggre@list.ru

Abstract

Introduction. There exists a tendency for distinguishing objective and subjective matters in the Russian sentence meaning contents aspectual zone. The latter area includes interpretive meanings, such as visibility, surprise, distance between interlocutors, social and other types of status differences between interlocutors, elimination of responsibility for action, etc., identified in recent years by Russian and foreign aspectologists. However, in this perspective, the high-speed interpretation of the action displayed in the statement has not yet been investigated.

The article is devoted to the interpretive function of the verb aspect in its new speech manifestations, not included in the pragmatic potential of the verb aspect – retardation and acceleration of the depicted action. Retardation is

understood as an artificial slowdown in the image of the development of an action and is based on the concept of an action phase. The acceleration of the action is understood as the inducement of the interlocutor to the accelerated start of the commission of the named action or the early signaling of the end of the action that has not actually completed. The Slavic languages as such differ to a large extent from the languages of other groups in the subtle elaboration of the phases of the implementation of the action. Specifically, the Russian language has a variety of linguistic means of designating phaseness, both morphological and syntactic. The aspect of the verb is also involved in this semantic sphere, and the change of aspect tense forms can lead to individual modeling of the situation and certain types of influence of the speaker on the interlocutor, which are considered in this work.

Material and methods. The work is based on real colloquial dialogues of so-called replying type including the above-mentioned phenomena as having the most solid internal semantic and compositional links. The data was analysed semantically and syntactically with using some modeling principles.

The main goal is revealing and representing the psycholinguistic conditions for appearing and forming the above mentioned senses as well the frame for their use in modern discourse.

Results and discussion. Analysis of structure and varying internal links of real colloquial dialogues allowed to reveal the main list of typical situations for expressing the senses of Action Retardation and Acceleration taking semantic preposition and postposition into consideration. Thus, their inclusion into Verbal Imperfective Pragmaticon has been substantiated. The analysed meanings' forming the binary opposition makes the sideline result.

Conclusion. The research resulted in widening the Imperfective verb's pragmatic sphere boundaries.

Keywords: verbal aspect interpreting function, action retardation, action acceleration, colloquial dialogue

For citation: Grekova O. K. Integratsionnaya funktsiya russkogo glagol'nogo vida. Retardatsiya i akseleratsiya deystviya (v aspekte obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu) [Interpreting Function of Verbal Aspect. Action Retardation and Acceleration (in Terms of Teaching Russian as a Foreign Language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 26–33 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-26-33>

Введение

Настоящее исследование проводилось в русле семантического и синтаксического анализа случаев некатегориального употребления видовой пары глагола, вычленяемых в рамках разговорных диалогов.

Материал и методы

1. Разговорный диалог как основа проявления прагматических функций глагольного вида

Функциональный аспектологический курс для иностранных слушателей в равной мере ориентирован и на речепорождение, и на речевосприятие. Согласно коммуникативной ориентации ФГОС-4, обе эти цели главным образом должны обеспечиваться предъявлением коллоквиальных аспектуальных значений, т. е. значений, реализуемых в дискурсе, в диалогической речи.

Достаточно большое количество учебных пособий по русскому языку как иностранному (РКИ), в том числе и последних лет, адресованных учащимся разной степени подготовки, представляют русские аспектуальные значения на уровне предложения/высказывания, например: *Вечером я звоню ему, и мы договариваемся о встрече* [1, с. 692], где ограниченный контекст зачастую создает возможность двоякого и тройкого толкования, в данном случае как значения повторяемости или запланированного однократного действия. Аналогичным образом учебный материал представлен в работе В. В. Гуревич [2]. Авторы многих пособий для иностранных учащихся склонны представлять лишь монологический учебный материал, исключая материал диалогический. На наш взгляд, наи-

более эффективен в названных выше целях реплицирующий разговорный диалог.

Лингвистические особенности разговорного диалога (РД) анализировались такими авторами, как М. М. Бахтин, Е. А. Земская, А. Н. Баранов, А. Г. Баранов, И. М. Кобозева, Н. А. Купина, И. Н. Борисова и др.

Психологические его основы описаны в работах А. А. Леонтьева, А. Н. Леонтьева, А. Г. Лурии и др.

Диалогические регистры в тексте подробно рассматриваются А. В. Уржой [3, с. 81–102]. Ряд диалогических моделей рассмотрен М. А. Кронгаузом [4, с. 55–60].

Наряду с понятием «разговорный диалог», который во многих работах вводится априори, используется понятие «диалогическое единство в разговорной речи» [5, с. 38–46].

Остановимся на ключевых характеристиках РД, релевантных для синтаксического курса РКИ, включая спорные.

1. *Текстовая или нетекстовая природа.* РД ситуативен, но при этом тематический замысел коммуникантов в том или ином виде присутствует и в определенном смысле придает ему определенную связность, так что есть основания считать РД особым типом текста.

2. *Как определяются границы РД и свойственна ли ему цельность.* Границы проводятся там, где присутствует «полный цикл понимания в конструировании когерентной смысловой структуры текста» [6].

В трудах психологов цельность диалога считается особой категорией, не соотносимой с катего-

риями языкознания, и ее наличие в обозначенных выше рамках постулируется [7, 8].

3. Каковы статические и динамические аспекты РД.

Статический аспект – это закономерности строения РД. Динамический аспект – особенности интенционального речевого поведения коммуникантов в ходе спонтанного речевого взаимодействия, где общение играет роль интерпретативной подсистемы [9, с. 5].

В нашем подходе к заявленной в названии статьи теме мы опираемся на понятие «дискурс» и рассматриваем дискурсивный, речеповеденческий аспект РД с учетом спонтанности взаимодействия диалог-партнеров.

За единицу описания мы принимаем так называемый речевой поступок (РП) в понимании И. Н. Борисовой, т. е. адресованное, мотивированное, интенциональное, контекстуально и социально обусловленное коммуникативное действие, осуществляемое языковыми средствами [10, с. 150].

Для обоснования отбора речевого материала, демонстрирующего специфические явления, в частности прагматикона НСВ, следует обратиться к типологии речевых поступков и, на наш взгляд, учитывать также и так называемый личностный (т. е. личностно важный) смысл. Концепция личностного смысла разрабатывалась А. А. Леонтьевым [11] и А. Н. Леонтьевым [12]. По А. Н. Леонтьеву, личностным смыслом является отношение мотива к цели деятельности.

Важно отметить, что межличностная значимость РП в том, что касается взаимодействия его компонентов, очень индивидуальна в каждом случае.

РП, по А. А. Леонтьеву, подвергается двойному декодированию:

- а) с точки зрения цели;
- б) с точки зрения мотива.

Существующие классификации РП основаны на разных критериях, в результате чего различают следующие типы:

1) монофункциональные и полифункциональные РП;

2) иницирующие и реактивные РП (притом что один и тот же фрагмент реплики может являться и тем и другим). Членение РД на РП не обязательно совпадает с естественным членением диалога на реплики. Отмечено, что вектор прагматической связи у инициальных РП проспективен, а у реактивных – ретроспективен. Возможны и иницирующие РП, иллюкутивно независимые, никоим образом не вынужденные [13, с. 92–93];

3) облигаторно вынуждающие/вынужденные и факультативно вынуждающие/вынужденные РП. Бытует мнение, что директивные РП запрета, при-

каза, распоряжения, команды в плане вынуждения сильнее, чем также директивные РП разрешения, совета, приглашения, просьбы, которые допускают, с одной стороны, необязательность осуществления воздействия, а с другой – опцию выбора ответного действия. РП сообщения обладает свойством факультативного коммуникативного вынуждения, а вопрос – свойством облигаторного коммуникативного вынуждения (последний вопрос в общем виде представляется довольно спорным);

4) по типу согласования действий коммуникантов в их интеракции выделяется гармонизирующее и дисгармонизирующее взаимодействие их РП;

5) по типу выражаемых коммуникативных смыслов, типология которых является предметом обсуждения в лингвистических трудах. По мнению Е. В. Падучевой, для любого РП коммуникативный смысл может быть сформулирован, хотя не обязательно в виде перформатива (например: *намекать, просить, угрожать* и проч.), или соответственно номинативно (например: *намека, просьба, угроза*) [14, с. 228]. В таких случаях РП можно именовать по коммуникативно мотивирующей их эмоции.

Существенной для функционального синтаксического курса РКИ является представленная И. Н. Борисовой классификация РП на основе их коммуникативных смыслов:

- 1) директивы (т. е. каузативы);
- 2) комиссивы (т. е. принятие обязательств);
- 3) экспрессивы (т. е. выражение эмоциональных состояний), подразделяемые на:
 - а) эмоционально-личностные (как радость, безразличие, недовольство и под.);
 - б) социально-этикетные (благодарность, извинение, благословение и под.);
- 4) вердиктивы (т. е. выражение оценки), подразделяемые:
 - а) на валюативы (оценочные мнения и суждения, такие как возражение, полемизирование, сомнение, заключение, комплимент, согласие, подтверждение, характеристика и проч.);
 - б) суппозитивы (т. е. предположения, такие как допущение, догадка, предостережение и проч.);
- 5) репрезентативы (т. е. операции с информацией, как описание, выяснение, сообщение, истолкование, комментарий, констатация, коррекция, рогатив (т. е. информативный каузатив, относимый к частным случаям директива Дж. Р. Сёрлем и сфере аргументации А. Вежбицкой), экспликатив (как аргументирование, вывод, иллюстрация, обоснование, определение, рассуждение, резюме);
- б) коммуникативные регулятивы (как фатические РП, организационные аспекты взаимодействия, речевая поддержка, мена темы, захват инициативы и пр.).

Приведенные выше классификации позволяют более детально охарактеризовать представляемые в учебных целях РКИ РД.

II. Явления ретардации и акселерации действия как интерпретационные дискурсивные смыслы

Из выделяемых в настоящее время типов РД мы рассмотрим только диалоги динамического типа, а именно так называемые реплицирующие диалоги, поскольку они обеспечивают наиболее жесткую смысловую связь иницирующей и ответной реплик. Нарративный и унисонный типы РД остаются, таким образом, вне сферы нашего внимания.

Названный тип диалога интересен нам более всего в двух аспектах:

а) смысловое содержание препозитивной относительно анализируемой реплики части, так как там содержится временная мизансцена;

б) имплицитованное смысловое содержание постпозитивной относительно анализируемой реплики части, так как там прослеживается личностный замысел говорящего.

Ниже мы рассмотрим фрагменты реально услышанных РД реплицирующего типа, включающие:

1) РП – репрезентативы (РД блока [I], [III], [VI], [VII]);

2) РП – директивы (РД [IV, V]);

3) РП – экспрессивы социально-этикетные ([РД II]).

Анализируемые диалоги были нами услышаны и вычленены по принципу сформулированного выше полного цикла понимания слушающим данной единицы.

1. Явление ретардации действия

Одним из проявлений субъективной интерпретации положения дел является *ретардация*, или искусственное замедление изображения в диалоге хода развития действия или ситуации в целом. В функциональный потенциал русского вида данное явление не включается, однако оно достаточно репрезентативно в разных современных дискурсивных процессах. Важно отметить, что говорящий, характеризуя развертывание действия, располагает возможностью не только замедлить ход отображаемого в диалоге действия, но также затемнить и отменить уже достигнутый результат.

[I] – Мама была вчера на консультации у невролога. Ей сказали, что проблему позвоночника можно решить только оперативно.

– Какую операцию предлагают? (вместо предложили).

[II] – Что за ужасные новости ты смотришь по Первому каналу?

– Да вот, террористы захватили детей в заложники.

– И что сообщают об этом? (вместо сообщили).

[III] – Только что пришел мейл. У наших торговых партнеров в стране инфляция поднялась до 18,7 %.

– Что пишут о перспективах? Какое развитие событий предсказывают? (вместо написали, предсказали).

Все три примера представляют интерпретационные возможности видовременных глагольных форм и иллюстрируют одно явление – ретардацию. В более или менее неблагоприятной ситуации говорящий стремится смягчить негативный эффект передаваемой им реципиенту информации, пощадить чувства собеседника, создать некую перспективу более оптимистичного разрешения описываемого положения дел.

Остановимся теперь на особенностях используемых видовременных форм. Во всех случаях задаваемый вопрос касается действия, произошедшего и завершившегося в прошлом. Однако говорящий использует форму настоящего времени несовершенного вида (НН) вместо формы прошедшего времени совершенного вида (ПС), внося таким образом значение некой промежуточности результата, возможности иного, благоприятного исхода события.

Конкретнее, если в информативной реплике РД [I] сообщается о завершенном действии *сказали* (т. е. информация уже получена), то в ответной реплике этот результат снимается и действие представляется в его развитии, на средней стадии (*предлагают* вместо *предложили*). Так действию и его возможному результату придается меньшая определенность.

В случае [II] сообщается о действии, завершившемся в прошлом: *захватили детей в заложники* (т. е. об этом уже сообщено), но в вопросе использована форма НН *сообщают* вместо формы ПС *сообщили*, и так создается впечатление неопределенности поступившей информации (т. е., *может быть, всё не так плохо, как было сказано*).

В случае [III] в ответ на сообщение о рекордном уровне инфляции в стране партнера собеседник использует формы НН *пишут, предсказывают* вместо форм ПС *написали, предсказали*, снимая категоричность и окончательность суждения специалистов по поводу сложившейся печальной экономической ситуации.

Надо отметить, что наши случаи [II] и [III] мы отличаем от использования форм НН в расхожих вопросах нейтрального типа, не связанных с идеей интерпретации: *Что сегодня пишут в газетах? Что там сегодня сообщает радиостанция N?*

Пользуясь инструментарием анализа, описанным в части I настоящей работы, содержание РП можно представить следующим образом:

Эмоциональное состояние говорящего (печаль, вызванная названным событием) – коммуникативный смысл (сочувствие) – интенция (не огорчить собеседника) – языковая форма (НН вместо ПС).

Личностный смысл, предполагаемый психологами в РД, в проанализированных примерах ретардации просматривается, на наш взгляд, достаточно четко. Мотивированный создавшейся не по его воле негативной ситуацией говорящий ставит целью пощадить чувства собеседника, смягчить удар при его восприятии печальной новости за счет придания ей некоторой неопределенности, создающей иллюзию возможной перемены к лучшему, лучшей перспективы.

2. Явления акселерации действия

Интерпретационная функция русского глагольного вида находит выражение также в явлении *акселерации* говорящим *отображаемого действия*. Суть этого явления заключается в побуждении диалог-партнера к ускоренному началу совершения названного действия или его подготовке. Рассмотрим это явление на примерах.

[IV] – Ты, конечно, *придешь на мой концерт в субботу?*

– *Не сердись, никак не успею, важный концерт подписываем.*

– Ну, как всегда. Я уже не удивляюсь. Встречай тогда хотя бы после концерта и в хорошем настроении и с моими любимыми лилиями.

[V] – *Когда вы, наконец, приедете? Я соскучился.*

– Мы с детьми возвращаемся ровно через неделю, во вторник утром. Так что, папочка, *готовь поцелуй и объятия. И обед с десертом не забудь! Привезём тебе подарки с моря.*

Однократное действие *встретить после концерта в субботу* обозначено формой императива несовершенного вида (НСВ) *встречай!* (Сравните: **Встреть** меня, пожалуйста, на машине: будет много цветов, я думаю. Здесь форма императива совершенного вида (СВ) *встреть* передает значение так называемой общей необходимости действия.)

Значение формы императива НСВ *встречай* можно было бы понимать как приступ к действию, или ‘действуйте немедленно’, если бы действие не относилось к будущему (см. *Встречай в субботу!*). Действие акселерируется, из плана будущего переносится говорящим в план настоящего, как если бы оно должно было произойти срочно. При этом за глагольной формой императива НСВ стоят по сути дела два действия (встретить, приобрести любимые цветы) и одно состояние (быть в хорошем настроении), мыслимые говорящим в единстве.

В РД [V] форма императива НСВ *готовь* заменяет более типичную при выражении значения общей необходимости в плане будущего времени форму императива СВ *приготовь*, условно говоря, «смещая» запланированное на определенный день в будущем действие в план настоящего и нагружая его дополнительными атрибутами: *готовь объятия, поцелуй, обед с десертом*.

Диалогические единства рассматриваемого типа обладают значительным контекстуальным потенциалом. Ряд особенностей проявляют в них глаголы так называемой группы глаголов движения. Контекстуальной модификации подвержены значения личных форм, ПН. Мы рассмотрим одну такую модификацию – трансформацию стандартизированного значения аннулированного результата.

[VI] – *Здравствуйте, очень рад вас видеть!*

– *Это как мой зам?*

– Да, и как зам тоже. И просто. Но вы же второй день в отпуске.

– Да. а) Но приехала, что называется, на ковер к начальству.

б) Но приезжала, что называется, на ковер к начальству.

[VII] – *Привет! Девять утра, а ты уже в служебной столовой, а не на рабочем месте?*

– Сам удивляюсь. а) Но зашел перекусить. Сегодня дома так торопился, что не успел позавтракать.

б) Но заходил перекусить. Сегодня дома так торопился, что не успел позавтракать.

– А что случилось-то?

– На этаже заканчивают генеральную уборку, просили подождать часа полтора.

– Повезло вам!

Случай [VIa] включает явление эллипсиса второй пропозиции. Исходное простое предложение разворачивается в сложное: *Приехала на ковер к начальству* = *Приехала, чтобы пойти на ковер к начальству* (но еще не была у него). Другими словами, говорящий приехал, но еще не у начальства и не был у него.

Иная модификация обозначения движения предстает в реплике [VIb] *Я приезжала на ковер к начальству* (т. е. уже была у него). Здесь реализуется традиционное для группы глаголов движения типа *приезжать, приходить, прилетать* в форме ПН (*приезжала, приходила, прилетала*) значение аннулированного результата движения, т. е. движения, завершившегося позже в своей исходной точке. Но в [VIb] названное значение модифицировано, и та же форма обозначает движение к цели с возвратом в некий промежуточный пункт. Таким образом формируется то, что можно назвать неполным обратным маршрутом, т. е. своего рода акселерацией приближения действия,

движения к его конечной, одновременно исходной точке.

В РД [VIIa] форма ПС *зашел* употреблена стандартно и сигнализирует значение сохраненного результата: *зашел в столовую и сейчас нахожусь здесь, в столовой*. Цель прихода (завтрак) еще не достигнута.

А в РД [VIIб] форма ПН *заходил* должна была бы обозначать аннулированный результат движения, возврат в исходную точку, находящуюся вне здания, где говорящий работает и где, скорее всего, расположена столовая. Но этого не произошло, говорящий находится в промежуточной точке, всё еще в столовой. Но его цель (завтрак) уже достигнута.

В РД [VI] и [VII] реализуется ситуативное изменение стандартного маршрута (обычно обозначаемого подобными формами) и акселерированное завершение движения говорящего.

III. Аспектологический комментарий речевых явлений ретардации и акселерации действия

Материалом настоящего исследования послужили РД с одним типом семантического предиката – волевыми действиями (не состояниями, явлениями, событиями и проч.).

Как мы видим, речевое явление ретардации обозначаемого действия связано с употреблением глагольной формы НН вместо глагольной формы ПС.

На наш взгляд, это связано с рядом особенностей временной формы настоящего времени. По определению грамматического статуса НН, положения дел, обозначенные этой формой, находятся в поле зрения, в фокусе внимания. М. М. Бахтин считал, что настоящее время отображает срединную фазу любой ситуации, оно «не есть целое» и существует вне границ, имея склонность к обозначению некоего незавершенного и обобщенного [15, с. 463, 472].

В ряде аспектологических работ, например [16, с. 114–116], фигурирует значение настоящего экспозиционного, но, с нашей точки зрения, этот термин понимается чересчур расширительно, в то время как сама экспозиция подлежит типологизации.

Употребление глаголов движения указанного типа в форме ПН со значением усеченного маршрута, свойственное РД динамического типа, необходимо вводить на занятиях РКИ после знакомства учащихся с группой глаголов движения как лексико-грамматическим феноменом. Значение усеченного маршрута легко визуализируется на занятии и входит в обиход инофонов.

IV. Метод оппозиций в аспектологическом курсе РКИ

Настоящее исследование, по сути, также выдвигает на обсуждение проблему использования прин-

ципа оппозиций как в описании аспектуального блока русского языка, так и в предъявлении учебного аспектуального материала в курсах РКИ.

Список аспектуальных значений русского языка в исследованиях разных авторов и в наши дни может несколько варьироваться. Оставляя за пределами обсуждения сам перечень аспектуальных значений, отметим необходимость упорядочения единиц такого перечня, он не должен выглядеть произвольным. Хаотичность предъявления аспектуальных смыслов разрушает и без того сложную аспектуальную картину предложенческих смыслов русского языка. В идеале соседствующие в перечне значения должны составлять корреляции.

В аспектуальном категориальном блоке действительно выстраиваются оппозиции концептов повторяемость – однократность, длительность – мгновенность. В прагматическом блоке попытки выстроить оппозиции неизвестны. Однако обсуждаемый в настоящей работе материал открывает такую возможность: ретардация и акселерация действия противопоставлены и оппозицию образуют. Она бинарна.

Обнаружение связанности аспектуальных значений друг с другом, обоснование образования пар или триад (как общий факт – однократность – повторяемость) входит в задачи синтаксистов (аспектологов) – практиков РКИ.

Основные результаты исследования

Предметом исследования явились интерпретационные возможности видовой формы глагола в одном из функциональных стилей русского языка, в РД.

Явление ретардации при этом принадлежит к сфере употребления настоящего времени.

Явление акселерации действия связано с несколькими положениями дел, в данной работе было проанализировано употребление:

- а) императива НСВ вместо императива СВ;
- б) формы ПН вместо ПС в изъявительном наклонении.

В рассмотренных РД, включающих явления ретардации действия, актуализируются такие свойства видовременной формы НН, как переход на срединную фазу действия и включение обозначаемого в фокус внимания собеседников. Интенцией РП говорящего при этом является смягчение воздействия на слушающего сообщаемой более или менее негативной информации.

В проанализированных РД, включающих явления акселерации действия, по воле говорящего меняется модально-темпоральный план высказывания: вместо значения общей необходимости действия говорящий выражает значение, аналогичное значению «действуйте немедленно», или приступа

к действию, а по сути, выражает идею «готовься сейчас».

В случаях [VI] и [VII], где говорящим обыгрываются названия действий, обозначаемых глаголами движения, происходит акселерация перевода действия на конечную фазу. В этих ситуациях фигурирует досрочное обозначение завершения действия, еще не законченного в реальности:

Имея в виду сферу преподавания РКИ, стоит отметить, что предлагаемый в настоящей работе языковой и речевой материал (как и материал прагматических употреблений видовременных форм вообще) следует представлять на занятиях с учетом когнитивных особенностей иностранных учащихся конкретной национальности, что следует, например, из исследования Т. Акбаба [17, с. 38–45]. Основные ракурсы аспектологической подготовки инофонов были представлены О. К. Грековой [18, с. 87–94].

Анализ структуры и различных внутренних связей живых, прозвучавших разговорных диалогов реплицирующего типа позволил выявить основной перечень ситуаций реализации явлений ретардации и акселерации с учетом смысловой позиции и постпозиции. Он также обосновал возможность включения данных значений в зону прагматикона несовершенного вида русского глагола. *Побочным результатом исследования явля-*

ется вывод об образовании изучаемыми прагматическими значениями ретардации и акселерации изображаемого действия бинарной оппозиции.

Заключение

Рассмотренные выше диалоги демонстрируют:

1) интерпретационные возможности НСВ;
2) возможности сознательных манипуляций говорящего скоростным режимом изображаемого действия:

а) в первых трех случаях говорящий с помощью видовременной формы переключает фазы протекания действия;

б) в четвертом и пятом случаях побуждает собеседника ускорить подготовку к началу предписываемого действия;

в) в шестом и седьмом случаях говорящий с помощью видовременной формы совершает акселерацию завершения названного действия, таким образом компактно передавая информацию о его цели и ее достижении.

Новаии русского РД, новые прагматические употребления видовременных форм, рассматриваемые в русле коллоквиальной лингвистики, позволяют не только скорректировать рамки прагматикона НСВ и СВ, но и оценить личностные проявления говорящего на фоне законов нынешнего социума.

Список источников

1. Книга о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного // под ред. А. В. Величко. СПб.: Златоуст, 2018. 704 с.
2. Гуревич В. В. Глагольный вид в русском языке: пособие для изучающих русский язык. М.: Русский язык, 1994. 89 с.
3. Уржа А. В. Грамматика и текст. М.: Изд-во Московского ун-та, 2014. 262 с.
4. Кронгауз М. А. Игровая модель диалога // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 55–60.
5. Купина Н. А. Разговорное диалогическое единство как текст // Языковой облик уральского города. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 38–46.
6. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста: автореф. ... д-ра филол. наук. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1993. 50 с.
7. Леонтьев А. А. Признаки связности и цельности текста // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М.: Наука, 1976. С. 46–48.
8. Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. 319 с.
9. Общение. Текст. Высказывание / Т. Я. Андриященко, В. И. Батов, В. П. Белянин и др. М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН: Наука, 1989. 172 с.
10. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика. М.: URSS, 2007. 318 с.
11. Леонтьев А. А. Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. С. 56–66.
12. Леонтьев А. Н. Категория деятельности в современной психологии // Избранные психологические произведения: в 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С. 243–246.
13. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 84–93.
14. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика вида и времени в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
15. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
16. Гловинская М. Я. Семантика, прагматика и стилистика видовременных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект / под ред. Д. Н. Шмелева. М.: Наука, 1989. 210 с.

17. Акбаба Т. Когнитивные типы турецких учащихся при обучении глагольной лексике русского языка // Высшее образование сегодня. 2019. № 4. С. 38–45.
18. Грекова О. К. Виды подготовок аспектологической субкомпетенции иностранных учащихся (B1-B2-C1-C2) // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 87–94.

References

1. *Kniga o grammatike. Dlya prepodavateley russkogo yazyka kak inostrannogo* [Book about Grammar. For teachers of Russian as a foreign language]. Ed. A. V. Velichko. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2018. 704 p. (in Russian).
2. Gurevich V. V. *Glagol'nyy vid v russkom yazyke. Posobiye dlya izuchayushchikh russkiy yazyk* [Verbal Aspect in the Russian language. Manual for learning Russian]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1994. 89 p. (in Russian).
3. Urzha A. V. *Grammatika i tekst* [Grammar and text]. Moscow, Moscow university Publ., 2014. 262 p. (in Russian).
4. Krongauz M. A. Igrovaya model' dialoga [Game model of dialogue]. *Logicheskiy analiz yazyka. Modeli deystviya* [Logical analysis of text. Models of action]. Moscow, Nauka Publ., 1992. Pp. 55–60 (in Russian).
5. Kupina N. A. Razgovornoye dialogicheskoye yedinstvo kak tekst [Spoken Dialogic Unity as Text]. *Yazykovoy oblik ural'skogo goroda* [The Urals city Language Image]. Sverdlovsk, Ural university Publ., 1990. Pp. 38–46 (in Russian).
6. Baranov A. G. *Funktsional'no-pragmaticheskaya kontseptsiya teksta. Avtoref. dokt. filolog. nauk* [Functional-Pragmatical Text Concept. Abstract of thesis diss. doc. philol. sci.]. Krasnodar, 1993. 50 p. (in Russian).
7. Leont'yev A. A. Priznaki svyaznosti i tsel'nosti teksta [Signs of coherence and integrity of the text]. *Smyslovoye vospriyatiye rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoy kommunikatsii)* [Speech announcement semantic perception (under the conditions of mass communication)]. Moscow, Nauka Publ., 1976. Pp. 46–48 (in Russian).
8. Luriya A. R. *Yazyk i soznaniye* [Language and Consciousness]. Moscow, MSU Publ., 1979. 319 p. (in Russian).
9. Andryushchenko T. Ya., Batov V. I., Belyanin V. P. *Obshcheniye. Tekst. Vyskazyvaniye* [Communication. Text. Statement]. Moscow, Institute of Linguistics RAS, Nauka Publ., 1989. 172 p. (in Russian).
10. Borisova I. N. *Russkiy razgovornyy dialog. Struktura i dinamika* [Russian Colloquial Dialogue. Structure and Dynamics]. Moscow, URSS Publ., 2007. 318 p. (in Russian).
11. Leont'yev A. A. Smysl kak psikhologicheskoye ponyatiye [Meaning as a psychological concept]. *Psikhologicheskiye i psikholingvisticheskiye problemy vladeniya i ovladeniya yazykom* [Psychological and Psycholinguistic problems of Using and Acquiring Language]. Moscow, Moscow university Publ., 1969. Pp. 56–66 (in Russian).
12. Leont'yev A. N. Kategoriya deyatelnosti v sovremennoy psikhologii [Category of activity in modern psychology]. *Izbrannyye psikhologicheskiye proizvedeniya. V 2 t. T. 2* [Selected Psychological Works. In 2 volumes. Vol. 2]. Moscow, Pedagogika Publ., 1983. Pp. 243–246 (in Russian).
13. Baranov A. N., Kreydlin G. E. Struktura dialogicheskogo teksta: leksicheskiye pokazateli minimal'nykh dialogov [Dialogical Text Structure: Minimal Dialogues' Lexical Indicators]. *Voprosy yazykoznanija – Linguistics Problems*, 1992, no. 3, pp. 84–93 (in Russian).
14. Paducheva E. V. *Semanticheskiye issledovaniya. Semantika vida i vremeni v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic Research. Russian Aspect and Tense Semantic. Narrative Semantic]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 464 p. (in Russian).
15. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Literature and Aesthetics Problems]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p. (in Russian).
16. Glovinskaya M. Ya. Semantika, pragmatika i stilistika vidovremennykh form [Semantics, pragmatics and stylistics of types of tens and aspect forms]. *Grammaticheskiye issledovaniya. Funktsional'no-stilisticheskiy aspekt* [Grammar research on the pragmatic and stylistic side]. Ed. D. N. Shmeleva. Moscow, Nauka Publ., 1989. 210 p. (in Russian).
17. Akbaba T. Kognitivnyye tipy turetskikh uchashchikhsya pri obuchenii glagol'noy leksike russkogo yazyka [Turkish students' Cognitive Types while teaching Russian Verbal Vocabulary]. *Vyssheye obrazovaniye segodnya – Higher education today*, 2019, no. 4, pp. 38–45 (in Russian).
18. Grekova O. K. Vidy podgotovok aspektologicheskoy subkompetentsii inostrannykh uchashchikhsya (B1-B2-C1-C2) [Training types for foreign students' Aspectological Subcompetence (B1-B2-C1-C2 levels)]. *Mir russkogo slova – World of Russian Word*, 2017, no. 3, pp. 87–94 (in Russian).

Информация об авторе

Грекова О. К., кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991).

Information about the author

Grekova O. K., Candidate of Philological Sciences, Associated Professor, Lomonosov Moscow State University (Leninskie gory, 1, Moscow, Russian Federation, 119991).

Статья поступила в редакцию 20.07.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 20.07.2022; accepted for publication 01.10.2022

УДК 81-119

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-34-44>

О ВАРИАТИВНОСТИ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ УСТУПИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ НАУЧНОГО СТИЛЯ)

Цао Лина

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
caolina272@gmail.com

Аннотация

Введение. Исследование выполнено в рамках теории функциональной грамматики и направлено на изучение семантических особенностей уступительных отношений и специализированных средств их выражения в русском языке. Отмечается формальная и содержательная вариативность уступительных конструкций, высказывается предположение о стилистической неоднородности языковых единиц, выражающих семантику уступки.

Материал и методы. Несмотря на представленные в русистике исследования уступительности, в том числе как составной части поля обусловленности, семантика уступки и средства ее выражения не рассматривались ранее в функционально-стилистическом аспекте. В работе изучается формальное, семантическое и стилистическое варьирование уступительных единиц, обусловленное коммуникативными установками и языковыми особенностями научного стиля. В качестве материала использовались тексты ядерного жанра научного дискурса – 3 708 научных статей разной тематической направленности, опубликованные в рейтинговых российских журналах.

Результаты и обсуждение. Научные работы, посвященные языковому выражению уступительных отношений в русском языке, демонстрируют сложность и неоднородность данного типа семантики и разные способы ее выражения. Проведенный анализ уступительных конструкций в научных статьях по филологии, истории, биологии, технике и информатике, экономике демонстрирует, что специализированными средствами выражения данных значений для научного стиля можно считать сложные предложения с союзами *несмотря/независимо от того, что, но, однако, хотя*, а также простые предложения с сочетаниями с предлогами *несмотря/независимо на, вопреки, независимо от* и др. На основе полученных количественных данных в статье представлено процентное соотношение уступительных единиц по научным статьям разной тематики, выявлены продуктивные средства выражения уступки для каждой тематики. С точки зрения содержания поля уступительности отмечены наиболее характерные для научного стиля частные значения уступки (уступительно-противительное, уступительно-ограничительное и реально-уступительное) и практически отсутствие иных значений, реализующихся в текстах других стилей русского языка (уступительно-предположительное, уступительно-возмездное и усиленно-уступительное значения).

Заключение. В результате проведенного исследования установлен средний показатель проявления уступительных отношений в статьях по разным тематикам научного стиля, отмечено содержательное, формальное и стилистическое варьирование уступительных единиц, выявлена корреляция между тематической направленностью рассматриваемых статей и определенными средствами выражения уступки, требующая дальнейшего изучения.

Ключевые слова: функциональная грамматика, уступительные отношения, вариативность языковых средств, научный стиль, научная статья

Для цитирования: Цао Лина. О вариативности способов выражения уступительных отношений (на материале статей научного стиля) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 34–44. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-34-44>

ON THE VARIATION OF THE WAYS OF EXPRESSING CONCESSIVE RELATIONSHIPS (ON THE MATERIAL OF SCIENTIFIC ARTICLES)

Cao Lina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, caolina272@gmail.com

Abstract

Introduction. The research is carried out within the framework of the theory of functional grammar and is aimed at studying semantic features of concessive relations and specialized means of their expression in Russian. The formal

© Цао Лина, 2022

and substantial variability of concessory constructions is noted, and an assumption of stylistic heterogeneity of language units expressing the semantics of concession is suggested.

Material and methods. In spite of the research of concessory constructions, including its representation as a constituent part of the conditionality field, the semantics of concession and its expressive means have not been previously examined from the aspect of functional and stylistic usage. The formal, semantic and stylistic variation of concessory units, conditioned by communicative settings and linguistic features of scientific style, are studied. The texts of the nuclear genre of scientific discourse – 3708 scientific articles of different thematic orientation, published in ranked Russian journals – were used as the material.

Results and discussion. Scientific works devoted to the linguistic expression of concessive relations in Russian demonstrate the complexity and heterogeneity of this type of semantics and different ways of its expression. The analysis of concessive constructions in scientific articles on philology, history, biology, engineering and information science and economics shows that complex sentences with the conjunctions *despite/disregarding that, but, however, although*, as well as simple sentences with the prepositions *despite/disregarding, despite, regardless of*, etc., can be considered as special means of expressing these meanings in scientific language. On the basis of the quantitative data obtained, the article presents the percentage ratio of concessory units in scientific articles on different topics and reveals the productive means of expressing the concession for each topic. From the point of view of the concession field, the most typical particular meanings of the concession (concessive-predicative, concessive-restrictive and real-concessive) and the absence of other meanings realized in other styles of the Russian language (concessive-predicative, concessive-retributive and reinforced-concessive meanings) were revealed.

Conclusion. As a result of the study the average indicator of concessory relations in the articles on different topics of scientific style was established, the substantive, formal and stylistic variation of concessory units was noted, the correlation between the thematic focus of the articles under consideration and certain means of expressing concession was revealed, which requires further study.

Keywords: functional grammar, concessive relations, variation of linguistic means, scientific style, scientific article

For citation: Cao Lina. O variativnosti sposobov vyrazheniya ustupitel'nykh otnosheniy (na materiale statey nauchnogo stilya) [On the Variation of the Ways of Expressing Concessive Relationships (on the Material of Scientific Articles)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 34–44 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-34-44>

Введение

Большинство современных лингвистических исследований основаны на функциональном подходе к описанию языковых явлений. Для функционализма язык интересен не столько как совокупность языковых единиц и уровней, грамматических правил их употребления, сколько как система парадигматических и синтагматических связей единиц (в том числе разных уровней) друг с другом с тем функционалом, который стоит за данными единицами и постоянно реализуется ими в речи. Именно поэтому функциональные исследования в большинстве случаев обращены к изучению языковой системы через речь, через реальное функционирование единиц.

Проблематика данного исследования находится в рамках теории функциональной грамматики, которая стремится ответить на вопрос, как функционирует языковая система, и направлена на описание закономерностей и правил функционирования грамматических и других единиц, участвующих в передаче содержания высказывания, функций языковых средств. Центральной идеей теории функциональной грамматики является положение о функционально-семантических категориях, которые рассматриваются как категории, имеющие определенное семантическое содержание и разнообразное языковое выражение. В свою очередь семанти-

ческие категории, отражающие универсальные понятийные константы (такие как пространство, время, количество и др.), представляют собой план содержания определенного функционально-семантического поля (ФСП) [1, с. 28]. Под полем понимается группировка разнородных средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих общие либо частные значения соответствующей семантической категории [2, с. 289].

Таким образом, функционально-семантическое поле – это семантическая категория в совокупности с системой средств ее выражения в данном языке [1, с. 17]. По мнению функционалистов, важно понимать, какие грамматические и лексические ресурсы предоставляет языковая система носителям языка для выбора при выражении того или иного смысла и как различные языковые ресурсы в рамках одной системы отличаются по выражаемому ими смыслу [3]. Именно поэтому изучение формально-структурной, семантической, дискурсивной и функционально-стилистической вариативности лингвистических ресурсов остается актуальным. Не составляет исключения и поле обусловленности, объединяющее единицы причины, цели, условия, следствия и уступки.

В любом естественном языке существует система логических отношений, выражающихся

прежде всего через комплекс союзов *и, или, если, потому что, поэтому* и др. Они используются для выражения логических отношений между явлениями, процессами и действиями в объективном мире, которые отражаются в сознании говорящего. Среди таких отношений уступительные отношения занимают важное место, имеют свои специализированные средства выражения и закономерности их использования в высказывании. «Русская грамматика...» характеризует отношения уступки следующим образом: «...два эпизода связаны друг с другом, и эпизод, выраженный придаточным предложением, не может быть достаточным основанием для сокращения другого эпизода, выраженного главным предложением, т. е. придаточное предложение либо выражает невыгодное условие, либо сообщает об обструктивном условии, либо содержит контраргументы, опровергающие или ограничивающие правильность и бесспорность обстоятельства, утверждаемого в главном предложении» [4, с. 585]. Содержательная многозначность уступительности порождает вариативность уступительных средств, предназначенных для выражения данного типа логических отношений.

В этой работе объектом исследования являются специализированные языковые средства выражения отношений уступительности; предметом анализа являются их семантические, формально-структурные и стилистические особенности в аспекте варьирования (в данном случае с учетом особенностей их реализации в разных сферах научного стиля).

Материал и методы

В современной русистике накоплен опыт изучения уступительных отношений. Языковые средства выражения уступки рассматриваются в трудах по синтаксису (см. исследования Н. С. Валгиной, В. Б. Евтюхина, О. А. Лавровой, Г. А. Мусатовой, Н. Ю. Шведовой, М. А. Шелякина, Юань Мяосюй и др.). В исследовании А. А. Биньковской представлена история формирования предлогов со значением условия и уступки в деловом русском языке. Полно и комплексно особенности выражения уступительных отношений представлены в академических учебных пособиях (см. работы Н. А. Андромоновой, С. А. Ильиной, Т. В. Поповой; Н. Е. Кожуховой; Л. С. Крючковой; В. А. Багрянцевой и др.). Отметим, что специальных работ, посвященных анализу способов выражения уступительных отношений в научном стиле речи пока не существует.

Настоящая работа выполняется в контексте функционального исследования средств выражения уступительности и выполнена на материале текстов научного стиля, который приобретает все большую значимость в условиях современного мира. В исследовании использованы описательный

метод, структурный метод (компонентный анализ, контекстуальный анализ), элементы метода количественной обработки данных.

Представляется общепринятым мнение, что в русском языке научный стиль речи чрезвычайно своеобразен, это подчеркивается в трудах М. Н. Кожиной, О. А. Лаптевой, Н. М. Лариохиной, О. Д. Митрофановой, В. А. Салимовского и др. Это характерно и для уступительных средств, однако данный тип единиц в основном рассматривается на материале сложноподчиненного предложения, при этом средства выражения уступки в функционально-стилистическом аспекте не изучались. На основе обобщения предыдущих исследований в данной статье рассматриваются единицы со значением уступки (как часть поля обусловленности) в простых и сложных предложениях.

В качестве материала нами был выбран ядерный для данного стиля жанр научной статьи и отобраны статьи по филологии, истории, биологии, технике и информатике, экономике, опубликованные в российских журналах «Мир русского слова» и «Вестник Томского государственного университета» в период с 2011 по 2020 г. Всего проанализировано 632 научные статьи по филологии, 1 344 – по истории, 489 – по биологии, 477 – по технике и информатике, 766 – по экономике. Контексты с уступительными конструкциями из данного журнала отбирались методом сплошной выборки и рассматривались с целью выявления типов уступительных конструкций, их процентного соотношения в текстах разной тематики, а также описания специфичных для текстов данного стиля средств выражения уступительности.

Результаты и обсуждение

Уступительные отношения составляют один из фрагментов ФСП обусловленности и исследовались в рамках теории функциональной грамматики [2]. Большинство лингвистов (Р. М. Теремова, Н. Е. Кухаревич, А. В. Богомоллова и др.) изучают уступительные отношения на материале сложноподчиненных предложений с придаточными уступки, поскольку данные отношения более явно и во всем своем содержательном объеме выражены именно в таких предложениях. Характеризуя семантику таких предложений, А. В. Богомоллова утверждает, что при уступительных отношениях главное предложение содержит необычные, неожиданные (а иногда и противоречивые) следствия [5, с. 22]. Кроме того, по мнению исследователей, уступка – «результат взаимодействия причинно-следственной, условно-следственной связи и противоположного отношения, а в основе уступительных предложений лежит противоположное отношение, которое существует между проявлением и

скрыванием двух результатов, а также между прямыми и перевернутыми результатами» [6, с. 6]. И. Е. Германович, обобщая опыт изучения уступительных отношений, выделяет их следующие основные черты: отношение двух противоположных явлений, наличие необычного и неожиданного результата, который определяется доминирующей причиной [7, с. 69]. М. В. Ляпон считает, что придаточное предложение сообщает об основной причине, причине свержения (обстоятельстве препятствия), которое не может быть достаточным основанием для отмены другого обстоятельства, выраженного главным предложением [8, с. 137].

Итак, в лингвистической литературе отмечается сложная семантическая сторона уступительности в русском языке, которая сочетает в себе несколько частных значений уступки, при этом варьируются и средства ее обозначения.

Со структурно-формальной точки зрения уступительные отношения можно охарактеризовать следующим образом: уступительность на уровне простого предложения и на уровне сложного предложения. Исследователи выделяют специализированные и неспециализированные способы выражения уступительных значений, при этом первые, в отличие от вторых, характеризуются наличием формально-грамматического показателя, в качестве которого выступают в основном соответствующий союз или предлог.

Представим средства выражения уступительных отношений в простых и сложных предложениях в виде схемы (рис. 1)



Рис. 1. Средства выражения уступительности в простых и сложных предложениях

В простом предложении (ПП) уступка выражается при помощи предложно-падежных сочетаний с предлогами *несмотря/невзирая на*, *вопреки*, *независимо от*, *при всём* и др.: **Несмотря на интерес к передаче светового сигнала в растениях, процессы от восприятия света фоторецептором до конечного физиологического ответа мало исследованы**

(Вестник Томского государственного университета. Биология. 2013. № 3 (23)).

В сложноподчиненных предложениях (СПП) уступительность передается при помощи придаточных уступительных с союзами и союзными словами *хотя*, *несмотря/невзирая на то что*, *пусть/пускай*, *как (бы) ни* и др.: **В настоящее время для этого нередко используют термин «свежая гарь», хотя далеко не всегда такой участок можно отнести к не покрытой лесом площади** (Вестник Томского государственного университета. Биология. 2015. № 3 (31)).

В сложносочиненных предложениях (ССП) уступительные отношения могут выражаться союзами *зато*, *но*, *однако* совместно с частицами *все-таки*, *все же*: **Количество МТ в норме в среднем составляет около 0,5 % от содержания GSH в клетке, однако в условиях действия избытка металлов оно способно существенно возрастать** (Вестник Томского государственного университета. Биология. 2015. № 3 (31)).

Таким образом, с одной стороны, в русском языке не существует одного формального показателя уступительности, одного типа языковых структур, выражающих отношения, указывающие на уступку; с другой стороны, средства выражения уступительных отношений варьируются на уровне простого и сложного предложения.

Не менее вариативна семантика уступительности. Она имеет характер обусловленности, отношения причастности одного события другому: такие отношения предполагают наличие в предложении с уступительной семантикой компонентов, обозначающих обстоятельства, которые противодействуют, препятствуют какому-либо действию, процессу или состоянию [9]. То есть уступка – это логическое противоречие между основанием и следствием; выражение недостаточного, отвергнутого основания; обратная обусловленность [10, с. 87]. Исследователи считают, что уступительные отношения имеют характер парадокса. Сообщаемое в уступительной части предложения выступает как потенциальная причина, оказавшаяся недостаточным основанием для того, чтобы отменить ситуацию, о которой сообщается в главном предложении [11, с. 200]. Соответственно, фактические и ожидаемые результаты часто являются противоположными. Кроме того, уступку рассматривают как отказ от чего-либо в пользу или интересах кого-либо; как соглашение, компромиссное решение. С помощью уступительных конструкций отражается соотношение действия и причины (причина должна мешать выполнению действия, но на самом деле действие все-таки осуществляется как ожидаемое вопреки причине) [9, с. 87]. В предложениях с уступительными конструкциями всегда

отражаются две ситуации или два события. Первая ситуация, рассматриваемая в уступительных конструкциях, не является достаточным основанием (препятствием) для отмены второй ситуации, находящейся в главной части предложения [12], хотя и ограничивает ее.

По мнению исследователей [13], с функционально-семантической точки зрения типы уступительной семантики неоднородны и варьируются от реально-уступительного до уступительно-возмездного.

Представим частные уступительные значения в виде схемы (рис. 2).

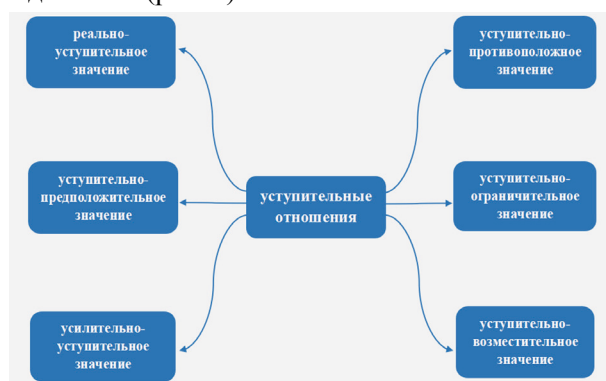


Рис. 2. Семантическая группа уступительных отношений

Охарактеризуем указанные значения.

Реально-уступительное значение

Данное значение рассматривается в качестве противопоставления реальному основанию: вопреки такому реальному основанию наблюдается фактическое следствие, противоположное ожидаемому. Реально-уступительное значение может выражаться и в простом предложении, и в сложном [13]: **Вопреки** усилиям трех федеральных структур, занимающихся природоохранной деятельностью, улучшения экологической ситуации в стране пока не наблюдается.

Уступительно-предположительное значение

Конструкции, имеющие уступительно-предположительное значение, отличаются наличием семы допущения, предположения. Событие-уступка обычно рассматривается как предположение или условие, а событие-следствие осуществляется при противоречии такому предположению или условию [13]. Типичными примерами являются сложноподчиненные предложения с уступительными союзами *пусть/пускай*, часто сочетающимися с усилительной частицей *и*. Именно союз вносит в значение придаточного предложения оттенок допущения, предположения: **Пускай** у нас будет мало времени, мы выполним работу.

Усилительно-уступительное значение

Важной характеристикой конструкций, имеющих усилительно-уступительное значение, является

наличие семы усиления, то есть событие-уступка рассматривается в качестве высокой степени проявления препятствующего, но недейственного основания. Усиление события-уступки выражают конструкции со словами как *(бы) ни, какой (бы) ни, каков (бы) ни, сколько (бы) ни, что (бы) ни, кто (бы) ни, где (бы) ни, куда (бы) ни, откуда (бы) ни* [13]: **Какой** вопрос мы **ни** задаем ему, он отвечает быстро и уверенно.

Уступительно-противоположное значение

Данное значение передают сложносочиненные предложения с союзами *но, однако* (иногда с употреблением единиц *все-таки, все же, все равно*, усиливающих значение уступительного союза) [13]: **Голос** у него еще ломался, **но** он прекрасно пел.

Уступительно-ограничительное значение

Данный тип уступительной семантики выражают сложные предложения с союзом *хотя*. Уступительные отношения в таких конструкциях ослабляются, дополнительно добавляется оттенок ограничения (между фактическим и ожидаемым следствием) [13]: **Хотя** русский язык труден для иностранцев, многие бизнесмены, работающие в России, стремятся изучать его.

Уступительно-возмездное значение

Уступительный характер возмездных отношений эксплицируется таким синтаксическим средством, как союз *зато*. Данный тип предложения подчеркивает, что то, о чем говорится в главной части с союзом *зато*, важнее того, что описывается в придаточной части [13]: **На** яблоне выросло только несколько яблок, **зато** все были крупные.

Таким образом, анализ плана выражения и плана содержания поля уступительности позволяет сделать вывод о его неоднородности, полицентричности и пересечении с другими составляющими поля обусловленности (следствия, условия и т. п.), в выражении которых задействованы как лексические, так и грамматические единицы, границы между которыми являются проницаемыми [14, с. 287] как в формальном, так и в содержательном отношении. Как представляется, уместно высказать предположение о варьировании уступительных средств и в стилистическом плане, о наличии специфики выражения уступительных отношений в текстах разных стилей.

Функциональные стили связаны с различными частными речетипами, выделяющимися в рамках общеэтнических речетипов, и соотносятся с различными сферами общения (научная, деловая, разговорно-бытовая и др.), за которыми стоят определенные логические отношения и средства их выражения.

На данном этапе проводимое исследование строится на материале текстов научного стиля, связан-

ного со спецификой научной и производственно-трудовой деятельности. Сферы его применения (наука, техника и производство) диктуют специфические черты стиля – логичность, семантическая точность (и ясность), объективность и последовательность выражения, отвлеченность, нежелательность разговорных и эмоциональных средств. Научный стиль представлен собственно-научным, научно-учебным, научно-деловым и научно-популярным подстилями и целым рядом научных жанров [15].

В качестве материала нами был выбран жанр научной статьи, который является одним из основополагающих жанров научной коммуникации, входит в ядерную зону жанровой структуры научного стиля [16, с. 23]. Научная статья предназначена для ознакомления научной общественности с результатами исследовательской деятельности ученого. Это первичный письменный жанр малой формы, относящийся к собственно научному (академическому) типу научных текстов, характеризующийся «открытой», «свободной», «мягкой» структурой [17, с. 58] и аккумулирующий все основные черты данного стиля.

Для выявления частных значений уступительности и средств их выражения нами были отобра-

ны статьи по тематике «филология», «история», «биология», «управление, вычислительная техника и информатика», «экономика», опубликованные в российских журналах «Мир русского слова» и «Вестник Томского государственного университета» в период с 2011 по 2020 г. Всего было проанализировано 632 научные статьи по филологии (средний объем статьи – 5–10 страниц), 1 344 – по истории (5–15 страниц), 489 – по биологии (15–25 страниц), 477 – по технике и информатике (5–10 страниц), 766 – по экономике (5–20 страниц); соответственно получены и проанализированы 7 710, 16 846, 2 959, 1 165, 6 392 контекста. Контексты с уступительными конструкциями из статей журналов отбирались методом сплошной выборки, далее определялись формально-структурные и семантические черты уступительности, подсчитывалось процентное соотношение разных типов уступительных конструкций, описывались специфические для текстов данного стиля средства выражения уступки.

Обобщенно процентное соотношение средств выражения уступительности в текстах статей пяти тематик научного стиля выглядит следующим образом (таблица).

Сводная таблица языковых средств уступительности в научных статьях разных тематик

Языковые средства уступительности	Частотность единицы				
	Статьи по филологии	Статьи по истории	Статьи по биологии	Статьи по технике и информатике	Статьи по экономике
Простые предложения					
ПП с предложно-падежной конструкцией <i>Несмотря/независимо на что...</i>	2,86 % (209+12)	7,64 % (1 272+16)	6,89 % (204+0)	2,92 % (34+0)	6,90 % (437+4)
ПП с предложно-падежной конструкцией <i>Вопреки чему...</i>	0,56 % (41)	0,70 % (117)	0,13 % (4)	0 % (0)	0,40 % (23)
ПП с предложно-падежной конструкцией <i>Независимо от чего...</i>	0,55 % (43)	0,27 % (44)	1,59 % (47)	2,92 % (34)	1,07 % (69)
ПП с предложно-падежной конструкцией <i>При всём/всей/всех</i>	0,86 % (66)	0,49 % (84)	0,78 % (23)	0,60 % (7)	0,66 % (42)
Сложноподчиненные предложения					
СПП с союзом <i>Несмотря/независимо на то что...</i>	1,22 % (94)	2,23 % (375)	2,50 % (74)	2,40 % (28)	2,33 % (149)
СПП с союзом <i>Независимо от того что...</i>	0,10 % (8)	0,09 % (16)	0,07 % (2)	0,43 % (5)	0,26 % (17)
СПП с союзом <i>Хотя (бы)</i>	8,82 % (597+83)	11,34 % (1 708+201)	8,15 % (208+33)	9,96 % (56+60)	7,50 % (409+71)
СПП с союзом <i>Пусть/пускай</i>	0,23 % (18)	0,57 % (95)	0,10 % (3)	0 % (0)	0,26 % (17)
СПП с союзным словом <i>Как/что/кто/сколько/когда/куда/где (бы) ни</i>	0,84 % (65)	0,23 % (39)	0,17 % (5)	0,60 % (7)	0,84 % (54)
Сложносочиненные предложения					
ССП с союзами <i>Но/однако все-таки/все же/все равно</i>	83,63 % (5 304+1 144)	75,91 % (8 495+4 295)	79,35 % (1 308+1 043)	80,17 % (500+434)	79,61 % (3 382+1 707)
ССП с союзом <i>Зато</i>	0,33 % (26)	0,53 % (89)	0,27 % (8)	0 % (0)	0,17 % (11)
ПП + СПП + ССП					
Общее количество конструкций	100 % (7 710)	100 % (16 846)	100 % (2 959)	100 % (1 165)	100 % (6 392)

Анализ статей по *филологии* выявил следующее процентное соотношение разных типов предложений с уступительными конструкциями (всего 7 710 контекстов):

ССП – 83,96 % с явным преобладанием конструкций с продуктивными для научного стиля в целом союзами *но* и *однако* (83,63 %): Полные конструкции в Национальном корпусе русского языка встречаются гораздо реже, **но** всё-таки встречаются и дают нам основание восполнять анализируемые (Мир русского слова. 2019. № 4); А однажды выдающийся японский патофизиолог академик Ютака Оокура читал в СПбГУ лекцию на английском языке, **однако** вся презентация лекции оказалась на языке японском (Мир русского слова. 2016. № 3).

СПП – 11,21 %: **Хотя** по возрасту Ферман принадлежал к поколению создателей русского «серебряного» века, по литературным пристрастиям он более был укоренен в XIX, «золотом» веке русской литературы (Мир русского слова. 2014. № 3).

ПП – 4,83 %: Проблема использования художественного текста в иноязычной аудитории, **несмотря на** богатую историю, продолжает интересовать методистов и преподавателей (Мир русского слова. 2019. № 4).

Отметим, что второе место после предложений с союзами *но* и *однако* занимают конструкции с союзом *хотя* (бы), которые стилистически нейтральны и используются и в разговорной, и в книжной речи: В японской послевоенной культуре создан особый тип языковой личности, эффективно и грамотно выстраивающей свое речевое взаимодействие в обществе, **хотя** именно этот тип поведения страдает механистичностью и автоматизированностью речевых поступков (Мир русского слова. 2012. № 4).

В данных статьях отмечается не только формальная вариативность средств уступительности, но и семантическая: основные выражаемые значения – уступительно-противоположное, уступительно-ограничительное и реально-уступительное.

Анализ статей по *истории* выявил следующее процентное соотношение разных типов предложений с уступительными конструкциями (16 846 контекстов):

СП – 90,90 % (из них СПП – 14,46 %; ССП – 76,44 %): Подчеркивая это обстоятельство, Н. С. Шатский в начале 1930-х гг. писал, что «в Сибири известно очень мало несомненных выходов нефти и других битумов, **зато** весьма многочисленны непроверенные указания на нефтепроявления» (Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 4 (30)).

ПП – 9,10 %: Это было сделано **вопреки** воле населения, считавшего предметы «достоянием

округа» (Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 1 (39)).

Для выражения уступительных отношений в данном случае употребляются сложные предложения с сочинительной и подчинительной связью с союзами *но/однако*, *хотя* (бы), *несмотря на то что*: Этот безусловный факт ныне оспаривается, **но** он считался само собой разумеющимся в то время (Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 1 (39)); Около четверти века тому назад приостановились стационарные исследования на Атасу, **хотя** эпизодические изыскания здесь не прекращались и поныне имеют место (Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 3 (35)); Последние две категории материалов имеют очень большое отношение к истории Крыма, **несмотря на то что** как будто к нему прямо не относятся (Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58).

Уступительные союзы *но* и *однако* широко используются в научных статьях по историческим наукам и составляют 75,91 %, с их помощью передается уступительно-противоположное значение. Кроме того, достаточно продуктивно представлены уступительно-ограничительное и реально-уступительное значения.

Анализ статей по *биологии* выявил следующее процентное соотношение разных типов предложений с уступительными конструкциями (2 959 контекстов):

СП – 90,61 % (из них СПП – 10,99 %, ССП – 79,62 %): Создание искусственного травостоя из высеванных многолетних злаков, **несмотря на то что** использованные виды считаются малоконкурентоспособными по отношению к древесным растениям [14], несомненно, влияет на культуры сосны, созданные посадкой семян (Вестник Томского государственного университета. Биология. 2018. № 43).

ПП – 9,39 %: Селен **независимо от** способа обработки повышал содержание основного фотосинтетического пигмента хлорофилла, ускорял развитие растений пшеницы сорта Новосибирская-15 и увеличивал их сухую биомассу (Вестник Томского государственного университета. Биология. 2011. № 2 (14)).

Отметим, что материал статей данной тематики демонстрирует общую картину для текстов научного стиля, для которого в целом характерна высокая частотность сложных предложений. Как и в предыдущих случаях, продуктивны уступительные союзы *но* и *однако* (79,35 %), передающие уступительно-противоположное значение: Количество МТ в норме в среднем составляет около 0,5 % от содержания GSH в клетке, **однако** в условиях дей-

ствия избытка металлов оно способно существовать (Вестник Томского государственного университета. Биология. 2015. № 3 (31)).

В целом, как и для статей по другим наукам, в статьях по биологии чаще других представлены уступительно-ограничительное и реально-уступительное значения.

Анализ статей по управлению, вычислительной технике и информатике выявил следующее процентное соотношение разных типов предложений с уступительными конструкциями:

СП – 93,56 % (из них СПП – 13,39 %; ССП – 80,17 %): Тем не менее, **хотя** разрешимость полученной системы и гарантирована линейной независимостью базисных функций, вопрос ее хорошей обусловленности остается открытым (Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. 2011. № 1 (14)); Оба описанных компонента системы предназначены для моделирования, **однако** математический аппарат компонентов существенно различается (Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. 2013. № 3 (24)).

ПП – 6,44 %: Коллекция – произвольный набор данных одного типа **независимо от** используемого хранилища (Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. 2014. № 1 (26)).

При выражении уступительных отношений в данных статьях преимущественно используются ССП с уступительно-противоположным значением (данный результат согласуется с подсчетами по биологическим и экономическим наукам): Такой «хромосомный» вид представления позволяет легко не только пробовать различные методы генерации начальной популяции, **но** и сопоставлять их с задачами линейного программирования (Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. 2012. № 2 (19)). Отметим, что в рассматриваемых текстах вообще не представлены уступительно-предположительное и уступительно-возмездное значения, так как данные области имеют дело с информацией в виде точных данных, сведений и фактов и требуют абсолютной достоверности.

Анализ статей по экономике выявил, что, даже несмотря на преобладание статей в журналах с экономической тематикой по сравнению с другими, в них отмечается явное преобладание уступительных конструкций (6 392 контекста), что, по-видимому, связано с большей официальностью, формализованностью данных текстов, требующих четкого и обязательного выражения значений сопричастности одного факта другому.

В ходе исследования было выявлено следующее процентное соотношение разных типов предложений с уступительными конструкциями:

ССП – 79,78 %: В заключение хотелось бы отметить, что обобщение результатов статистического наблюдения является рутинной работой статистиков, но в случае характеристики динамики развития информационного общества, традиционных методов построения вариационных рядов, группирования и классифицирования данных явно недостаточно (Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2012. № 1 (17)).

СПП – 11,19 %: Также при расчете искомой доли населения целесообразно включить и численность студентов вузов, **хотя** они и не относятся к экономически активному населению, поскольку именно студенты являются интеллектуальным трудовым потенциалом в будущем (Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2011. № 2 (14)).

ПП – 9,03 %: Тогда, **несмотря на** сохранение банком прежней стратегии ценовой дискриминации, показатель неравномерности распределения процентных ставок будет демонстрировать снижение масштабов дискриминации (Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2015. № 1 (29)).

Среди ССП первое место занимают сложносочиненные предложения с союзами *но* и *однако* (79,61 %), которые выражают уступительно-противоположное значение. Далее в качестве продуктивного средства отмечены конструкции с *несмотря на* (*то что*)/*независимо от* (*то что*) (в ПП 6,9 %: в СП 2,33 %): Законодательно установлена лишь часть государственных социальных гарантий, **однако** принципы их функционирования делают данную систему совершенно недееспособной (Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2011. № 1 (13)); Промышленность, **несмотря на** развитие других секторов экономики, продолжает сохранять свое значение (Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 42).

Заключение

Подводя итог анализа уступительных конструкций в текстах научных статей всех рассмотренных тематик, отметим средний показатель проявления уступительных отношений по тематикам научного стиля: 12,53 – история, 12,2 – филология, 6,05 – биология, 2,44 – управление, информатика, 2,44 – экономика¹. Полученные данные дают основание предполагать наличие определенной корреляции

¹ В данном случае общее количество контекстов с семантикой уступительности делилось на общее количество статей, в результате был получен показатель частотности уступительных конструкций в одной статье для текстов по каждой из рассмотренных тематик.

между тематической направленностью научных статей и использованием в них средств выражения уступительности и требуют дальнейшего изучения. По всей видимости, коммуникативно-целевая специфика текста обуславливает выражение в нем определенных типов логических отношений, «которые обнаруживают регулярную реализацию в текстах определенного дискурсивного профиля и определенного жанра в рамках дискурсивного профиля» [18, с. 247].

Проведенное исследование средств выражения уступительности в текстах научного стиля позволяет утверждать, что рассмотренные статьи демонстрируют разный процент использования в них уступительных конструкций, при этом наиболее частотным средством выражения данного типа значений является сложное предложение (как и для научного стиля в целом) с разными союзами (самый высокий показатель отмечен для статей по филологии). Таким образом, для плана выражения поля уступительности характерно ядро, сформированное сложными предложениями с союзами *но/однако, хотя (бы), несмотря на/несмотря на то что*. Довольно редко в научных текстах употребляются сложноподчиненные предложения с союзами *пусть/пускай* и сложносочиненные

предложения с союзом *зато* (что в целом не характерно для текстов научного стиля), составляющие периферию рассматриваемого поля.

В качестве наиболее часто передаваемых значений уступительности в исследуемых текстах отмечены уступительно-противительное, уступительно-ограничительное и реально-уступительное, которые организуют ядерную часть плана содержания поля уступительности, крайнюю периферию составляют уступительно-предположительное, уступительно-возмездительное и усилительно-уступительное значения.

Таким образом, проведенный анализ подтвердил отмеченную исследователями ранее семантическую и формальную вариативность средств выражения отношений уступительности и выявил закреплённость отдельных уступительных единиц за текстами научного стиля определенных тематик, что говорит о стилистической, а также дискурсивной вариативности этих средств.

В качестве перспективы исследования предполагается расширение материала, обращение к изучению средств выражения уступительности в текстах разных тематических *дискурсов* и анализу других отношений обусловленности и способов их выражения в научной речи.

Список источников

1. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 208 с.
2. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
3. Halliday M. A. C. Introduction to functional grammar. London: Arnold, 1994. 689 p.
4. Русская грамматика: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология: в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
5. Богомолова А. В. Уступительные конструкции с союзом «хотя» в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955. 18 с.
6. Печенкина Т. Г. Синтаксическая категория уступительности и формы ее выражения в русском литературном языке второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1976. 20 с.
7. Германович И. Е. Простое предложение, осложненное уступительным оборотом как фрагмент функционально-семантического поля уступительности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 17 с.
8. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст (к типологии внутритекстовых отношений). М.: Наука, 1986. 200 с.
9. Ильина С. А., Попова Т. В. Выражение обстоятельственных отношений в письменной книжной речи: учеб. пособие для студентов продвинутого этапа обучения, магистрантов и аспирантов. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 120 с.
10. Типология уступительных конструкций / В. С. Храковский, Р. Ницолова, Н. А. Козинцева и др. СПб.: Наука, 2004. 625 с.
11. Синтаксис: практ. пособие по русскому языку как иностранному / И. С. Иванова, Л. М. Карамышева, Т. Ф. Куприянова и др. СПб.: Златоуст, 2008. 364 с.
12. Цао Лина. Семантика уступительных конструкций в научных текстах // Проблемы преподавания филологических дисциплин в новых образовательных условиях. СПб.: СПбГПТД, 2021. С. 95–99.
13. Мусатова Г. А. Семантика уступки. Рязань: РВВДКУ, 2011. 185 с.
14. Стеклова Т. И. Если что и что если как факты современной русской речи: употребление, семантика, синтаксический статус // Сибирский филологический журнал. 2022. Вып. 2. С. 286–297. DOI: 10.17223/18137083/79/20
15. Таюпова О. И. Стилиевая дифференциация современного литературного языка // Российский гуманитарный журнал. 2013. Т. 2, № 1. С. 87–93.

16. Троянская Е. С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М.: Наука, 1984. С. 16–27.
17. Баженова Е. А., Котюрова М. П. Жанры научной литературы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 57–67.
18. Шашкова В. Н. Специфика проявлений модальных значений необходимости и возможности в профессиональном юридическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 245–262. DOI: 10.17223/19986645/75/12

References

1. Bondarko A. V. *Printsipy funktsional'noy grammatiki i voprosy aspektologii* [Printsiples of Functional Grammar and Issues of Aspectology]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 208 p. (in Russian).
2. Bondarko A. V. *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki: na materiale russkogo yazyka* [The theory of meaning in the system of functional grammar: on the material of the Russian language]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. 736 p. (in Russian).
3. Halliday M. A. K. *Vvedeniye v funktsional'nuyu grammatiku* [Introduction to functional grammar]. London, Arnold Publ., 1994. 689 p.
4. *Russkaya grammatika: Fonetika. Fonologiya. Udareniye. Intonatsiya. Slovoobrazovaniye. Morfologiya: v 2 tomakh* [Russian Grammar: Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word-formation. Morphology: in 2 volumes]. Ed. N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vol. 1. 783 p. (in Russian).
5. Bogomolova A. V. *Ustupitel'nyye konstruksii s soyuzom "khotya" v sovremennom russkom literaturnom yazyke: Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Concessive constructions with the conjunction "though" in the modern Russian literary language. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Leningrad, 1955. 18 p. (in Russian).
6. Pechenkina T. G. *Sintaksicheskaya kategoriya ustupitel'nosti i formy yeye vyrazheniya v russkom literaturnom yazyke vtoroy poloviny XIX veka. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Syntactic category of concession and forms of its expression in the Russian literary language of the second half of the nineteenth century. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Leningrad, 1976. 20 p. (in Russian).
7. Germanovich I. E. *Prostoye predlozheniye, oslozhnennoye ustupitel'nyim oborotom kak fragment funktsional'no-semanticheskogo polya ustupitel'nosti* [The simple sentence complicated by a concessive turn as a fragment of the functional-semantic field of concessionality]. Moscow, 1986. 17 p. (in Russian).
8. Lyapon M. V. *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst (k tipologii vnutritextovyykh otnosheniy)* [The semantic structure of a compound sentence and the text (To the typology of intratextual relations)]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 200 p. (in Russian).
9. Il'ina S. A., Popova T. V. *Vyrazheniye obstoitel'stvennykh otnosheniy v pis'mennoy knizhnoy rechi: uchebnoye posobiye dlya studentov prodvinutogo etapa obucheniya, magistrantov i aspirantov* [Expression of tsircumstantial relations in written book speech: Textbook for advanced students, undergraduates and graduate students]. Tambov, Tambov State Technical University Publ., 2007. 120 p. (in Russian).
10. Khrakovskiy V. S., Nitsolova R., Kozintseva N. A. *Tipologiya ustupitel'nykh konstruksiy* [Typology of concessive constructions]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004. 625 p. (in Russian).
11. Ivanova I. S., Karamysheva L. M., Kupriyanova T. F. et al. *Sintaksis: prakticheskoye posobiye po russkomu yazyku kak inostrannomu* [Syntax: Practical Guide to Russian as a foreign language]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2008. 364 p. (in Russian).
12. Cao Lina. *Semantika ustupitel'nykh konstruksiy v nauchnykh tekstakh* [Semantics of concessive constructions in stsiyentific texts]. *Problemy prepodavaniya filologicheskikh distsiplin v novykh obrazovatel'nykh usloviyakh* [Problems of teaching philological disciplines in the new educational conditions]. Saint Petersburg, SPbGTD Publ., 2021. Pp. 95–99 (in Russian).
13. Musatova G. A. *Semantika ustupki* [Semantics of concession]. Ryazan, RVVDKU Publ., 2011. 185 p. (in Russian).
14. Steksova T. I. *Esli chto i chto esli kak fakty sovremennoy russkoy rechi: upotrebleniye, semantika, sintaksicheskii status* [If what and what if as facts of modern Russian speech: usage, semantics, syntactic status]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 286–297 (in Russian).
15. Tayupova O. I. *Stilevaya differentsiatsiya sovremennogo literaturnogo yazyka* [Style differentiation of modern literary language]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Liberal Arts in Russia*, 2013, vol. 2, no. 1, pp. 87–93 (in Russian).
16. Troyanskaya E. S. *Polevaya struktura nauchnogo stilya i yego zhanrovyykh raznovidnostey* [Fiyeld structure of stsiyentific style and its genre varieties]. *Obshchiye i chastnyye problemy funktsional'nykh stiley* [General and particular problems of functional styles]. Moscow, Nauka Publ., 1984. Pp. 16–27 (in Russian).
17. Bazhenova E. A., Kotyurova M. P. *Zhanry nauchnoy literatury* [Genres of stsiyentific literature]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Ed. M. N. Kozhina. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006. Pp. 57–67 (in Russian).
18. Shashkova V. N. *Spetsifika proyavleniy modal'nykh znacheniy neobkhodimosti i vozmozhnosti v professional'nom yuridicheskoy diskurse* [Spetsifitsity of manifestations of modal meanings of necessity and possibility in professional legal discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal. Philology*, 2022, no. 75, pp. 245–262 (in Russian).

Информация об авторе

Цао Лина, аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Cao Lina, postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 30.08.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 30.08.2022; accepted for publication 01.10.2022

УДК 811.512.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-45-51>

КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ ЗРИТЕЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Раиса Петровна Иванова¹, Татьяна Леонтьевна Верхотурова²

¹ *Политехнический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета
им. М. К. Аммосова в г. Мирном, Мирный, Россия, raissal@yandex.ru*

² *Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, taverkh@mail.ru*

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу языковых единиц, объективирующих категорию зрительной перцепции в якутском языке в когнитивно-семиотическом аспекте. Изучение фундаментальных категорий укрупненного статуса, таких как перцепция, является одной из важных задач современной антропологической лингвистики, в центре которой стоит человек как когнитивно-перцептивный субъект, функции его когнитивной (перцептивной) системы и мир человеческого опыта.

Материал и методы. Материалом исследования послужили лексикографические источники якутского языка, корпус якутского языка, художественные произведения. В работе применяется когнитивно-семиотический подход, опирающийся на современные междисциплинарные теории восприятия. Репрезентация категории зрительной перцепции в якутском языке рассматривается в трех основных ракурсах – семантическом, синтаксическом и метафорическом.

Результаты и обсуждение. Подробно описывается пласт лексики якутского языка, относящийся к вербализации процесса зрительной перцепции. Посредством такой лексики говорящий задает самые различные параметры восприятия: пространственный, временной, качественный, оценочный, экспрессивный и модальный. Рассматриваются синтагматические особенности лексем зрительной перцепции, а именно значимые сочетания ядерного глагола *көр* с наречиями, характеризующими процесс зрительной перцепции и содержащими оценку наблюдателя.

Заключение. Полученные данные свидетельствуют о том, что в большинстве случаев лексемы зрительной перцепции служат для обозначения не только собственно процесса перцепции, но имеют огромный знаковый потенциал, охватывающий различные сферы человеческой жизнедеятельности. Как показали результаты когнитивно-семиотического анализа, ведущим является оценочный параметр. Почти каждая единица якутского лексикона содержит личностную оценку не только процесса, но и участников зрительной перцепции с позиции наблюдателя. Лексика зрительной перцепции, таким образом, играет огромную роль в познании и означивании мира человеком. Специфическим для якутского языка является то, что зрительная лексика выполняет модально-экспрессивную функцию и несет значимую информацию об отношении говорящего субъекта-наблюдателя к участникам процесса зрительной перцепции, об оценке самого процесса, ситуации в целом.

Ключевые слова: перцепция, когниция, семиотика, зрительное восприятие, языковая картина мира, семиотический ландшафт, части речи, словосочетание, параметр, якутский язык

Для цитирования: Иванова Р. П., Верхотурова Т. Л. Когнитивно-семиотический анализ лексики зрительной перцепции в якутском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 45–51. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-45-51>

COGNITIVE-SEMIOTIC ANALYSIS OF VISUAL PERCEPTION VOCABULARY IN THE SAKHA LANGUAGE

Raisa P. Ivanova¹, Tatiana L. Verkhoturova²

¹ *Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Mirny,
The republic of Sakha, Russian Federation, raissal@yandex.ru*

² *Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication of Irkutsk State University, Irkutsk,
Russian Federation, taverkh@mail.ru*

Abstract

Introduction. The article is devoted to the analysis of linguistic units that verbalize the category of visual perception in the Sakha language in the cognitive-semiotic aspect. The study of major categories, such as perception,

is one of the important objectives of modern anthropological linguistics, in the center of which is a person as a cognitive-perceptual subject, the functions of his cognitive (perceptual) system and the world of human experience.

Material and methods. The research material used is the dictionaries of the Sakha language, the corpus of the Sakha language, literary works. The authors implement a cognitive-semiotic approach based on modern interdisciplinary theories of perception. The representation of the category of visual perception in the Sakha language is considered in three main perspectives – semantic, syntactic and metaphorical.

Results and discussion. The article presents a detailed description of the Sakha language vocabulary related to the verbalization of the process of visual perception. Through such vocabulary, the speaker sets a variety of parameters of perception: spatial, temporal, qualitative, evaluative, expressive and modal. Also, the syntactic features of visual perception lexicon are considered, namely, significant combinations of the nuclear verb *kōr* with adverbs characterizing the process of visual perception and expressing the observer's evaluation.

Conclusion. The data obtained indicate that in most cases the lexemes of visual perception serve to denote not only the actual process of perception, but have a huge signemic potential covering different spheres of human activity. The leading parameter, as shown by cognitive-semiotic analysis, is evaluative. Almost every lexeme of the Sakha lexicon contains a personal assessment of not only the process, but also the participants of visual perception. The vocabulary of visual perception thus plays a huge role in cognition and signification of the world. What is specific to the Sakha language is that visual vocabulary performs a modal-expressive function and carries a huge amount of information about the attitude of the speaking subject to the participants of the process of visual perception, about the evaluation of the process itself and the situation as a whole.

Keywords: perception, cognition, semiotics, visual perception, linguistic view of the world, semiotic landscape, parts of speech, phrase, parameter, the Sakha language

For citation: Ivanova R. P., Verkhoturova T. L. Kognitivno-semioticheskiy analiz leksiki zritel'noy pertseptii v yakutskom yazyke [Cognitive-Semiotic Analysis of Visual Perception Vocabulary in the Sakha Language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 45–51 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-45-51>

Введение

Концепции восприятия, разрабатываемые в языкознании, чрезвычайно разнообразны. Они учитывают как воспринимаемый, наблюдаемый мир, так и наблюдающего его субъекта, другими словами, когнитивно-перцептивного субъекта (наблюдателя), вовлеченного не только в акты перцепции как таковой, но и выражающего значимые для него оценки различного статуса [1].

Завершение категоризации перцептивно-когнитивного опыта осуществляется в языке [2] – лингвисты всегда имеют дело с языковой картиной мира, которая, в свою очередь, культурно обусловлена. В самом деле когнитивное взаимодействие с действительностью, с одной стороны, начинается с восприятия, с другой – находит выражение в языковой деятельности (language) [3, с. 155]. Это означает, что в различных культурах воспринимаемые, подвергающиеся когнитивной «обработке» объекты, процессы, сущности, феномены и т. д. наделяются неодинаковыми, несхожими значимостями. Перцепты (образы воспринятого) в таком случае в зависимости от значительности, важности получают различное оформление в языках. Но когда возникает идея значимости, особой выделенности, то происходит приближение к области семиотики, формированию и (или) интерпретации знаков и знаковых систем. Перцепция как культурно обусловленный процесс регистрации сенсорных стимулов представляет собой значимый опыт, указывающий на необходимость семиотического подхода – исследования знаковой природы воспри-

ятия, так как возможность познания мира обеспечивается переводом реальности в знаковую (значимую) форму выражения, прежде всего в языковую [4].

Мы исходим из позиции Джеймса Гибсона, утверждающего, что мир, с которым находится в постоянном когнитивном взаимодействии обычный человек, – это «экологический мир», а не физическая действительность с математическими или физическими объектами [5]. Экологический мир, мир экологических объектов, обладающих значением, представляет собой значимый мир [1, с. 56].

В исследованиях восприятия из недр биосемиотики обнаруживаются три категории, три понятия применительно к миру проживания человека как живого существа – окружающая среда в географическом, материальном смысле (environment), умвелт как биологически значимая среда обитания, воспринимаемая и осмысляемая конкретными биологическими особями (Umwelt), и достаточно недавно появившееся понятие ландшафта с определенной семиотикой (semiotic landscape) [6]. Это понятие описывает исторически обусловленный опыт взаимодействия живых организмов с физической окружающей средой и предыдущие взаимодействия человека с другими живыми особями, разделяющими данный конкретный ландшафт. Он представляет собой некоторый постоянно поддерживаемый процесс культурного, социального и индивидуального взаимодействия, включающего физические и ментальные аспекты.

Целью предлагаемой статьи является когнитивно-семиотический анализ языковой картины мира якутского этноса, представление в якутском языке категории перцепции, конкретно: исследование одного из главных модусов восприятия – зрения.

Материал и методы

В работе категория зрительной перцепции рассматривается в трех основных семиотических ракурсах – семантическом, синтаксическом и метафорическом.

Материалом исследования послужили русско-якутские переводные словари, толковые словари якутского языка, а также корпус якутского языка, художественные произведения.

Результаты и обсуждение

Отличительные особенности якутского языка

Прежде чем приступить к когнитивно-семиотическому анализу категории зрительной перцепции, считается целесообразным и необходимым остановиться на некоторых фонетических, лексических и грамматических особенностях якутского языка.

Якутский язык (язык саха) – национальный язык якутов, является, наряду с русским, одним из государственных языков Республики Саха (Якутия) – крупнейшего субъекта Российской Федерации. Относится к тюркской группе языков [7].

Якутский язык находится на географической периферии тюркоязычного мира и значительно отличается от других тюркских языков.

В фонетике для него характерно сохранение первичных долгих гласных и дифтонгов, исчезнувших в большинстве тюркских языков. В нем нет шипящих согласных, в то время как в остальных тюркских языках они широко представлены. Ударение в языке саха всегда падает на последний слог [8].

Весьма значительна специфика якутского языка в области лексики, что связано с многочисленностью заимствований из монгольского, эвенкийского и русского языков. Якутский язык больше других испытал на себе влияние монгольского языка, около 10 % современного словарного состава якутского языка – монголизмы [9]. В активной лексике якутского языка имеется около 2 500 слов монгольского происхождения; что касается русских заимствований, то их уже в дореволюционный период насчитывалось более 3 000 [10]. Заимствования из эвенкийского – это исключительно якутская черта, так как «в результате многовековых контактов и соседства у этих народов сформировалась единая концептуальная система мировосприятия» [11].

Другое отличие исследуемого языка от тюркских языков в том, что он почти не содержит слов арабского и персидского происхождения.

Кроме того, в лексике языка саха имеется много древних слов предположительно палеоазиатского происхождения, что сближает его с языками, зафиксированными в орхон-енисейских письменных памятниках VI–VIII вв., но отдаляет от других тюркских языков.

Грамматика. Структура якутского языка агглютинативная. Имеются элементы аналитизма, флексия в стяжённых формах.

Синтаксис типично тюркский с рядом особенностей: слова, связанные подчинительной связью, образуют группу члена предложения, приравненную к слову и принимающую общий словоизменяемый и словообразовательный аффикс. Прямое дополнение может быть оформлено в пяти падежах (основном винительном, винительно-собирательном, частном, исходном в зависимости от степени охвата действием).

В якутском языке 20 времен глагола, только прошедшего времени – семь видов: недавно прошедшее, давнопрошедшее, прошедшее результативное, прошедшее эпизодическое, прошедшее незаконченное, преждепрошедшее, давнопрошедшее эпизодическое [12].

Литературный якутский язык сформировался под влиянием языка фольклора в конце XIX – начале XX в. на основе центральных говоров. Первая книга – переводная миссионерская литература – была издана в 1812 г. Использовалось несколько систем письменности (все на кириллической основе): миссионерская, на которой публиковалась в основном литература церковного содержания; бётлингковская, на которой выходили научные публикации и первые периодические издания; и письменность на русском гражданском алфавите. В 1922 г. был введен алфавит С. А. Новгородова, созданный на основе международной фонетической транскрипции; в 1930–1940 гг. существовала письменность на латинской основе, с 1940 г. – на основе русской графики с некоторыми дополнительными буквами [7].

Якутский язык является одним из наиболее хорошо изученных тюркских языков. Первое его фундаментальное описание («О языке якутов») было выполнено санскритологом О. Н. Бётлингом (опубликовано на немецком языке в Петербурге в 1851 г.; в 1990 г. издано в русском переводе). Впоследствии важное значение имели труды Э. К. Пекарского («Словарь якутского языка», 1907–1930), В. В. Радлова («Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам», 1908), Д. Хитрова, С. В. Ястремского, позднее Л. Н. Харитоновой, Е. И. Убрятовой, Н. Е. Петрова, П. А. Слепцова и других исследователей. В настоящее время фундаментальными и прикладными исследованиями в области якутского языкознания занимаются

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, Институт языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации. Зрительная лексика в работах по якутскому языкознанию рассматривалась, например, в рамках исследования терминов цветообозначений [13]. В предлагаемой работе данный пласт лексикона якутского языка рассматривается с точки зрения когнитивно-семиотического подхода и описывается в трех ракурсах: семантическом, синтаксическом и метафорическом.

Лексика зрительной перцепции в якутском языке

Зрительная лексика является наиболее представительной, по данным лексикографических источников якутского языка [14–16]. Данная сфера вербализуется преимущественно глаголами и наречиями, характеризующими процесс зрительной перцепции. Глагольная лексика зрительной перцепции многочисленна, глаголы функционируют в конструкциях с наречиями, характеризующими тот или иной параметр процесса зрительной перцепции: качественный (смотреть внимательно, широко раскрыв глаза), временной (смотреть долго, смотреть снова и снова), пространственный (смотреть кругом, смотреть прямо). Огромный пласт лексики содержит оценочный параметр и выражает положительную (смотреть влюбленно, смотреть влюбленными глазами) и отрицательную (смотреть с осуждением, смотреть укоризненно) оценку субъекта зрительной перцепции.

Ядерным глаголом зрительной перцепции является *көр* – смотреть, глядеть, видеть, наблюдать. Он обладает наиболее широким и нейтральным значением, а также часто используется при определении других номинантов зрительной перцепции. В сочетании с наречиями способен обозначать все качественные, временные, пространственные, а также положительные и отрицательные характеристики процесса зрительной перцепции.

Временной параметр актуализируется в конструкциях с деепричастием, в которых *көр* выступает в роли вспомогательного глагола со значением «пробовать, пытаться, сметь», в них реализуется значение кратковременного однократного действия: *амсайан көр* = попробовать на вкус (по значению похоже на конструкцию *have a look/smoke/glance*, означает однократное, кратковременное действие); *кэтэн көр* = примерить (на себя) что-л. (*кэтэн* – деепричастие от *кэт* – надень, реализует временной параметр однократного кратковременного действия, досл. надень и посмотри).

Көр в сочетаниях с перцептивными глаголами в подобных конструкциях с деепричастием актуализирует смысл «получить перцептивный опыт»: *сыллаан көр*, *сытырбаан көр*, *сыгсыһан көр* = по-

нюхать; *бигээн көр*, *туппахтаан көр* = потрогать, пощупать.

Фразеологический оборот *көрөн баран чыпчылыһыах бэтэрээ өттүнэ* [15] = в мгновение ока (досл. после увиденного не успеешь даже моргнуть) также актуализирует параметр кратковременного процесса зрительной перцепции.

Множественная форма *көрүтэлээ* обозначает многократный процесс зрительной перцепции (видеть много раз, смотреть много раз).

В этой же форме актуализируется пространственный параметр: смотреть кругом, осматриваться, оглядываться; *тула көрүтэлээ* = оглянуться кругом.

Пространственный параметр также встречается в словосочетаниях: *утары көр* = смотреть прямо, в упор; *уун утары көр* = смотреть прямо в глаза.

Оценочный параметр представлен широко и присутствует почти во всех высказываниях с перцептивной лексикой.

Положительная оценка субъекта зрительной перцепции актуализируется в словосочетаниях с наречием: *тапталаахтык көр* = смотреть влюбленно, смотреть влюбленными глазами, смотреть любящими глазами:

Ирина ийэтин тапталаахтык көрөн аһарар, бүтэйдии манньыйар [17]. Ирина смотрит на мать любящими глазами и тихо радуется (перевод наш. – Р. И.).

Данное словосочетание с наречием репрезентирует положительную характеристику зрительной перцепции, а также выражает отношение смотрящего к объекту: смотрит любящими глазами, то есть любит. Как показывает анализ, в якутском языке чувства и эмоции не выражаются напрямую, а опосредованы лексикой перцепции с наречиями, содержащими субъективную оценку, последние выражают чувства и эмоции, отношения между людьми. В семантической структуре подобных конструкций, выражающих оценку, кроме основных участников процесса перцепции присутствует фигура стороннего наблюдателя, которому и принадлежит оценка ситуации и связанное с ним умозаключение.

Сочетания ядерного глагола с наречиями, обозначающими различные параметры процесса зрительной перцепции, отличаются многообразием способов оценки. В основном преобладают конструкции с отрицательной оценкой.

Рассмотрим вначале фрагменты с положительной оценкой процесса зрительной перцепции, так как их немного:

Эйбэстик арылыччы көрбүт киэн харахтаах, сыыйыллаҕас хаастаах, отон курдук обуйук уостаах этэ [17]. Она смотрела так нежно, с широко раскрытыми глазами, брови у нее были изогнутые, а губы красные, как брусника (перевод наш. – Р. И.).

Эйбэстик арылыччы көрбүт = смотреть нежно, с широко раскрытыми глазами.

Как становится ясным из приведенного фрагмента языкового материала из национального корпуса якутского языка, актуализируется положительная оценка процесса зрительной перцепции с точки зрения наблюдателя. Основное внимание уделяется тому, как именно смотрит субъект перцепции, в таких конструкциях наречие позволяет нам понять отношение наблюдателя к субъекту зрительной перцепции. Таким образом, можно сделать вывод о том, что наречия зрительной перцепции выполняют модальную функцию в якутском языке: смотрит нежно, с широко раскрытыми глазами, значит, добрая, нежная, красивая, искренняя.

Наречия в сочетании со зрительным предикатом *көр* могут также выполнять характеризующую функцию и описывать самого субъекта зрительной перцепции: *өтөрү-батыры көр* = смотреть смелым, пронизывающим взглядом; разглядывать смело и дерзко:

Кэрэ Кэтэриинэ абатын сирэйин хатыылаах харабынан өтөрү-батыры көрүтэлээтэ [17]. Прекрасная Катерина смотрела на отца пронизывающим смелым взглядом (перевод наш. – Р. И.).

Данное глагольное сочетание с наречием характеризует субъекта зрительной перцепции как человека смелого, не боящегося чужого мнения. Другими словами, в якутском языке внутренний мир человека, его характер вербализуется опосредованно через описание процесса перцепции сторонним наблюдателем. В связи с этим сочетание наречия с глаголом зрительной перцепции следует признать значимым. Также важно отметить, что часто в языке саха оценка и умозаключение формируются наблюдателем перцептивного акта.

Далее рассмотрим конструкции с ядерным глаголом в сочетании с наречиями, актуализирующими отрицательную оценку субъекта перцепции.

Характерной чертой якутской перцептивной лексики является то, что в ней содержится оценка и отношение наблюдателя к субъекту зрительной перцепции. Описание того, как он смотрит, содержит имплицитную оценку и отношение наблюдателя к субъекту перцепции. Как нам представляется, это является элементом специфической картины мира якутского языка, в которой любое действие подвергается личностной оценке и внутреннему анализу, а также формированию определенного отношения к объекту наблюдения.

Интересным в этом отношении является сочетание глагола зрительной перцепции с наречием *олчоччу көр* = смотреть выпученными косыми глазами; смотреть одним выпученным глазом (об одноглазом).

В основном такое сочетание встречается в текстах олонхо – якутского народного эпоса, признанного памятником нематериального наследия ЮНЕСКО. В сюжете олонхо, самом крупном эпическом жанре якутского фольклора, сохраняются сказочно-мифологические мотивы.

В олонхо словосочетание *олчоччу көр* употребляется для характеристики одноглазого чудовища, актуализируя отрицательную оценку автором данного существа. Качественный параметр зрительной перцепции переносным, образным способом характеризует субъекта перцепции, то, как он смотрит, важно для формирования определенного отношения и мнения о данном *чудовище*. Иначе говоря, адвербиальные сочетания с ядерным глаголом зрительной перцепции развивают модальное значение и эксплицируют отношение наблюдателя к субъекту перцепции.

Как показывает анализ словосочетаний наречие + глагол *көр*, несколько вариантов актуализируют значение «смотреть с выпученными глазами», и все они репрезентируют отрицательную оценку субъекта перцепции и характеризуют его как человека глупого, с узким мышлением, не способного думать аналитически: *күлтэччи көр* = смотреть выпученными глазами; *күртэччи көр* = смотреть выпученными глазами; *төгүрүччү көр* = смотреть круглыми глазами; *бүлтээриччи көр* = безмятежно смотреть большими выпуклыми глазами; *мэндээриччи көр* = бессмысленно широко раскрытыми глазами (смотреть); *олоор-чолоор көр* = смотреть по сторонам широко раскрытыми невыразительными глазами. Например:

Киһи хараба эмиэ иччилээх: «Иччитэ суобунан көрүү» диэн этии өйө суох киһи мээнэнэн, мэндээриччи көрөрүн бэлиэтиир [17]. У человеческого глаза тоже есть дух: «смотреть бездушно», обозначает глупого человека, смотрящего бессмысленно с широко раскрытыми глазами (перевод наш. – Р. И.).

Интересно отметить, что некоторые наречные словосочетания включают значения, характеризующие орган зрения, например, его цвет или форму: *арылыччы көр* = смотреть большими светлыми глазами; *хараарчы көр* = смотреть черными круглыми глазами; *өгүрүк-төгүрүк көр* = удивленно смотреть большими черными глазами. Особенно негативно звучат словосочетания: *оспоччу көр* = смотреть узкими глазами с распухшими веками; *дыабаччы көр* = смотреть из-под опухших век.

Интенсивность зрительной перцепции также передается наречными сочетаниями с ядерным глаголом: *турулчу көр* = смотреть пристально; *дьөлө көр* = сверлить взглядом; смотреть пристально; *тобулу көр* = смотреть пристально, сверлить глазами. Все они содержат отрицательный оттенок. Возможно, в культуре саха смотреть на кого-либо

пристально не является признаком хорошего воспитания:

Ол ун-улахан харах миигин **тобулу көрдө** [17]. Этот огромный глаз просверлил меня насквозь (перевод наш. – Р. И.).

В данной конструкции с метонимическим переносом описывается процесс интенсивного перцептивного зрительного действия, который оценивается объектом, который также является наблюдателем, посредством сочетания наречие + көр отрицательно: ему было неприятно, что на него так пристально смотрят.

Отрицательная оценка субъекта зрительной перцепции также наблюдается в словосочетаниях с наречиями: *кынчаччы көр* = смотреть сбоку, косо, оценивая, высокомерно; *өһөччү көр* = смотреть упрямо, мрачно, злобно; *уоран көр* = смотреть украдкой, исподтишка, незаметно, воровски.

Данные словосочетания характеризуют субъекта перцепции как человека высокомерного (*кынчаччы көр*), упрямого и злобного (*өһөччү көр*), скрытного (*уоран көр*), реализуя оценочную функцию наречий.

Ряд наречных словосочетаний репрезентируют оценку наряду с качественным параметром: *чөр-*

бөччү көр = настороженно смотреть; *энээх-чоноох көр* = пытливо всматриваться в кого-л., во что-л.; смотреть ожидающе, с опаской на кого-, что-л.

Словосочетание *абааһы көр* = ненавидеть, питать презрение, букв. видеть черта, выражает интенсивные негативные чувства и эмоции.

Таким образом, сочетания ядерного глагола *көр* с наречием номинируют широкий спектр способов осуществления значимых для носителей языка перцептивных действий, причем они содержат оценку сторонним наблюдателем не столько самой перцепции, сколько его участников, людей, животных, реализуя одновременно номинативные и модально-экспрессивные функции. То, как смотрит субъект перцепции, характеризует его самого, или то, как он смотрит на объект перцепции, является симптомом (знаком) его чувства к нему и т. д.

В целом в языке саха оценочно-семиотический параметр присутствует в каждой языковой единице. Любое взаимодействие с миром подвергается оценке, а в языке данная оценка получает свое выражение в модально-экспрессивных лексических единицах, содержащих перенос значения, метафору и иронию, которые легко считываются представителями данного языкового сообщества.

Список источников

1. Верхотурова Т. Л. Фактор наблюдателя в языке науки. Иркутск: ИГЛУ, 2008. 289 с.
2. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Наука, 1996. 248 с.
3. Maturana H. R. Biology of self-consciousness // Consciousness: Distinction and reflection. Naples: Bibliopolis, 1995. P. 145–175.
4. Бразговская Е. Е. Семиотика. Языки и коды культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. 187 с.
5. James J. Gibson. The ecological approach to visual perception. Classic Edition published 2015 by Psychology Press. 347 p.
6. Lindström K., Tønnessen M. Introduction to the Special Issue Semiotics of Perception. Being in the World of the Living – Semiotic Perspectives // Biosemiotic. 2010. Вып. 3 (3) P. 257–261. DOI: 10.1007/s12304-010-9073-1
7. Слепцов П. А. Якутский литературный язык: истоки, становление норм. Новосибирск, 1986. 260 с.
8. Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Ч. 1: Фонетика и морфология. Якутск, 1947. 313 с.
9. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 116 с.
10. Антонов Н. К. Якутский язык // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997.
11. Afanasieva E. N., Ivanova R. P. The Sakha and the Evenk: Fundamentals of Common Conceptual Space // Journal of Siberian Federal University. 2016. P. 2298–2304. DOI: 10.17516/1997-1370-2016-9-10-2298-2304
12. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. М.; Л., 1950. Т. 1. 304 с.; Новосибирск, 1976. 214 с.
13. Афанасьева Е. Н. Развитие семантики цветообозначений үрүн и манан в якутском языке как свидетельство языковых контактов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 45–56.
14. Якутский словарь онлайн. URL: <https://sakhatyla.ru/> (дата обращения: 25.05.2022).
15. Нелунов А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Ч. II (Л–Э). Новосибирск, 2002. 419 с.
16. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед.; под общ. ред. акад. Акад. наук Респ. Саха (Якутия) П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 4 (Буква К). 2007. 670 с.
17. Корпус якутского языка / Л. С. Загорщикова, И. З. Борисова, А. А. Романенко. СВФУ – НГУ, 2012. URL: <http://adictsakha.nsu.ru/> (дата обращения: 23.05.2022).

References

1. Verkhoturova T. L. *Faktor nablyudatelya v yazyke nauki* [Observer factor in the language of science]. Irkutsk, IGLU Publ., 2008. 289 p. (in Russian).

2. Kubryakova E. S. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A concise dictionary of cognitive terms]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 248 p. (in Russian).
3. Maturana H. R. Biology of self-consciousness. *Consciousness: Distinction and reflection*. Naples, Bibliopolis Publ., 1995. Pp. 145–175.
4. Brazgovskaya E. E. *Semiotika. Yazyki i kody kul'tury* [Semiotics. Languages and codes of culture]. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 187 p. (in Russian).
5. James J. Gibson. *The ecological approach to visual perception: classic edition*. Psychology Press., 2015. 347 p.
6. Lindström Kati, Tønnessen Morten. Introduction to the Special Issue Semiotics of Perception. Being in the World of the Living – Semiotic Perspectives. *Biosemitics*, 2010, vol. 3, pp. 257–261. DOI: 10.1007/s12304-010-9073-1
7. Sleptsov P. A. *Yakutskiy literaturnyy yazyk: istoki, stanovleniye norm* [Yakut literary language: origins, formation of norms]. Novosibirsk, 1986. 260 p. (in Russian).
8. Kharitonov L. N. *Sovremennyy yakutskiy yazyk. Chast' I: Fonetika i morfologiya* [Modern Yakut language. Part 1: Phonetics and morphology]. Yakutsk, 1947. 313 p. (in Russian).
9. Rassadin V. I. *Mongolo-buryatskiye zaimstvovaniya v sibirskikh tyurkskikh yazykakh* [Mongolian-Buryat borrowings in the Siberian Turkic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 116 p. (in Russian).
10. Antonov N. K. *Yakutskiy yazyk* [The Yakut language]. *Yazyki mira: Tyurkskiye yazyki* [World languages: Turkic languages]. Moscow, 1997 (in Russian).
11. Afanasieva E. N., Ivanova R. P. The Sakha and the Evenk: Fundamentals of Common Conceptual Space. *Journal of Siberian Federal University*, 2016, pp. 2298–2304. DOI: 10.17516/1997-1370-2016-9-10-2298-2304
12. Ubryatova Ye. I. *Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka* [Studies on the syntax of the Yakut language]. Moscow; Leningrad, 1950. Book 1. 304 p.; Novosibirsk, 1976. Book 2. 214 p. (in Russian).
13. Afanasieva E. N. Razvitiye semantiki tsvetooboznacheniy yryŋ i maŋan v yakutskom yazyke kak svidetel'stvo yazykovykh brakov [Development of semantics of colour terms yryŋ and maŋan in the yakut language as evidence of language contacts]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 45–56 (in Russian).
14. *Yakutskiy slovar' onlayn* [Sakha dictionary online] (in Sakha and Russian). URL: <https://sakhatelya.ru/> (accessed 25 May 2022).
15. Nelunov A. G. *Yakutsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'. Chast' II (L – E)* [Yakut-Russian phraseological dictionary. Part II (L–E)]. Novosibirsk, 2002. 419 p. (in Sakha and Russian).
16. *Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaarylaakh tyld'yt'a* [Explanatory dictionary of the Yakut language]. Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Institute of Humanities; Ed. academition of Academy of Sciences of Republic of Sakha (Yakutia) P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004. Vol. 4 (Letter K). 2007. 670 p. (in Sakha).
17. Zamorshchikova L. S., Borisova I. Z., Romanenko A. A. *Korpus yakutskogo yazyka* [Corpus of the Yakut language]. SVFU – NGU, 2012 (in Sakha). URL: <http://adictsakha.nsu.ru/> (accessed 23 May 2022).

Информация об авторах

Иванова Р. П., заведующий кафедрой, Политехнический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова в г. Мирном (ул. Тихонова 5/1, Мирный, Республика Саха (Якутия), 678170); докторант, Иркутский государственный университет (ул. Ленина, 8, Иркутск, Россия, 664025).

Верхотурова Т. Л., профессор, Иркутский государственный университет (ул. Ленина, 8, Иркутск, Россия, 664025).

Information about the authors

Ivanova R. P., Head of the Department, Mirny Polytechnic Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (ul. Tikhonova, str.5/1, Mirny, Republic of Sakha (Yakutia), 678170); doctoral student, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication of Irkutsk State University (ul. Lenina, 8, Irkutsk, Russian Federation, 664025).

Verkhoturova T. L., Professor, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication of Irkutsk State University (ul. Lenina, 8, Irkutsk, Russian Federation, 664025).

Статья поступила в редакцию 05.06.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 05.06.2022; accepted for publication 01.10.2022

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'373.46'581

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-52-61>

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Ирина Олеговна Краевская¹, Софья Борисовна Владимирова², Ирина Владимировна Михайлова³

¹ Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

^{2,3} Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия

¹ kr.sobaka@gmail.com

² sophie77@mail.ru

³ surik79@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье исследуются метафорические модели цветообозначения человеческого тела на материале русских, английских и китайских текстов, входящих в судебно-медицинский дискурс. Изучение вопросов метафорического словообразования на основе обыденного знания представителей разных культур имеет большое значение не только для лингвокультурологии, но и для исследований, направленных на анализ языковых картин мира; лексемы-цветообозначения также являются ценным материалом для этнокультурологических и дискурсивных исследований.

Цель – произвести сопоставительный анализ метафорических моделей цветообозначений человеческого тела на материале русских, английских и китайских текстов, входящих в судебно-медицинский дискурс.

Материал и методы. Эмпирическим материалом исследования послужили тексты судебно-медицинских исследований на русском языке; *судебно-медицинские* англоязычные статьи Дж. Пралоу, Г. Скопп, М. Цокоса и Р. Байярда, К. Стюарта, Р. Кобба, В. Кит; китайскоязычные книги «Судебно-медицинская экспертиза» Чжао Цзыцзиня и «Путеводитель по судебной патологии» Цзин Хуаланя и Ли Хуаньсяна. Из вышеобозначенных текстов при помощи приема сплошной выборки были выделены сначала все цветообозначения человеческого тела, а затем те из них, в основе которых лежит метафорический перенос. В исследовании применяются следующие методы: дефиниционный анализ, анализ внутренней формы слова, а также сравнительно-сопоставительный анализ семантических параметров метафоры применительно к трем указанным языкам.

Результаты и обсуждение. Среди русскоязычных цветообозначений выявлено две метафорические модели, в которых сравнение идет с пятью объектами окружающего мира; в англоязычных – пять моделей со сравнением с девятью объектами; в китайскоязычных – пять моделей со сравнением с семью объектами. Отмечено, что процессы метафоризации русских цветовых обозначений судебно-медицинского дискурса менее выражены. Среди англоязычных цветообозначений наблюдается большее разнообразие объектов окружающего мира, на основе которых происходит сравнение. В русских и китайских цветообозначениях актуализируется одинаковое сравнение – «цвет плода вишни». В русских и английских цветовых лексемах близким является сравнение с глиной и кирпичом. В англо- и китайскоязычных цветообозначениях присутствует сравнение «цвет пепла», а близкими по смыслу являются сравнения результатов действий «вымывать» (о цвете) и «линять». В лексических единицах русскоязычного судебно-медицинского дискурса отсутствует сравнение с действиями, сладостями и признаками объектов. Для английского материала уникальным является сравнение со сладкими продуктами питания – шоколад и крем, для китайского – с различными характеристиками объектов.

Заключение. В результате проделанной работы были выявлены особенности метафорического словообразования лексем, называющих цвета человеческого тела и используемых в судебно-медицинском дискурсе: для русского языка характерно словообразование, основанное на сравнении с цветами объектов флоры, для английского – с цветами материалов, для китайского – со степенью выраженности характеристик различных объектов окружающего мира. Это можно объяснить различиями в культуре привлеченных к анализу языков. Результаты сопоставительного анализа метафорических моделей выявили значительные различия между лек-

семами-цветообозначениями в текстах судебно-медицинского дискурса в трех привлеченных к анализу языках.

Ключевые слова: цветообозначение, номинация цвета, цветовая метафора, судебная медицина, русский язык, английский язык, китайский язык

Для цитирования: Краевская И. О., Владимирова С. Б., Михайлова И. В. Сопоставительный анализ метафорических моделей цветообозначений человеческого тела (на материале русского, английского и китайского языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 52–61. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-52-61>

COMPARATIVE LINGUISTICS

COMPARATIVE ANALYSIS OF METAPHORICAL MODELS OF COLOR DESIGNATIONS OF THE HUMAN BODY (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN, ENGLISH AND CHINESE LANGUAGES)

Irina O. Krayevskaya¹, Sof'ya B. Vladimirova², Irina V. Mikhaylova³

¹ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

^{2,3} Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation

¹ kr.sobaka@gmail.com

² sophie77@mail.ru

³ surik79@mail.ru

Abstract

Introduction. The paper examines human body color namings' metaphorical models on the basis of Russian, English and Chinese texts included in the forensic discourse. The study of metaphorical word formation based on the different cultures everyday knowledge is of great importance not only for cultural linguistics, but also for research aimed at analyzing linguistic world-images. Color lexemes, therefore, are also valuable material for ethnocultural and discursive research.

Aim and objectives. The aim of current paper is to carry out a comparative analysis of human body color namings' metaphorical models on the basis of Russian, English and Chinese texts included in the forensic discourse.

Material and methods. The empirical material of the study are the texts of forensic research in Russian, forensic papers of J. Prahlow, G. Skopp, M. Tsokos and R. Byard, Q. Stewart, R. Cobb, V. Keith in English, and books "Forensic Science" by Zhao Ziqin and "Guide to Forensic Pathology" by Jing Hualan and Li Huanxiang in Chinese. Firstly, we used continuous sampling method to select all the color namings from the above-mentioned texts. Secondly, we selected all the metaphorical color lexemes. Also, the study uses the following methods: definitional analysis, analysis of the internal form of the word, and a comparative analysis in respect to metaphor semantic parameters of color namings in three indicated languages.

Results and discussion. Among the Russian-language color designations, we identified 2 metaphorical models, in which the comparison goes with 5 objects of the surrounding world, 5 models compared with 9 objects in English; and 5 models compared with 7 objects in Chinese. We noted that the metaphorization processes in Russian color namings of forensic medical discourse are less noticeable. Among the English-language color namings, there is a greater variety of objects surrounding world for the metaphor word formation. Russian and Chinese color namings have the same comparison with the color of the cherry fruit. In Russian and English color lexemes, there is a close comparison with clay and brick. In English and Chinese color designations, there is a comparison with ash color, and similar in meaning is a comparison of such results of actions as "to be washed out" (about color) and "to lose color". In the lexical units of the Russian-language forensic discourse there is no comparison with actions, sweets and different features of objects. For the English material, the comparison with sweet food products, such as chocolate and cream, is unique. For the Chinese unique comparison goes with different characteristics of objects.

Conclusion. As a result, we revealed metaphorical word formation features of lexemes naming the human body colors used in forensic discourse. Comparison with flora objects colors is specific to the Russian language metaphorical word formation. Comparison with the colors of materials is specific to English metaphorical word formation. The degree of manifestation of various characteristics of objects is specific to the metaphorical word formation of the Chinese language. These differences are explained by the cultural specificity of the languages involved in the analysis. The results of the comparative analysis revealed significant differences between the metaphorical lexemes of color in Russian, English and Chinese texts of forensic medical discourse.

Keywords: color naming, color nomination, color metaphor, forensic medicine, the Russian language, the English language, the Chinese language

For citation: Krayevskaya I. O., Vladimirova S. B., Mikhaylova I. V. Sopostavitel'nyy analiz metaforicheskikh modeley tsvetootoboznacheniya chelovecheskogo tela (na materiale russkogo, angliyskogo i kitayskogo yazykov) [Comparative Analysis of Metaphorical Models of Color Designations of the Human Body (Based on the Material of Russian, English and Chinese Languages)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 52–61 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-52-61>

Введение

В настоящее время лексемы-цветообозначения становятся объектом множественных языковых исследований самых различных направлений: так, например, известны работы, посвященные цветообозначениям в фольклоре и языках малых народов России [1–3] и опирающиеся на тезис об этнокультурологической обусловленности цветовосприятия и цветообозначений. Восприятию цветов и цветообозначений как части языка посвящен ряд работ зарубежных исследователей, работающих на материале английского [4, 5] и китайского [6, 7] языков. Отличительной особенностью подобных исследований является их следование антропоцентрической парадигме науки и рассмотрение цвета и цветообозначения через призму их восприятия человеком.

Второе распространенное направление исследования лексем-цветообозначений связано с их рассмотрением как части определенного дискурса. Так, исследуются цветообозначения в финансово-экономическом [8, 9], юридическом [10] и рекламном [11, 12] дискурсах на материале различных языков, а также в медицинском дискурсе [13, 14]. В фокусе данного исследования находятся цветообозначения человеческого тела на материале текстов, включенных в судебно-медицинский дискурс. В судебной медицине вопросы восприятия и оценки цвета, а также стандартизации этой оценки и унификации наименования цветов являются крайне актуальными. Так, А. В. Литвинов и соавт. утверждают, что «(судебно-медицинские) эксперты... практически ежедневно занимаются оценкой цвета повреждений... без какого-либо внешнего контроля над правильностью их оценки цвета этих повреждений и, соответственно, суждений о давности воздействия травмирующего фактора» [15].

В работе С. Б. Владимировой был проведен количественный, структурный и семантический анализ цветообозначений человеческого тела, содержащихся в текстах судебно-медицинской экспертизы. Семантический анализ показал незначительное количество обращений к цветообозначениям, имеющим метафорическую номинацию, а также полное отсутствие индивидуально-авторских и стилистически окрашенных цветообозначений. Также были установлены две основные прагматические

интенции, характеризующие отбор цветообозначений в исследуемом типе текста: с одной стороны, цветообозначения обусловлены референтом и необходимостью как можно точнее передать его цвет лексическими средствами русского языка, с другой – необходимостью ограничиваться общеупотребительными лексемами [14]. Недостаточная изученность данной проблемы и ее значимость не только для лингвистических, но и для медицинских исследований обуславливают еще один параметр актуальности текущего исследования.

Стоит отметить, что в отечественной лингвистике активно развивается направление когнитивной лингвистики, в рамках которого господствует антропоцентрический подход к изучению словарного состава языка. В рамках данного направления языковые единицы исследуются с точки зрения их возникновения в тесной связи с человеком, который номинирует появляющиеся в языке объекты, процессы и явления (М. Н. Володина, Е. И. Голованова, С. В. Гринев, О. А. Корнилов, В. М. Лейчик, Н. А. Мишанкина, С. Л. Мишланова; Н. А. Нечаева, В. Ф. Новодранова, З. И. Резанова, С. П. Хижняк).

Несмотря на то что чаще всего метафора воспринимается и изучается как троп в художественной речи, но как способ словообразования она стала объектом исследования многих разделов языкознания, в том числе и когнитивной лингвистики, в рамках которой рассматривается номинативная функция метафоры [16, с. 11–15]. Процессы метафоризации позволяют на основе семантики одного слова создавать новые лексемы. Изучение вопросов метафорического словообразования на основе обыденного знания представителей разных культур имеет большое значение не только для лингвокультурологии, но и для когнитивной лингвистики в аспекте исследований, направленных на анализ языковых картин мира.

В связи с вышесказанным целью настоящей работы является сопоставительный анализ метафорических моделей цветообозначений человеческого тела на материале русских, английских и китайских текстов, входящих в судебно-медицинский дискурс.

Новизна настоящего исследования заключается в привлечении к анализу метафорических цветообозначений человеческого тела на материале трех языков. Такие единицы ранее не выступали в каче-

стве анализируемого материала в когнитивном аспекте и с точки зрения сопоставительного языкознания.

Существует множество исследований метафоры в художественной литературе в переводоведческом аспекте, например, на материале русского и английского языков метафорические лексемы анализируются в работах Д. А. Крыловой и В. М. Пронькиной [17], Е. Д. Боевой и Е. А. Кулькиной [18], Н. В. Гераскевич и Ю. А. Пилевских [19] и др. Подобные сопоставительные исследования метафоры проводились на материале терминологических единиц различных терминосистем: так, в работе Н. А. Мишанкиной и А. И. Деевой изучается асимметричность нефтегазовой метафорической терминологии на материале русского и английского языков [20]. В исследовании И. О. Краевской и И. В. Михайловой на материале русского и английского языков изучаются лингвокультурологические особенности метафорических моделей терминов сферы «Древнерусская архитектура» [21]. Метафора в русско- и англоязычной медицинской терминологии исследуется в работе Т. Г. Стул и Е. О. Паршиной [22]. И. О. Краевская в сопоставительном аспекте на материале русского, английского и китайского языков изучает культурно-специфичные метафорические модели терминосистемы «Десульфуризация нефти и нефтепродуктов» [23]. Также сопоставление русской и китайской терминологии проводится в работах И. П. Астафьевой [24] и Ю. В. Лелюх [25] на материале нефтегазовой отрасли.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающим интересом к изучению словообразования в антропоцентрическом аспекте и отсутствием сопоставительных работ по метафоре в лексических единицах языков, принадлежащих разным языковым группам, и на материале судебно-медицинского дискурса.

Материалы и методы

Источниками исследования послужили тексты судебно-медицинских исследований на русском языке; судебно-медицинские англоязычные статьи Дж. Пралоу [26], Г. Скопп [27], М. Цокоса и Р. Байярда [28] и К. Стюарта, Р. Кобба, В. Кит [29]; китайскоязычные книги «Судебно-медицинская экспертиза» Чжао Цзыциня [30] и «Путеводитель по судебной патологии» Цзин Хуалая и Ли Хуаньсяна [31].

Эмпирическая база исследования формировалась с помощью приема сплошной выборки. В исследовании используются дефиниционный анализ, анализ внутренней формы слова, а также сравнительно-сопоставительный анализ семантических параметров метафоры применительно к русскому, английскому и китайскому языкам.

Результаты и обсуждение

Из вышеуказанных источников приемом сплошной выборки было извлечено 205 русско-, 98 англо- и 56 китайскоязычных цветообозначений, из них метафорическими являются 10 русско-, 15 англо- и 13 китайскоязычных единиц. На основании данной выборки можно заключить, что из всех трех языков именно русский тяготеет к более конкретному описанию цвета, в то время как английский и китайский имеют более низкое разнообразие наименований цвета. Однако все привлеченные к анализу языки демонстрируют низкую степень метафоризации языковых единиц, что, вероятно, связано с установленной прагматической интенцией, направленной на использование общеупотребительной и «однозначной» лексики. Анализ метафоры проводился посредством проверки цветообозначений в «Большом толковом словаре» под редакцией С. А. Кузнецова, толковом словаре английского языка Oxford Advanced Learner's Dictionaries и толковом словаре современного китайского языка 现代汉语词典, после чего определялись метафорические переносы из лексики обычного языка в цветообозначения, используемые в судебно-медицинском дискурсе.

Чтобы проиллюстрировать способ анализа терминологической метафоры, разберем несколько характерных для каждого языка примеров.

В цветообозначении *светло-вишневый* компонентом, содержащим метафору, является *вишня* — плодовое дерево или кустарник; плод такого дерева или кустарника [32, с. 133]. В данном примере цвет тела сравнивается с цветом плода вишни.

В цветообозначении *глинисто-коричневый* метафорическим компонентом является слово *глина* — осадочная горная порода, состоящая из мельчайших частиц минералов и образующая во влажном состоянии вязкую массу (используется для гончарных, строительных и скульптурных работ) [32, с. 208]. Здесь сравнивается цвет тела с цветом материала.

В цветообозначении *brick red* «кирпично-красный» метафорическим компонентом является *brick* «кирпич» — baked clay used for building walls, houses and other buildings; an individual block of this/ обожженная глина, используемая для строительства стен, домов и других построек; отдельный брусок этого материала [33]. В данном примере цвет тела сравнивается с цветом бруска кирпича.

Стоит отметить, что вывод о том, что метафоризация цветообозначений проходит только на основании цветового сходства с тем или иным объектом, является поспешным. Приведем еще один пример для английского языка *washed-out* «бледный» — no longer brightly coloured, often as a result of being washed many times/более не ярко окрашен-

ный, часто в результате многократных стирок [34]. В данном примере бледность цвета кожи связывается с результатом действия стирки.

В цветообозначении 灰褐色 huī hé sè «серо-коричневый» метафорическим компонентом является иероглиф 灰 huī «зола, пепел» – 可燃物质 (如煤) 充分燃烧后余下的矿物渣滓 kěrán wùzhì (rú méi) chōngfēn ránshāo hòu yúxià de kuàngwù zhāzǐ/минеральные осадки, остающиеся после полного сгорания горючего вещества (например, угля) [35]. Здесь также сравнивается цвет тела и цвет золы.

В китайском языке, как и в английском, помимо сравнения с цветом объекта, также присутствует и сравнение с результатом действия. В цветообозначении 褪色 tuìsè «бледный, линялый цвет» иероглиф 褪 tuì «снимать» имеет значение 卸脱 tuì luò/снимать с себя что-либо [36]. В ходе развития китайского языка, которое ограничивалось стремлением китайцев ограничить создание большого количества новых иероглифов, данный иероглиф посредством метафорического переноса по аналогии со снятием одежды сначала приобрел значение «опадать, увядать» для листьев и цветов и уже затем по аналогии с потерей листьев – «линять» для потери цвета.

Кроме метафорических моделей «цвет – это объект» и «цвет – это результат» в китайском языке присутствует еще одно специфичное для него сравнение. В цветообозначении 淡红色 dàn hóngsè «розовато-красный» иероглиф 淡 dàn «слабый» имеет значение 含量少; 密度小; 稀薄: 香味淡薄、淡茶、淡云 hánliàng shǎo; mǐdù xiǎo; xībó: xiāngwèi dàn bó, dàn chá, dàn yún/небольшое содержание чего-либо; низкая плотность чего-либо; низкая степень: слабый запах, жидкий чай, редкие облака [37]. В данном случае сравнивается характеристика низкой степени яркости красного цвета по аналогии со слабым запахом.

По описанной модели были разобраны все метафорические термины, дальнейший анализ которых позволил выделить объекты, явления и свойства, положенные в основу метафорического сравнения.

В русском языке сравнение идет с плодами растений – вишня (4 цветообозначения), малина (2 цветообозначения), оливка (2 цветообозначения); с материалом – глина (1 цветообозначение), перламутр (1 цветообозначение). Для русского языка наиболее продуктивно сравнение с цветами объектов растительного мира, культурно-специфичными метафорическими моделями являются «цвет – это объект флоры» (8 единиц) и «цвет – это материал» (2 единицы).

В английском языке сравнение идет с материалом – мел (3 цветообозначения), бумага (1 цветообозначение), воск (1 цветообозначение); с веществом – пепел (3 цветообозначения); со сладкими продуктами питания – шоколад (1 цветообозначение), крем (1 цветообозначение); с результатом действия – отбеливать (1 цветообозначение), многократно стирать (1 цветообозначение); с плодами растений – морковь (1 цветообозначение). Для английского языка наиболее продуктивно сравнение с цветами веществ, культурно-специфичными метафорическими моделями являются «цвет – это материал» (5 единиц), «цвет – это вещество» (3 единицы), «цвет – это сладкий продукт» (2 единицы), «цвет – это результат» (2 единицы), «цвет – это объект флоры» (1 единица).

В китайском языке сравнение идет с характеристикой – размер (4 цветообозначения), слабость (2 цветообозначения), свежесть (1 цветообозначение); с материалом – пальмовое полотно (2 цветообозначения); с плодами растений – вишня (2 цветообозначения); с веществом – зола, пепел (1 цветообозначение); с результатом действия – линять (1 цветообозначение). Для китайского языка наиболее продуктивно сравнение с характеристиками объектов, культурно-специфичными метафорическими моделями являются «цвет – это характеристика» (7 единиц), «цвет – это материал» (2 единицы), «цвет – это объект флоры» (2 единицы), «цвет – это вещество» (1 единица), «цвет – это результат» (1 единица).

Таким образом, в русскоязычных цветообозначающих лексемах, используемых в судебно-медицинском дискурсе, выявлено 2 метафорические модели, в которых сравнение идет с 5 объектами окружающего мира; в англоязычных – 5 моделей со сравнением с 9 объектами; в китайскоязычных – 5 моделей со сравнением с 7 объектами. Представляется возможным заключить, что процессы метафоризации среди русских цветовых обозначений судебно-медицинского дискурса менее выражены и распространены в отличие от англо- и китайскоязычного дискурсов. Несмотря на то что в английском и китайском языках обнаружено одинаковое количество метафорических моделей, среди англоязычных цветообозначений наблюдается большее разнообразие объектов окружающего мира, присутствующих в обыденной лексике, на основе которых происходит сравнение.

В результате сопоставительного анализа объектов, на основе семантики которых создается метафора, было выявлено, что в трех привлеченных к анализу языках существуют как сходства, так и различия в метафорическом словообразовании. В русских и китайских цветообозначениях актуализируется одинаковое сравнение «цвет плода вишни». В русских и английских цветовых лексемах близким является сравнение с глиной и кирпичом, так как кирпич представляет собой обожжен-

ную глину [33]. В англо- и китайскоязычных цветообозначениях присутствует одинаковое сравнение «цвет пепла», а близкими по смыслу сравнения результатов действий «вымывать» и «линять». В лексических единицах русскоязычного судебно-медицинского дискурса отсутствует сравнение с действиями, веществами, сладостями и признаками объектов. Для английского материала уникальным является сравнение со сладкими продуктами питания – шоколад и крем, для китайского – с различными характеристиками разных объектов.

Заключение

В результате проделанной исследовательской работы были выявлены следующие особенности метафорического словообразования лексем, называющих цвета человеческого тела и используемых в судебно-медицинском дискурсе: для русского языка характерно словообразование, основанное на сравнении с цветами объектов флоры, для английского – с цветами материалов, для китайского – со степенью выраженности характеристик различных объектов окружающего мира. Это можно объяснить различиями в культуре привлеченных к анализу языков. В русской культуре под цветом вишни, малины и оливки понимается исключительно цвет плодов этих растений, что не вызывает разночтений. В английской культуре более стабильными и понятными носителям языка выступают цвета материалов. В китайской культуре слабо развито наименование оттенков и, как правило, одно слово номинирует все оттенки, если контекст

не требует обязательных уточнений, поэтому метафорическое сравнение в китайскоязычном судебно-медицинском дискурсе основывается не на цветовых характеристиках объектов, а на степенных выражениях различных признаков.

Результаты сопоставительного анализа метафорических моделей выявили значительные различия между цветоназывающими лексемами судебно-медицинского дискурса трех привлеченных к анализу языков. Для английского языка уникальной моделью является «цвет – это сладкий продукт», для китайского – «цвет – это характеристика». Метафорические модели, присущие русскоязычным цветообозначениям человеческого тела, присутствуют в английском и китайском судебно-медицинском дискурсе. Такие модели, как «цвет – это результат действия», «цвет – это вещество», «цвет – это сладкий продукт», «цвет – это характеристика», отсутствуют в русском судебно-медицинском дискурсе. Также в результате сопоставительного анализа было обнаружено 2 сходства между англо- и китайскоязычными цветообозначениями, 1 сходство между русско- и китайскоязычными, 1 сходство между русско- и англоязычными. Как уже было сказано выше, преобладание различий в цветообозначениях объясняется разницей в культурах трех стран.

Таким образом, метафорические модели цветообозначений человеческого тела в русско-, англо- и китайскоязычных судебно-медицинских дискурсах показывают разную продуктивность и культурное разнообразие.

Список литературы

1. Андреева Л. А., Худобина О. Ф., Шипец К. Цветообозначения в мансийских загадках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 9. С. 175–179. DOI: 10.30853/filnauki.2019.9.35
2. Белолюбская В. Г. О цветообозначении в эвенском языке // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 3 (6). С. 106–108.
3. Худобина О. Ф., Андреева Л. А., Молданова Т. А., Мирюгина Н. А. Цветообозначения в хантыйском фольклоре // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 464–467.
4. Mills C. English color terms: Language, culture, and psychology // Semiotica. 1984. № 52. P. 95–109. DOI: 10.1515/semi.1984.52.1-2.95
5. Mylonas D., Macdonald L. Augmenting basic Colour terms in English // Color Research & Application. 2015. № 41 (1). P. 32–42. DOI: 10.1002/col.21944
6. Zhou L. Research on the Color and Language Characteristics of Decorative Patterns of Chu Dynasty // Conference: 2nd International Conference on Arts, Design and Contemporary Education. 2016. P. 209–211. DOI: 10.2991/icadce-16.2016.45
7. He H., Li J., Xiao Q., Jiang S., Yang Y. and Zhi S. Language and Color Perception: Evidence From Mongolian and Chinese Speakers // Frontiers Psychology. 2019. Vol. 10, art. 551. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00551 URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.00551/full> (дата обращения: 07.05.2022).
8. Апресян К. Г. Метафоризация терминов с компонентом цветообозначения в финансово-экономическом дискурсе (на материале англоязычной, русскоязычной и франкоязычной прессы) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 4. С. 69–81. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-4-69-81
9. Хайбулаева А. М., Рамалданова З. Н. Ахроматические цвета в экономическом дискурсе // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 75–82. DOI: 10.21779/2542-0313-2020-35-1-75-82
10. Александрова Т. А., Рудченко Т. Л. Функционирование колоративной лексики в юридическом дискурсе (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 3. С. 749–754. DOI: 10.30853/phil210104

11. Величко А. А. Прагматическая и функциональная специфика цветообозначений в рекламном дискурсе (на материале протекстов компании Mercedes-Benz) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10–2 (76). С. 67–70.
12. Абдуллина Л. Р., Артамонова Е. В. Манипулятивный потенциал цветоименований в креолизованных текстах рекламы декоративной косметики (на материале французского и русского языков) // Научный диалог. 2019. № 2. С. 9–19. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-9-21
13. Трофимова Т. Ю. Особенности цветономинации в гистологии (на материале русского и английского языков) // Вестник ЧелГУ. 2011. № 24. С. 178–180.
14. Владимирова С. Б. Прагматическая специфика цветообозначений человеческого тела в тексте судебно-медицинского исследования // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 58–68. DOI: 10.25205/1818-7935-2020-18-4-58-68
15. Литвинов А. В., Витер В. И., Вавилов А. Ю. О необходимости цифровой стандартизации оценки цвета в практике судебно-медицинских экспертиз // Проблемы экспертизы в медицине. 2013. № 3 (51). С. 33–36.
16. Харченко В. К. Функции метафоры: учеб. пособие. Воронеж: ВГУ, 1991. 88 с.
17. Крылова Д. А., Пронькина В. М. Способы перевода метафоры в художественных произведениях А. Кристи с английского языка на русский язык // Научное обозрение. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-perevoda-metafory-v-hudozhestvennyh-proizvedeniyah-a-kristi-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy-yazyk> (дата обращения: 07.05.2022).
18. Боева Е. Д., Кулькина Е. А. Способы перевода авторской метафоры в художественном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. Т. 4, № 34. С. 41–44.
19. Гераскевич Н. В., Пилявских Ю. А. Особенности перевода метафор в поэтических англоязычных текстах // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 2. С. 26–32. DOI: 10.26105/SSPU.2020.18.43.002
20. Мишанкина Н. А., Деева И. А. Нефтегазовая метафорическая терминология: асимметричность и эквивалентность перевода (на материале русского и английского языков) // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 6 (26). С. 29–37. DOI: 10.17223/19986645/26/3
21. Краевская И. О., Михайлова И. В. Лингвокультурологические особенности метафорических моделей терминов сферы «Древнерусская архитектура» (на материале русского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 5. С. 1654–1659. DOI: 10.30853/phil210253
22. Стул Т. Г., Паршина Е. О. К вопросу о классификации медицинских терминов-метафор в английском и русском языках // Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам. 2014. Т. 8. С. 158–163.
23. Краевская И. О. Культурно-специфичные метафорические модели образования терминов в русском, английском и китайском языках (на материале терминосистемы «Десульфуризация нефтей и нефтепродуктов») // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 52–61. DOI: 10.17223/22220836/35/5
24. Астафьева И. П. Метафора как средство образования терминов (на материале терминосистемы нефтегазовой отрасли китайского языка) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5, ч. 4. С. 684–687.
25. Лелюх Ю. В. Специфика процессов метафорического терминообразования в китайском языке (на материале терминосистемы нефтегазовой отрасли) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 2 (191). С. 87–90. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-87-90
26. Prahlow J. Autopsy: Adult // Encyclopedia of Forensic and Legal Medicine: Second Edition, Oxford. Academic Press. 2015. P. 183–192. DOI: 10.1016/B978-0-12-800034-2.00038-0
27. Skopp G. Preanalytic Aspects in Postmortem Toxicology // Forensic Sci Int. 2004. № 142 (2-3). P. 75–100. DOI: 10.1016/j.forsciint.2004.02.012
28. Tsokos M., Byard R. Postmortem Changes: Overview // Encyclopedia of Forensic and Legal Medicine (Second Edition). Oxford, Academic Press. 2016. Vol. 4. P. 10–31. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-800034-2.00312-8>
29. Stewart Q., Cobb R., Keith V. The Color of Death: Race, Observed Skin Tone, and All-cause Mortality in the United States // Ethn Health. 2018. P. 1018–1040. DOI: 10.1080/13557858.2018.1469735
30. 赵子琴. 法医病理学. 北: 人民卫生出版社. 2009 年. 页数: 537 [Чжао Ц. Судебно-медицинская экспертиза. Пекин: Народное здоровье, 2009. 537 с.]
31. 竟花兰、利焕祥. 法医病理学图鉴. 北京: 人民卫生出版社. 2009 年. 页数: 185 [Цзин Х., Ли Х. Путеводитель по судебной патологии. Пекин: Народное здоровье, 2009. 185 с.]
32. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
33. Oxford Advanced Learner's Dictionaries. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/brick_1?q=brick (дата обращения: 06.05.2022).
34. Oxford Advanced Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/washed-out?q=washed-out> (дата обращения: 06.05.2022).
35. 现代汉语词典 [Словарь современного китайского языка]. URL: https://cidian.bmcx.com/huizha__cidianchaxun/ (дата обращения: 06.05.2022).

36. 现代汉语词典 [Словарь современного китайского языка]. URL: https://cidian.bmcx.com/tuiluo__cidianchaxun/ (дата обращения: 06.05.2022).
37. 现代汉语词典 [Словарь современного китайского языка]. URL: https://cidian.bmcx.com/danbo_3cm__cidianchaxun/ (дата обращения: 06.05.2022).

References

1. Andreyeva L. A., Khudobina O. F., Shipets K. Tsvetooboznacheniya v mansiyskikh zagadkakh [Color namings in Mansi riddles]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2019, vol. 9, pp. 175–179 (in Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2019.9.35
2. Belolyubskaya V. G. O tsvetooboznachenii v evenskom yazyke [About color naming in the Even language]. *Arktika XXI vek. Gumanitarnyye nauki – Arctic XXI century. Humanitarian sciences*, 2015, vol. 3 (6), pp. 106–108 (in Russian).
3. Khudobina O. F., Andreyeva L. A., Moldanova T. A., Miryugina N. A. Tsvetooboznacheniya v khantyyskom fol'klore [Color terms in Khanty folklore]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*, 2019, vol. 4 (77), pp. 464–467 (in Russian).
4. Mills C. English color terms: Language, culture, and psychology. *Semiotica*, 1984, vol. 52, pp. 95–109. DOI: 10.1515/semi.1984.52.1-2.95
5. Mylonas D., Macdonald L. Augmenting basic Colour terms in English. *Color Research & Application*, 2015, vol. 41 (1), pp. 32–42. DOI: 10.1002/col.21944
6. Zhou L. Research on the Color and Language Characteristics of Decorative Patterns of Chu Dynasty. *Conference: 2nd International Conference on Arts, Design and Contemporary Education*. 2016. Pp. 209–211. DOI: 10.2991/icadce-16.2016.45
7. He H., Li J., Xiao Q., Jiang S., Yang Y. and Zhi S. Language and Color Perception: Evidence From Mongolian and Chinese Speakers. *Frontiers Psychology*, 2019, vol. 10, art. 551. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00551 URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.00551/full> (accessed 7 May 2022).
8. Apresyan K. G. Metaforizatsiya terminov s komponentom tsvetooboznacheniya v finansovo-ekonomicheskom diskurse (na materiale angloyazychnoy, russkoyazychnoy i frankoyazychnoy pressy) [Metaphorization of terms with a color component in Financial and Economic Discourse (based on the material of the English, Russian and French Press)]. *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 2020, vol. 4, pp. 69–81 (in Russian). DOI: 10.29025/2079-6021-2020-4-69-81
9. Khaybulayeva A. M., Ramaldanova Z. N. Akhromaticheskiye tsveta v ekonomicheskom diskurse [Achromatic colors in economic discourse]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki – Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Humanities*, 2020, vol. 1, pp. 75–82 (in Russian). DOI: 10.21779/2542-0313-2020-35-1-75-82
10. Aleksandrova T. A., Rudchenko T. L. Funktsionirovaniye kolorativnoy leksiki v yuridicheskom diskurse (na materiale angliyskogo yazyka) [Functioning of color vocabulary in legal discourse (on the material of the English language)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2021, vol. 3, pp. 749–754 (in Russian). DOI: 10.30853/phil210104
11. Velichko A. A. Pragmaticheskaya i funktsional'naya spetsifika tsvetooboznacheniy v reklamnom diskurse (na materiale promotekstov kompanii Mercedes-Benz) [Pragmatic and functional specificity of color namings in Advertising Discourse (based on promotional texts of Mercedes-Benz Company)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2017, vol. 10–2 (76), pp. 67–70 (in Russian).
12. Abdullina L. R., Artamonova E. V. Manipulyativnyy potentsial tsvetonaimenovaniy v kreolizovannykh tekstakh reklamy dekorativnoy kosmetiki (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov) [Manipulative potential of color namings in creolized texts of decorative cosmetics advertising (on the basis of French and Russian languages)]. *Nauchnyy dialog – Scientific dialogue*, 2019, vol. 2, pp. 9–19 (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-9-21
13. Trofimova T. Yu. Osobennosti tsvetonominatsii v gistologii (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Peculiarities of color namings in histology (on the basis of Russian and English languages)]. *Vestnik ChelGU – Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2011, vol. 24, pp. 178–180 (in Russian).
14. Vladimirova S. B. Pragmaticheskaya spetsifika tsvetooboznacheniy chelovecheskogo tela v tekste sudebno-meditsinskogo issledovaniya [Pragmatic specificity of human body color namings in the text of a forensic medical research]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 4, pp. 58–68 (in Russian). DOI: 10.25205/1818-7935-2020-18-4-58-68
15. Litvinov A. V., Viter V. I., Vavilov A. Yu. O neobkhodimosti tsifrovoy standartizatsii otsenki tsveta v praktike sudebno-meditsinskikh ekspertiz [On the need for digital standardization of color assessment in the practice of forensic medical examinations]. *Problemy ekspertizy v meditsine – Problems of expertise in medicine*, 2013, vol. 3 (51), pp. 33–36 (in Russian).
16. Kharchenko V. K. *Funktsii metafory: uchebnoye posobiye* [Metaphor functions: Study guide]. Voronezh, VGU Publ., 1991. 88 p. (in Russian).
17. Krylova D. A., Pron'kina V. M. Sposoby perevoda metafory v khudozhestvennykh proizvedeniyakh A. Kristi s angliyskogo yazyka na russkiy yazyk [Ways of translating metaphor in the works of art by A. Christie from English into Russian]. *Nauchnoye obozreniye – Scientific Review*, 2017, vol. 2 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-perevoda-metafory-v-hudozhestvennykh-proizvedeniyah-a-kristi-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy-yazyk> (accessed 7 May 2022).

18. Boyeva E. D., Kul'kina E. A. Sposoby perevoda avtorskoy metafory v khudozhestvennom tekste [Ways of translating the author's metaphor in a literary text]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Questions of theory and practice*, vol. 4 (34), pp. 41–44 (in Russian).
19. Geraskevich N. V., Pilyavskikh Yu. A. Osobennosti perevoda metafor v poeticheskikh angloyazychnykh tekstakh [Features of the metaphor translation in poetic English texts]. *Filologicheskij vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Philological Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 2020, vol. 2, pp. 26–32 (in Russian). DOI: 10.26105/SSPU.2020.18.43.002
20. Mishankina N. A., Deyeva I. A. Neftegazovaya metaforicheskaya terminologiya: asimmetrichnost' i ekvivalentnost' perevoda (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Oil and gas metaphorical terminology: asymmetry and equivalence of translation (based on Russian and English languages)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya – Bulletin of Tomsk State University. Series: Philology*, 2013, vol. 6 (26), pp. 29–37 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/26/3
21. Krayevskaya I. O., Mikhaylova I. V. Lingvokul'turologicheskiye osobennosti metaforicheskikh modeley terminov sfery "Drevnerusskaya arkhitektura" (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Linguistic and cultural features of metaphorical models of the sphere "Old Russian architecture" terms (on the material of Russian and English languages)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2021, vol. 14 (5), pp. 1654–1659 (in Russian). DOI: 10.30853/phil210253
22. Stul T. G., Parshina E. O. K voprosu o klassifikatsii meditsinskikh terminov-metafor v angliyskom i russkom yazykakh [To the question of the classification of medical terms-metaphors in English and Russian languages]. *Professional'no-oriyentirovannoye obucheniye inostrannym yazykam – Vocational-oriented teaching of foreign languages*, 2014, vol. 8, pp. 158–163 (in Russian).
23. Krayevskaya I. O. Kul'turno-spetsifichnyye metaforicheskiye modeli obrazovaniya terminov v russkom, angliyskom i kitayskom yazykakh (na materiale terminosistemy "Desul'furizatsiya neftey i nefteproduktov") [Culturally-Specific metaphorical models of term formation in Russian, English and Chinese (based on the term system "Desulphurization of Oils and Oil Products")]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Bulletin of Tomsk State University. Series: Culturology and art history*, 2019, vol. 35, pp. 52–61 (in Russian). DOI: 10.17223/22220836/35/5
24. Astafyeva I. P. Metafora kak sredstvo obrazovaniya terminov (na materiale terminosistemy neftegazovoy otrasli kitayskogo yazyka) [Metaphor as a means of forming terms (on the material of the term system of the oil and gas industry in the Chinese language)]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy – International Journal of Applied and Basic Research*, 2015, vol. 5 (4), pp. 684–687 (in Russian).
25. Lelyukh Yu. V. Spetsifika protsessov metaforicheskogo terminoobrazovaniya v kitayskom yazyke (na materiale terminosistemy neftegazovoy otrasli) [The specifics of metaphorical term formation processes in the Chinese language (based on the oil and gas industry term system)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2018, vol. 2 (191), pp. 87–90 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-87-90
26. Prahlow J. Autopsy: Adult. *Encyclopedia of Forensic and Legal Medicine: Second Edition*. Oxford, Academic Press, 2015. P. 183–192. DOI:10.1016/B978-0-12-800034-2.00038-0
27. Skopp G. Preanalytic Aspects in Postmortem Toxicology. *Forensic Sci Int.*, 2004, vol. 142 (2-3), pp. 75–100. DOI: 10.1016/j.forsciint.2004.02.012
28. Tsokos M., Byard R. Postmortem Changes: Overview. *Encyclopedia of Forensic and Legal Medicine (Second Edition)*. Oxford, Academic Press, 2016. Vol. 4. Pp. 10–31. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-800034-2.00312-8>
29. Stewart Q., Cobb R., Keith V. The Color of Death: Race, Observed Skin Tone, and All-cause Mortality in the United States. *Ethn Health*, 2018, pp. 1018–1040. DOI: 10.1080/13557858.2018.1469735
30. 赵子琴. 法医学病理学. 北: 人民卫生出版社. 2009年. 页数: 537 [Chzhao Ts. *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza* [Forensic medical examination]]. Beijing, People's Health, 2009. 537 p. (in Chinese).
31. 竟花兰、利焕祥. 法医学病理学图鉴. 北京: 人民卫生出版社. 2009 年. 页数: 185 [Tszin Kh., Li Kh. *Putevoditel' po sudebnoy patologii* [Guide to Forensic Pathology]]. Beijing, People's Health, 2009. 185 p. (in Chinese).
32. Kuznetsov S. A. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Sostavitel' i glavnyy redaktor S. A. Kuznetsov [Great Dictionary of Russian language. Compiler and chief editor S. A. Kuznetsov]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p. (in Russian).
33. *Oxford Advanced Learner's Dictionaries*. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/brick_1?q=brick (accessed 6 May 2022).
34. *Oxford Advanced Learner's Dictionaries*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/washed-out?q=washed-out> (accessed 6 May 2022).
35. 现代汉语词典 [Slovar' sovremennogo kitayskogo yazyka [Dictionary of the Modern Chinese Language]]. URL: https://cidianbmcx.com/huizha_cidianchaxun/ (accessed 6 May 2022).
36. 现代汉语词典 [Slovar' sovremennogo kitayskogo yazyka [Dictionary of the Modern Chinese Language]]. URL: https://cidianbmcx.com/tuiluo_cidianchaxun/ (accessed 6 May 2022).
37. 现代汉语词典 [Slovar' sovremennogo kitayskogo yazyka [Dictionary of the Modern Chinese Language]]. URL: https://cidianbmcx.com/danbo_3cm_cidianchaxun/ (accessed 6 May 2022).

Информация об авторах

Краевская И. О., кандидат филологических наук, преподаватель, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

Владимирова С. Б., кандидат филологических наук, старший преподаватель, Томский государственный архитектурно-строительный университет (пл. Соляная, 2, Томск, Россия, 634003).

Михайлова И. В., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный архитектурно-строительный университет (пл. Соляная, 2, Томск, Россия, 634003).

Information about the authors

Krayevskaya I. O., Candidate of Philological Sciences, Teacher, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Vladimirova S. B., Candidate of Philological Sciences, Senior Teacher, Tomsk State University of Architecture and Building (pl. Solyanaya, 2, Tomsk, Russian Federation, 634003).

Mikhaylova I. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State University of Architecture and Building (pl. Solyanaya, 2, Tomsk, Russian Federation, 634003).

Статья поступила в редакцию 10.05.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 10.05.2022; accepted for publication 01.10.2022

УДК 81'25

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-62-71>

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

*Марина Геннадьевна Волкова¹, Светлана Леонидовна Васильева²,
Анастасия Анатольевна Абрамова³*

^{1, 2, 3} *Сибирский государственный медицинский университет, Томск*

¹ *img77@sibmail.com*

² *vasilyeva_sl@mail.ru*

³ *neanastasiya@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Терминология сферы информационных технологий является одной из наиболее динамично развивающихся терминосистем, что обусловлено быстрым техническим прогрессом, оказывающим влияние на формирование новых и уточнение уже имеющихся терминов данной сферы. Примечательным при этом является тот факт, что однокомпонентные термины часто перестают удовлетворять потребностям номинативной деятельности, так как не способны отражать сложности новых технических реалий. Как следствие, наблюдается значительный рост многокомпонентных терминов, призванных более точно обозначить объект. Преимущественная англоязычность новых терминов требует их передачи на другие языки, а рост числа компонентов терминов порождает определенные проблемы перевода, связанные с необходимостью выбора целого ряда трансформаций.

Цель данного исследования – выявление способов перевода многокомпонентных терминов сферы информационных технологий с английского языка на русский с учетом необходимости передачи их структурно-семантических свойств.

Материал и методы. Материалом исследования послужили 500 англоязычных многокомпонентных терминов сферы информационных технологий и 500 их русскоязычных эквивалентов, отобранных с помощью приема сплошной выборки из словаря компьютерных терминов И. В. Баратова. В исследовании используется метод структурно-семантического и переводческого анализа многокомпонентных терминов для выявления структуры и значения терминов и анализа способов их передачи с английского языка на русский.

Результаты и обсуждение. Многокомпонентные термины сферы информационных технологий могут быть разделены на три группы в зависимости от количества компонентов, определяемых количеством элементов, выраженных значимыми частями речи: трех- четырех- и пятикомпонентные термины. Трехкомпонентные термины являются самой многочисленной группой, что обусловлено стремлением любого языка к экономии, пятикомпонентных терминов обнаружено всего два, поэтому говорить о закономерностях их перевода не представляется возможным.

Анализируя способы перевода трехкомпонентных терминов, было обнаружено что в большинстве случаев переводчик стремится сохранить форму и содержание многокомпонентного термина, прибегая к калькированию отдельных его элементов в языке перевода (44 % случаев). При этом в силу типологических различий английского и русского языков переводчику приходится прибегать к грамматическим трансформациям в русском языке, таким как изменение порядка следования компонентов термина, использование падежных форм и предлогов, замена частей речи. В качестве лексических трансформаций, кроме калькирования, переводчик использует такие приемы, как лексическое добавление, в случаях, требующих дополнительного пояснения отдельных компонентов, или прибегает к описательному переводу в том случае, если реалия отсутствует в языке перевода. В 13 % случаев переводчик использует эквивалент как особый вид перевода, при котором в языке перевода находится более краткая и емкая единица, выражающая тот же смысл, что и многокомпонентный термин в языке оригинала.

Если среди вариантов перевода трехкомпонентных терминов переводчику в 13 % случаев удастся сохранить порядок следования компонентов многокомпонентного термина, то при переводе более сложных – четырех- и пятикомпонентных – единиц инверсия, или изменение порядка следования компонентов, становится основной трансформацией. Среди лексических трансформаций выделяются лексическое добавление, эквивалентный перевод, конкретизация и калькирование. В числе лексико-грамматических трансформаций превалирует описательный перевод.

Заключение. Анализ способов перевода многокомпонентных терминов сферы информационных технологий показал зависимость выбора грамматических трансформаций от типологических характеристик англий-

ского и русского языков. Так, для английского языка характерна регрессивная структура словосочетания, которая сохраняется и в многокомпонентных терминах, которые также синтаксически представляют собой словосочетания. Кроме того, преобладающим типом синтаксической связи внутри словосочетания является примыкание. В русском языке словосочетания имеют прогрессивную структуру с управлением в качестве синтаксической связи. Поэтому основными грамматическими трансформациями становятся изменение порядка следования компонентов в языке перевода, замена частей речи, использование предлогов и падежных форм. Только в небольшом количестве трехкомпонентных терминов удается сохранить порядок следования компонентов, прибегая лишь к замене части речи (как правило, существительного в английском языке на прилагательное – в русском языке) для создания многокомпонентного термина с согласованием как типом синтаксической связи и главным словом, выраженным существительным, и зависимыми словами, выраженными прилагательными.

Что касается лексических трансформаций, то наиболее частотными среди них становятся калькирование (всех или отдельных компонентов словосочетания), конкретизация, транслитерация (редко – всех, часто – одного из компонентов многокомпонентного термина), лексическое добавление и описательный перевод как лексико-грамматическая трансформация.

Следует отметить, что в силу сложности структуры и содержания многокомпонентных терминов их адекватный перевод возможен только с использованием комплекса приемов и способов перевода.

Ключевые слова: перевод, термины сферы информационных технологий, многокомпонентные термины, переводческие трансформации

Для цитирования: Волкова М. Г., Васильева С. Л., Абрамова А. А. Особенности перевода терминов в сфере информационных технологий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 62–71. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-62-71>

FEATURES OF TERMS' TRANSLATION IN THE SPHERE OF INFORMATION TECHNOLOGY

Marina G. Volkova¹, Svetlana L. Vasilyeva², Anastasiya A. Abramova³

^{1, 2, 3} Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation

¹ img77@sibmail.com

² vasilyeva_sl@mail.ru

³ neanastasiya@yandex.ru

Abstract

Introduction. Terminology of IT-sphere is one of the most dynamically developing term systems. It is mainly explained by rapid technological progress in this sphere that encourages new nominations and clarification of the already existing terms. It is noteworthy that traditional one-component terms fail to meet the demands of the nomination process, as they are not able to reflect the complexity of new technical phenomena. As a result, multicomponent terms being capable of clear nominations start to numerously appear in computer terminology. At the same time, the structure and complicated meaning of multicomponent terms raise certain problems with their translation to other languages concerning the use of a variety of transformations.

The aim of the research is to reveal the ways of translation of multicomponent terms belonging to IT-sphere from English into Russian taking into consideration their structural and semantic characteristics.

Material and methods. The material of the research includes 500 English multicomponent terms of IT-sphere and 500 their Russian equivalents taken from the computer terms dictionary by I. V. Baratov through the method of continuous sampling. The study also uses the method of structural-semantic and translational analysis.

Results and discussion. Multi-component terms in the field of information technology can be divided into three groups depending on the number of components, determined by the number of elements expressed by meaningful parts of speech: three-, four- and five-component terms. Three-component terms are the most numerous group, which is due to the desire of any language to save, only two five-component terms were found, so it is not possible to talk about the patterns of their translation.

While studying the ways of translation of 3-component terms it was noted that the translator always tends to preserve the structure and meaning of the original term using calquing of the whole multicomponent term or some of its elements (44 % of cases). At the same time due to the typological differences between the English and Russian languages the translator has to resort to grammar transformations in the Russian language such as changing the order of the components, using cases and prepositions, changing parts of speech. As for the lexical transformations apart from calquing the translator uses lexical addition in case of necessary clarification of term components or description when the phenomenon denoted by the term does not exist in the Russian language. In 13 % of cases the translator resorts to equivalent when the Russian language has a shorter but capacious term expressing the same meaning as the multicomponent English term.

In translation of 3-component terms in at least 13 % of cases the translator manages to preserve the structure of the original English term changing only the parts of speech of some components in case of 4-component and 5-component terms inversion or changing of the general order of the components turns out to be the key transformation. Among lexical transformations calquing of certain components, lexical addition, equivalent translation and description are used.

Conclusion. The analysis of the ways of translation of multicomponent terms of IT-sphere from English into Russian revealed the dependence of grammar transformations on the typological characteristics of the languages. For example, English collocations are marked by regressive structure and post-position of the main word with an adjointment as the typical type of syntactic connection, while in the Russian language the collocations are built according to progressive structure with the preposition of the main word and government as a syntactic connection. As a result, the transformations while translating multicomponent terms from English into Russian mainly include a change in the order of components, the use of cases and prepositions, and a change in parts of speech. Even in a small number of 3-component terms, it is possible to preserve the original structure of the term by replacing the parts of speech of the dependent word (a noun with an adjective) to form a collocation with an agreement as a type of syntactic connection.

As for lexical transformations, among them the most commonly used are calque of one or all components of a phrase, clarification, transliteration (mainly one or two components), lexical addition and description as a lexicogrammatical transformation.

It is necessary to note that due to the complexity of the structure and meaning of the multicomponent terms their adequate translation is only possible using a set of ways and methods of translation.

Keywords: translation, terms of the information technology sphere, multicomponent terms, translation transformation

For citation: Volkova M. G., Vasilyeva S. L., Abramova A. A. Osobennosti perevoda terminov v sfere informatsionnykh tekhnologiy [Features of Terms Translation in the Sphere of Information Technology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 62–71 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-62-71>

Введение

Массовая компьютеризация различных сфер человеческой деятельности, постоянная модификация электронных устройств, а также освоение компьютерных технологий человеком и адаптация населения к новым методам работы находит отражение и в языковом материале, который становится объектом изучения филологических наук. В первую очередь это касается появления терминов, номинирующих новые технические устройства и фиксирующих все быстрые изменения в строении и работе. В этом смысле компьютерная терминология отличается от многих других сфер своей динамичностью [1], так как вынуждена мгновенно реагировать на изменения в науке и технике, а также быстрым пополнением словаря новыми терминами, которые перетекают во многие языки мира. В связи с этим постоянно актуальными остаются проблемы адекватной передачи терминов с одного языка на другой для перевода технической документации, литературы, интерфейса программных продуктов, для лексикографической работы.

Актуальность настоящего исследования обусловлена не только широкой распространенностью и постоянным пополнением IT-терминологии, но и сопряженной с этим проблемой адекватного перевода терминов с английского языка как основного источника терминов в этой сфере на русский, а также выбора переводческих трансформаций, спо-

собных передать содержание сложного термина при соблюдении соответствующих норм языка перевода. П. Д. Митчелл, Н. И. Маругина также отмечают, что основными препятствиями в правильности интерпретации терминов английского и русского языков являются их формально-семантические характеристики [2, с. 57]. Особые сложности при этом вызывают многокомпонентные термины, требующие одновременно передачи структуры и содержания термина при переводе с одного языка на другой.

Цель данной работы – выявление способов перевода многокомпонентных терминов сферы информационных технологий с английского языка на русский с учетом необходимости передачи их структурно-семантических свойств.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач: 1) выявить структурные особенности русских и английских многокомпонентных терминов сферы информационных технологий; 2) определить способы перевода многокомпонентных терминов сферы информационных технологий.

В качестве объекта исследования выступили англоязычные и русскоязычные многокомпонентные термины сферы информационных технологий, в качестве предмета изучения – структурные особенности выделенных терминов (в английском и русском языках), а также способы их перевода с английского языка на русский.

Понятие многокомпонентности в настоящее время также вызывает определенные трудности, которые обусловлены сложностью определения статуса компонентов. В связи с этим необходимо сначала обозначить, какие термины, собственно, могут считаться многокомпонентными, и с чем связан рост данных терминов в современном языке.

Проблема развития многокомпонентности прежде всего обусловлена усложнением появляющихся в языке понятий, отражающих сложные явления науки и техники. Именно поэтому однословные термины перестают справляться с описанием новых процессов, и им на смену приходят многословные термины. Кроме того, многокомпонентность развивается в тех сферах, в которых наблюдается бурный рост и развитие, что обуславливает увеличение количества многокомпонентных терминов, в том числе и в сфере информационных технологий.

При этом многокомпонентные термины имеют такой же статус в языке, как и однокомпонентные термины, так как многословный термин может выражать понятия так же, как и однословный, поскольку он представлен языковым знаком, характеризующим знания в определенной области [3, с. 6]. Кроме того, в многокомпонентном термине также выражается соответствующее понятие, передается необходимый смысл, который не зависит от способов выражения содержания [4, с. 16].

В то же время уточнение статуса многокомпонентных терминов объясняется трудностями при классификации подобных единиц, определении их границ и возможной длины, а также выявлении их терминологичности в целом.

Исследуя термины сферы информационных технологий в английском и русском языках, стоит учитывать уже существующие в мире тенденции в изучении многокомпонентных терминов.

По мнению Л. В. Щербы, многокомпонентные термины, или термины-словосочетания, можно определить как лексические единицы, которые являются «сочетаниями слов, обладающими структурным и семантическим единством и представляющими собой расчлененную терминированную номинацию» [5, с. 74].

Так, Т. А. Кудинова определяет многокомпонентный термин (МКТ) как «терминологическое сочетание, состоящее из более двух раздельно оформленных полнозначных компонентов» [6]. По мнению автора, многокомпонентные термины во многом схожи с терминологическим словосочетанием. МКТ и терминологические словосочетания не обладают экспрессивностью и образностью, для них характерна прозрачность семантики, а их значения выводятся из отдельных компонентов их состава. При этом компонентом МКТ чаще всего счи-

тается однословная лексическая единица, принадлежащая значимым частям речи.

Аналогичные свойства МКТ выделяет и Н. В. Егоршина, отмечая также, что МКТ должны обладать прозрачностью семантики, потенциальной способностью преобразовываться в однословные термины, устойчивостью и стабильностью состава, цельностью и отсутствием экспрессивности [7, с. 31–32].

Некоторые ученые также акцентируют внимание на необходимости изучения допустимой длины термина. Чисто теоретически количество компонентов терминологических единиц является неограниченным, но на практике длина МКТ имеет некоторые ограничения. Среди них наиболее очевидными являются специфика памяти человека и нежелание чрезмерно перегружать языковые конструкции, делая их смысл слишком сложным для восприятия.

Сложность структуры и семантики МКТ вызывает соответствующий интерес ученых к данным явлениям в различных сферах языка. Изучением явления многокомпонентных терминов занимались такие ученые, как Л. Н. Беляева (1986), А. А. Джигоева (1986), Е. Я. Городецкая (1987), Е. А. Белоусова (1989), В. И. Михайлова (1992), Н. Э. Додонова (2000), Т. А. Кудинова (2006).

Материал и методы

В данном исследовании мы совмещаем методы структурно-семантического и переводческого анализа МКТ: от анализа структуры языковых данных переходим к анализу их семантики, затем к исследованию способов перевода многокомпонентных терминов сферы информационных технологий.

Единицей анализа являются многокомпонентные термины компьютерной сферы на русском и английском языках. Источником материала послужил «Большой англо-русский и русско-английский компьютерный словарь» И. В. Баратова [8].

С помощью приема направленной выборки были отобраны 500 англоязычных многокомпонентных терминов, репрезентирующих сферу информационных технологий, и 500 вариантов их перевода на русский язык. Способы перевода многокомпонентных терминов определяются с точки зрения передачи структуры и содержания исходного понятия.

Результаты и обсуждение

Проблема перевода терминологии давно находится в центре внимания отечественных лингвистов, таких как С. В. Гринев-Гриневич, Л. П. Крысин, В. М. Лейчик, Д. С. Лотте, Р. Ф. Пронина, В. А. Татаринцев и др.

Так, Д. С. Лотте в качестве общих принципов перевода технической терминологии определяет

необходимость ограниченного использования калькирования как способа перевода [9] и призывает обращаться к творческому потенциалу переводчиков для создания терминов в языке перевода по правилам и с использованием единиц языка перевода [10].

В. М. Лейчик указывает на то, что правильный перевод терминов является основой адекватного перевода технического текста. При этом он выделяет три условия адекватного перевода именно терминов сферы компьютерных технологий:

- 1) правильный перевод терминов, который может быть осложнен наличием разных объемов значений терминов в двух языках;
- 2) проверка соответствия переведенного термина терминосистеме языка перевода;
- 3) учет различий терминов в двух языках в связи с особенностями оформления понятий в каждом языке [11].

С. В. Гринев-Гриневич подчеркивает важность ориентации на язык перевода, а также призывает в первую очередь при выборе переводческой стратегии проверять термин на возможное наличие эквивалента в языке перевода [12, 13].

В. Н. Комиссаров выделяет ряд переводческих трансформаций, которые рассматриваются как преобразования при переводе единиц одного языка на другой, в частности он определяет лексические (генерализация, транслитерация, конкретизация, модуляция, калькирование) и грамматические (синтаксическое уподобление, членение лексических единиц, объединение лексических единиц, грамматические замены) трансформации [14]. Кроме того, по его мнению, существуют комплексные лексико-грамматические трансформации (антонимический перевод, описательный перевод, компенсация), при которых преобразования затрагивают одновременно лексические и грамматические единицы оригинала.

Л. С. Бархударов в рамках классификации переводческих трансформаций выделяет трансформации перестановки (изменения порядка следования компонентов в языке перевода), добавления, замены (частей речи, членов предложения, типов синтаксической связи, конкретизация, генерализация, компенсация) и опущения [15, с. 150].

По мнению Н. А. Каменевой, основные способы перевода англоязычных терминов сферы ИТ на русский язык – это транслитерация, калькирование и транскрибирование. Изначально понятие или термин появляется в первичном языке – в виде элемента англоязычной лексики, а затем уже путем заимствования находит отражение во вторичном языке [16, с. 190].

В. М. Кулешова, исследуя трансформации, применяемые для перевода терминов-словосочетаний,

определяет ряд наиболее частотных трансформаций, используемых в таких случаях:

- 1) калькирование, связанное с дословным воспроизведением слов и выражений языка оригинала при помощи средств языка перевода;
- 2) перевод с использованием родительного падежа;
- 3) перевод с применением различных предлогов;
- 4) описательный перевод или перевод одного из членов словосочетания или всего словосочетания группой поясняющих слов;
- 5) инверсия или перевод с изменением порядка следования компонентов терминологического сочетания;
- 6) транслитерация;
- 7) использование эквивалента, то есть термина языка перевода, форма которого не связана с оригиналом;
- 8) перевод с помощью подбора контекстуально-го значения [17, с. 13].

В силу того что классификации В. М. Кулешовой и Л. С. Бархударова ориентированы на перевод терминов-словосочетаний, при проведении переводческого анализа многокомпонентных терминов сферы компьютерных технологий были применены именно данные классификации переводческих трансформаций.

На их основе были выявлены следующие переводческие приемы: изменение порядка следования компонентов, описательный перевод, лексическое развертывание (добавление), опущение, замена частей речи, смена числа компонента, подбор контекстуального значения или эквивалента, перевод с использованием предлогов или различных падежей, конкретизация, калькирование и транслитерация.

Исходя из типологической структуры русского и английского языков, следует отметить важное различие в структуре русских и английских словосочетаний, которое оказывает влияние на выбор способов перевода англоязычных многокомпонентных терминов на русский язык. Это отличие касается в первую очередь положения главного компонента словосочетания. Так, для английского языка характерна постпозиция главного слова многокомпонентного термина, в то время как для русского языка типичным является препозиция главного слова по отношению к зависимым компонентам словосочетания. То есть англоязычные МКТ преимущественно отличаются регрессивной структурой, а русскоязычные – прогрессивной структурой.

Еще одним типологическим различием построения МКТ в русском и английском языках являются особенности использования синтаксических связей. Так, для английского языка характерной

синтаксической связью между компонентами МКТ является примыкание, в то время как для русского языка типичным становится управление и примыкание.

Как следствие, данные типологические различия влекут за собой целый ряд грамматических изменений, необходимых для правильного, с точки зрения правил русского языка, оформления МКТ.

Отсюда при переводе МКТ сферы ИТ предполагается сочетание грамматических и лексических трансформаций, которые, с одной стороны, способствуют адекватному структурному построению термина в русском языке, а с другой стороны, помогают передать содержание МКТ английского языка на русский язык.

В процессе сплошной выборки терминов сферы ИТ было отобрано 500 англоязычных терминов и их эквивалентов. В дальнейшем данные термины были классифицированы в зависимости от количества входящих в них компонентов, которое определялось по количеству значимых частей речи в структуре термина. Таким образом были выделены трех-, четырех- и пятикомпонентные термины сферы информационных технологий.

Рассмотрим, какие переводческие трансформации характерны для каждого типа МКТ.

Среди выведенных нами структурных моделей трехкомпонентных терминов были выделены следующие трансформации, которые приведены в порядке понижения частотности:

1. Калькирование с изменением порядка следования компонентов (инверсией) и с использованием родительного падежа с предлогом или без: *Abstract data type* – абстрактный тип данных; *Access control entry* – элемент (списка) контроля доступа (определяет защиту или аудит, которые должны быть применены к файлу или объекту определенного пользователя или группы пользователей); *Access path independence* – независимость от пути доступа.

Калькирование является одним из самых простых приемов и выражается в последовательном перекладывании каждого из компонентов данных словосочетаний. Различие синтаксических связей русского и английского языков в словосочетаниях определяет использование родительного падежа в русском языке для соединения компонентов и необходимой замены примыкания как типа связи, используемого в английском языке, на управление, характерное для русского языка.

При исследовании выбранного материала было обнаружено два варианта применения приема калькирования:

а) калькирование без изменения порядка следования компонентов – 13 % случаев: *Compact executable file* – компактный исполняемый файл;

Connected authenticating user – подключенный и опознанный пользователь;

б) калькирование с изменением порядка следования компонентов – 87 % случаев: *Data access objects* – объекты доступа к данным; *Data collection system* – система сбора данных.

2. Калькирование с изменением порядка следования компонентов (инверсией) и с использованием творительного падежа с предлогом или без: *Surface mount device* – элемент с поверхностным монтажом; *Discretionary access control* – избирательный контроль за доступом.

3. Калькирование с изменением порядка следования компонентов (инверсией) и с использованием дательного падежа с предлогом: *Demand-assignment multiple access* – множественный доступ к предоставленным каналам по требованию; *Nonprocedural data access* – непроцедурный доступ к данным.

Примечателен тот факт, что зачастую при попытке применения калькирования переводчик калькирует только отдельные элементы МКТ, параллельно используя конкретизацию, генерализацию, лексическое развертывание для отдельных элементов МКТ или лексические замены.

4. Калькирование с изменением порядка слов (инверсией) и конкретизация: *Media conversion buffer* – буфер передачи информации с одного носителя на другой.

В приведенном примере конкретизация осуществляется за счет использования лексического развертывания с использованием родительного падежа с предлогом.

Лексическое добавление, как правило, используется для уточнения отдельных компонентов МКТ в русском языке: *Shortest path algorithm* – алгоритм поиска кратчайшего маршрута; *Velocity compensated algorithm* – алгоритм компенсации скоростной ошибки; *Program flow analyzer* – анализатор хода выполнения программы.

5. Еще один лексический прием – использование эквивалента, который используется тогда, когда МКТ английского языка соответствует термину русского языка, не связанный по форме с оригиналом. Очень часто при использовании эквивалента наблюдается несовпадение количества элементов МКТ в английском и русском языках: *Remote batch access* – доступ в пакетном режиме; *Access mediation information* – атрибут доступа; *Video display adapter* – видеоплата; *Allocation unit size* – размер кластера; *Complex plane analyzer* – векторный анализатор; *Frequency response analyzer* – функциональный анализатор.

6. Отдельного внимания заслуживает такой лексический прием, как описание, который связан с необходимостью пояснения отдельных компонен-

тов МКТ в русском языке: *Peripheral oriented architecture* – архитектура, ориентированная на подключение периферийных устройств; *Alternate Mark Inversion* – кодирование с чередованием полярности элементов (схема биполярного кодирования, в которой последовательные объекты кодируются противоположной полярностью); *Removable random access* – произвольный доступ к устройству со сменным носителем.

7. Одновременно с указанными выше трансформациями переводчики часто прибегают к замене частей речи при переводе МКТ английского языка на русский язык, что также объясняется различием типологической структуры словосочетаний в двух языках, требующим замены синтаксических связей при перестановке компонентов словосочетания с примыкания на согласование, что обусловлено невозможностью использования существительных в препозиции к главному слову в качестве определений в русском языке: *Channel array architecture* – канальная матричная архитектура; *Algorithmic procedure texturing* – алгоритмическое процедурное текстурирование.

8. Генерализация связана с более обобщенным представлением лексического элемента МКТ английского языка в русском языке. Зачастую генерализация связана с опущением одного из элементов МКТ английского языка и использованием одной лексической единицы с более обобщенным значением в русском языке: *Data flow architecture* – потоковая архитектура. Однако такие случаи единичны.

9. Лексические замены используются переводчиками не так часто, как правило, в тех случаях, когда необходимо заменить более абстрактное слово английского языка на лексему с более конкретным значением в русском языке, при этом особенностью лексических замен является то, что у слова английского языка изначально отсутствует значение, предложенное в МКТ русского языка: *Dynamic path analyzer* – динамический анализатор ветвей; *Instruction issue algorithm* – алгоритм подачи команд; *Advanced peer-to-peer networking* – развитая архитектура одноуровневых сетей.

10. Наконец, еще один лексический прием, используемый при переводе МКТ английского языка на русский язык – транслитерация, связанная с передачей слов английского языка на русский с помощью побуквенного их воспроизведения. Следует отметить, что данный прием редко применяется ко всему МКТ, чаще только к отдельным его элементам. Тем не менее случаи использования транслитерации для всех компонентов МКТ также встречаются. Например: *Algorithmic procedure texturing* – алгоритмическое процедурное текстурирование.

Таким образом, можно отметить вариативность переводческих трансформаций, применяемых для перевода трехкомпонентных терминов.

В результате проведенных нами подсчетов было выявлено, что при переводе терминологических единиц данной группы калькирование с изменением порядка следования компонентов и применения различных падежей с предлогом или без него является наиболее частотной трансформацией. Всего 44 % случаев употреблений. При этом использование родительного падежа с предлогом и без него является самой частотной трансформацией в данной группе преобразований и составляет 18 % случаев, затем следуют применение творительного падежа с предлогом и без и дательного падежа с предлогом – 16 и 10 % от всех случаев соответственно. Использование родительного падежа, а также введение предлогов в структуру МКТ русского языка при переводе обусловлено разностью синтаксических связей, существующих в языках: если в английском языке используется примыкание, то для русского характерно управление.

Калькирование с изменением порядка следования компонентов и конкретизация составляют 19 % от всех случаев употребления и являются вторым по частотности способом перевода трехкомпонентных терминов сферы информационных технологий. Использование такого приема, как конкретизация, объясняется тем, что некоторые единицы английского языка охватывают довольно широкое смысловое поле, в связи с этим при переводе возникает необходимость в уточнении значения.

Употребление эквивалента в переводе составляет 13 % от всех случаев.

Описание как прием перевода используется в 9 % случаев. Описательный перевод необходим при передаче сложных или не имеющих соответствий единиц.

Также для перевода терминологических единиц сферы информационных технологий характерны смена частей речи (6 %), генерализация (4 %), лексические замены (3 %) и транслитерация (2 %).

Далее рассмотрим переводческие трансформации, применяемые при переводе четырехкомпонентных терминов сферы информационных технологий. В силу сложности самих терминов при их переводе всегда применяется целый комплекс трансформаций. Приведем некоторые из них в порядке понижения частотности случаев.

1. Калькирование с изменением порядка следования элементов и употребление различных падежей с предлогами и без них.

Так же, как и в случае перевода трехкомпонентных терминов, чаще всего употребляется родительный падеж: *Access list authorization matrix* –

матрица распределения полномочий доступа (в базах данных); *Automatic data processing equipment* – оборудование для автоматической обработки данных.

Затем для соединения компонентов применяют творительный падеж с предлогом: *Space division multiple access* – множественный доступ с пространственным разделением; *Asynchronous time division multiplexing* – асинхронное мультиплексирование с разделением времени.

В последнем примере также переводчиком используется транслитерация при передаче термина в языке перевода: *Binary error correction code* – двоичный код с исправлением ошибок.

При переводе четырехкомпонентных терминов нами было обнаружено три употребления предложного падежа с предлогом: *Completely transistor logic circuit* – логическая схема на комплементарных транзисторах; *Active matrix liquid-crystal display* – жидкокристаллический дисплей на активной матрице; *Distributed double-loop computer network* – распределенная сеть компьютеров на основе двойного кольца.

Также в последнем примере переводчик применяет такой вид трансформации, как лексическое дополнение, чтобы конкретизировать значение термина.

2. Описательный перевод с изменением порядка следования компонентов: *Least frequently used algorithm* – алгоритм замедления наименее активной (наименее используемой) страницы; *Least recently used algorithm* – алгоритм замещения наиболее давней по использованию страницы.

3. Перевод со сменой части речи и использованием калькирования и дательного падежа с предлогом: *Code division multiple access* – множественный доступ к кодовым разделениям (каналов).

Здесь английское слово *code*, входящее в состав данного четырехкомпонентного термина, является существительным и в переводе передается прилагательным *кодový*, что объясняется различием в структуре словосочетаний русского и английского языков.

4. Перевод с изменением порядка следования компонентов, оформлением компонентов при помощи использования приема конкретизации за счет лексического добавления: *Integrated query optimization algorithm* – интегрированный алгоритм оптимизации обработки запросов; *Parallel digital differential analyzer* – цифровой дифференциальный анализатор параллельного действия; *Serial digital differential analyzer* – цифровой дифференциальный анализатор последовательного действия.

5. Перевод при помощи эквивалента: *Neural network computer chip* – интегральная схема нейрокompьютера.

Таким образом, для четырехкомпонентных терминологических единиц характерны калькирование с изменением порядка слов и употреблением различных падежей с предлогами и без, описательный перевод, смена частей речи, конкретизация за счет лексического добавления, применение эквивалента.

Так, можно отметить, что при переводе четырехкомпонентных терминов используется довольно широкий ряд переводческих трансформаций, а увеличение числа компонентов усложняет задачу выведения закономерностей при переводе. Тем не менее в результате проведенных нами подсчетов было выявлено, что при переводе терминологических единиц данной группы калькирование с изменением порядка следования компонентов и употреблением родительного (35 %), творительного (10 %) и предложного (8 %) падежей также является наиболее частотной трансформацией и составляет 53 % случаев, описательный перевод представляет 17 % от всех случаев, смена частей речи – 13 %, конкретизация – 10 % и, наконец, употребление эквивалента составляет 7 % случаев.

Высокий процент изменения порядка следования компонентов также объясняется разностью структурных связей и смыслового (актуального) членения в английском и русском языках. Описательный перевод – необходимостью передачи сложных или не имеющих соответствий единиц. Калькирование применяется в случаях, когда единица имеет прозрачную словообразовательную структуру и форму. Добавление предлогов происходит по причине разности синтаксических связей, если в английском языке используется примыкание, то в русском предпочтительно управление.

Обратимся к пятикомпонентным терминам сферы информационных технологий. В случае пятикомпонентных терминов стоит снова отметить, что увеличение числа компонентов негативно сказывается на частотности их употребления. В процессе анализа было выявлено всего две пятикомпонентные терминологические единицы, что составило 0,4 % от общего количества МКТ сферы информационных технологий.

Приведем примеры пятикомпонентных терминов и их эквивалентов в русском языке: *Digital data communications message protocol* – протокол информационного обмена; *Broadband integrated services digital network* – широкополосная цифровая сеть с комплексными услугами.

В первом случае переводчик использует более экономный вариант представления терминологической единицы, предлагая более короткий эквивалент англоязычного термина. Во втором случае переводчику не удается сократить количество компонентов термина, однако при этом применяется

изменение порядка следования компонентов, употребление творительного падежа с предлогом, а также калькирование как лексическая трансформация.

Заключение

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что сложность структуры МКТ и наличие множества компонентов МКТ обуславливает и использование одновременно нескольких приемов перевода. Первая группа приемов перевода связана с грамматическими трансформациями, необходимыми для преобразования структуры английского словосочетания с характерной регрессивной структурой и примыканием как типом синтаксической связи в структуру русского

словосочетания с прогрессивной структурой и управлением или согласованием как типами синтаксической связи.

Вторая группа приемов связана с лексическими трансформациями, необходимыми для перевода собственно компонентов МКТ английского языка на русский язык. В этом смысле наиболее частотными являются такие приемы, как калькирование, конкретизация, описание, смена частей речи и применение эквивалента.

Лексические и грамматические трансформации взаимодополняют друг друга, позволяя выстраивать адекватные нормам русского языка словосочетания, соответствующие по смыслу МКТ английского языка.

Список источников

1. Молнар А. А. Особенности формирования терминосистемы информационных технологий: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 203 с.
2. Митчелл П. Д., Маругина Н. И. Проблема перевода русских и английских академических терминов (из опыта работы Центра перевода ФИЯ ТГУ) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 53–58.
3. Динес Л. А. Специфика составного термина в частноотраслевой терминосистеме (на материале кардиологической терминологии русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 19 с.
4. Уразбаев К. Б. Терминологическое словосочетание как единица номинации (на материале английской космической терминологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
5. Верещака М. В. Терминообразовательное гнездо составных терминов // Лингвистические исследования. Историко-типологическое изучение разнотерминологических языков. М., 1987. С. 74–80.
6. Кудинова Т. А. Структурно-семантические особенности многокомпонентных терминов в подязыке биотехнологий: дис. ... канд. филол. наук. 2006. 245 с.
7. Егоршина Н. В. Несколькословные термины в военном подязыке (ономасиологический аспект): дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 178 с.
8. Баратов И. В. Большой англо-русский и русско-английский компьютерный словарь / под ред. Н. В. Морозова. М.: Живой язык, 2010. 244 с.
9. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 149 с.
10. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 157 с.
11. Лейчик В. М. Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод. Ч. II. М.: ВЦП, 1990. 81 с.
12. Гринев-Гриневич С. О терминологических аспектах научно-технического перевода // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2011. № 6, том 2. С. 74–78.
13. Гринев С. В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
14. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
15. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории переводов. М.: Междунар. отношения, 1975. 239 с.
16. Каменева Н. А. Анализ лексических особенностей английского и русского языков в сфере информационных технологий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23, № 1. С. 185–199.
17. Кулешова В. М. Введение в теорию и практику перевода научно-технической литературы: курс лекций. Минск: БГУ, 2001. 59 с.

References

1. Molnar A. A. *Osobennosti formirovaniya terminosistemy informatsionnykh tekhnologiy*. Dis. kand. filol. nauk [Features of the formation of the terminological system of information technologies. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 2012. 203 p. (in Russian).
2. Mitchell P. D., Marugina N. I. Problema perevoda russkikh i angliyskikh akademicheskikh terminov [The problem of translation of Russian and English academic terms (from the experience of the TSU Translation Centre)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2015, no. 394, pp. 53–58 (in Russian).
3. Dines L. A. *Spetsifika sostavnogo termina v chastnootraslevoy terminosisteme (na materiale kardiologicheskoy terminologii russkogo i angliyskogo yazykov)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The specificity of the compound term in the private industry terminological system (on the basis of cardiological terminology in Russian and English). Abstract of the thesis. diss. cand. philol. sciences]. Leningrad, 1986. 19 p. (in Russian).

4. Urazbayev K. B. *Terminologicheskoye slovosochetaniye kak edinita nominatsii (na materiale angliyskoy kosmicheskoy terminologii)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Terminological phrase as a nomination unit (based on English space terminology). Abstract of the thesis. diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 1985 p. (in Russian).
5. Vereshchaka M. V. Terminobrazovatel'noye gnezdo sostavnykh terminov [Terminological nest of compound terms Linguistic research. Historical and typological study of languages of different systems]. Moscow, 1987. Pp. 74–80 (in Russian).
6. Kudinova T. A. *Strukturno-semanticheskiye osobennosti mnogokomponentnykh terminov v pod'yazyke biotekhnologii*. Dis. kand. filol. nauk [Structural and semantic features of multicomponent terms in the sublanguage of biotechnologies. Diss. cand. philol. sci.]. Orel, 2006. 245 p. (in Russian).
7. Egorshina N. V. *Neskol'koslovnnyye terminy v voyennom pod'yazyke (onomasiologicheskyy aspekt)*. Dis. kand. filol. nauk [Several-word terms in the military sublanguage (onomasiological aspect). Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 1995. 178 p. (in Russian).
8. Baratov I. V. *Bol'shoy anglo-russkiy i russko-angliyskiy komp'yuternyy slovar'* [The Great English-Russian and Russian-English Computer Dictionary]. Ed. N. V. Morozova. Moscow, Zhivoy yazyk Publ., 2010. 244 p. (in Russian).
9. Lotte D. S. *Voprosy zaимstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnykh terminov i terminoelementov* [Questions of borrowing and ordering of foreign language terms and term elements]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 149 p. (in Russian).
10. Lotte D. S. *Osnovy postroyeniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii. Voprosy teorii i metodiki* [Fundamentals of the construction of scientific and technical terminology. Questions of theory and methodology]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1961. 157 p. (in Russian).
11. Leychik V. M. *Lingvisticheskiye problemy terminologii i nauchno-tekhnicheskoy perevod*. Chast' II [Linguistic problems of terminology and scientific and technical translation. Part II]. Moscow, VTSP Publ., 1990. 81 p. (in Russian).
12. Grinev-Grinevich S. O terminologicheskikh aspektakh nauchno-tekhnicheskogo perevoda [On terminological aspects of scientific and technical translation]. *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the Moscow State University. Series: Linguistics*, 2011, no. 6, vol. 2, pp. 74–78 (in Russian).
13. Grinev S. V. *Vvedeniye v terminovedeniye* [Introduction to Terminology]. Moscow, Moskovskiy litsey Publ., 1993. 309 p. (in Russian).
14. Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 253 p. (in Russian).
15. Barkhudarov L. S. *Yazyk i perevod. Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevodov* [Language and translation. Questions of general and particular theory of translations]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1975. 239 p. (in Russian).
16. Kameneva N. A. Analiz leksicheskikh osobennostey angliyskogo i russkogo yazykov v sfere informatsionnykh tekhnologiy [Analysis of lexical features of English and Russian languages in the field of information technologies]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*, 2019, vol. 23, no. 1, pp. 185–199 (in Russian).
17. Kuleshova V. M. *Vvedeniye v teoriyu i praktiku perevoda nauchno-tekhnicheskoy literatury* [Introduction to the theory and practice of translation of scientific and technical literature: A course of lectures]. Minsk, BSU Publ., 2001. 59 p. (in Russian).

Информация об авторах

Волкова М. Г., кандидат филологических наук, доцент, Сибирский государственный медицинский университет (Московский тракт, 2, Томск, Россия, 634050).

Васильева С. Л., заведующий кафедрой, кандидат филологических наук, доцент, Сибирский государственный медицинский университет (Московский тракт, 2, Томск, Россия, 634050).

Абрамова А. А., кандидат филологических наук, доцент, Сибирский государственный медицинский университет (Московский тракт, 2, Томск, Россия, 634050).

Information about the authors

Volkova M. G., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Siberian State Medical University (Moskovskiy trakt, 2, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Vasilyeva S. L., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of Foreign Languages Department, Siberian State Medical University (Moskovskiy trakt, 2, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Abramova A. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Siberian State Medical University (Moskovskiy trakt, 2, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 07.06.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 07.06.2022; accepted for publication 01.10.2022

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 372.881.111.11

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-72-79>

КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ УМЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ ПО СОЗДАНИЮ ПИСЬМЕННОЙ РАБОТЫ В ЖАНРЕ АННОТАЦИИ К НАУЧНОЙ СТАТЬЕ

Го Юйцзе

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
gyjseasidespb@163.com

Аннотация

Введение. Аннотация к научной статье является обязательным разделом при публикации результатов исследования. Аннотация представляет собой вторичный речевой жанр, создание которого чаще всего вызывает трудности у иностранных учащихся, изучающих русский язык.

Цель настоящей статьи заключается в анализе и разработке критериев оценивания работ иностранных учащихся по созданию аннотации к научной статье.

Материал и методы. Материалом для разработки теоретических положений послужили научные труды по главным направлениям данного исследования. Эмпирический материал исследования – 20 аннотаций, написанных иностранными учащимися-филологами (уровень В2) к статье на тему «Семантика лексемы „храм“ в языке и тексте (на материале русских православных проповедей)». В ходе исследования использовались методы анализа (изучение научных трудов по теме исследования, анализ письменных работ учащихся) и синтеза.

Результаты и обсуждение. Написание аннотации рассматривается как процесс порождения научного письменного дискурса, эффективность обучения которому зависит от когнитивного и прагматического факторов. Под когнитивным фактором подразумевается стратегический (умение определять коммуникативную цель общения, планировать определенные коммуникативные задачи при достижении цели) и тактический (умение отбирать адекватные языковые средства для реализации коммуникативных задач) планы дискурса. К прагматическому фактору дискурса относятся сфера общения, специфика ситуации и характеристики адресата общения. Эти важные факторы необходимо учитывать при оценивании аннотации. В рамках когнитивного подхода к обучению на основе разработанной методики формирования умений, разделенной по трем блокам (соответствующим дискурсивной, речевой и языковой компетенциям), и учета специфики письменного научного дискурса была создана методика расчета успешности написания аннотации к научной статье.

Заключение. Представленная методика оценивания уровня сформированности соответствующих умений является наиболее продуктивной, так как в рамках методических категорий компетенции и умения речевой деятельности целесообразно соединены канон, специфика жанра (жанроведческий аспект), структура и содержание текста (речепроизводный аспект) и научный стиль (стилистический аспект).

Ключевые слова: обучение, научный письменный дискурс, вторичный жанр, аннотация, критерии оценивания, русский язык как иностранный

Для цитирования: Го Юйцзе. Критерии оценивания уровня сформированности умений иностранных учащихся по созданию письменной работы в жанре аннотации к научной статье // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 72–79. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-72-79>

METHODICAL ASPECTS OF MODERN LINGUISTICS

CRITERIA FOR ASSESSING THE LEVEL OF FORMATION OF FOREIGN STUDENTS' SKILLS IN CREATING A WRITTEN WORK IN THE GENRE OF AN ABSTRACT TO A RESEARCH PAPER

Guo Yujie

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, gyjseasidespb@163.com

Abstract

Introduction. The abstract to the academic paper is a required section for the publication of research results. Abstract is a secondary speech genre, the creation of which most often makes it difficult for foreign students studying Russian. The purpose of this article is the analysis and development of criteria for evaluating the work of foreign students to create an abstract to a research paper.

Materials and methods. The material for the developing of theoretical positions was scientific papers on the main directions of this study. Empirical research material – 20 written abstracts of foreign students-philologists (level B2) to research paper, which named “Semantics of the lexeme “temple” in language and text (based on the material of Russian orthodox sermons)”. In the course of the research, methods of analysis (the analysis of scientific papers on the topic of this research, the analysis of written works of students) and synthesis are used.

Results and discussion. Abstract writing is considered as a process of generating scientific written discourse, the effectiveness of which is influenced by cognitive and pragmatic factors. The cognitive factor means strategic (the skill to determine the communicative purpose, plan communicative tasks when achieving the goal of communication) and tactical (the skill to select appropriate language tools for the implementation of communicative tasks) discourse plans. The pragmatic factor of discourse includes the sphere of communication, the specifics of the situation and the characteristics of the addressee of communication. These important factors should be taken into account in the evaluation of abstract. Within the framework of the cognitive approach, based on the developed methods for the skills formation, divided into three blocks (discourse, speech, language competences) and taking into account the specifics of written scientific discourse, a method for calculating the success of writing an abstract to a research paper was created.

Conclusion. This method of assessing the level of formation of the relevant skills is the most productive, since within the methodological categories of competence and skills of speech activity, it is advisable to combine the canon, and the specifics of the genre (genre aspect), the structure, and content of the text (speech-producing aspect), and scientific style (stylistic aspect).

Keywords: teaching, scientific written discourse, secondary genre, abstract, evaluation criteria, Russian as a foreign language

For citation: Guo Yujie. Kriterii otsenivaniya urovnya sformirovannosti umeniy inostrannykh uchachshikhsya po sozdaniyu pis'mennoy raboty v zhanre annotatsii k nauchnoy stat'ye [Criteria for Assessing the Level of Formation Skills of Foreign Students to Create a Written Work in the Genre of Abstract to Research Paper]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 72–79 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-72-79>

Введение

Умение осуществлять письменное общение на русском языке является неотъемлемым компонентом коммуникативной компетенции иностранных учащихся. Такой вид общения реализуется в письменной речевой деятельности (РД), которая тесно связана с понятиями *дискурс* и *текст*.

Установлением корреляции между дискурсом и текстом занимались многие российские исследователи [1–6]. На наш взгляд, в отличие от текста дискурс характеризуется динамичностью, насыщенностью экстралингвистическими факторами и относится к когнитивному плану. Когнитивный характер дискурса определяется его динамичностью. По мнению Е. С. Кубряковой и О. В. Александров-

вой, «под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным рече-производством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [2, с. 19–20]. Из этого следует, что дискурс – коммуникативный динамичный процесс, в результате которого создается зафиксированная (статичная) определенная структура текста.

При порождении дискурса необходимо учитывать стратегический и тактический планы. Согласно точке зрения С. С. Кулиной и Р. А. Черемисиновой, стратегический план дискурса предполагает «анализ социокультурной ситуации в совокупности обстоятельств ее протекания и характеристики

индивидуальности адресата, осознание коммуникативной задачи и планирование коммуникативного события» [3, с. 353]. Тактический план дискурса предусматривает отбор языковых средств, реализуемых пишущим при решении коммуникативной задачи [3, с. 353]. Кроме того, на результат порождения дискурса влияют экстралингвистические факторы. Дискурс ориентирован на конкретного адресата: его ролевую позицию, речевой опыт, речевую культуру, речевое поведение в конкретной ситуации. Из сказанного можно заключить, что письменный дискурс – это относящийся к определенной сфере общения и учитывающий прагматические условия речемыслительный (когнитивный) и коммуникативный процесс РД, результат которого фиксируется в виде письменного текста.

Многие исследователи рассматривают дискурс как объект обучения иностранному языку, в частности обучения разным видам дискурса (письменного, устного) [7, 8], обучения дискурсу, принадлежащему разным сферам общения (деловой, научной, юридической) [9–11]. Порождение письменного дискурса имеет особое значение для осуществления научного общения иностранными учащимися, которые владеют русским языком на продвинутом уровне.

О. О. Амерханова трактует научный дискурс как «процесс и результат выражения и интерпретации научных знаний с целью дальнейшего поэтапного усовершенствования существующих или синтеза новых научных знаний» [7, с. 49]. В связи с этим представляется целесообразным рассматривать научную письменную работу учащихся как научный дискурс, при создании которого, помимо свойств текста, учитываются прагматический и когнитивный аспекты.

Научный дискурс реализуется в разных текстах и, соответственно, в определенных жанрах, таких как монография, диссертация, научная статья, рецензия, реферат, аннотация, тезисы докладов или выступлений на конференции. По коммуникативной цели научные жанры могут быть разделены на первичные и вторичные (основаны на переработке первичных) [12, с. 167–171]. В. И. Карасик справедливо утверждает, что свойство первичности/вторичности особенно ярко проявляется в письменных речевых жанрах научного дискурса [13, с. 232]. Овладение умениями создания аннотации как небольшого по объему научного вторичного жанра стимулирует иностранных учащихся к самостоятельному изучению и других вторичных жанров. Кроме того, публикация научных статей предполагает обязательное написание аннотации.

Формирование умений, входящих в состав дискурсивной, речевой и языковой компетенций, явля-

ется целью обучения иностранных учащихся письменной речи в жанре аннотации к научной статье [14]. В связи с этим встает важный методический вопрос – выработка критериев оценивания уровня сформированности умений создания письменного дискурса в жанре аннотации к научной статье.

Материал и методы

Теоретические источники данной статьи – научные труды, посвященные главным аспектам представленного исследования, в частности дискурсу [1–6] и алгоритму оценки научной работы [15–17]. Основные выводы были включены в систему оценивания письменной аннотации. Эмпирическим материалом послужили 20 аннотаций к статье «Семантика лексемы „храм“ в языке и тексте (на материале русских православных проповедей)¹, написанных иностранными учащимися. Для решения поставленной цели исследования были использованы методы анализа и синтеза.

Результаты и обсуждение

Исследователи предлагают разные системы оценивания продуцируемого текста, принадлежащего научному стилю речи. Так, при оценивании реферата звучащих академических текстов Е. Н. Соловова и И. А. Басова выделяют пять параметров:

- 1) адекватность и полнота изложения,
- 2) логичность изложения,
- 3) композиционная четкость изложения и объем вторичного текста,
- 4) единство стиля,
- 5) языковая грамотность [15, с. 28–29].

Итоговая оценка работы создания реферата состоит из суммирования баллов за каждый параметр. Данная система оценки представляется общей рамкой проверки работы, в которой учтены характеристики реферата как вторичного научного текста, его стилистические черты и языковые нормы.

Критерии оценивания научного текста обсуждаются в работе И. Б. Короткиной. В соответствии с операциональным, культурным и критическим аспектами концепции академической грамотности автор разработала три группы критериев оценки академического эссе. Операциональная составляющая (40 баллов) предусматривает соблюдение заданной структуры текста и языковую (грамматическую, синтаксическую) грамотность. Культурная составляющая (30 баллов) предполагает построение научного текста с учетом коммуникативного контекста, фоновых знаний и адресата. Критическая составляющая (30 баллов) подразумевает из-

¹ Хосровян К. С. Семантика лексемы «храм» в языке и тексте (на материале русских православных проповедей) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 82–89.

ложение собственной позиции автора, ее доказательство на основе логики и аргументации; объективность текста [16]. При сравнении с системой оценки, предложенной Е. Н. Солововой и И. А. Басовой, можно заметить, что И. Б. Короткина вносит весьма существенное дополнение – оценку культурной составляющей.

Н. В. Смирнова рассматривает письменную речь как ключевой компонент академической грамотности, которая состоит из коммуникативного (узкодисциплинарных и междисциплинарных умений), когнитивного (знаний о ценностях академического дискурса и речевых жанрах, критического мышления), регуляторно-поведенческого (самообразовательной компетенции, мотивации, рефлексии) компонентов. Из этого следует, что автор считает необходимым учет коммуникативной, социальной и когнитивной деятельности в процессе создания письменного текста в конкретных условиях [17, с. 60–61].

Отметим, что все системы оценивания научных текстов включают значимые аспекты создания научного текста (структуру и композицию текста, нормы языка, специфику научного текста и речевого жанра) при реализации научного дискурса. Предлагаемые в данной статье критерии оценивания аннотации к научной статье учитывают не только указанные аспекты, но и их соотношение с компетенциями и соответствующими умениями, при этом подчеркивается их последовательность и применяется когнитивный подход. В соответствии с тремя ключевыми компетенциями, определяющими формально-жанровые (канон и специфика жанра аннотации), содержательные (структура, композиция и логика построения текста) и языковые (синтаксис, стилистика) стороны создаваемого текста аннотации, мы предлагаем оценивать работу учащегося по трем блокам: умения, маркирующие сформированность на определенном уровне

языковой, речевой и дискурсивной компетенции. Поскольку, как уже отмечалось, процесс создания текста аннотации рассматривается как когнитивный и коммуникативный процесс, выбор языковых средств также является результатом когнитивной переработки информации текста-оригинала. В связи с этим обучение написанию аннотации должно начинаться с того блока, в котором формируются умения, соответствующие дискурсивной компетенции (выбор формально-жанрового «облика»), этим обеспечивается переход к блоку, связанному с умениями, входящими в состав речевой компетенции (построение точной, логичной, лаконичной речи, соответствующей нормам научного стиля), и, наконец, обучение завершается блоком языковой компетенции (синтаксико-стилистическое оформление построенного текста как речевого произведения, принадлежащего научному стилю).

Для оценивания были использованы минус-баллы, т. е. за определенную ошибку вычитывались соответствующие баллы. Максимальное количество баллов за умения, соответствующие каждому виду компетенций (блоку), составляет 100 баллов. Внутри блока количество баллов зависит от значимости конкретного умения в рамках формирования целого комплекса умений: самые важные компоненты оценены в 10 баллов, менее значимые (вариативные части) – в 7,5 и 5 соответственно.

Критерии оценивания уровня сформированности умений, связанных с дискурсивной компетенцией. Оценивается наличие жанрообразующих компонентов, которые свидетельствуют о том, что учащийся способен правильно определить прагматические характеристики аннотации, т. е. прежде всего студенты должны понять, для каких целей и для какой аудитории может создаваться аннотация [18, с. 91].

Список умений и соответствующих баллов представлен в табл. 1.

Таблица 1

Список умений и соответствующих баллов за умения, связанные с дискурсивной компетенцией

Умения, связанные с дискурсивной компетенцией	Нарушение	Минус-баллы
Умение выбирать модель, определять базовые структурные (формообразующие) параметры аннотации	Отсутствие компонента «цель»	15
	Отсутствие компонента «результат»	15
	Отсутствие компонента «метод»	7,5
	Отсутствие компонента «материал»	7,5
Умение различать разные речевые жанры по коммуникативной цели и структурным элементам	Смешение канонов жанра аннотации и реферата	10
Умение придерживаться модели жанра при порождении текста, предполагающей определенную структуру текста и объем составных частей	Подача информации списком	5
	Избыточные абзацы	10
	Избыточность информации	10
	Несоответствие объема текста жанру аннотации	10
Умение различать компоненты гипержанра научной статьи: аннотацию, ключевые слова, сам текст статьи	Включение ключевых слов в аннотацию	10
Итого		100

Самым важным критерием оценивания в блоке дискурсивной компетенции является включение главных компонентов модели аннотации к научной статье (цель, результат, метод, материал). Эти компоненты, с одной стороны, отражают логический ход решения научной проблемы, соответственно, являются ключевой информацией любого научного исследования, которая должна быть изложена в аннотации. С другой стороны, без данных компонентов невозможна полная, целостная и логическая структура аннотации. При этом компоненты находятся в иерархических отношениях: наиболее важными являются «цель» и «результат».

Еще один критерий оценивания работы – владение каноном жанра. В ходе анализа работ было обнаружено, что многие иностранные учащиеся не понимают различий между рефератом и аннотацией, вследствие чего заголовок аннотации был оформлен как реферат и объем текста превышал допустимые нормы. Учащиеся не смогли определить коммуникативную цель аннотации, поскольку не учитывали ее прагматические характеристики. В некоторых аннотациях были использованы ключевые слова, которые являются самостоятельным разделом научной статьи.

Критерии оценивания уровня сформированности умений, соответствующих речевой компетенции. Аннотация характеризуется логичностью, лаконичностью и связностью. После создания адекватного канона жанра пишущий переходит к этапу построения текста. В данном блоке базовым умением является построение вертикальной (синтагматический план) и горизонтальной (парадигматический план) структур текста. Вертикальная структура предусматривает последовательность изложения компонентов в аннотации, например, компонент «результат исследования» не мо-

жет располагаться до компонента «цель». Горизонтальная структура текста оценивается по трем умениям:

- умение устанавливать связь между частями текста,
- умение устанавливать связь между предложениями,
- умение устанавливать связь между целью и результатами.

В случае отсутствия любого из трех умений снимается 10 баллов.

Выделение главной и второстепенной информации в статье, на основе чего производится сжатие текста, обеспечивает лаконичность и информативность аннотации. Максимальное количество баллов за нарушение – 20. Если изложение представлено в слишком обобщенном виде (например, при описании результатов исследования), то это нарушает понятность и информативность аннотации. За каждое нарушение снимается 5 баллов.

В аннотации недопустима дословная цитация фрагмента статьи, т. е. текст аннотации должен быть оригинальным. Это требует от учащихся умения перефразировать, т. е. переформулировать чужие идеи с использованием синонимичных конструкций и оборотов. Частотные речевые клише обеспечивают логичность научного текста.

Алгоритм оценивания уровня сформированности речевой компетенции представлен в табл. 2.

Блок речевой компетенции является самым важным, поскольку он требует целого ряда когнитивных и речевых действий по переработке информации первоисточника. В данном блоке при оценивании уровня сформированности умений можно не принимать во внимание стилистическое или грамматическое оформление текста. Главное, чтобы учащиеся отразили характеристики, присущие

Таблица 2

Список умений и соответствующих баллов за умения, связанные с речевой компетенцией

Умения, связанные с речевой компетенцией	Нарушение	Минус-баллы
Умение строить вертикальную структуру научного текста (организация текста на синтагматическом уровне)	Нарушение логики (последовательности) изложения информации в аннотации	Текст не соответствует требованию – 30 баллов
Умение строить горизонтальную структуру научного текста (организация текста на парадигматическом уровне)	Нарушение связи между частями текста	10 баллов (одно нарушение); максимум – 30 баллов
	Нарушение связи между предложениями	
	Нарушение связи между результатом и целью исследования	
Умение выделять главную и второстепенную информацию, а также умение отделять тезис от доказательства; умение компрессии текста	Некорректное использование способов сжатия текста	10 баллов (одно нарушение), максимум – 20 баллов
Умение трансформировать текст	Изложение в наиболее обобщенном виде, недостаточность информации для понимания	5 баллов (одно нарушение), максимум – 10 баллов
Умение переформулировать чужие идеи с использованием иных конструкций и оборотов	Дословная цитация фрагмента статьи	5 баллов (одно нарушение), максимум – 10 баллов
Итоги		100

аннотации, и смогли создавать адекватный информативный, лаконичный, точный и оригинальный текст, оформленный в соответствии с жанровыми особенностями.

Критерии оценивания уровня сформированности умений, соответствующих языковой компетенции. С точки зрения когнитивного подхода, язык – средство отражения мысли, хранения и организации знаний в человеческом сознании. В связи с этим блок языковой компетенции, по нашему мнению, должен быть представлен на последнем этапе обучения.

При оценивании языковой компетенции ведущим считается умение соблюдать стилистические (лексические, синтаксические) нормы научного текста. Как отмечает О. Л. Добрынина, основные стилистические ошибки, допускаемые в англоязычной аннотации, это дословный перевод с русского языка на английский, повторное использование предложений и конструкций [19]. При рассмотрении аннотации, написанной иностранным учащимся на русском языке, в первую очередь следует проверить правильность использования терминов, лексических единиц и синтаксических конструкций, присущих научному стилю речи.

Уровень сформированности грамматических навыков имеет в предлагаемой нами модели обуче-

ния второстепенное значение, поэтому при обнаружении грамматических ошибок, например в падежных формах или в согласовании, не приводящих к коммуникативному сбою, максимально снижается 5 баллов.

Критерии оценивания умений, связанных с языковой компетенцией, представлены в табл. 3.

Выводы

Таким образом, мы рассматриваем написание аннотации к научной статье как процесс создания научного письменного дискурса в данном жанре. Свойства текста, специфика когнитивных и прагматических аспектов научного письменного дискурса составляют общие рамки критериев оценивания, внутри которых выделены три блока в соответствии с ведущими компетенциями и соответствующими умениями. Критерии соотносятся с формально-жанровыми, содержательными и языковыми сторонами аннотации. Разработанные нами критерии оценивания письменной работы по созданию аннотации могут быть использованы для проверки письменных работ в других научных жанрах, а также могут служить основой для установления дополнительных критериев оценивания письменного текста с учетом специфики того или иного жанра.

Таблица 3

Оценивание умений, связанных с языковой компетенцией

Навыки и умения, связанные с языковой компетенцией	Нарушение	Минус-баллы
Умение использования терминологии, лексических средств научного стиля	Лексическая неточность, вызванная многозначностью	10 баллов (одно нарушение), максимум – 20 баллов
Умение дифференцировать стили речи русского языка, сознательно отбирать лексические средства, характерные для научного стиля	Употребление слов, характерных для другого стиля речи	10 баллов (одно нарушение), максимум – 20 баллов
Умения общестилистического оформления научного текста	Неоправданный повтор лексических единиц в одном предложении	5 баллов (одно нарушение), максимум – 15 баллов
	Нарушение объективности, логичности изложения (неправильное использование синтаксических конструкций)	10 баллов (одно нарушение), максимум – 20 баллов
	Повтор синтаксических конструкций	5 баллов (одно нарушение), максимум – 15 баллов
Умение использовать знания о методах исследования	Неточное понимание лексического значения научных терминов, описывающих методы	5 баллов (одно нарушение), максимум – 10 баллов
Умение грамотно строить предложения	Прочие грамматические ошибки	1,5 балла (одно нарушение), максимум – 5 баллов
Итоги		100

Список источников

1. Карамова А. А. Текст и дискурс: соотношение понятий // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2013. Т. 10, № 2. С. 19–23.
2. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространства, текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: материалы науч. конф. М.: Диалог: МГУ. 1997. С. 19–20.
3. Куклина С. С., Черемисинова Р. А. Дискурс и текст как продукты письменной речевой деятельности // Казанский педагогический журнал. 2016. Т. 2, № 2. С. 351–354.

4. Патюкова Р. В. Дискурс – коммуникация – текст: к вопросу о корреляциях и системных характеристиках // Научная мысль Кавказа. 2010. № 4. С. 126–130.
5. Хохлова М. В. К вопросу о соотношении понятий «текст», «стиль» и «дискурс» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 1. С. 75–81.
6. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. С. 11–22.
7. Амерханова О. О. Обучение письменному научному дискурсу в целях обучения иностранному языку в аспирантуре // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 21, вып. 10 (162). С. 44–55.
8. Обдалова О. А., Харাপудченко О. В. Когнитивно-прагматические и лингвостилистические характеристики англоязычного устного научно-академического дискурса // Язык и культура. 2019. № 46. С. 102–125. DOI: 10.17223/19996195/46/6
9. Сысоев П. В., Завьялов В. В. Обучение иноязычному письменному юридическому дискурсу студентов направления подготовки «Юриспрудения» // Язык и культура. 2018. № 41. С. 308–326.
10. Дронов И. С. Обучение академическому дискурсу в целях обучения иностранному языку студентов лингвистических направлений подготовки // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23, № 175. С. 45–51.
11. Роляк И. Л. Устный деловой дискурс и вопросы его преподавания иностранным учащимся // Язык и культура. 2014. № 2 (26). С. 107–117.
12. Дементьев В. В. Классификация речевых жанров // Теория речевых жанров. М.: Знак. 2010. С. 155–236.
13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
14. Го Юйцзе. Обучение иностранных учащихся написанию аннотации к научной статье (уровень В2) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 6, вып. 4. С. 591–598.
15. Соловова Е. Н., Басова И. А. Необходимость обучения студентов профильных языковых вузов/факультетов реферированию звучащих академических текстов // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 19–30.
16. Короткина И. Б. Оценка академического и научного текста в трех измерениях академической грамотности // Ценности и смыслы. 2017. № 6 (52). С. 109–126.
17. Смирнова Н. В. Академическая грамотность и письмо в вузе: от теории к практике // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 58–64.
18. Боголепова С. В. Обучение академическому письму на английском языке: подходы и продукты // Высшее образование в России. 2016. № 1. С. 87–94.
19. Добрынина О. Л. Пропедевтика ошибок при написании англоязычной авторской аннотации к научной статье // Высшее образование в России. 2015. № 7. С. 42–50.

References

1. Karamova A. A. Tekst i diskurs: sootnosheniye ponyatiy [Text and discourse: notions correlation]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 2013, vol. 10, no. 2, pp. 19–23 (in Russian).
2. Kubryakova E. S., Aleksandrova O. V. Vidy prostranstva, teksta i diskursa [Types of space, text and discourse]. *Kategorizatsiya mira: prostranstvo i vremya: materialy nauchnoy konferentsii* [Categorization of the world: space and time: materials of scientific conference]. Moscow, Dialog: MSU Publ., 1997. Pp. 19–20 (in Russian).
3. Kuklina S.S., Cheremisinova R.A. Diskurs i tekst kak produkty pis'mennoy rechevoy deyatel'nosti [Discourse and text as products of written speech activity]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal – Kazan Pedagogical Journal*, 2016, no. 2, vol. 2, pp. 351–354 (in Russian).
4. Patyukova R.V. Diskurs – kommunikatsiya – tekst: k voprosu o korrelyatsiyakh i sistemnykh kharakteristikakh [Discourse – communication – text: on the question of correlations and system characteristics]. *Nauchnaya misl' Kavkaza – Scientific Thought of Caucasus*, 2010, no. 4, pp. 126–130 (in Russian).
5. Khokhlova M. V. K voprosu o sootnoshenii ponyatiy “tekst”, “stil” i “diskurs” [Issue of correlation of the concepts of “text”, “style”, and “discourse”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya – Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 1, pp. 75–81 (in Russian).
6. Chernyavskaya V. E. Diskurs kak ob'yekt lingvisticheskikh issledovaniy [Discourse as an object of linguistic research]. *Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa: sbornik nauchnykh trudov* [Text and discourse. Problems of economic discourse: a collection of scientific papers]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University of Economics and Finance Publ., 2001. Pp. 11–22 (in Russian).
7. Amerkhanova O. O. Obucheniye pis'mennomu nauchnomu diskursu v tselyakh obucheniya inostrannomu yazyku v aspiranture [Teaching written discourse in the goals of foreign language teaching in post-graduate programs]. *Vestnik Tambovskogo universiteta, series: Humanities – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, iss. 10 (162), pp. 44–55 (in Russian).
8. Obdalova O. A., Kharapudchenko O. V. Kognitivno-pragmaticheskiye i lingvisticheskiye kharakteristiki angloyazychnogo ustnogo nauchno-akademicheskogo diskursa [Cognitive pragmatic and linguistic characteristics of English scientific academic discourse]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2019, no. 46, pp. 102–125 (in Russian). DOI: 10.17223/19996195/46/6

9. Sysoyev P. V., Zavyalov V. V. Obucheniye inoyazichnomu pis'mennomu yuridicheskomu diskursu studentov napravleniya podgotovki "Yurisprudentsiya" [Teaching foreign-language written legal discourse to students of the "Jurisprudence" field of study]. *Yazik i kul'tura – Language and Culture*, 2018, no. 41, pp. 308–326 (in Russian).
10. Dronov I. S. Obucheniye akademicheskemu diskursu v tselyakh obucheniya inostrannomu yazyku studentov lingvisticheskikh napravleniy podgotovki [Academic discourse teaching in case of foreign language teaching of students in linguistics specialization]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Humanities – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 175, pp. 45–51 (in Russian).
11. Rolyak I. L. Ustnyy delovoy diskurs i voprosy yego prepodavaniya inostrannym uchashchimsya [Verbal business discourse and the problems of its teaching to foreign students]. *Yazik i kul'tura – Language and Culture*, 2014, no. 2 (26), pp. 107–117 (in Russian).
12. Dementev V. V. Klassifikatsiya rechevykh zhanrov [Classification of speech genres]. *Teoriya rechevykh zhanrov [Theory of speech genres]*. Moscow, 2010. Pp. 155–236 (in Russian).
13. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremenna Publ., 2002. 477 p. (in Russian).
14. Guo Yujie. Obucheniye inostrannykh uchashchikhsya napisaniyu annotatsii k nauchnoy stat'ye (uroven' B2) [Teaching foreign students to write an abstract for research paper (level B2)]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki – Pedagogy. Theory and Practice*, 2021, vol. 6, iss. 4, pp. 591–598 (in Russian).
15. Solovova E. N., Basova I. A. Neobkhodimost' obucheniya studentov profil'nykh yazykovykh vuzov/fakul'tetov referirovaniyu zvuchashchikh akademicheskikh tekстов [The necessity of teaching students of specialized language universities/faculties to referencing sounding academic texts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Cross-cultural Communication*, 2012, no. 2, pp. 19–30 (in Russian).
16. Korotkina I. B. Otsenka akademicheskogo i nauchnogo teksta v trekh izmereniyakh akademicheskoy gramotnosti [Evaluation of academic and scientific text in three dimensions of academic literacy]. *Tsenosti i smysly*, 2017, no. 6 (52), pp. 109–126 (in Russian).
17. Smirnova N. V. Akademicheskaya gramotnost' i pis'mo v vuze: ot teorii k praktike [Academic literacy and academic writing in university: from theory to practice]. *Vissheye obrazovaniye v Rossii – Higher Education in Russia*, 2015, no. 6, pp. 58–64 (in Russian).
18. Bogolepova S. V. Obucheniye akademicheskemu pis'mu na angliyskom yazyke: podkhody i produkty [Teaching academic writing: process and product]. *Vissheye obrazovaniye v Rossii – Higher Education in Russia*, 2016, no. 1, pp. 87–94 (in Russian).
19. Dobrynina O. L. Propedevtika oshibok pri napisanii angloyazychnoy avtorskoy annotatsii k nauchnoy stat'ye [Propaedeutics of errors in abstracts of papers written in Russian]. *Vissheye obrazovaniye v Rossii – Higher Education in Russia*, 2015, no. 7, pp. 42–50 (in Russian).

Информация об авторе

Го Юйцзе, соискатель ученой степени кандидата педагогических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Университетская набережная, 7-9, Санкт-Петербург, Россия, 199034).

Information about the author

Guo Yujie, applicant for a Degree of Candidate of Pedagogical Sciences, Saint Petersburg State University (Universitetskaya nab. 7-9, Saint Petersburg, Russian Federation, 199034).

Статья поступила в редакцию 30.05.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 30.05.2022; accepted for publication 01.10.2022

УДК 37.022

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-80-87>

МЕТОД АЛГОРИТМА В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Юлия Владимировна Подкина

МОУ СОШ № 32, Подольск, Московская область, Россия, yul-podkina@yandex.ru

Аннотация

Введение. Обучение русскому языку в средней школе, развитие речи и формирование орфографических и пунктуационных навыков – важная задача, которая сопряжена с рядом трудностей. Эффективному изучению русского языка в общеобразовательной школе зачастую препятствуют такие факторы, как плохая усидчивость, отсутствие интереса к предмету, билингвизм и другое. Метод алгоритмизированного представления правил русской орфографии и пунктуации способствует наилучшему усвоению учебного материала и позволяет повысить качество обучения русскому языку школьников среднего и старшего звена.

Цель – обоснование эффективности метода алгоритма в обучении русскому языку детей общеобразовательных средних школ, рассмотрение примерных моделей обучающих алгоритмов.

Материал и методы. В работе применялись теоретические методы (моделирование, анализ, синтез); эмпирические методы (наблюдение, сравнение, эксперимент).

Результаты и обсуждение. Простое заучивание правил не всегда приводит к повышению грамотности учащихся. Метод алгоритма предусматривает совместное с учениками составление алгоритмизированных схем различных видов, которые иллюстрируют изучаемое правило, позволяют пошагово отработать механизм рассуждения при выполнении орфографических и пунктуационных заданий. Такой подход способствует достижению высокого качества знаний путем систематической отработки практических навыков с помощью схем, адаптируемых под потребности каждого ребенка.

Обучающий алгоритм может иметь разные виды: от четко сформулированной схемы (похожей на математический пример) до красочной иллюстрации, которая будет понятна детям с творческими способностями.

Заключение. Метод алгоритма применяют для изучения практически любого правила русской орфографии и пунктуации. В созданной совместно с учащимися схеме должно быть отведено место для исключений и для примеров, которые ребенок впишет самостоятельно. При создании обучающей схемы школьник является активным соавтором. Схема никогда не является замкнутой системой. Она дорабатывается и совершенствуется в процессе практической деятельности учащихся. У детей из одного класса схемы могут быть совершенно различными, так как усовершенствованы и доработаны самостоятельно под руководством учителя.

Ключевые слова: методика, алгоритм, обучение, русский язык, интерактивность, средняя школа

Для цитирования: Подкина Ю. В. Метод алгоритма в преподавании русского языка в средней школе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 80–87. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-80-87>

ALGORITHM METHOD IN TEACHING RUSSIAN AT SECONDARY SCHOOL

Yulia V. Podkina

Municipal Educational Institution Secondary School 32, Moscow Region, Podolsk, Russian Federation, yul-podkina@yandex.ru

Abstract

Introduction. Teaching Russian in secondary school, speech development and the formation of spelling and punctuation skills is an important task that involves a number of difficulties. Effective study of the Russian language in a secondary school is often hindered by factors such as poor perseverance, lack of interest in the subject, bilingualism, and more. Russian Russian spelling rules algorithmized representation method is considered in this paper, which allows to improve the quality of teaching Russian to middle and senior school students.

The *purpose* is to substantiate the effectiveness of the algorithm method in teaching the Russian language to children of secondary schools, to consider approximate models of training algorithms.

Material and methods. Theoretical methods (modeling, analysis, synthesis) were used in the work; empirical methods (observation, comparison, experiment).

Results and discussion. Simple memorizing of the rules does not always lead to increased literacy of students. The algorithm method provides for the joint compilation of algorithmic schemes of various types with students, which

illustrate the rule being studied, allow you to work out the mechanism of reasoning step by step when performing spelling and punctuation tasks. This approach contributes to the achievement of a high quality of knowledge through the systematic development of practical skills with the help of schemes adapted to the needs of each child. The training algorithm can have different types: from a clearly formulated scheme (similar to a mathematical example) up to a colorful illustration that will be understandable to children with creative abilities.

Conclusion. The algorithm method can be applied to study almost any rule of Russian spelling and punctuation. In the scheme created jointly with the students, there should be a place for exceptions and for examples that the child will enter independently. When creating a training scheme, the student is an active co-author. A circuit is never a closed system. It is being refined and improved in the process of practical activity of students. For children from the same class, the schemes can be completely different, as they have been improved and finalized independently.

Keywords: methodology, algorithm, teaching, Russian language, interactivity, secondary school

For citation: Podkina Yu. V. Metod algoritma v prepodavanii russkogo yazyka v sredney shkole [Algorithm Method in Teaching Russian at Secondary School]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 80–87 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-80-87>

Введение

Обучение русскому языку в средней школе, развитие речи и формирование орфографических и пунктуационных навыков – важная задача, которая сопряжена с рядом трудностей. Это и разный уровень подготовки детей, и присутствие билингвов, и клиповое мышление современных учеников, и низкая культура разговорной речи. Эти и многие другие проблемы становятся серьезным препятствием качественному усвоению норм русского литературного языка. Повышение качества преподавания данной дисциплины в школе – очень сложная, но необходимая задача, которую должен ставить перед собой каждый компетентный учитель [1]. Важно понимать, что русский язык – живое явление, некоторые его современные нормы вариативны [2, с. 558], и метод алгоритма (благодаря наглядности) помогает решить задачу усвоения этих вариантов.

Целью данной работы является обоснование эффективности метода алгоритма в обучении русскому языку учащихся общеобразовательных средних школ. Русский язык – упорядоченная система, что позволяет выделять закономерности и выстраивать алгоритмизированные схемы, облегчающие задачу освоения этого предмета. Главным инструментом построения алгоритма являются грамматические категории, причем педагог не делает многочисленные разборы самоцелью, но осознает и в полной мере использует их инструментальную функцию.

В создании описанных методов автор опирается на работы современных исследователей, которые рассматривают ключевые проблемы преподавания русского языка в средней школе, а именно:

- общие вопросы преподавания русского языка в современной средней школе (В. Г. Калина, Г. М. Первова, Р. Н. Курганова, Д. Г. Толипова);
- применение интерактивных технологий в обучении (Л. Гараева, Н. Б. Шаропова, Л. Г. Юнусова);

– формирование у школьников культурных представлений о русском языке и традициях России (Г. Л. Янеева, Е. Я. Титаренко);

– реализация воспитательной функции в процессе обучения (В. В. Зенин).

Материал и методы

В работе использованы теоретические методы – моделирование, анализ, синтез; эмпирические методы – наблюдение, сравнение, эксперимент.

Описанный принцип обучения русскому языку был сформирован на основе восьми лет работы автора со школьниками 5–11-х классов общеобразовательной школы. Эффективность проводимого исследования подтверждена результатами ОГЭ, ЕГЭ, а также ВПР и РДР.

Результаты и обсуждение

Метод алгоритма подразумевает поэтапное построение схемы или ряда схем, иллюстрирующих основные правила русского языка. Учащиеся являются активными соавторами алгоритма, вся дальнейшая деятельность по отработке и закреплению орфографического навыка строится на основе созданного алгоритма. Таким образом, высокая эффективность достигается без заучивания правил; для закрепления навыка применяется широкий спектр заданий.

Для создания эффективного алгоритма учитель должен учесть следующие параметры:

1. Понятность. Для выполнения этого требования важно добиться максимального понимания сути тех категорий, которые положены в основу алгоритма, а значит, необходима предварительная работа по изучению и последовательной отработке грамматических категорий, свойственных той или иной части речи.

2. Простота. Схема должна легко читаться, а следовательно, запоминаться. Так, эффективными можно назвать алгоритмы, которые читаются слева

направо или сверху вниз. Для иллюстрирования отдельных тем можно применять табличный метод.

3. Масштабность. Качественный алгоритм должен давать развернутое представление о теме, причем развертывание индивидуально для каждой группы учеников. Сложность схемы также определяется образовательным уровнем группы.

4. Универсальность. Обучающий алгоритм должен с легкостью делиться на отдельные подсхемы и допускать присоединение других элементов.

5. Интерактивность. Ребенок – соавтор алгоритма, именно школьник дорабатывает схему и трансформирует ее в соответствии с собственными потребностями, поэтому обучающий алгоритм составляется пошагово. К следующему этапу можно переходить, только убедившись в понимании предыдущего этапа.

На наш взгляд, ошибочным является подход, при котором морфологический разбор слова в учебном процессе используется эпизодически и рассчитан лишь на запоминание определенных моделей. Для того чтобы эффективно внедрять алгоритмизированные схемы, необходимо выявить особенности каждой из грамматических категорий применительно к словам в тексте. Так, например, в процессе работы над темой «Глагол» мы предлагаем детям не разбор одного-двух слов из упражнения по всем грамматическим характеристикам, а просим назвать в тексте несколько глаголов совершенного/несовершенного вида, возвратных/невозвратных и т. п.

При построении алгоритма следует выделить ключевые грамматические категории, на изучении которых делается акцент до перехода к основному алгоритму правила. Так, например, в схеме 1 «Непостоянные признаки глагола» (рис. 1) представлен алгоритм, применяемый в 5-м классе при изучении данной темы и направленный на формирование общего представления о непостоянных признаках глагола.

Прошедшее время	Настоящее время	Будущее время
Мужской род	1 лицо (ед./мн.ч.)	1 лицо (ед./мн.ч.)
Клеил	Клею – клеим	Буду клеить
Женский род	2 лицо (ед./мн.ч.)	Будем клеить
Клеила	Клеишь – клеите	2 лицо (ед./мн.ч.)
Средний род	3 лицо	Будешь клеить
Клеило	Клеит – клеят (ед./мн.ч.)	Будете клеить
Множественное число		3 лицо
Клеили		Будет клеить
		Будут клеить

Рис. 1. Схема «Непостоянные признаки глагола»

Лексемы, выступающие в качестве примеров в схемах и таблицах, подбираются из числа слов, написание которых проблемно для конкретной группы обучающихся, т. е. для каждого отдельного класса слова-примеры могут быть разными.

Представленная схема оформлена традиционным табличным методом, в таком виде она может присутствовать в конспекте урока. Для различных групп детей она может быть трансформирована, например, в букет из трех цветков, в стрелочный алгоритм и другое. Важно, что в основу данной схемы положена категория времени, и именно от нее зависят прочие непостоянные признаки глагола – на этом следует заострять внимание детей, т. е. время будет ленточкой, которая держит букет или главным блоком, от которого расходятся стрелки.

Тема «Глагол» представлена после темы «Местоимение», что позволяет педагогу дополнительно проработать тему «Личные местоимения» (лестки цветка или разноцветные блоки-облака).

Алгоритмизированный подход эффективен и при изучении темы «Спряжение глаголов» (рис. 2).



Рис. 2. Алгоритм «Спряжение глаголов»

Схему рекомендовано предоставлять учащимся в данном виде, под руководством преподавателя дети сами графически выделяют указанные морфемы, дописывают примеры из упражнений, создают рисунки и др. Схему помещают в отдельную тетрадь для правил, которую ученики используют как справочное пособие при выполнении домашних заданий и классной работы. Важно регулярное обращение к алгоритму: так обеспечивается формирование устойчивого навыка.

Для школьников 6–7-х классов при изучении темы «Причастие» в приведенный алгоритм добавляются суффиксы действительных и страдательных причастий. Так как схема знакома и понятна, то тема «Суффиксы причастий настоящего времени» легко усваивается.

Для изучения правил правописания гласных в суффиксах и окончаниях глаголов, причастий и дееспричастий рекомендовано использование алго-

ритма, представленного в схеме 3 «Правописание гласных в суффиксах и окончаниях глаголов и отглагольных форм» (рис. 3).

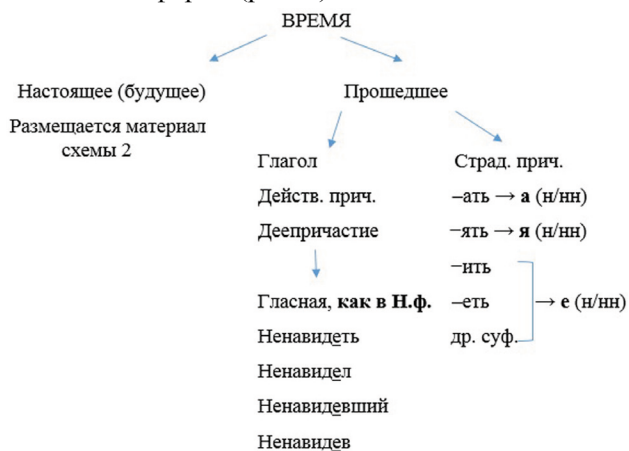


Рис. 3. Алгоритм к теме «Правописание гласных в суффиксах и окончаниях глаголов и отглагольных форм»

Таким образом, для эффективного применения представленной схемы необходима предварительная проработка следующих тем:

- часть речи (глагол и отглагольные формы),
- понятие «начальная форма глагола»,
- время,
- действительные и страдательные причастия.

Еще одна непростая тема школьного курса русского языка связана с выбором Н/НН в суффиксах слов разных частей речи. Особенно остро этот вопрос встает при изучении темы «Причастие». Он также может быть представлен в виде алгоритма, в основу которого положен морфологический признак, а именно разграничение отыменных и отглагольных прилагательных (причастий).

Для изучения особенностей правописания Н/НН нами предложен комплексный подход, который позволяет отобразить разницу в орфографии слов разных частей речи – схема 4 «Правописание Н/НН в словах разных частей речи» (рис. 4).

Работа с данной схемой применяется на первом этапе изучения правописания Н/НН. Она начинается с выявления особенностей прилагательного и причастия как частей речи. При определении части речи следует исключить использование учащимися вопроса «какой?». Цель применения представленного алгоритма – сформировать понимание основных отличий отыменных прилагательных от причастий.

После повторения темы «Прилагательное» учащиеся должны хорошо понимать, что орфография данной части речи напрямую связана с морфемным составом – корень/суффикс.

В представленной выше схеме особым образом объясняется правописание адъективов *стеклянный*, *оловянный*, *деревянный*. Основная проблема в

освоении этого вопроса заключается не в запоминании исключений, а в недопущении обобщения с ними всех прочих лексем с суффиксом -ян-. Так, распространенной ошибкой учеников средней школы является обобщение по типу *стеклянный* – *оловянный* – *деревянный* – *ледяной* – *серебрянный*, т. е. особенности правописания исключений замещают собой основное правило.

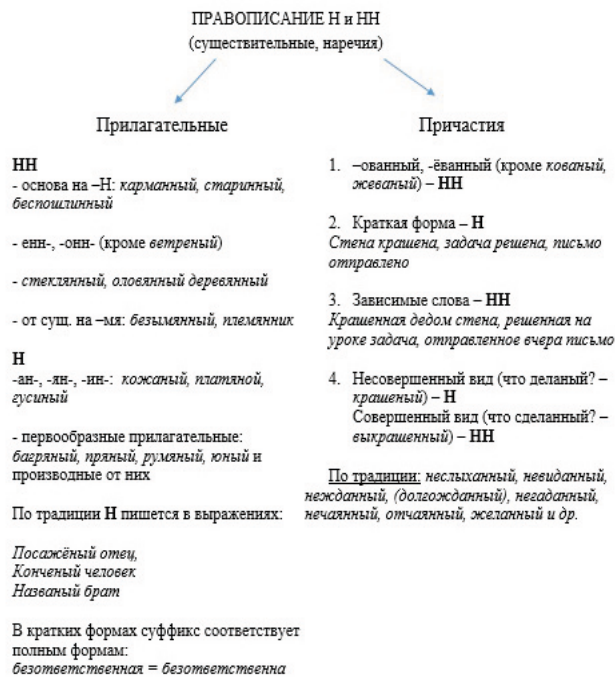


Рис. 4. Алгоритм «Правописание Н/НН в словах разных частей речи»

В представленной схеме исключения разведены с основным правилом правописания суффикса -ян- по разным категориям, таким образом удастся избежать ошибочного обобщения.

Левая часть схемы может применяться при работе с учениками 5–6-х классов (до темы «Причастие»). Пункты схемы не нумеруются, могут быть промаркированы единообразными тире или иными знаками. Это важно для того, чтобы было понятно: в данном случае важно лишь найти подходящий пункт, т. е. соответствующий правописанию конкретной лексики.

Уже на этапе работы с прилагательными нужно обращать внимание детей на то, что многие существительные, образованные от прилагательных, пишутся аналогично: *лиственный* – *лиственница*, *дровяной* – *дровяник*, *лимонный* – *лимонница* и др. Здесь также во главу угла ставится словообразовательный анализ.

При изучении орфографии причастий представляют две части схемы без примеров и пояснений, которые дописываются в процессе совместной работы. Важно обратить внимание учеников на то,

что правая сторона схемы представляет собой упорядоченный алгоритм и следовать ему нужно, проверяя каждое слово от первого до последнего пункта. В ней используется маркированный список, обозначающий анализ лексемы от первого пункта до последнего вниз.

Для слабых учеников рекомендовано использование дополнительных графических обозначений, например:

- краткая форма – окончание состоит из 0–1 буквы, полная форма – из 2–3 букв (ученики выделяют окончания);

- зависимые слова (учащиеся графически выделяют зависимые слова, например обводят в овал) и т. д.

Представленный алгоритм исключает пункт «наличие/отсутствие приставки», вместо него предложено определить вид причастия или исходного глагола. Данный подход объясняется тем, что далеко не все причастия совершенного вида имеют приставки.

Представленный алгоритм также не требует заучивания и запоминается в процессе отработки. Наряду с правописанием Н/НН в суффиксах причастий следует говорить о правописании наречий, образованных от прилагательных и причастий (по аналогии с ранее рассмотренным существительным).

Крайне важно, чтобы учащиеся в процессе отработки навыка постоянно проговаривали ход рассуждения. Педагог и школьники находятся во взаимодействии, каждый контекст (слово, словосочетание) разбирает один из учащихся, после завершения комментирования заслушиваются мнения других детей, даже если был дан полный и верный ответ. Это обеспечивает максимальную вовлеченность класса в рабочий процесс, обеспечивает интерактивность [3, с. 17].

Вторым этапом работы изучения правописания Н/НН является формирование навыка различения причастий и отглагольных прилагательных. Наиболее эффективен, на наш взгляд, сопоставительный метод, реализованный Д. Э. Розенталем в учебном пособии «Русский язык в упражнениях. Для школьников старших классов и поступающих в вузы», где примеры предложений с отглагольными прилагательными и причастиями структурированы парами, например: 1. *Лица врачей озабочены*. 2. *Жители озабочены известием о приближающемся урагане* [4, с. 144–145]. Такой подход позволяет минимизировать количество ошибок в словах с Н/НН в суффиксах. Но для наиболее полного понимания вопроса могут быть использованы дополнительные алгоритмы, расширяющие тему «Причастие, прилагательное, отглагольное прилагательное» и включающие в себя

лексемы с иными суффиксами – вялый, талый и т. п.

Использование метода алгоритма дает отличный результат и позволяет отрабатывать полученный навык не только в рамках выполнения классических упражнений, но и с применением современных интерактивных технологий, например, кейс-метода: обсуждение текста заданной тематики, написание комментариев, составление списка рекомендаций [5, с. 78]. Таким образом, в рамках учебного процесса решаются несколько важных задач: тренировка орфографического навыка и формирование компетенций функциональной грамотности.

Кроме того, регулярное коллективное обсуждение эффективно при обучении детей с разным уровнем знаний, а также при наличии в классе билингвов. Это способствует развитию словарного запаса, расширяет кругозор и формирует представление о русском языке как о важной составляющей русской культуры [6, с. 39], кроме того, позволяет прорабатывать значительный эмпирический материал, включающий в себя лексику разных тематических групп [7, с. 33].

В общеобразовательных классах современной русской школы нередко присутствуют дети-билингвы, чей уровень владения русским языком очень низок. Алгоритмизированная подача нового материала существенно упрощает понимание такими учениками сути правила, а процесс обсуждения способствует формированию языковой компетенции [8].

Говоря о способах построения диалога между педагогом и учениками в рамках совместного создания схемы-алгоритма, можно применять методы, описанные Л. К. Юнусовой: комбинированное применение информационного и интерпретационного диалогов, которые способствуют получению новых знаний и обмену мнениями в рамках коллектива [9, с. 47].

Слушая комментарии учеников, педагог не должен допускать неправильного толкования схемы (неверное построение словообразовательной цепочки, ошибочное определение вида глагола/причастия или стремление определить написание причастия, руководствуясь исключительно видовыми характеристиками). Исправлять такие ошибки удобнее всего на примерах, поясняющих, почему последовательность пунктов в алгоритме именно такова.

Схожая проблема иногда возникает с определением написания кратких причастий, большая часть которых совершенного вида. Ученик разбирает предложение *Орхидея создана тропической природой* и ориентируется только на форму совершенного вида страдательного причастия, а потому гово-

рит о необходимости написания НН в суффиксе данного слова. В таком случае педагог приводит ряд примеров кратких причастий совершенного вида: отправлена, привязана, разрезана, отчерчена, привинчена – и указывает на то, что данная категория слов обычно имеет совершенный вид, но краткость формы куда важнее категории вида. Аналогичная ситуация с присутствием/отсутствием зависимых слов. Так мы наглядно иллюстрируем то, что категория вида по важности находится именно на четвертом месте и при определении написания слова не может быть рассмотрена как важнейшая.

При составлении алгоритмизированной схемы наиболее распространенные исключения выносятся за ее пределы: могут быть помещены под чертой, нежелательно их заключение в рамку. Описанный нами принцип предполагает полный отказ от рамок, на листе должно оставаться место для индивидуальных помет.

Ребенок является полноправным соавтором алгоритма, который приобретает законченный вид непосредственно в процессе разбора темы. На этом важном этапе работы, помимо дидактической, могут быть реализованы и другие цели, прежде всего воспитательная, важность которой сложно переоценить [10, с. 53–54]. Педагогу необходимо помнить, что достижения в освоении родного русского языка являются стимулом для позитивных личностных изменений. Кроме того, совместная учебная работа способствует формированию позитивного психологического климата в коллективе [11].

Представленный метод алгоритма актуален по той причине, что позволяет изучить сразу несколько смежных тем. Отработка навыка при помощи алгоритма также предполагает рассмотрение контекстов, включающих в себя слова разных частей речи или обладающих разными грамматическими характеристиками, например: *Ко...ый отряд, измуче...ый долгой дорогой через горы и бешу...ой скачковой по равнине, медле...о продвигался вперед.*

При отработке навыка с использованием алгоритмизированных схем рекомендовано применять рабочие тетради, утвержденные программой, и (или) карточки, составленные учителем. Таким образом, учащиеся не переписывают задания, но непосредственно тренируют необходимый навык. Переписывание или запись под диктовку используются на заключительном, проверочном этапе освоения темы.

Одним из важных пунктов изучения любого правила являются исключения. Само слово «исключение» ассоциируется с трудностью, поэтому для составления схем рекомендовано использовать выражение «по традиции», которое не закрепило за собой отрицательной коннотации. Учителю-словеснику важно не ограничиваться упоминанием о том, что правописание лексемы имеет особенности, а дать историческую справку, иллюстрирующую долгий путь формирования современного русского языка. Такой подход будет решать и культурологические, и нравственно-этические, и развивающие задачи [12]. Причем особую роль он будет играть при обучении русскому языку детей, живущих в поликультурных регионах России [13, с. 36]. Помимо этого, обучение с опорой на зрительное восприятие дает прекрасные результаты при работе с детьми любого возраста [14].

Заключение

Таким образом, метод алгоритма в сочетании с иными приемами может быть применен при объяснении практически любого правила русской орфографии или пунктуации. Представленные схемы имеют незаконченный характер и дополняются или сокращаются в зависимости от поставленных педагогом задач. В случае если алгоритм не только тщательно продуман, но и ориентирован на потребности конкретного класса/группы, он является эффективным средством обучения русскому языку в освоении новых тем, ликвидации пробелов, систематизации полученных ранее знаний.

Список источников

1. Калина В. Г. Проблемы преподавания русского языка и литературы в школе // Наука и образование сегодня. 2017. Т. 2, № 6 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-of-teaching-russian-language-and-literature-in-school/viewer> (дата обращения: 05.03.2022).
2. Yelenevskaya M., Protassova E. Teaching languages in multicultural surroundings: new tendencies // Russian journal of linguistics. Vol. 25, № 2. 2021. С. 558.
3. Гараева Л. Интерактивные технологии обучения русскому языку // Вести научных достижений. 2018. № 2. С. 16–18.
4. Розенталь Д. Э. Русский язык в упражнениях. Для школьников старших классов и поступающих в вузы. М.: АСТ, 2013. 656 с.
5. Шаропова Н. Б. Интерактивные приемы при обучении русскому языку // European science. 2020. № 2 (51). Part II. P. 77–78.
6. Янеева Л. Г. Особенности обучения русскому языку детей-билингвов // The Newman in Foreign Policy. № 52 (96), январь – февраль 2020. С. 39–41.
7. Tolipova D. G. The Russian methodology (the example of the Russian language) // Проблемы педагогики. 2020. № 1 (46). С. 33–35.

8. Kurganova R. N. On the communicative principle teaching Russian language // Наука и образование сегодня. 2019. № 11 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/on-the-communicative-principle-teaching-russian-language> (дата обращения: 29.09.2022).
9. Юнусова Л. К. Использование диалогового обучения на уроках русского языка // Евразийский союз ученых (ЕСУ). 2020. № 1 (70). С. 46–48.
10. Зенин В. В. О значении воспитания в современной российской школе (на примере преподавания русского языка) // Педагогика и психология образования. 2019. № 1. С. 50–58.
11. Зайдман И. Н. Психолого-педагогический аспект обучения русскому языку в школе // Мир науки, культуры, образования. Новосибирск. 2013. № 3 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskiy-aspekt-obucheniya-russkomu-yazyku-v-shkole/viewer> (дата обращения: 29.09.2022).
12. Первова Г. М., Маслова М. В., Павлинова И. А. Актуальные подходы к изучению русского языка в школе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 22, № 2 (166). URL: <http://journals.tsutmb.ru/go/1810-0201/2017/2/5-14/> (дата обращения: 02.05.2022). DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-2(166)-5-14
13. Titarenko E. Y. Russian Language in multicultural region // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 35–43.
14. Шаропова С. Ж., Камолова Н. Б. Особенности использования наглядных пособий на уроках русского языка в школе // Вестник магистратуры. 2020. № 2-6 (101). С. 141–142. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-naglyadnyh-posobiy-na-urokah-russkogo-yazyka-v-shkole/viewer> 1 (дата обращения: 29.09.2022).

References

1. Kalina V. G. Problemy prepodavaniya russkogo yazyka i literatury v shkole [Problems of teaching Russian language and literature at school]. *Nauka i obrazovanie segodnya – Science and education today*, 2017, vol. 2, no. 6 (19) (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-prepodavaniya-russkogo-yazyka-i-literatury-v-shkole/viewer> (accessed 5 March 2022).
2. Yelenevskaya M., Protassova E. Teaching languages in multicultural surroundings: new tendencies. *Russian journal of linguistics*, 2021, vol. 25, no. 2, pp. 558.
3. Garayeva L. Interaktivnyye tekhnologii obucheniya russkomu yazyku [Interactive technologies of teaching the Russian language]. *Vesti nauchnykh dostizheniy – News of scientific achievements*, 2018, no. 2, pp. 16–18 (in Russian).
4. Rozental' D. E. *Russkiy yazyk v uprazhneniyakh. Dlya shkol'nikov starshikh klassov i postupayushchikh v vuzy* [Russian language in exercises. For high school students and those entering universities]. Moscow, AST Publ., 2013. 656 p. (in Russian).
5. Sharopova N. B. Interaktivnye priemy pri obuchenii russkomu yazyku [Interactive techniques for teaching the Russian language]. *European science*, 2020, no. 2 (51), part II, pp. 77–78 (in Russian).
6. Yaneyeva L. G. Osobennosti obucheniya russkomu yazyku detey-bilingvov [Features of teaching Russian to bilingual children]. *The Newman in Foreign Policy*, 2020, no. 52 (96), January – February, pp. 39–41 (in Russian).
7. Tolipova D. The Russian methodology (the example of the Russian language). *Problemy pedagogiki – Problems of pedagogy*, 2020, no. 1 (46), pp. 33–35 (in Russian).
8. Kurganova R. On the communicative principle teaching Russian language. *Nauka i obrazovaniye segodnya – Science and education today*, 2019, no. 11 (46) (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/on-the-communicative-principle-teaching-russian-language> (accessed 29 September 2022).
9. Yunusova L. G. Ispol'zovaniye dialogovogo obucheniya na urokakh russkogo yazyka [Using dialog learning in Russian language lessons]. *Evraziyskiy Soyuz Uchenykh – Eurasian Union of Scientists (ESU)*, 2020, no. 1 (70), pp. 46–48 (in Russian).
10. Zenin V. V. O znachenii vospitaniya v sovremennoy rossiyskoy shkole (na primere prepodavaniya russkogo yazyka) [The importance of upbringing in the modern Russian school (using the example of teaching Russian)]. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya – Pedagogy and psychology of education*, 2019, no. 1, pp. 50–58 (in Russian).
11. Zaydman I. N. Psikhologo-pedagogicheskiy aspekt obucheniya russkomu yazyku v shkole [Psychological and Pedagogical Aspects of Russian Language Teaching in School]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture, education*, 2013, no. 3 (40) (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskiy-aspekt-obucheniya-russkomu-yazyku-v-shkole/viewer> (accessed 29 September 2022).
12. Pervova G. M., Maslova M. V., Pavlina I. A. Aktual'nyye podkhody k izucheniyu russkogo yazyka v shkole [Current approaches to learning Russian at school]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 2 (166) (in Russian). URL: <http://journals.tsutmb.ru/go/1810-0201/2017/2/5-14/> (accessed 5 May 2022). DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-2(166)-5-14
13. Titarenko E. Russian Language in multicultural region. *Kommunikativnye issledovaniya – Communicative Studies*, 2018, no. 4 (18), pp. 35–43 (in Russian).
14. Sharopova S. Zh., Kamolova N. B. Osobennosti ispol'zovaniya naglyadnykh posobiy na urokakh russkogo yazyka v shkole [Features of the use of visual aids in Russian language lessons at school]. *Vestnik magistratury*, 2020, no. 2-6 (101), pp. 141–142 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-naglyadnyh-posobiy-na-urokah-russkogo-yazyka-v-shkole/viewer> 1 (accessed 29 September 2022).

Информация об авторе

Подкина Ю. В., кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы, МОУ СОШ № 32 (Московская область, г. Подольск, улица Академика Доллежала, д. 27, 142121).

Information about the author

Podkina Yu. V., Candidate of Philological Sciences, teacher of Russian language and literature, Secondary School 32 (ul. Akademika Dollezhalya, 27, Podolsk, Moscow region, Russian Federation, 142121).

Статья поступила в редакцию 10.05.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 10.05.2022; accepted for publication 01.10.2022

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81'38'44

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-88-96>

КОНЦЕПТЫ «СТРАННИЧЕСТВО» И «СТРАННИК» В ЛИРИКЕ М. ВОЛОШИНА И В ЗЕРКАЛЕ АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Светлана Анатольевна Иванченко

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, sveta.ivanchenko@mail.ru

Аннотация

Введение. Обращение представителей литературного творчества Серебряного века к проблеме странничества обусловлено беспокойством за судьбу России и поиском возможностей преображения мира, а также пути самоопределения. Для мыслителя, поэта, художника М. А. Волошина концепт «странничество» является ключевым. Цель данной статьи – выявление языковых особенностей воплощения концептов «странничество», «странник» в лирических текстах М. Волошина.

Материал и методы. В статье приводятся результаты свободного ассоциативного и направленного ассоциативного экспериментов, имеющих целью выявить восприятие концепта «странничество» современными носителями русского языка; данные различных словарей, отражающих значение лексем «странничество», «странник»; результаты анализа стихотворений М. Волошина разных лет, включающих концепт «странник».

Использованы методы эксперимента, семантико-стилистического, контекстологического, мотивного анализа, позволяющие раскрыть особенности содержания и восприятия концептов «странничество», «странник», отраженных в лирических текстах М. Волошина.

Результаты и обсуждение. Ассоциативные эксперименты, проведенные с целью выявления признаков концепта «странничество», показали более широкое представление информантов о данном феномене, чем это отражено в толковых словарях. Эксперимент позволил выявить отношение современных носителей языка к явлению странничества и сопоставить его с пониманием данного явления автором, судя по репрезентации в лирике М. А. Волошина.

Неустроенность, тревога за будущее страны на рубеже XIX–XX вв. обусловили интерес представителей творческой интеллигенции к проблеме странничества. Тематическая зона «странничество», включающая концепты «путь», «странник», «духовные странствования», в лирике М. Волошина занимает центральное место. Лирический герой – вечный странник, пытливый, жаждущий познания, по-сыновьи привязанный к матери-земле; Одиссей, оторванный от родных берегов, блуждающий и неуспокоенный; переживающий боль разлуки влюбленный; человек, пришедший в результате испытаний к высшему пониманию жизни – благодарности ей за неотступность боли, горечь трав земных, едкость соли; наконец, избранный, отказавшийся от радостей земной жизни во имя высшего предназначения.

Заключение. Анализ лингвистических и художественных особенностей лирических текстов М. Волошина, содержащих концепт «странничество», центральный в лирике поэта, позволил выявить основные черты лирического героя-странника (неуспокоенность, пытливость в познании мира, единение с матерью-землей, поиск своего предназначения) и сделать вывод о своеобразии концептосферы М. Волошина.

Ключевые слова: М. А. Волошин, концепт, концептуальная картина мира, странник, странничество, ассоциативный эксперимент, Серебряный век

Для цитирования: Иванченко С. А. Концепты «странничество» и «странник» в лирике М. Волошина и в зеркале ассоциативных экспериментов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 88–96. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-88-96>

RUSSIAN LANGUAGE

THE CONCEPTS OF “WANDERING” AND “WANDERER” IN THE LYRICS OF M. VOLOSHIN AND IN THE MIRROR OF ASSOCIATIVE EXPERIMENTS

Svetlana A. Ivanchenko

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk Russian Federation, sveta.ivanchenko@mail.ru

Abstract

Introduction. The appeal of representatives of the literary creativity of the Silver Age to the problem of wandering is due to concern for the fate of Russia and the search for opportunities to transform the world, as well as ways of self-determination. For the thinker, poet, artist M. A. Voloshin, the concept of “wandering” is the key. The purpose of this article is to identify the linguistic features of the embodiment of the concepts “wandering”, “wanderer” in the lyrical texts of M. Voloshin.

Material and methods. The article presents the data of free associative and directed associative experiments aimed at revealing the perception of the concept of “wandering” by modern native speakers of the Russian language; data from various dictionaries reflecting the meaning of the lexemes “wandering”, “wanderer”; the results of the analysis of M. Voloshin’s poems of different years, reflecting the concept of “wanderer”.

The methods of experiment, semantic-stylistic, contextological, motivic analysis are used, which allow revealing the features of the content and perception of the concepts “wandering”, “wanderer”, reflected in the lyrical texts of M. Voloshin.

Results and discussion. Associative experiments conducted to identify the signs of the concept of “wandering” showed a broader understanding of the respondents about this phenomenon than is reflected in the explanatory dictionaries. The experiment made it possible to identify the attitude of modern native speakers to the phenomenon of wandering and compare it with the understanding of this phenomenon by the author, judging by the representation in the lyrics of M. A. Voloshin.

Unsettledness, anxiety for the future of the country at the turn of the 19th–20th centuries determined the interest of representatives of the creative intelligentsia in the problem of wandering. The thematic zone “wandering”, including the concepts “path”, “wanderer”, “spiritual wanderings”, occupies a central place in M. Voloshin’s lyrics. The lyrical hero is an eternal wanderer, inquisitive, thirsty for knowledge, filially attached to Mother Earth; Odysseus, cut off from his native shores, wandering and restless; experiencing the pain of separation lover; a person who, as a result of trials, came to a higher understanding of life – gratitude to her for the persistence of pain, the bitterness of earthly herbs, the causticity of salt; finally, the chosen one, who renounced the joys of earthly life in the name of a higher destiny.

Conclusion. An analysis of the linguistic and artistic features of the lyrical texts of M. Voloshin, containing the concept of “wandering”, which is central in the poet’s lyrics, made it possible to identify the main features of the lyrical wanderer hero (restlessness, inquisitiveness in knowing the world, unity with Mother Earth, the search for one’s destiny), and to draw a conclusion about the originality of M. Voloshin’s concept sphere.

Keywords: M. A. Voloshin, concept, conceptual picture of the world, wanderer, wandering, associative experiment, Silver Age

For citation: Ivanchenko S. A. Kontsepty “strannichestvo” i “strannik” v lirike M. Voloshina i v zerkale assotsiativnykh eksperimentov [The Concepts of “Wandering” and “Wanderer” in the Lyrics of M. Voloshin and in the Mirror of Associative Experiments]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 88–96 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-88-96>

Введение

Концептуальная картина мира М. Волошина представляет развернутую и глубокую систему, в которой нашли отражение творческие поиски выдающейся личности. Ключевой для концептосферы М. Волошина является тематическая зона «странничество», включающая в себя концепты «путь», «странник», «духовные странствования»: от земных странствий по «путям-перепутьям» до духовных и космических.

Целью работы является анализ языковых особенностей воплощения концептов «странничест-

во», «странник» в лирических текстах М. Волошина, позволяющих выявить своеобразие его концептосферы.

Материал и методы

С целью уточнения представлений современных носителей русского языка о феномене странничества был проведен свободный и направленный ассоциативные эксперименты, результаты которых сопоставлялись с данными различных словарей, содержащих значение лексем «странничество», «странник».

С помощью методов семантико-стилистического, контекстологического, мотивного анализа выявлялись особенности лексической структуры стихотворных текстов М. Волошина разных лет, позволяющие раскрыть своеобразие его концептосферы, определялись основные черты лирического героя, воплощающего идею странничества.

Результаты и обсуждение

Тематическое направление «странничество» в русской культуре занимает одно из центральных мест как составляющая национального мировосприятия. В толковом словаре В. И. Даля значение слова «странничество» определяется как «быт, жизнь и состояние странников, богомольцев; скитальчество» [1, с. 335].

Словарь Д. Н. Ушакова трактует странничество как «странствование пешком с целью богомолья как бытовое явление» [2].

В словаре С. И. Ожегова лексема «странничество» отсутствует, однако определены значения многозначного слова «странник»: «странствующий человек (обычно бездомный или гонимый); человек, идущий пешком на богомолье, богомолец», во втором значении по содержательным характеристикам практически совпадающее с толкованием слова «странничество» в словаре Д. Н. Ушакова [3]. В более поздних словарях находим следующее определение данного слова: «странствование пешком по святым местам» [4].

Анализ словарных статей позволяет сделать выводы о некоторой трансформации трактовки слова «странничество» при сохранении основного смысла понятия – странствование пешком на богомолье (по святым местам).

Для определения содержательной составляющей культурного концепта «странничество» в сознании современных носителей русского языка нами проведен свободный ассоциативный эксперимент, что вызвано отсутствием в имеющихся ассоциативных словарях в качестве стимула слова-номината концепта «странничество». Направленный ассоциативный эксперимент позволил дополнить выявленные в ходе анализа показаний информантов признаки рассматриваемого концепта. Представим результаты проведенных экспериментов.

По данным свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняло участие 59 информантов – обучающихся 11-го класса МАОУ СОШ № 37 г. Томска, слово-стимул «странничество» вызывает следующие реакции (более 300 реакций информантов):

1) самыми частотными стали реакции, связанные с направлением «путь, дорога» (35 %): путь – 33, путешествие – 31, дорога – 25, хождение – 6,

странствие – 5, блуждания – 3, бродяжничество – 3, ехать – 1;

2) вторыми по частотности оказались реакции, обозначающие целевую установку странствующего: поиск – 29, самопознание – 15, изучение – 11, цель – 10, приключение – 7, совершать подвиги – 4, принцип жизни, образ жизни – 3;

3) среди ядерных есть реакции, называющие того, кто совершает странствие, а также отражающие его внутренние характеристики: странник – 21, странный – 12, отшельник – 7, путешественник – 7, человек – 4, чужак – 3, нищий – 3, одиночество – 3, кочевник – 2, турист – 2, духовность – 2, непостоянство – 2, мудрость, решимость, герой, не как все – 1;

4) немалочисленными стали и пространственные реакции: страна – 12, мир – 9, место – 5, город – 3, пустыня, моря – 1;

5) среди реакций с эмоциональной составляющей доминируют реакции с положительной оценкой: свобода – 14, увлекательно – 3, затягивает – 2; малочисленны признаки, отражающие отрицательную оценку явления: страх – 2;

6) реакции, синонимичные слову «новый», также находят отражение в ответах информантов: неизведанный – 6, знакомства – 3, новый – 2, открытие – 2;

7) в коллективное ассоциативное поле слова «странничество» входят и характеристики, отображающие представление о внешнем облике странствующего, и атрибуты, связанные со странствием: лохмотья – 4, холщовый – 2, борода – 2, рванье, грязь, Гэндальф, караван, карта, бурдюк – 1;

8) единичными оказались реакции, обозначающие источник знаний об анализируемом явлении: истории, рассказы, сказка, видеоигра – 1.

В направленном ассоциативном эксперименте респондентам было предложено поразмышлять, различаются ли слова «странничество» и «бродяжничество» по значению, и если различаются, то чем; странничество – это хорошо или плохо; странствовать – это идти к чему-то или уходить от чего-то. Итоги эксперимента позволили сделать определенные выводы, заключающиеся в следующем:

1) большинство информантов склонны различать значения слов «странничество» и «бродяжничество»;

2) при ответе на вопрос, чем отличаются слова «странничество» и «бродяжничество», на наличие/отсутствие цели указали 50 % информантов (странничество подразумевает наличие цели, бродяжничество – ее отсутствие); маркеры «добровольность»/«вынужденность» (добровольность характерна для странничества, вынужденность – для бродяжничества (отсутствие дома)) отметили 30 % опрошенных; на наличие духовной составляющей в содер-

жании слова «странничество» и, соответственно, отсутствие таковой в лексеме «бродяжничество» указали еще 15 % респондентов; наличие/отсутствие материальных средств в качестве содержательного отличия указанных слов обозначили три информанта, степень отдаленности от дома («странничество» – далеко, «бродяжничество» – близко) – один;

3) положительную оценку странничеству как явлению дали 35 % опрошенных, отрицательную – 15 %. Основной процент составили реакции, определенные как «зависит от цели»;

4) ответы на вопрос: «Странствовать – это идти к чему-то или от чего-то?» – распределились следующим образом: к чему-то – 41 реакция, от чего-то – семь реакций, и то и другое – 11 реакций – свидетельствуют о том, что в сознании носителей русского языка феномен «странничество» связывается значительно больше с поиском, целью, приобретением, нежели с потерями.

В целом результаты ассоциативных экспериментов позволили уточнить понимание концепта «странничество» современными носителями русского языка и определить признаки, характерные для данного культурного концепта и связанные с его ассоциативным, образным и эмоционально-оценочным слоями. В русской картине мира концепт «странничество» характеризуется следующими признаками: *дорога, поиск, самопознание, самоопределение, неизведанность, свобода* – и отличается от значений, обозначенных номинатом концепта в толковых словарях, более широким представлением о рассматриваемом явлении.

Справедливо считая понятие «странничество» многомерным и сложным, ученые активно интересуются данным феноменом, рассматривая его в разных аспектах. Так, обзорный анализ характеристик значения слова «странничество» в исследованиях ученых, проведенный А. А. Шунейко и О. В. Чибисовой [5], показывает отсутствие полного совпадения в трактовке данного феномена. Однако ученые уверены в том, что «можно... говорить об углубляющейся тенденции к детализации анализа явления» [5, с. 42], намечающей «актуальные параметры оценки понятийного комплекса, которые можно воспринимать как его структурные характеристики» [5, с. 42]. К таким параметрам исследователи относят особенность восприятия данного понятия через призму «материальное/духовное, реальное/воображаемое, с конфессиональной и/или социальной целью, по собственной воле и/или помимо ее, по известному маршруту и/или в новые области, с планом и/или без, с целью и/или без» [5, с. 42].

Находясь на этапе перелома эпох, представители Серебряного века остро чувствовали неустроенность и тревогу за будущее своей страны и мира в

целом. Желанием постичь, осмыслить возможности для преобразования Вселенной объясняется их обращение к проблеме странничества как центральной в творчестве.

О том, что указанная тематическая направленность характерна для работ мыслителей Серебряного века, говорит Е. А. Трофимова в статье «Образ странника в русской культуре Серебряного века», отмечая «глубинную волнующую соотнесенность понятий странствия земного, духовного и космического» [6, с. 236].

Для М. Волошина обращение к проблеме странничества также является определяющим, и свидетельств этому множество: от известных фактов личной биографии, повествующих о М. Волошине – неутомимом путнике по городам и весям («горящими ступнями» поэт обошел пол-Европы, азиатские степи и каждый уголок горячо любимой им Киммерии) до заглавий поэтических книг («Годы странствий», *Selva oscura*) и основного мотива многочисленных поэтических текстов. Об этом же говорят и современники поэта, и исследователи его творчества более поздних лет.

«Ходок по дорогам мысли и слова» – так емко характеризовала М. Волошина М. И. Цветаева, а его отношение к миру (в широком понимании) – «спутничеством», давая этим свою интерпретацию волошинской мифологемы странника [7, с. 226].

С. Д. Титаренко рассматривает топологию духовного странничества М. Волошина в соотнесенности с феноменологией памяти. Исследуя автобиографические статьи, мемуарную и дневниковую прозу М. Волошина, объединенные темой духовного странничества, через призму философии Платона, автор приходит к мысли о том, что основополагающими для творческого сознания М. Волошина явились «античный христианский и природно-космический топосы» [8, с. 186].

О странствии души поэта говорит и В. П. Купченко, подразумевая под ним «формирование мировоззрения, зачатки творческих импульсов, человеческие контакты» [9].

Это находит отражение и в дискуссиях ученых по вопросу классификации и периодизации творческого наследия М. Волошина. Некоторые исследователи считают целесообразным подходить к его рассмотрению через концепт «странничество» как центральный в творчестве поэта. Так, В. Купченко выделены этапы творческого странничества М. Волошина, соответствующие определенным периодам его жизни: начало пути отличается желанием героя все увидеть и испытать, середина знаменуется переходом от странствий тела к странствию духа, в конце же пути вместе с обретением мудрости приходит изгнанничество [10, с. 38].

В. В. Палачева, поддерживая идею странничества в подходах к периодизации творчества М. А. Волошина, говорит о том, что центральным мотивом каждой из его книг является мотив пути: путь путешественника, познающего мир, в первой книге, путь как внутренняя суть души – во второй, пересечение пути поэта и пути страны – в третьей, путь человечества в масштабах мироздания – в четвертой [11, с. 23].

Отражение концепта «путь» в лирике М. Волошина нами исследовано и подробно описано в статье «Концепт „путь“ и его лексическая репрезентация в лирике М. Волошина» [12]. Обратимся к рассмотрению содержания и средств репрезентации концепта «странник» как ключевого в творчестве М. А. Волошина.

Сложность данного концепта заключается в его многомерности, в неоднозначности восприятия, находящегося в зависимости от историко-культурного контекста. По мнению С. С. Ильина, основанному на сопоставлении словарных статей разных исторических эпох (словарях В. И. Даля, С. И. Ожегова), точки зрения В. В. Виноградова и др., литературных примерах и представляющемуся нам достаточно обоснованным, слово «странник» «включает в себя довольно разные феномены» [13, с. 40] и «до сих пор продолжает обрывать новыми смыслами» [13, с. 43]. Ученый прослеживает трансформацию концепта «странник» и смежных с ним «скиталец», «изгнанник», «бродяга» на протяжении двух столетий.

Каков же концепт-образ «странник» в период, названный Серебряным веком? По мнению Е. А. Трофимовой, странник в эпоху Серебряного века – «это не только богомолец или религиозный подвижник, но и человек, готовый к внутренним трансформациям и поискам личного пути» [6, с. 235]. Исследователь считает, что «культуре Серебряного века... было свойственно разрабатывать образ странника в символически-архетипическом ключе, стремясь уяснить... глубинный опыт русской духовной культуры и особенности национального характера», обнаруживая при этом «метафизику странничества» [6, с. 234]. В качестве примеров ученый приводит опыт В. С. Соловьева, называемого современниками «странником»; В. В. Розанова, который видит в себе странника-проповедника; Н. А. Бердяева, считавшего, что «странник – самый свободный человек на земле», что он «нашел себе выражение не только в народной жизни, но и в жизни культурной, в жизни лучшей части интеллигенции» [14, с. 12–13].

В числе странников – представителей «лучшей части интеллигенции» В. А. Маслова видит Н. Клюева, который «хочет уйти странствовать» [15, с. 27], О. Мандельштама, который сочинял на ходу и не имел рукописей, М. Цветаеву, «у которой

после революции никогда не было своего жилья» [15, с. 27]. Ряд этот, на наш взгляд, можно многократно продолжать, включив сюда и известного тем, что «не врос в землю» [14, с. 13], В. Хлебникова и, конечно, М. Волошина, потому, что они были свободны от всего земного, потому что в них «нет приземистости» [14, с. 13], потому что концепт «странник» со светским наполнением в их творчестве «получает сакральное звучание, становится духовной ценностью» [15, с. 27].

Е. А. Трофимова отмечает дуалистичность странничества, «ведь оно предстает как жизнь вне дома, за его пределами, но оно есть и расширение границ дома до попыток обустройства космического пространства», а также его основные линии, одной из которых является «жажда вернуться к своим истокам и обрести их» [16, с. 35]. Это космизм, который, по мнению автора, отображается не только в расширении сознания, чувстве долга и ответственности, но и в сознании значимости выбора личного пути [16]. Все это мы наблюдаем и в лирике М. Волошина.

В раннем стихотворении «Пустыня» (1901) через постижение тайн степей лирический герой М. Волошина приходит к осознанию собственной жизненной установки: *Возьми свой посох и иди*, где деталь «посох» выступает как атрибут-символ странничества. Лирический герой этого периода обуреваем жадой познания, его цель – *все видеть, все понять, все знать, все пережить /... Все воспринять и снова воплотить* («Сквозь сеть алмазную...», 1904), что звучит в унисон с установкой, данной себе и всем, кто готов внять призыву: *Пройдемте по миру, как дети* (1903). По-детски пытливо, с любовью всматриваясь в окружающий его мир, стремясь все познать, *странником вечным в пути бесконечном* («В вагоне», 1901), в стремлении к счастью странствует лирический герой дорогами Рима, Венеции, Парижа.

В этот период лирический герой – сын Земли. Дитя Земли, Праматери, он проникнут желанием *быть Матерью-Землей* («Быть черною землей...», 1906), слиться с ней в единое целое, навсегда вобрать в себя *и горький дым костра, и горький дух полыни, и горечь волн* («Костер мой догорал...», 1906):

Я к траве припадаю.

Быть твоим навсегда... («Небо в тонких узорах...», 1905).

Это и Одиссей, наполненный *скитальным духом* (*Mare internum*, 1907), оторванный от родных берегов, чью ладью *путем назначенным дерзая и сомненья стремится... глухая дрожь морей* («Над зыбкой рябью вод...», 1907).

Символично в данный период и обращение к дороге как любовному пути, где на распутье стоит

лукавый *Соблазнитель* («Письмо», 1904), а сами поиски часто напрасны: та, к которой стремится лирический герой, всегда *неизменна и не та* («В напрасных поисках за ней...», 1909). И этот мотив обманутых ожиданий вызывает в сознании читателей переключку с творчеством поэтов-символистов, в частности с лирическим циклом А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме».

Необходимость и неизбежность встречи, а впоследствии и трагичность расставания обуславливают мотив блуждания («Мы заблудились в этом свете...», 1905). Это дорога смертного, ведущая «долу», в «мир» – путь в христианском понимании, путь поиска, страданий («Второе письмо», 1904–1905).

Мотив ожидания порождает мотив определения – также ключевой в лирике М. Волошина. Лирический герой оказывается перед выбором, о чем свидетельствуют обороты: *с распутий трех дорог* (Lunaria, 1913), *на всех победных перепутьях* («Другу», 1915), *на росстани лесных дорог* («Судьба замедлила сурово», 1910), *сомненьям всех дорог* (Corona Astralis, 1910).

Рассмотрим подробнее стихотворение 1910 г. «Судьба замедлила сурово»:

*Судьба замедлила сурово
На росстани лесных дорог...
Я ждал и отойти не мог,
Я шел и возвращался снова...
Смирясь, я все ж не принимал
Забвенья холод неминучий
И вместе с пылью пепел жгучий
Любви сгоревшей собирал.
И с болью помнил профиль бледный,
Улыбку древних змийных губ, –
Так сохраняет горный дуб
До новых почек лист свой медный.*

Композиционно текст отчетливо делится на три части, соответствующие каждой строфе, исходя из центральных мотивов каждой: мотив определения в первой части сменяется мотивом неприятия неизбежного во второй и мотивом воспоминаний в последней.

На это указывает и глагольный ряд, представленный формами прошедшего времени с семантикой движения: *ждал, не мог отойти, шел, возвращался; смирясь, не принимал, собирал; помнил*.

Повторяющиеся многоточия в первой строфе – свидетельство неопределенности, сомнений, метаний лирического героя, как и синтаксический параллелизм последних строк первой строфы. Использование глагола *возвращался* в сочетании с наречием *снова* усиливается ощущение невозможности принять неизбежное, отпустить, продолжить путь уже в одиночестве.

Диалектное слово *росстань*, как и народно-поэтический эпитет *неминучий (холод забвенья)* (ср. сказочно-былинное: *чув беду неминучую*) максимально роднят чувства лирического героя с бытующими в народном сознании представлениями о душевных переживаниях.

Смирение как кульминация не становится началом развязки: мотив неприятия остается центральным во второй строфе. Представляет интерес развернутая метафора, содержащаяся в двух последних строках второй строфы: традиционный метафорический образ *пепел любви* дополняется эпитетом *жгучий* и отчетливо отображаемым в сознании читателя образом лирического героя, страдающего от неразделенной любви.

Мотив памяти в третьей строфе реализуется при помощи портретных деталей возлюбленной (*профиль бледный, улыбка древних змийных губ*) и аналогии, подчеркивающей болезненность воспоминаний: до обновления чувств (*новых почек*) бережно хранится страдание по ушедшей любви (*медному листу*).

Таким образом, стихотворение отражает любовные блуждания лирического героя, недаром оно включено автором в первую часть второй книги под названием *Selva oscura* (темный лес).

Образ вечного странника-певца показан в стихотворении 1910 г. «Склоняясь ниц, оваян ночи синью». Поэт делает акцент на таких чертах лирического героя, как сыновняя привязанность к матери-земле, поклонение ей (*Склоняясь ниц, оваян ночи синью, / Доверчиво ищу губами я / Сосцы твои, натертые полынью, / О мать земля!*), готовность к обездоленности (*Бродить среди людей / И растирать в руках колосья хлеба / Чужих полей*). Герой наделен качествами обычного человека, способного ошибаться и заблуждаться (*Мне не отказано ни в заблужденьях, / Ни в слабости, и много раз / Я угасал в тоске и в наслажденьях... Я ж расточал, что было мне дано*).

Однако *Вином тоски и хлебом испытаний / Душа сыта* – это не об отрицании всего, что связано с земным существованием, всего, что содержится в лексемах *тоска* и *испытания* (ср. *сыт по горло*), здесь другая семантика: наполненность жизненными испытаниями приводит героя к высшему – христианскому – пониманию жизни: лексический повтор *благодарю*, занимая в последней строфе сильную позицию (завершает стихотворение), выражает не просто покорное принятие уготованной судьбой, а осознанное принятие с благодарностью за жизнь со всеми ее проявлениями:

*Благодарю за неотступность боли
Путеводительной: я в ней сгораю.
За горечь трав земных, за едкость соли –
Благодарю!*

Примечателен в этом отношении эпитет *путеводительной (боли)*, по семантике идентичный слову *путеводный*, входящему во фразеологизм *путеводная звезда*: лирический герой, прошедший через страдания, навсегда оставляет боль в себе как направляющее начало.

В более поздних стихотворениях М. Волошина становится актуальным мотив возвращения к истокам: *знаю, что приду к отцовскому шатру, где ждут меня мои и где я жил когда-то* («Как некий юноша...», 1913), однако вместе с тем приходит осознание, что для того, чтобы стать Мастером, надо понять, *что ты не сын земле, а путник по вселенным* («Подмастерье», 1917), т. е. отрешиться от земного, от того, что так близко и дорого, от того, что стало частью тебя, во имя высшего предназначения. Недаром, по словам Е. А. Трофимовой, «в образе странника содержится смысл Другого, Иного, а также иноверия и иномирия», «взгляд странника – это взгляд Другого. Странник – это остранение» [6, с. 240].

Показательно в этом отношении стихотворение 1924 г. «Выйди на кровлю, склонись на четыре...»:

*Выйди на кровлю. Склонись на четыре
Стороны света, простерши ладонь...
Солнце... Вода... Облака... Огонь... –
Все, что есть прекрасного в мире...
Факел косматый в шафранном тумане...
Влажной парчою расплесканный луч...
К небу из пены простерты длани...
Облачных грамот закатный сургуч...
Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, события, мечты, корабли...
Я ж уношу в свое странствие странствий
Лучшее из наваждений земли.*

Лексема «кровля» в первой строке употребляется в переносном значении как место проживания, пребывания. У Волошина это земной мир, прощаясь с которым лирический герой благодарит землю за данную ему благодать постижения всего *прекрасного в мире* (склониться на четыре стороны света). И это уже не с *распутий трех дорог* (Lunaria, 1913), где обычно происходит определение, – выбор сделан, на что указывает оборот *простерши ладонь*, означающий решимость совершить важное действие (ср. библейское *протеру руку свою*).

Предметный ряд: *Солнце... Вода... Облака... Огонь... – четыре составляющие всего, что есть прекрасного в мире*, того, что определяет земное существование, дает тепло, пищу для тела и души.

Этот ряд продолжают яркие и необычные метафорические образы: *факел косматый в шафранном тумане; влажной парчою расплесканный луч; облачных грамот закатный сургуч*.

Назывные предложения создают ощущение зрительно выхваченных из пространства образов и реализуют мотив прощания. В этом же состоит роль многоточий (в стихотворении 11 предложений из 13 завершаются этим знаком препинания).

Отрешенность от земного звучит в строках:

*Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, события, мечты, корабли...*

Странствие странствий – вечное путешествие, внеземное, космическое, *звездное*. Этот новый путь – дорога избранных, освобожденных *от власти малого, беспамятного «я»*, отказавшихся *от радости переживаний жизни* ради возможности стать *Мастером словесного, святого ремесла* («Подмастерье», 1917). Конечная цель странничества у М. Волошина – прийти к высшему пониманию своего предназначения – стать Мастером, *выплавить из мира Необходимости и Разума – Вселенную Свободы и Любви!* («Подмастерье», 1917), достичь состояния растворенности сознанием во Вселенной, что подтверждается и анализом других поэтических текстов, входящих в рассматриваемую тематическую зону концептосферы М. Волошина.

Заключение

Таким образом, концепт «странничество», являясь сквозным мотивом поэзии Серебряного века, выступает и в качестве центрального в поэтическом творчестве М. Волошина, вбирая в себя «сам дух русского космизма с его желанием преодоления преград, вплоть до земного тяготения» [16, с. 36].

Анализ содержания и языковых особенностей лирических текстов М. Волошина показывает соотношенность двух основных концептов – «странничество» и «странник», находящихся в отношениях включения: концепт «странник», входит в структуру более сложного концепта «странничество», позволяет выявить основные черты, присущие лирическому герою-страннику, свершающему свой путь как по земле, так и по Вселенной, рассмотреть своеобразие авторского видения проблемы странничества, заключающегося в убеждении необходимости отречения от привычного и важного во имя высшего предназначения, и сделать выводы об особенностях концептосферы поэта.

Список источников

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1990. Т. 3. 555 с.
2. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энциклопедия, 1935–1940. URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117 (дата обращения: 15.07.2022).

3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30719> (дата обращения: 20.02.2022).
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%BA> (дата обращения: 18.03.2022).
5. Шунейко А. А., Чибисова О. В. Странничество в научных исследованиях XXI века // Международный журнал исследований культуры. Эйдос, 2020. № 1 (38). С. 31–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strannichestvo-v-nauchnyh-issledovaniyah-xxi-veka/viewer> (дата обращения: 10.04.2022).
6. Трофимова Е. А. Образ странника в русской культуре Серебряного века // Провинциальная культура. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-strannika-v-russkoy-kulture-serebryanogo-veka/viewer> (дата обращения: 11.02.2022).
7. Волошин М. А. Жизнь – бесконечное познание: стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступит. статья, краткая биохроника, ком. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. 576 с.
8. Титаренко С. Д. Топос как символическое пространство памяти в автобиографической прозе М. А. Волошина и мифопоэтическая традиция Платона // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия: Язык и литература. 2017. Т. 14, вып. 2. С. 186–198.
9. Купченко В. П. Дневниковый жанр в мемуаристике М. Волошина // Евразийский союз ученых. Серия: Филология, искусствоведение, культурология. URL: <http://surl.li/bqqil> (дата обращения: 03.03.2022).
10. Купченко В. П. Странствие Максимилиана Волошина: документальное повествование. СПб.: Logos, 1996. 542 с.
11. Палачева В. В. Поэма «Путями Каина» в контексте культурофилософских исканий М. А. Волошина: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003. 229 с.
12. Иванченко С. А. Концепт «путь» и его лексическая репрезентация в лирике М. А. Волошина // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. Вып. 3 (215). С. 40–48. DOI: 10.23951/1609-624X-2021-3-40-48
13. Ильин С. С. О концепте «странник» в истории русской культуры. 2012. С. 37–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kontsepte-strannik-v-istorii-russkoy-kultury-1> (дата обращения: 14.02.2022).
14. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Философское общество СССР, 1990. 240 с.
15. Маслова В. А. Странник в русской лингвокультуре: ценность, концепт, образ // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2015. № 3. С. 23–31.
16. Трофимова Е. А. «Славянская идея» в философии русского космизма Серебряного века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2018. С. 32–42.

References

1. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes. Vol. 3]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1990. T. 3. 555 p. (in Russian).
2. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. D. N. Ushakov. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1935–1940 (in Russian). URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117 (accessed 15 July 2022).
3. Ozhegov S. I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language] (in Russian). URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30719> (accessed 20 February 2022).
4. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. S. A. Kuznetsov. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998 (in Russian). URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%BA> (accessed 18 March 2022).
5. Shuneyko A. A., Chibisova O. V. Strannichestvo v nauchnykh issledovaniyakh XXI veka [Wandering in scientific research of the XXI century]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury Eydos – International Journal of Cultural Studies. Eidos*, 2020. No. 1 (38). pp. 31–46 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strannichestvo-v-nauchnyh-issledovaniyah-xxi-veka/viewer> (accessed 10 April 2022).
6. Trofimova Ye. A. Obraz strannika v russkoy kul'ture serebryanogo veka [The image of a wanderer in the Russian culture of the Silver Age]. *Provintsial'naya kul'tura – Provincial culture*, 2014 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-strannika-v-russkoy-kulture-serebryanogo-veka/viewer> (accessed 11 February 2022).
7. Voloshin M. A. *Zhizn' – beskonechnoye poznan'ye: stikhotvoreniya i poemy. Proza. Vospominaniya sovremennikov. Posvyashcheniya* [Life is endless knowledge: poems and poems. Prose. Memoirs of contemporaries. Dedications]. Comp., prepared. texts, enter. article, brief biochronicle, comm. V. P. Kupchenko. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1995. 576 p. (in Russian).
8. Titarenko S. D. Topos kak simvolicheskoye prostranstvo pamyati v avtobiograficheskoy proze M. A. Voloshina i mifopoeticheskaya traditsiya Platona [Topos as a symbolic space of memory in the autobiographical prose of M. A. Voloshin and the mythopoetic tradition of Plato]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2017, vol. 14, no. 2, pp. 186–198 (in Russian).
9. Kupchenko V. P. Dnevnikovyy zhanr v memuaristike M. Voloshina [Diary genre in the memoirs of M. Voloshin]. *Evraziyskiy soyuz uchenykh. Seriya: Filologiya, iskusstvovedeniye, kul'turologiya – International research journal «Eurasian Union of Scientists». Series: philology, art criticism, cultural studies* (in Russian). URL: <http://surl.li/bqqil> (accessed 3 March 2022).

10. Kupchenko V. P. *Stranstviye Maksimiliana Voloshina: dokumental'noye povestvovaniye* [The journey of Maximilian Voloshin: a documentary narrative]. Saint Petersburg, Logos Publ., 1996. 542 p. (in Russian).
11. Palacheva V. V. *Poema "Putyami Kaina" v kontekste kul'turofilosofskikh iskanii M. A. Voloshina. Dis. kand. filol. nauk* [The poem "The Ways of Cain" in the context of cultural and philosophical searches of M. A. Voloshin. Diss. cand. philol. sci.]. Kemerovo, 2003. 229 p. (in Russian).
12. Ivanchenko S. A. Kontsept "put'" i yego leksicheskaya reprezentatsiya v lirike M. A. Voloshina [The concept of "path" and its lexical representation in the lyrics of M. A. Voloshin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2021, vol. 3 (215), pp. 40–48 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2021-3-40-48
13. Il'in S. S. *O kontsepte "strannik" v istorii russkoy kul'tury* [On the concept of "wanderer" in the history of Russian culture]. 2012. Pp. 37–45 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kontsepte-strannik-v-istorii-russkoy-kul'tury-1> (accessed 14 February 2022).
14. Berdyayev N. A. *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow, Filosofskoye obshchestvo SSSR Publ., 1990. 240 p. (in Russian).
15. Maslova V. A. Strannik v russkoy lingvokul'ture: tsennost', kontsept, obraz [The Wanderer in Russian Linguistic Culture: Value, Concept, Image]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*, 2015, no. 3, pp. 23–31 (in Russian).
16. Trofimova Ye. A. "Slavyanskaya ideya" v filosofii russkogo kosmizma Serebryanogo veka ["Slavic idea" in the philosophy of Russian cosmism of the Silver Age]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*, 2018, pp. 32–42 (in Russian).

Информация об авторе

Иванченко С. А., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the author

Ivanchenko S. A., post-graduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 03.07.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 03.07.2022; accepted for publication 01.10.2022

УДК 81'42 Языкознание
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-97-107>

ИНСТРУКЦИЯ ПО СБОРКЕ КАК ЖАНР ИНЖЕНЕРНО-ДИДАКТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

София Сергеевна Безукладникова

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия,
sofisbez@gmail.com*

Аннотация

Введение. В статье предпринята попытка определить специфику жанра «инструкция по сборке», объединяющего инженерную и дидактическую составляющую. Его цель – регламентировать работу преподавателей-инженеров на занятиях с разновозрастными учащимися. Ранее тексты этого жанра не выступали предметом научного исследования, несмотря на то что инструкция как жанр описана в рамках IT-дискурса, педагогического дискурса, поучающего, инженерного. Однако впервые инструкция по сборке выступает предметом исследования в инженерно-дидактическом дискурсе.

Материал и методы. Выборка текстов жанра «инструкция по сборке» осуществлена на базе методических материалов международной школы инженерии и робототехники «Школа цифровых технологий» в количестве 25 документов, описывающих процесс сборки конструкций в рамках программы по инженерной робототехнике для разных возрастов учащихся (средний объем каждого документа – 15 страниц, всего около 375 страниц текста). В качестве основной методологической модели используется модель речевого жанра Т. В. Шмелевой. Методы анализа: текстологический, количественный, сопоставительный анализ для выявления признаков гибридизации жанра.

Результаты и обсуждение. В работе исследован жанр «инструкция по сборке» по семи жанрообразующим признакам: описаны средства выражения информационной и императивной коммуникативной цели через номинацию документов, заголовки, список необходимых материалов для сборки конструкции и основной текст; выделены средства описания имплицитного образа автора, такие как использование профессиональной лексики и трансляция позиции «старшинства»; перечислены языковые маркеры прямого и косвенного адресата, включающие прямые номинации и деминутивы; приведены способы описания диктума в алгоритме сборки конструкций; сформулированы подходы к созданию образа прошлого и будущего через императивные конструкции и модальные предикаты; описаны средства организации композиции текстов и влияние композиционной неустойчивости на объем элементов из дидактического и инженерного дискурса; выделены специфические формы языкового воплощения, включая дискурсивные формулы. Отдельно для каждого признака описаны средства языкового выражения гибридности жанра.

Заключение. Показаны основные и специфические черты жанра «инструкция по сборке» инженерно-дидактического дискурса, такие как мягкая императивная позиция автора, использование слов категории состояния и глаголов 1-го лица множественного числа в значении совместности и ряд других.

Ключевые слова: жанр, инструкция по сборке, инженерный дискурс, дидактический дискурс, гибридность

Для цитирования: Безукладникова С. С. Инструкция по сборке как жанр инженерно-дидактического дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 97–107. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-97-107>

ASSEMBLY INSTRUCTIONS AS A SPEECH GENRE OF ENGINEERING AND DIDACTIC DISCOURSE

Sofia S. Bezukladnikova

*National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation,
sofisbez@gmail.com*

Abstract

Introduction. The article attempts to determine the specifics of the “Assembly Instructions” genre, which combines engineering and didactic components. Its purpose is to regulate the work of engineering teachers in the classroom with students of different ages. Previously, the texts of this genre were not the subject of scientific research, despite the fact that the instruction as a genre is described within the framework of IT-discourse, pedagogical discourse, teaching,

engineering. However, for the first time, assembly instructions are the subject of research in engineering and didactic discourse.

Material and methods. The selection of texts of the “Assembly instructions” genre was carried out on the basis of methodological materials of the international school of engineering and robotics “School of Digital Technologies” in the amount of 25 documents describing the process of assembling structures within the framework of the engineering robotics program for students of different ages (the average volume of each document is 15 pages, about 375 pages of text in total). As the main methodological model, the model of the speech genre of T. V. Shmeleva. Analysis methods: textological, quantitative, comparative analysis to identify signs of genre hybridization.

Results and discussion. The paper describes the genre of “Assembly Instructions” according to seven genre-forming features: describes the means of expressing an informational and imperative communicative goal through the nomination of documents, headings, a list of necessary materials for assembling the structure and the main text; the means of describing the implicit image of the author are highlighted, such as the use of professional vocabulary and the translation of the position of “seniority”; the language markers of the direct and indirect addressee are listed, including direct nominations and deminutives; ways of describing the dictum in the algorithm for assembling structures are given; formulated approaches to creating an image of the past and future through imperative constructions and modal predicates; the means of organizing the composition of texts and the influence of compositional instability on the volume of elements from didactic and engineering discourse are described; specific forms of linguistic embodiment, including discursive formulas, are highlighted. Separately, for each feature, the means of linguistic expression of genre hybridity are described.

Conclusion. The main and specific features of the “Assembly Instructions” genre of engineering and didactic discourse are shown, such as the author’s soft imperative position, the use of words in the category of state and verbs in the 1st person plural in the sense of compatibility, and a number of others.

Keywords: genre, assembly instructions, engineering discourse, didactic discourse, hybridity

For citation: Bezukladnikova S. S. Istruksiya po сборке как zhanr inzhenerno-didakticheskogo diskursa [Assembly Instructions as a Speech Genre of Engineering and Didactic Discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 97–107 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-97-107>

Введение

Изучение жанровых форм, обуславливающих социальное взаимодействие в профессиональной среде, остается значимой исследовательской задачей современной лингвистики. Попытки классифицировать жанры профессионального дискурса по-прежнему вызывают активные дискуссии в силу двух нерешенных проблем: 1) размытости понятия «жанр» и 2) отсутствия общепринятого определения профессиональной коммуникации [1, с. 32].

Институциональную концепцию, развивающую теорию дискурса с социолингвистических позиций, предложил В. И. Карасик, утверждая, что «в нашем сознании существуют концепты определенного дискурса, его типов и жанров. С позиций отношений между участниками коммуникации наиболее существенным критерием является, на наш взгляд, дистанция, противопоставление личностно ориентированного и статусно ориентированного общения» [2, с. 220]. Коммуникация должна служить целям, принятым в сообществе, и способствовать сохранению его структуры. Поэтому «условия этого общения фиксируют контекст в виде типичных хронотопов, символических и ритуальных действий, трафаретных жанров и речевых клише. ... Именно трафаретность общения принципиально отличает институциональный дискурс от персонального» [3, с. 5].

Становление профессионального сообщества инженеров связывается с появлением промышлен-

ности как общественного фактора: оно сформировалось так же, как когда-то возникли сообщества медиков, юристов и др. Но коммуникация инженеров гораздо менее изучена как в аспекте типа текстов, порождаемых в ней, так и в аспекте коммуникативных (дискурсивных) практик [4]. Профессиональная коммуникация инженеров как дискурс исследуется в работе Н. А. Мишанкиной. В статьях Н. В. Куркан, Л. В. Рехтина, Н. А. Карабань и др. описаны ключевые жанры, в исследовательской среде сформировано представление о его структуре. Однако вопрос со смежными дискурсами все еще остается недостаточно разработанным. Так, инженерно-дидактический дискурс, развивающийся на протяжении нескольких десятилетий, относительно недавно попал в поле зрения исследователей. Его инженерная суть, соединяясь с дидактической направленностью коммуникации, порождает жанровые формы, которые только предстоит описать и структурировать.

Одним из жанров, объединяющим инженерную и дидактическую составляющую в рамках одного дискурса, является жанр «инструкция по сборке», который ранее не был описан в научном поле.

Существуют работы, посвященные речевому жанру инструкции как организационной структуре [5, с. 7], официально-деловому тексту [6, с. 96], элементу культуры речи [7, с. 214]. Жанр инструкции описан в рамках IT-дискурса [8, с. 7], педагогического [9, с. 39] и обучающего [10, с. 68] дискурсов,

показано разделение инструктирующих текстов на пользовательские и ведомственные [11, 12], рассмотрен речевой жанр «инструктивов» в интернет-дискурсе [13]. Наиболее близким к нашему материалу можно считать исследование руководства по эксплуатации как жанра инженерной коммуникации Н. В. Куркан [14, с. 49] с опорой на описание письменных жанров инженерной коммуникации в дискурсивном аспекте этого же автора [15].

Однако инструкция в дидактическом дискурсе ранее не выступала предметом исследования. Нас интересует специфика императивного жанра, цель которого – регламентировать работу преподавателей инженерного дополнительного образования в рамках занятий с разновозрастными учащимися.

Особый исследовательский интерес вызывают признаки гибридации дискурса инженерной дидактики и, как следствие, гибридации жанра «инструкция по сборке», которые могут обнаружить себя в материалах подборки.

В природу дискурсивных практик заложена возможность изменений [16, с. 216]. Представляется, что именно это свойство дискурсивных практик обеспечивает такие параметры современного дискурса, как интер- и полидискурсивность [17, с. 141]. Современные дискуртологи и исследователи медиакоммуникаций обращают внимание на то, что популярные в настоящее время дискурсивно-коммуникативные практики имеют тенденцию к гибридации и конвергенции. Интертекстуальность, интердискурсивность, размывание жанрового канона, диффузия, интерференция и наслаивание дискурсивных практик являются не только итогом дискурсивной деятельности, но прежде всего зачастую они составляют цель участников коммуникативного события [17, с. 142].

Одной из задач исследования будет выявление и фиксация признаков наслаивания дискурсивных практик, чтобы увидеть, какими средствами выражается гибридация, и в дальнейших статьях рассмотреть этот процесс более подробно.

Материал и методы

Инструкция по сборке является одним из императивных жанров, часто встречающихся в методических материалах международной школы инженерии и робототехники «Школа цифровых технологий». Для исследования были отобраны 25 текстовых документов, описывающих процесс сборки конструкций в рамках программы по инженерной робототехнике для разных возрастов учащихся (средний объем каждого документа – 15 страниц, всего около 375 страниц текста).

Текстовые материалы отбирались как по формальному признаку номинации жанра в заголовочном комплексе текстов, так и по содержанию

(если номинация в названии или заголовке отсутствовала).

Базовая методологическая модель исследования – модель речевого жанра Т. В. Шмелевой [18] как наиболее универсальный способ описания жанрообразующих признаков для составления типовой модели жанра.

Результаты и обсуждение

1. Коммуникативная цель

В жанре «инструкция по сборке» можно обнаружить признаки информационной и императивной коммуникативной цели, что соответствует модели жанра «инструкция» инженерного дискурса [14].

Модель Т. В. Шмелевой описывает информативную цель как «различные операции с информацией: ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение», а императивная вызывает «осуществление/неосуществление событий, необходимых, желательных, опасных для кого-то из участников общения» [18, с. 90]. Рассмотрим, какие признаки этих целей содержатся в исследуемой подборке материалов.

Признаки информативной коммуникативной цели:

Заголовок. Автор информирует адресата об объекте сборки через название файла и заголовок документа.

Название. Названия файлов документов строятся двумя способами:

1. Название жанра «Инструкция по сборке» + номинация конструкции. Например, «*Инструкция по сборке. Станок для резки пенопласта*», «*Инструкция по сборке стола мультипликационного*», «*Инструкция по сборке робота для езды по линии*».

2. Усеченное название жанра «Инструкция» + номинация конструкции или инверсионный способ – номинация конструкции + усеченное название жанра «Инструкция». Например, «*Инструкция хоккей*», «*Манипулятор инструкция*».

Цельный заголовочный комплекс, состоящий из заголовка и подзаголовка, в тексте документа не встречается. В 21 документе из 25 есть заголовок, номинирующий объект сборки и дублирующий название файла. Наиболее частотным способом конструирования заголовка в подборке является полное название жанра «Инструкция по сборке» + номинация конструкции (17 документов). В четырех случаях инструкция начинается со списка материалов, заголовки отсутствуют.

Описание материалов. В первом абзаце инструкции, как правило, сообщается, какие материалы и инструменты требуются для сборки конструкции. Описание материалов осуществлено разными способами:

- Отсылка к другому документу или рисунку (встречается в трех документах): *Перед началом сборки проверяем комплектность набора деталей в соответствии с файлом под названием «Контроль деталей», в нем представлены графические изображения всех деталей, а также их количество. На рисунке ниже показаны почти все необходимые вещи (рисунок).*

- Нумерованный список со «строгой» спецификацией (унифицированные общепринятые единицы измерения; встречается в семи документах): *Необходимо отмерить и отпилить детали следующих размеров и сечений:*

1. Брусек сечением 2×2 см длиной 44 см (2 шт.).

2. Рейку сечением 1×3 см длиной 40 см (4 шт.).

- Перечень (единый абзац) со смешанной спецификацией (унифицированные общепринятые единицы измерения и субъективные; встречается в семи документах): *Нам понадобятся: заготовки из фанеры (корпус, кружок 5 см и кружок 2,5 см на каждого ребенка), трубочка для коктейля, 2 электромотора на 9 вольт, картон гофрированный А1 на ребенка, стержень для шариковой ручки, 2 выключателя на 2 позиции (вкл. 1, выкл., вкл. 2), провод витая пара 2,5 метра, батарейка «Крона», контактная группа для «Кроны», паяльник, флюс паяльный, припой, защитные очки, кусачки, ножницы.*

- Ненумерованный список со спецификацией (зачастую с субъективными единицами измерения; встречается в восьми документах): *Сборка модели производится из следующих материалов:*

кусок фанеры толщиной 4 или 5 мм размером 500×700 мм (фанера класса 2/2 или 1/2);

кусок доски толщиной 18 мм или 20 мм размерами не меньше 80×200 мм.

Наиболее редким способом описания необходимых материалов является отсылка к другому файлу или рисунку: этот тип описания появляется в тех инструкциях, где используются заранее вырезанные заготовки из фанеры сложной формы, и их номинация через текст была бы громоздкой. Одинаковая частотность описания материалов в строгом инженерном ключе и смешанном инженерно-субъективном может косвенно указывать на автора-специалиста и его двойную задачу в рамках дискурса – показать алгоритм сборки и научить работать с детьми в рамках темы.

Основной текст. Структура содержания текстов всей выборки единая: пошаговая, алгоритмическая инструкция сборки, что больше соответствует императивной коммуникативной цели инженерного дискурса, однако появление повторяющихся от текста к тексту информационных блоков дает возможность говорить и об информативной коммуникативной цели жанра.

На языковом уровне информативная коммуникативная цель выражается следующими способами (по мере появления в тексте):

- Описательными конструкциями, анонсирующими объект сборки в инструкции: *«Мультипликационный световой стол состоит из короба со стеклянным (прозрачным) ярусом (-ами) и штанги-штатива (изготовленной на сл. занятии), к которой крепится камера-телефон, а также осветительных панелей (светодиодных лент)».*

- Списками инструментов и материалов, необходимых для сборки (см. выше).

- Подписями под фотографиями, маркирующими корректное расположение деталей («Рис. 6. Опора на месте», «Рис. 8. Драйвер установлен», «На следующем рисунке можно увидеть расположение шайб и колец из фанеры в элементе крепления крючка пружины»).

Признаки императивной коммуникативной цели: в текстах подборки императивная составляющая выражается разными способами (от наиболее частотного способа выражения к менее частотному):

- глаголами первого лица множественного числа несовершенного вида настоящего времени в значении совместности действия: *«согласно чертежам делаем разметку на листе ПВХ и картоне, вырезаем все детали», «устанавливаем среднюю распорку», «приступаем к пошаговой сборке», «берем следующие детали»;*

- инфинитивами в значении императива: *«Все детали очень хорошо отшлифовать наждачной бумагой перед сборкой!», «Подготовить провода МГТФ $80 \text{ мм} \times 4$ шт., припаять к мотор-редукторам. Со стороны моторов залудить не более 5 мм, со стороны драйвера – около 10 мм»;*

- модальными предикатами и словами категории состояния: *«для надежности можно вырезать дополнительные уголки из картона и ими укрепить конструкции», «Если внешние границы поля получатся слишком низкими, можно нарастить их с помощью тонкого картона», «Батарейный бокс можно приклеить к корпусу, поставить выключатель и в целом облагородить место спайки проводов, на это у вас должно остаться время»;*

- императивными формами глаголов во множественной адресации (в сообщении прямому и косвенному адресату): *«Трафареты разделяйте на группы и обменивайтесь ими по очереди. Дайте пояснение, что мы можем все сделать и на лазере, но мы обучаемся не только делать проекты, но и учимся работать руками», «Используйте термоклей», «Помогайте ребятам разбираться в чертежах», «Не забывайте про деталь, на которую будет опираться игровое поле»;*

- пунктуацией побудительного характера: «*Техника безопасности!*», «*Вначале короб собирают дети клеевым пистолетом, не забывай про технику безопасности!*», «*Робот по линии остается в центре, ученикам не отдается!*», «*Детали из картона вырезаем с помощью ножниц или канцелярских ножей, ножи используйте сами или давайте только опытным детям!*»;

- типовыми модальными и оценочными маркерами «*обязательно*», «*это важно*».

Такая двунаправленная цель коммуникации типична для жанра «инструкция». Специфика проявляется через языковое воплощение целей коммуникации.

2. Образ автора

В рамках исследуемого материала обнаруживается роль автора – инженер, обучающий других инженеров обучать детей. Однако, как свойственно документным текстам, автор не проявляет себя в его рамках грамматически – местоимениями и глаголами в форме первого лица единственного числа.

Его профессиональная принадлежность к сообществу инженеров обнаруживается на лексическом уровне через профессиональную лексику, транслируемый алгоритм сборки.

В текстах упоминается косвенный субъект – целевая группа, на которую направлено действие, – «*дети*», «*ребята*». Автор через акценты в самом алгоритме сборки направляет внимание будущих преподавателей на потенциальные сложности при сборке конструкции вместе с учащимися. В нашем случае профессиональное и педагогическое «старшинство» автора [18, с. 96], его дополнительная дидактическая роль выражается в уточняющих синтаксических конструкциях, направленных на организацию деятельности и проявляющих косвенного субъекта: «*Установить на перегородку заранее заготовленный лист ПЭТ пластика 34 × 46 см (дети лист не отрезают самостоятельно)*», «*Детали из ПВХ вырезаем, используя ножовку по металлу, не забывайте выдавать защитные очки*», «*После высыхания клея собираем корпус далее, промазав все перемычки клеем (при этом у вас должна остаться деталь, в которой предусмотрено место для крепежа лампочки и светодиодов)*», «**ВНАЧАЛЕ ПОСМОТРИТЕ ВИДЕО**, там все показано!», «*лучшие всего все перемычки сложить в одно место, чтобы дети брали их из общей кучи, но при этом следите, чтобы их не порастеряли*», «*Чтобы все держалось – используем термоклей, только не залейте место контакта!*».

Нетипичный образ автора встретился единожды и был зафиксирован благодаря субъективной подаче материала: автор использовал иронию как средство превентивной отработки возражений по качеству сборки поделки в инструкции: «*И так как я*

собрал тестовую модель проектора звездного неба „на коленке“ и еще я очень „аккуратный“, то вот фото, как я это собрал по итогу, да простят меня инженеры». В остальных текстах подача тяготеет к нейтральной.

3. Образ адресата

Прямым адресатом выступают преподаватели-инженеры, готовящиеся приступить к занятиям в учебных центрах и предварительно осваивающие методические материалы, соответствующие возрасту и уровню подготовки учащихся. В текстовых инструкциях адресация не вербализована явно, но определяется на основе непосредственных обращений к прямому субъекту: «*вам предстоит повторить поделку с группой*», «*когда будете делать с ребятами*», «*на этой стадии проверьте поделку детей*» и т. д.

Косвенный адресат – учащиеся, которые маркированы в тексте:

1. Прямой номинацией «дети», «ребята»: «*В чертеже все детали подписаны, **помогите ребятам разбираться в чертежах***».

2. Еще одним признаком косвенной адресации являются деминутивы: «*наждачная шкурка*», «*маленький мячик-попрыгунчик*», «*убираем в сторонку*», «*цоколь изготавливается из двух кусочков медного провода*» и т. д. Обилие деминутивов в тексте выборки может свидетельствовать о гибридизации дискурса, активном проникновении элементов дидактического дискурса в инженерный с целью адаптации профессионального знания для разновозрастной неподготовленной аудитории.

Прослеживается роль исполнителя, упоминаемая Т. В. Шмелевой [18, с. 98], в которой образ адресата состоит из двух компонентов: это инженер (субъект инженерного дискурса) и начинающий педагог (субъект дидактического дискурса или осваивающий его).

В рамках исследуемой подборки коллективная адресация объясняется тем, что инструкция по сборке распространяется в рамках сети центров и обращаются к ней все преподаватели, работающие с различными по возрасту и уровню подготовки детьми в группах, что отражается на содержании инструкций и советах автора. Автор не знаком с адресатом, более того, материал и подача унифицированы настолько, что любой преподаватель с инженерной подготовкой может воспользоваться рекомендациями при работе с детьми.

4. Образ прошлого и образ будущего

Жанр «инструкция по сборке» в инженерно-дидактическом дискурсе создает образ будущего. Коммуникативная цель определяет вектор взгляда автора на предстоящее занятие, в котором инженеры-преподаватели повторяют предложенный сценарий и учтут советы автора.

Образ прошлого представлен в основном вводной частью инструкции и связан с подготовкой материалов и инструментов к сборке конструкции («Перед началом сборки проверяем комплектность набора деталей в соответствии с файлом под названием „Контроль деталей“, в нем **представлены** графические изображения всех деталей, а также их количество», «На всякий случай видео **продублировано** в папку с материалами», «В видео поверхность хоккея **сделана** из картона, мы делаем из ПВХ, для снижения трения») или корректный вид сборки маркирован в подписях к иллюстрациям (Рис. 8. Датчики **установлены**).

Образ прошлого выражается страдательными причастиями прошедшего времени: «**сделана** из картона», «**представлены** графические изображения», «схема для пайки **представлена**» и т. д.

Речевой акт, предшествующий жанру «инструкция по сборке» не представлен, поскольку иницируется сборка конструкции. Последующий речевой акт предполагается в виде занятия с учащимися, которое алгоритмически будет повторять инструкцию по сборке. Дальнейшее общение автора инструкции и обучаемого инженера также может состояться в случае, если у адресата останутся вопросы к модели и этапам сборки. Однако автор не указывает возможные способы организации такого общения (в рамках материалов исследуемой подборки).

В начале и в конце инструкции по сборке автор транслирует нейтральный образ будущего результата: «*вот такое устройство вы сможете собрать за полтора-два часа*», «*после сборки и проверки вы сможете приступить к соревнованиям*». Образ будущего с эмоциональной окраской встречается редко, выражается фатическими побудительными восклицаниями («*Готово! Остается запрограммировать и можно соревноваться!*»), («*Остается только закрепить линейку и готово!*»).

Языковые структуры, отражающие образ будущего (по частотности употребления в текстах):

- Глаголы косвенного императива будущего времени: («сможете/сможем», «соберете/соберем» и др.): «Вначале **соберем** игроков», «С помощью цвета **обозначим** наших игроков».

- Слова категории состояния и модальные предикаты («можно», «надо/нужно», «должно» и др.): «Для начала **можно** вырезать только то, что **нужно** для сборки корпуса, детали для управления и размещения системы голов **можно** вырезать позже», «По итогу мы **должны** получить половину корпуса», «Площадку с местом для светодиодов и лампочки **лучше всего** прихватить на термоклей, чтобы легко **можно** было разобрать и поменять перегоревшие светодиоды или лампочку».

- Глаголы несовершенного вида будущего времени («будут/будет», «могут» и др.): «Листы кар-

тона, которые **будут** вам доступны, **могут** быть короче, чем необходимо, поэтому их можно просто склеивать друг с другом», «Края нашего поля скруглены и **будут** немного выступать за рамки того, что на фото выше».

Наиболее распространенным способом создания образа будущего в исследованных текстах является использование глаголов косвенного императива будущего времени: этот способ встречается в 15 документах. Слова категории состояния и модальные предикаты также распространены (встречаются в 12 документах) и в некоторых случаях сочетаются в тексте с другими языковыми структурами, описывающими образ будущего. Третий способ встретился в семи документах, он также используется в связке с другими типами конструкций в рамках одного текста.

Отметим, что мы не встретили документов с одним «чистым» способом создания образа будущего, однако в исследуемой подборке два документа не обращались к будущему ни через какие языковые средства, в двух документах образ будущего не представлен.

5. Диктумное содержание

Еще одним обязательным признаком жанра является диктум. Для его анализа важны такие аспекты, как наличие/отсутствие события, оценочность события, включенность события в личную сферу говорящего, временная перспектива события, количественный аспект диктума [19, с. 103].

Диктумное содержание жанра «инструкция по сборке» в инженерно-дидактическом дискурсе выражается в обучении сборке и предполагает, что адресат будет следовать представленному алгоритму и использует результат этой сборки на занятиях с обучающимися таким же образом, как было дано в инструкции.

Автор применяет профессиональную инженерную терминологию для обозначения объектов и процессов («Подготовить провода МГТФ 80 мм × 4 шт., припаять к мотор-редукторам. Со стороны моторов залудить не более 5 мм, со стороны драйвера – около 10 мм», «Подключить макетные провода типа «мама-папа» × 6 шт. к датчикам, сигнал цифровой, контакт D0»).

В рассматриваемом жанре присутствуют разные формы конструкций, описывающих диктумное содержание, например:

- глаголы в форме инфинитива в значении «следует сделать»: «**установить** датчики линии на винты М3 18 мм + гайки М3 × 2 шт.», «**закрепить** по верхней части светового стола и с внутренней стороны клеевым пистолетом»;

- глаголы повелительного наклонения: «**не забудь** про технику безопасности работы со станком», «**проверьте** правильность распила детали

перед сборкой», *«прошлифуйте детали, тогда они будут легче заходить в пазы»;*

- глаголы первого лица множественного числа в изъявительном наклонении: *«по чертежам **вырезаем** место крепления диодов», «детали из ПВХ **вырезаем**, используя ножовку по металлу».* Здесь можно наблюдать, как глаголы этого типа проявляют императивность в значении совместности, адаптируя инженерную коммуникацию к прагматическому аспекту дидактики;

- модальные предикаты и слова категории состояния: *«на следующих рисунках **можно** увидеть, как будет крепиться линейка на основании», «катод у светодиодов один, его **можно** посадить на общий провод, идущий сразу к минусу бокса для батарейки 2032», «вырезы на длинных боковых элементах **должны быть** с одной стороны».*

Логика и частотность использования подобных конструкций не унифицированы и поэтому нестабильны в разных текстах. Это может говорить о том, что автор текста в первую очередь инженер и только во вторую и третью – педагог и методист (поскольку уделяет мало внимания стилистической корректности и единообразию описания инструкций). Однако эти роли совмещены в нем и взаимно влияют друг на друга. В рассматриваемых инструкциях акцент делается на обучение сборке, работе с материалами и схемами, однако в адаптированной для детского восприятия форме инженерная инструктивность раскрывается через обучение педагогике.

В примерах диктумного содержания особо примечательна мягкая императивная позиция автора: он выражает пожелание, а не приказ. Это не характерный признак инженерного жанра «инструкция», однако вполне соответствует дидактическому дискурсу. Это встраивание дидактики в регламентированный инженерный жанр также может являться свидетельством гибридизации дискурса и жанра.

6. Композиция жанра

Жанр «инструкция по сборке» в инженерно-дидактическом дискурсе можно отнести к так называемым свободным жанрам, поскольку он не регламентируется ГОСТ, и поэтому его композиционная структура неустойчивая. Повторяющиеся элементы в исследуемой подборке встречаются в начале текстовых документов: название конструкции, перечень материалов и инструментов для работы.

Последовательность алгоритма сборки вариативна: в ряде текстов автор начинает описание со сборки корпуса изделия, в некоторых инструкциях – со сборки механической и/или электронной составляющей без обоснования порядка работы. Также в текстах не унифицированы номинации разделов инструкции: такой способ структурирования текста встречается только в двух документах из 25.

Приведем пример первого абзаца после перечня необходимых материалов в ряде текстов подборки. Ниже представлен процесс инструктирования, заданный первым абзацем после списка материалов и сохраняющий структуру на протяжении всего документа (появление в списке зависит от количества элементов инженерного дискурса, от большего к меньшему):

- Переход к алгоритму сборки без номинации раздела, с нумерацией действий:

Итак, приступаем к пошаговой сборке.

1. Берем следующие детали: (рис.) и приводим их к виду (рис.)

или

1. Подготовить провода МГТФ 80 мм х 4 шт., припаять к мотор-редукторам. Со стороны моторов залудить не более 5 мм, со стороны драйвера – около 10 мм (рис.).

Действия описываются лаконично, конкретно, с опорой на инженерную лексику. Автор не номинирует разделы, поскольку в центре его внимания – процесс сборки конструкции. От адресата требуется точное повторение за образцом. Элементы инженерного дискурса превалируют над дидактическими.

- Переход к алгоритму сборки с номинацией раздела, без нумерации действий:

Шаг первый

Нужно подготовить поле для хоккея, для этого берем лист фанеры 700 х 500 мм и с помощью наждачной бумаги шлифуем его, чтобы он стал гладким, чем лучше будет отшлифован лист, тем лучше будет летать по нему шайба! (рис.)

Или

Этап второй: Сборка деталей

Вначале короб собирают дети клеевым пистолетом, не забывай про технику безопасности! (рис.)

В этом способе используется более развернутое описание шагов, однако количество инженерной лексики сокращается, добавляются комментарии по организации процесса. От адресата ждут не только повторения за образцом, но и понимания мотивировки сборки определенным образом. Элементы инженерного и дидактического дискурса в близкой пропорции.

- Переход к сборке без номинации раздела, без алгоритма действий (выраженного через нумерованный или нenumерованный список):

Для начала, согласно чертежам, делаем разметку на листе ПВХ и картоне, вырезаем все детали. Детали из ПВХ вырезаем, используя ножовку по металлу, не забывайте выдавать защитные очки. Детали из картона вырезаем с помощью ножниц или канцелярских ножей, ножи используйте сами или давайте только опытным

детям! Листы картона, которые будут вам доступны, могут быть короче, чем необходимо, поэтому их можно просто склеивать друг с другом. В чертеже все детали подписаны, помогайте ребятам разбираться в чертежах. Для начала можно вырезать только то, что нужно для сборки корпуса, детали для управления и размещения системы голов можно вырезать позже. (рис.)

Третий способ выстраивания композиции содержания дает возможность автору описать процесс сборки, обратить внимание на особенности организации процесса и возможные вариации как самой сборки, так и работы с учащимися. Это наиболее объемные описания работы и наименее структурированные с точки зрения инструктивности и алгоритмичности. Элементы дидактического дискурса преобладают над инженерными.

- Еще один значимый способ структурирования материалов инструкции, который частотно присутствует в подборке, но не выражается текстом, – использование иллюстраций.

Так, после каждого пункта нумерованного списка, нумерованного перечня или абзаца с блоком работ во всех инструкциях приводится иллюстрация с промежуточным видом конструкции, наглядно показывающая результат сборки этого этапа.

Иллюстрации могут быть представлены в виде схем, чертежей (рис. 1), фотографий без нанесения текста (рис. 2), фотографий с нанесением текста и обозначений (рис. 3).

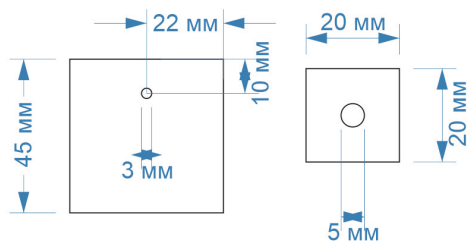


Рис. 1. Чертеж для выпиливания деталей из инструкции по сборке «Настольный хоккей»



Рис. 2. Иллюстрация необходимых для работы материалов из инструкции по сборке «Станок для резки пенопласта» (фотография без нанесения текста)

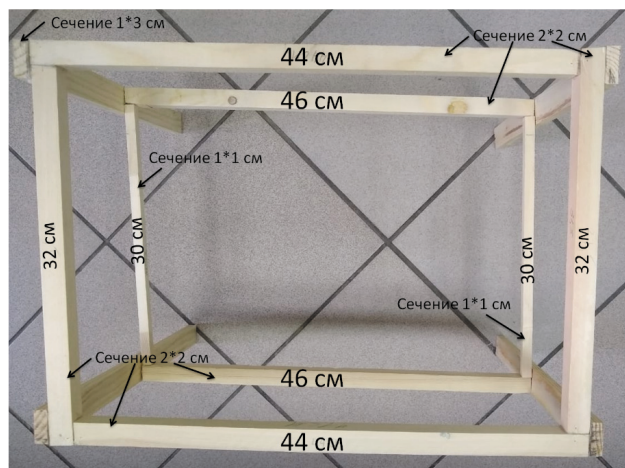


Рис. 3. Иллюстрация этапа сборки конструкции из инструкции по сборке «Мультипликационный световой стол» (фотография с нанесением текста и обозначений)

Это ключевой нетекстовый инструмент передачи инженерного знания, используемый автором во всех 25 документах.

При сборе материала для исследования встретился один документ, состоящий полностью из иллюстраций, без каких-либо текстовых пояснений, кроме названия файла. Само существование документа такого типа в основном пакете методических материалов организации (и отсутствие дублирующих инструкций к сборке объекта) может свидетельствовать о том, что автор не полагается только на текст для выстраивания коммуникации. Подобные инструкции-иллюстрации без включения текста могут служить косвенным признаком гибридизации дискурса, когда автор не использует традиционные способы инструктирования и терминологию для объяснения своего намерения, а показывает только образец, который следует повторить. Иллюстрация с примером сборки объекта на каждом из этапов может использоваться для объяснения материала не только инженерам-преподавателям, но и косвенным адресатам – детям или лицам, чьей инженерной подготовки недостаточно для понимания профессиональной лексики, и требуются адаптированные, упрощенные формы передачи инженерного знания.

7. Языковое воплощение

Частично языковые средства реализации жанра уже были представлены при характеристике других компонентов модели. Отдельно стоит отметить дискурсивные формулы [3] жанра «инструкция по сборке», которые использует автор в исследуемой подборке (по частотности использования в текстах):

- Предупреждающие сообщения: *Внимание!* (предшествует часто встречающейся сложности в реализации или напоминанию о часто нарушаемом

пункте техники безопасности), *Обратите внимание!* (используется для акцентирования внимания на какой-то конструктивной особенности объекта, иногда шрифт выделяется красным цветом или полужирным начертанием). Сама по себе эта формула характерна для инженерного дискурса и жанра инструкции [14]. Дидактический компонент, создающий специфику этой дискурсивной формулы, – наличие примыкающего к сообщению комментария автора, как прецедент может развиваться и какие варианты управления ситуацией есть у преподавателя.

- Графическое выделение значимых моментов текста словами из прописных букв: *ОБА винта, ДВЕ стороны, ТОЛЬКО в очках.*

- Профессиональная лексика, образованная на основе семантической деривации для номинации элементов: *макетные провода типа «мама-папа», клемма-крокодильчик.*

В результате проведенного исследования выявлены признаки гибридизации жанра «Инструкция по сборке» (таблица).

Признаки гибридизации жанра «Инструкция по сборке» инженерно-дидактического дискурса

Раздел модели жанра	Признак гибридизации
Коммуникативная цель	Сочетание информативной и императивной коммуникативной цели
Образ автора	Взаимовлияние ролей инженера и педагога: наблюдается мягкая императивная позиция автора
Образ адресата	Прямой адресат – инженер-преподаватель, косвенный адресат – учащиеся
Образ прошлого и будущего	Описание возможных сложных ситуаций в прошлом и будущем с вариантами устранения
Диктум	Описание сборки конструкции, сопровождающееся комментариями по организации занятия
Композиция	Композиция жанра влияет на объем элементов инженерного и дидактического дискурса
Языковое воплощение	Графическое выделение значимых моментов текста словами из прописных букв. Профессиональная лексика, образованная на основе семантической деривации для номинации элементов

Список источников

1. Голованова Е. И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2013. № 1 (292). Вып. 73. С. 32–35.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

Заключение

На основании модели речевого жанра Т. В. Шмелевой можно охарактеризовать инструкцию по сборке как гибридный жанр следующим образом:

1. Это императивный жанр, включающий две коммуникативные цели – информативную и императивную, что соответствует инженерному жанру «инструкция» и инженерному дискурсу в целом.

2. Автор не обозначен в тексте, однако проявляется симбиоз его инженерной и педагогической роли.

3. Это жанр с определяемым адресатом и адресантом: ясна как профессиональная принадлежность акторов (субъекты инженерного дискурса), так и их место в иерархии организации. Подразумевается также и косвенный адресат – разновозрастные учащиеся, и это является спецификой дидактического дискурса.

4. Это жанр с неустойчивой композиционной структурой, вариативность которой задает различные пропорции элементов инженерного и дидактического дискурса.

5. Применяются дискурсивные формулы в виде неоднословных терминов, предупреждающих фраз, а также небольшое число семантических дериватов, использующихся для номинации элементов, как отражение инженерной действительности в ее пересечении с дидактическими задачами дискурса.

6. Гибридность жанра получает отражение в языковой реализации.

Проявления инженерного дискурса:

1. Профессиональная принадлежность автора определяется за счет использования значительного количества профессиональной лексики и аббревиатур, что напрямую указывает на инженерный дискурс.

2. В языковой реализации жанра часто встречаются глаголы в повелительном и изъявительном наклонении, инфинитивы в императивном значении.

Проявления дидактического дискурса:

1. В текст включен разнообразный иллюстративный материал: фотографии, схемы, чертежи – как средство передачи профессионального знания и его адаптации для менее погруженных в инженерию субъектов.

2. Используются конструкции с модальными предикатами, словами категории состояния, глаголами первого лица множественного числа в значении совместности.

4. Мишанкина Н. А. Профессиональная коммуникация инженеров как дискурс // Язык. Общество. Образование: сб. науч. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования», Томск, 10–12 ноября 2021 г. Томск: Изд-во ТПУ, 2021. С. 379–382.
5. Рехтин Л. В. Речевой жанр инструкции: полевая организация: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2005. 20 с.
6. Карабань Н. А. Речевой жанр инструкции // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2008. Т. 7, № 5. С. 96–98.
7. Чабан Т. Ю. Инструкция // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 213–214.
8. Канащук С. А. Инструктивный дискурс IT-корпораций: социолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 24 с.
9. Канащук С. А. Структурные, стилистические и коммуникативные особенности текстов дискурса инструкций на современном этапе развития // Язык и культура. 2011. № 4 (16). С. 21–29.
10. Нестерова С. А. Инструкция как особый жанр научно-технической литературы // Психология, педагогика, образование: актуальные и приоритетные направления исследований: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., г. Омск: в 2 ч. Уфа: Омега Сайнс, 2017. Ч. 2. С. 39–41.
11. Шутова О. А. Инструкция как речевой жанр поучающего дискурса // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2 (октябрь). С. 68–70.
12. Лобанов И. Б. Принципы построения инструктирующего текста в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2003. 24 с.
13. Карасик В. И. Инструктивы в сетевом дискурсе // Жанры речи. 2019. № 2 (22). С. 148–153.
14. Куркан Н. В. Модель жанра «Руководство по эксплуатации» // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 49–56.
15. Куркан Н. В. Письменные жанры инженерной коммуникации в дискурсивном аспекте // Язык. Общество. Образование: сб. науч. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования», Томск, 10–12 ноября 2021 г. Томск: Изд-во ТПУ, 2021. С. 369–374.
16. McElhinny B., Muehlmann S. Discursive Practice Theory // Concise Encyclopedia of Pragmatics / J. L. Mey (eds). 2nd ed. Oxford: Elsevier Ltd., 2009. P. 216–219.
17. Иванова С. В. Актовая речь как гибридная полидискурсивная практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21, № 1. С. 141–160.
18. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–99.
19. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.

References

1. Golovanova E. I. Professional'nyy diskurs, subdiskurs, zhanr professional'noy kommunikatsii: sootnosheniye ponyatiy [Professional discourse, subdiscourse, genre of professional communication: correlation of concepts]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Filologiya. Iskustvovedeniye – Bulletin of Chelyabinsk State University. Ser. Philology. Art history*, 2013, vol. 1 (292), no. 73, pp. 32–35 (in Russian).
2. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).
3. Karasik V. I. O tipakh diskursa [On the types of discourse]. In: *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs: sbornik nauchnykh trudov* [Linguistic personality: institutional and personal discourse: collection of scientific articles]. Volgograd, Peremena Publ., 2000. Pp. 5–20 (in Russian).
4. Mishankina N. A. Professional'naya kommunikatsiya inzhenerov kak diskurs [Professional communication of engineers as a discourse]. In: *Yazyk. Obshchestvo. Obrazovaniye: sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Lingvisticheskiye i kul'turologicheskkiye aspekty sovremennogo inzhenernogo obrazovaniya"*, Tomsk, 10–12 noyabrya 2021 [Language. Society. Education: a collection of scientific papers of the II International Scientific and Practical Conference "Linguistic and Cultural Aspects of Modern Engineering Education"]. Tomsk, TPU Publ., 2021. Pp. 379–382 (in Russian).
5. Rekhtin L. V. *Rechevoy zhanr instruksii: polevaya organizatsiya* [Speech genre of instruction: field organization]. Gorno-Altai, 2005. 20 p. (in Russian).
6. Karaban N. A. *Rechevoy zhanr instruksii* [Speech genre of instructions]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta – Izvestiya VSTU*, 2008, vol. 7, no. 5, pp. 96–98 (in Russian).
7. Chaban T. Yu. *Instruktsiya* [Instructions]. In: Ivanov L. Yu., Skovorodnikov A. P., Shirayeva E. N. et al. (Eds.) *Kul'tura russkoy rechi: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech: an encyclopedic reference dictionary]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003. Pp. 213–214 (in Russian).
8. Kanashchuk S. A. *Instruktivnyy diskurs IT-korporatsiy: sotsiolingvisticheskiy aspekt. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Instructive discourse of IT corporations: sociolinguistic aspect. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Tomsk, 2012. 24 p. (in Russian).

9. Kanashchuk S. A. Strukturnyye, stilisticheskiye i kommunikativnyye osobennosti tekstov diskursa instruktsiy na sovremennom etape razvitiya [Structural, stylistic and communicative features of instruction discourse texts at the present stage of development]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2011, no. 4 (16), pp. 21–29 (in Russian).
10. Nesterova S. A. Instruktsiya kak osobyi zhanr nauchno-tekhnicheskoy literatury [Instruction as a special genre of scientific and technical literature]. In: *Psikhologiya, pedagogika, obrazovaniye: aktual'nyye i prioritetye napravleniya issledovaniy. Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii g. Omsk. V. 2 chastyakh* [Psychology, pedagogy, education: current and priority areas of research. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Omsk. In 2 parts]. Ufa, Omega Sayns Publ., 2017, no. 1, part 2, pp. 39–41 (in Russian).
11. Shutova O. A. Instruktsiya kak rechevoy zhanr pouchayushchego diskursa [Instruction as a speech genre of instructive discourse]. *Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel'*, 2015, no. 2 (October), pp. 68–70 (in Russian).
12. Lobanov I. B. *Printsipy postroyeniya instruktiruyushchego teksta v russkom yazyke*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Principles of construction of the instructive text in Russian. Abstract of thesis cand. filol. sci.]. Rostov-on-Don, 2003. 24 p. (in Russian).
13. Karasik V. I. Instruktiy v setevom diskurse [Instructions in the network discourse]. *Zhanry rechi – Speech Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 148–153 (in Russian).
14. Kurkan N. V. Model' zhanra “rukovodstvo po ekspluatatsii” [Model of the genre “Operation manual”]. *Zhanry rechi – Speech Genres*, 2021, no. 1 (29), pp. 49–56 (in Russian).
15. Kurkan N. V. Pis'mennyye zhanry inzhenernoy kommunikatsii v diskursivnom aspekte [Written genres of engineering communication in the discursive aspect]. In: *Yazyk. Obshchestvo. Obrazovaniye: sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Lingvisticheskiye i kul'turologicheskiye aspekty sovremennogo inzhenernogo obrazovaniya”* [Language. Society. Education: a collection of scientific papers of the II International Scientific and Practical Conference “Linguistic and Cultural Aspects of Modern Engineering Education”]. Tomsk, TPU Publ., 2021. Pp. 369–374 (in Russian).
16. McElhinny B., Muehlmann S. *Discursive Practice Theory*. In: Mey J. L. (ed). *Concise Encyclopedia of Pragmatics*. 2nd ed. Oxford, Elsevir Ltd, 2009. Pp. 216–219.
17. Ivanova S. V. Aktovaya rech' kak gibridnaya polidiskursivnaya praktika [Act speech as a hybrid polydiscursive practice]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*, 2017, vol. 21, no. 1, pp. 141–160 (in Russian).
18. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of speech genre]. In: *Zhanry rechi: sbornik nauchnykh statey* [Genres of speech: Collection of scientific articles]. Saratov, Kolledzh Publ., 1997, no. 1, pp. 88–99 (in Russian).
19. Fedosyuk M. Yu. Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov [Unresolved issues in the theory of speech genres]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the study of language*, 1997, no. 5, pp. 102–120 (in Russian).

Информация об авторе

Безукладникова С. С., аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Bezukladnikova S. S., post-graduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 10.05.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 10.05.2022; accepted for publication 01.10.2022

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-091 (82-97) (82-92)

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-108-120>

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О ГОГОЛЕ В «БОГОСЛОВСКОМ ВЕСТНИКЕ» НАЧАЛА XX ВЕКА

Светлана Владимировна Бурмистрова

Московская духовная академия, Сергиев Посад, Россия, t-svet2007@yandex.ru

Аннотация

Введение. Православная периодическая печать эпохи рубежа XIX–XX вв., являясь неотъемлемой частью отечественной журналистики, содержит большой корпус публикаций, посвященных отечественным и зарубежным писателям, в том числе Н. В. Гоголю. Обращение к критическому дискурсу о Гоголе, представленному на страницах дореволюционных церковных журналов, позволит уточнить вопрос о восприятии личности и творчества писателя в научно-богословских кругах, а также будет способствовать построению целостной картины рецепции Гоголя в критике порубежной эпохи.

Цель – изучить критическую рецепцию личности и творчества Н. В. Гоголя в церковной академической периодике начала XX в.

Материал и методы. Материалом исследования послужили опубликованные в «Богословском вестнике» конца XIX – начала XX в. статьи о Гоголе, а также разножанровые публикации академического журнала, содержащие размышления или только фоновые упоминания о Гоголе и его произведениях. Журнальные материалы анализируются в историко-литературном аспекте, а также рассматриваются с позиции рецептивной эстетики и социологии литературы.

Результаты и обсуждение. По результатам исследования сделан вывод о специфике критической рецепции Гоголя в журнале Московской духовной академии, хронология которой охватывает около 17 лет. Наиболее активная фаза восприятия личности и творчества Гоголя в «Богословском вестнике» приходится на период его юбилеев 1902 и 1909 гг., когда были опубликованы подготовленные преподавателями и профессорами академии литературно-критические исследования о писателе, а также материалы литературного вечера, приуроченного к столетию со дня его рождения. За рамками гоголевских юбилеев критический дискурс о писателе включает статьи по научно-богословской проблематике, содержащие размышления о религиозном мировоззрении писателя и его художественном творчестве, а также материалы (письма, воспоминания и др.), в которых встречаются лишь фоновые упоминания о писателе. Механизмы критической рецепции Гоголя в «Богословском вестнике» определяются стремлением осмыслить «загадочную личность» писателя, его «сложный внутренний мир», а также оценить его вклад в становление русской религиозной культуры.

Заключение. Критический дискурс о Гоголе, представленный на страницах «Богословского вестника», отражает противоречия в восприятии его личности и творчества, характерные в целом для литературной критики рубежа веков, когда писателя либо продолжали обвинять, называя «апостолом невежества» и реакционером, либо защищали, видя в нем художника-аскета и серьезного мыслителя.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, критическая рецепция, «Богословский вестник», церковная периодика, писательский юбилей, литературная репутация, духовная проза, концепция «двух Гоголей»

Для цитирования: Бурмистрова С. В. Критический дискурс о Гоголе в «Богословском вестнике» начала XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 108–120. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-108-120>

LITERARY STUDIES

CRITICAL DISCOURSE ABOUT GOGOL IN THE “BOGOSLOVSKIY VESTNIK” OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Svetlana V. Burmistrova

Moscow Theological Academy, Sergiev Posad, Russian Federation, t-svet2007@yandex.ru

Abstract

Introduction. The Orthodox periodicals of the era of the turn of the 19th – 20th centuries, being an integral part of domestic journalism, contain a large corpus of publications dedicated to domestic and foreign writers, incl.

© С. В. Бурмистрова, 2022

N. V. Gogol. Turning to the critical discourse about Gogol, presented on the pages of pre-revolutionary church journals, will clarify the issue of the perception of the personality and work of the writer in scientific and theological circles, and will also help build a holistic picture of Gogol's reception in criticism of the frontier era.

The purpose of the article is to study the critical reception of the personality and creativity of N. V. Gogol in church academic periodicals of the early 20th century.

Material and methods. The material of the study was the articles of the "Bogoslovskiy vestnik" of the late 19th – early 20th century, dedicated to Gogol, as well as publications of various genres containing reflections or background references to Gogol and his works. Journal materials are analyzed in the historical and literary aspect, and are also considered from the standpoint of receptive aesthetics and the sociology of literature.

Results and discussion. Based on the results of the study, a conclusion was made about the specifics of Gogol's critical reception in the journal of the Moscow Theological Academy, the chronology of which covers about 17 years. The most active phase of the perception of Gogol's personality and work in the "Bogoslovskiy vestnik" falls on the period of his anniversaries in 1902 and 1909, when literary critical studies of teachers and professors of the Academy dedicated to him were published, as well as materials from a literary evening dedicated to the centenary of the birth of the writer. Outside of Gogol's anniversaries, critical discourse about the writer includes articles on scientific and theological issues, but containing reflections on the writer's religious outlook and his artistic work, as well as materials (letters, memoirs etc.) in which there are only brief mentions of the writer. The mechanisms of Gogol's critical reception in "Bogoslovskiy vestnik" are determined by the desire to comprehend the "mysterious personality" of the writer, his "complex inner world", as well as to evaluate his contribution to the formation of Russian religious culture.

Conclusion. The image of Gogol, presented on the pages of the "Bogoslovskiy vestnik", reflects the contradictions in the perception of his personality and work, which are generally characteristic of literary criticism at the turn of the century, when the writer either continued to be accused, calling him an "apostle of ignorance" and a reactionary, or defended, seeing in him an ascetic artist and a serious thinker.

Keywords: N. V. Gogol, critical reception, "Bogoslovskiy vestnik", church periodicals, writer's anniversary, literary reputation, spiritual prose, the concept of "two Gogols"

For citation: Burmistrova S. V. Kriticheskiy diskurs o Gogole v "Bogoslovskom vestnike" nachala XX veka [Critical discourse about Gogol in the "Bogoslovskiy vestnik" of the beginning of the XX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 108–120 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-108-120>

Введение

Православная периодическая печать эпохи рубежа XIX–XX вв. – важная часть отечественной журналистики, в той или иной степени определявшая векторы развития культурной и научной жизни. Обращение к критическому дискурсу о Гоголе, представленному на страницах «Богословского вестника»¹ начала XX в., позволит уточнить вопрос о восприятии личности и творчества писателя в научно-богословских кругах, а также будет способствовать построению целостной картины реценции Гоголя в критике порубежной эпохи.

Рассмотрение механизмов критической интерпретации Гоголя в «Богословском вестнике» необходимо предварить общим замечанием о месте «литературных» материалов в структуре церковных академических журналов. По подсчетам исследователей, на рубеже веков «четыре Академии издавали 19 периодических изданий» [1, с. 3], в чи-

сле которых не только «Богословский вестник», но и старейший российский печатный орган, основанный в стенах Санкт-Петербургской академии, «Христианское чтение» (1821–1917), журнал Казанской академии – «Православный собеседник» (1855–1918) и «Труды Киевской духовной академии» (1861–1918). Даже беглый просмотр этих и других церковных журналов позволяет заключить, что публикации, посвященные отечественным и зарубежным писателям, занимают в них значительное место.

Внимание дореволюционной академической печати к «изящной словесности» объясняется по меньшей мере двумя факторами. Во-первых, филологические дисциплины, в том числе теория и история словесности, являлись неотъемлемой частью учебного процесса высшей духовной школы, что налагало необходимость их осмысления в христианском аспекте. Эту образовательную и одновременно научную задачу выполняли филологические кафедры, об активной исследовательской деятельности которых свидетельствует среди прочего и содержание академических журналов. Так, значительная часть литературно-критических публикаций «Богословского вестника» была подготовлена преподавателями профильных кафедр Московской

¹ «Богословский вестник» – один из ведущих церковных печатных органов дореволюционной России, основанный в 1892 г. в стенах Московской духовной академии. Журнал появился в результате слияния двух предшествующих академических изданий – «Творений святых отцов в русском переводе» и «Прибавлений», которые выходили с 1843 г. Дореволюционный период существования «Богословского вестника» закончился в сентябре 1918 г., а новый этап начался в 1993 г.

духовной академии: кафедры теории словесности и истории иностранных литератур, кафедры истории русской литературы и др. Несомненно, материалы «Богословского вестника» внесли свою лепту в становление религиозно-философского подхода к изучению художественной словесности.

Во-вторых, обращение богословского журнала к художественным произведениям обусловлено особым статусом литературы в отечественной культуре. Русская литература, генетически сопричастная православию и ставшая своего рода продолжением таинства Слова Божия, была призвана оказывать влияние на мировоззрение и нравственность читателя, служить проводником новых идей. Иными словами, функции отечественной словесности никогда не ограничивались только эстетическим влиянием, т. е. воспитанием художественного вкуса читателя. В связи с этим примечательны рассуждения о нравственной функции русской литературы прот. Павла Светлова, который в своей работе «Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания» подчеркивал, что «литература служит легким и могущественным проводником в обществе научно-философских и религиозных идей... настроений и чувств... она служит в одно и то же время и выразительницей, и руководительницей... общества и общественного мнения. <...> Главный... интерес русских писателей сосредоточивается на внутреннем смысле явлений жизни, от этих преходящих явлений жизни они поднимаются к их внутреннему значению. Искание Бога, правды, разгадка тайн бытия проходит красной нитью через творчество писателей, как говорят, даже „неверующих“ (Тургенев, Надсон и др.). Все это сообщает произведениям русского слова печать глубокой нравственной серьезности, философской вдумчивости, даже религиозности» [2, с. 277–279].

Профессор кафедры нравственного богословия Московской академии Михаил Михайлович Тареев в своей лекции, прочитанной студентам в 1902 г., подчеркивал необходимость обращения богословской науки к художественной литературе: «Русский богослов с особым вниманием должен воспользоваться изящной литературой, потому что русская беллетристика <...> имеет высокую гносеологическую ценность по религиозно-нравственным вопросам. Союз богословия с русской литературой должен принести ценные плоды» [3, с. 42–43].

О благотворном влиянии русской литературы на современного человека, в том числе на священнослужителя, рассуждает также доцент кафедры церковного права Московской академии Николай Дмитриевич Кузнецов в своей рецензии, написанной по поводу вышедшей в 1909 г. книги Я. Н. Кти-

тарева «Вопросы религии и морали в русской художественной литературе». В частности, он отмечает, что русская словесность тесно связана «с областью морали и религии». Изображая все оттенки духовного состояния современного человека, литература, по словам Кузнецова, становится важным «пособием... в деле проповеди и преподавания Закона Божия» [4, с. 334]. Поэтому с ней «необходимо считаться... людям, желающим руководить религиозной мыслью общества» [4, с. 335].

Материал и методы

Материалом исследования послужили опубликованные в «Богословском вестнике» конца XIX – начала XX в. статьи о Гоголе, а также разножанровые публикации академического журнала, содержащие размышления или фоновые упоминания о Гоголе и его произведениях. Журнальные материалы анализируются в историко-литературном аспекте, а также рассматриваются с позиции рецептивной эстетики и социологии литературы.

Результаты и обсуждение

История критической рецепции Гоголя в «Богословском вестнике» дореволюционного периода охватывает около 17 лет и включает прежде всего публикации, связанные с гоголевскими юбилеями 1902 и 1909 гг. Посвященные писателю материалы впервые появляются на страницах журнала в 1902 г. по случаю пятидесятилетия со дня его смерти. До этой даты академический журнал почти не вспоминает о нем, за исключением нескольких статей 1899 г., сообщающих о столетнем юбилее А. С. Пушкина. Дело в том, что после пушкинских торжеств 1880 г. (приуроченных к открытию памятника Пушкину в Москве) в общественном сознании имена этих двух писателей начинают восприниматься в единой связке, поскольку именно Гоголь одним из первых в своей статье 1835 г.¹ обозначил столь нужную эпохе рубежа веков формулу о Пушкине как русском национальном поэте. Как мы помним, эта формула была актуализирована в знаменитой «Пушкинской речи» Ф. М. Достоевского, которая начиналась гоголевскими словами: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа». В юбилейном 1899 г. рассуждения о Пушкине как национальном поэте все еще носили дискуссионный характер² и требовали отсылки к авторитетному мнению. Чаще всего ссылались на Гоголя и его работу «Несколько слов о Пушкине».

Так, преподаватель Московской академии Иерофей Алексеевич Татарский в статье «Александр

¹ Имеется в виду статья Гоголя «Несколько слов о Пушкине», впервые опубликованная в сборнике «Арабески».

² Более подробно см. об этом: [5].

Сергеевич Пушкин как русский национальный поэт» ставит перед читателем вопрос о том, справедливо ли называть Пушкина, воспитанного на европейской литературе, русским национальным поэтом. Свой однозначно положительный ответ Татарский подкрепляет мнением Гоголя: «Истинная национальность, — говорит Гоголь, — состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа; поэт может быть даже и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами» [6, с. 248].

В статье профессора кафедры русского и церковно-славянского языков и истории русской литературы Московской академии Григория Александровича Воскресенского «Величие Пушкина как человека и поэта» также содержится отсылка к Гоголю: «Никто из поэтов наших, — говорит Гоголь, — не выше Пушкина и не может более называться национальным: это право решительно принадлежит ему» [7, с. 215].

Итак, в конце 1890-х гг. имя Гоголя на страницах «Богословского вестника» упоминается лишь опосредованно, в связи с Пушкиным. Следует заметить, что отсутствие интереса собственно к Гоголю характерно не только для журнала Московской академии. Как отмечает Д. Р. Невская, в это время о Гоголе вообще вспоминали редко. Одну из причин такого забвения исследовательница видит в том, что писатель «не оправдал надежд... либеральной интеллигенции», разочаровав ее прежде всего своими «Выбранными местами...», а также сожжением второго тома «Мертвых душ» [8, с. 110]. Действительно, процесс восприятия Гоголя в русской литературе последней четверти XIX в. свидетельствует о переходе на пассивную стадию рецепции. Это означает, что о писателе перестают спорить критики, его произведения уже не играют значимой роли в осмыслении злободневных проблем современности. Иными словами, в 1890-х гг. позиция Гоголя в литературном каноне ближе к статусу классика: его произведения находятся за пределами актуальной литературной жизни, но в то же время они включаются в многотомные истории русской литературы [9] и учебные хрестоматии, получают научное истолкование [10, 11]. Ситуация существенно изменилась в начале XX в., когда юбилейные торжества в честь Гоголя не только вернули его имя в литературно-критическое поле, но и стимулировали новый этап в построении его писательской репутации.

Журнал Московской духовной академии также включился в процесс критического истолкования личности и творчества Гоголя. В 1902 г. в «Бого-

словском вестнике» были напечатаны две публикации, одна из которых сосредоточена исключительно на Гоголе, а вторая — на Гоголе и Жуковском, пятидесятилетие со дня смерти которого также отмечалось в 1902 г. Жуковско-Гоголевскому юбилею посвящена довольно объемная и разноплановая статья профессора Г. А. Воскресенского, размещенная в третьем номере «Богословского вестника». Статья интересна тем, что в ней подробно описываются механизмы создания «литературной репутации» писателя. И хотя автор не употребляет это понятие (одним из первых его станет использовать Иван Никанорович Розанов в книге «Литературные репутации» (1928)), но пишет он именно о том, как празднование юбилеев писателей влияет на их восприятие в читательской, критической и научной среде, т. е. на их литературную репутацию. Начинается статья с замечания, поясняющего смысл пятидесятилетнего юбилея в отношении писателя. Согласно «нашим законам», отмечает автор, пятидесятилетний юбилей писателей «имеет тот особый смысл, что сочинения их... перестают быть собственностью наследников или тех, кому переданы права на них» и «становятся достоянием всеобщим» [12, с. 596]. Становясь «общедоступными в удешевленных изданиях», они «окажут могущественное действие на... многочисленных читателей», т. е. писатель «приблизится теперь к народу, войдет в народ» [12, с. 597]. Далее Воскресенский приводит статистику по изданным сочинениям Гоголя к его юбилею, давая информацию об объеме книги, ее цене, месте издания. «К нынешнему юбилею... вышли многие удешевленные издания, из коих особенного внимания заслуживают роскошное трехтомное полное собрание сочинений Гоголя с его биографией, примечаниями, обильными иллюстрациями, редактированное проф. А. И. Кирпичниковым (свыше полутора тысяч страниц, ц. 3 р. 50 к.) и однотомное собрание сочинений под той же редакцией (ц. 80 к.)» [12, с. 597]. Кроме этих изданий автор называет «дешевые брошюры для народа», подготовленные товариществом И. Д. Сытина, а также однотомные собрания сочинений, выпущенные в издательстве А. Панафидина и в петербургской фирме «Народная польза».

Еще один фактор, который сопровождает юбилейные торжества и способствует переосмыслению литературной репутации писателя, Воскресенский связывает с появлением новых научных материалов и исследований о нем. Так, он сетует, что до сих пор мы «не имеем полного критического издания сочинений Жуковского», недостаточно изучены его письма и дневники [12, с. 602]. Но еще более «необходимы, — по мнению автора, — новые... исследования о Гоголе» [12, с. 602]. Может

быть, поэтому статья самого Воскресенского, номинально посвященная двум авторам, сосредоточена преимущественно на Гоголе, Жуковскому в ней уделено всего около пяти страниц текста из двадцати четырех.

Следует отметить, что профессор академии хорошо осведомлен в области научных исследований о Гоголе. Так, он приводит перечень наиболее значимых работ о писателе, среди которых называет «Записки о жизни Н. В. Гоголя» П. А. Кулиша; «образцовое критическое» собрание сочинений Н. В. Гоголя под редакцией Н. С. Тихонравова; «Материалы для биографии Гоголя» и собрание писем Н. В. Гоголя, подготовленные В. И. Шенроком, а также новые историко-литературные исследования А. Н. Пыпина и А. Н. Веселовского. Вместе с тем Воскресенский вынужден заметить, что, несмотря на то что «в последние годы Гоголю у нас посчастливилось» в плане изучения его жизни и творчества, тем не менее «до сих пор представляется недостаточно выясненной внутренняя жизнь» писателя» [12, с. 603].

Итак, Воскресенского как преподавателя духовной академии интересует в первую очередь вопрос о «внутренней жизни» Гоголя, о его религиозности. Этот вопрос, замечает Воскресенский, решается в настоящее время неоднозначно, имея в виду сторонников и противников концепции «крутого перелома» в нравственном развитии писателя. Воскресенскому близка позиция Шенрока и Пыпина, которые отрицали резкий перелом в духовном мирозерцании Гоголя, но говорили о постепенном развитии «давних особенностей его характера, его... религиозного... мировоззрения» [9, с. 487]. Воскресенский приводит большие выдержки из писем Гоголя разных лет, подтверждающие, что корни его мистического мировосприятия 1840-х гг. связаны с унаследованной от родителей «напряженной религиозностью», которая заметна уже в его детско-юношеских письмах и выражается, например, в вере в свое великое предназначение.

Пытаясь разобраться в особенностях характера и мировоззрения Гоголя, автор статьи старается избегать прямых оценок, постоянно подчеркивая, что «личный характер Гоголя представляется слишком сложным», а материалов и исследований о писателе по-прежнему недостаточно. Поэтому одинаково опрометчивыми видятся ему две крайности в восприятии писателя, когда одни «смотрят на него как на человека во всех отношениях идеального», а другие – «напротив... предполагают в Гоголе множество антипатичных черт» [11, с. 611], когда одни видят в нем «серьезного русского мыслителя», а другие утверждают, что «знания его были случайны и отрывочны», что «он ... оставался... всю жизнь на слабой степени теоретического умствен-

ного развития, что он едва ли сам разумел всю глубину тех общественных явлений, которые он отражал в своих созданиях» [12, с. 611].

Вторая часть статьи Воскресенского, посвященная описанию литературного творчества Гоголя, имеет реферативный характер и являет собой краткий пересказ главы о Гоголе из «Истории русской литературы» Пыпина. Воскресенский воспроизводит обозначенные в работе Пыпина характеристики Гоголя-литератора, которые к этому времени уже прочно закрепились в критическом и читательском восприятии. Здесь мы найдем и идущую от В. Г. Белинского формулу о Гоголе как «первом писателе реалисте», и восходящее к работе Н. Г. Чернышевского представление о нем как основателе и главе «нового периода русской литературы», открывшего путь И. С. Тургеневу, А. Н. Островскому, Н. А. Некрасову, Ф. М. Достоевскому, а также очень важное для автора статьи суждение о Гоголе как о художнике-аскете, творчество которого есть «звучащая молитва к Богу».

Таким образом, статья Воскресенского транслирует сложившийся в культуре рубежа веков образ Гоголя как главы реалистического направления в русской литературе, как создателя языка современной литературы. В то же время в статье отсутствует определенность в оценке личности Гоголя и его религиозного мировоззрения, что также симптоматично. Первый гоголевский юбилей не только не снял противоречия в восприятии духовного облика писателя, но, напротив, заострил разногласия, актуализировал старые и породил новые мифы о его религиозности, о его отношении к творчеству, к жизни и смерти¹.

Жуковско-Гоголевскому юбилею посвящены в «Богословском вестнике» еще две статьи [15, 16]. Автором обеих является Пётр Михайлович Минин, преподаватель московской духовной семинарии по кафедре философских наук и дидактики. Судя по публикациям Минина в академическом журнале, он специализировался в области древнецерковной мистики². Его статья о Гоголе «К характеристике личности Гоголя», напечатанная в том же номере, что и статья Воскресенского, примечательна тем, что в ней почти отсутствует хвалебно-юбилейное начало, напротив, она носит резко критический характер. Так, в начале статьи, рассуждая о сложном и противоречивом внутреннем мире Гоголя, Минин не соглашается с теми, кто пытается объяснить загадку личности писателя через психологию великого человека³. «Что такое „великий человек“, – вопрошает он, – и какое отношение имеет он к Го-

¹ См. об этом: [13, 14].

² В «Богословском вестнике» опубликовано несколько статей П. М. Минина по древнецерковной мистике: [17, 18].

³ См. об этом: [19, 20].

голю?». Правда, тут же Минин несколько смягчает провокационный тон своего вопроса, добавляя, что «разгадку Гоголя нужно искать не в психологии великого человека вообще, а в психологии именно гоголевского величия, соединенного с крайним самоуничижением» [21, с. 622].

Свою исследовательскую позицию Минин определяет как позицию «биографа-психолога», поэтому цель своего очерка он видит в том, чтобы наметить главные моменты «сложного психологического процесса», приведшего «веселого юмориста пасечника Рудого Панько к резкому, болезненному аскетизму, грозного сатирика-писателя к самоотрицанию и к отрицанию всего того, чем он жил и что им было написано ранее» [21, с. 623–624]. Не различая автора биографического и автора художественного, идентифицируя в данном случае Гоголя с рассказчиком Рудым Панько, Минин проецирует это методологическое искажение на объяснение «сложного психологического процесса», главную особенность которого видит в «двойственности» Гоголя. Именно разделение его «я» на «Гоголя-человека и Гоголя-писателя», «Гоголя-мыслителя и Гоголя-поэта» составляет, по мнению Минина, «характерную особенность его личности», а «окончательное торжество Гоголя-моралиста над Гоголем-художником» является основной причиной его «трагической судьбы» [21, с. 623]. Конкретизируя двойственность Гоголя, Минин отмечает, что в его личности уживались такие противоположности, как «жажда нравственной пользы» для человечества и «крайнее самомнение», результатом которого стало «стремление к учительству и резонерству»; «непосредственная вера... горячая любовь к родине... и почтительное признание существующего строя общественной жизни»; выдающийся дар наблюдательности [21, с. 626], сформировавшийся из него «великого художника-реалиста» [21, с. 628], и скудное гимназическое образование, из-за которого он «принужден был на всю жизнь остаться с жалкими обрывками нехитрой Нежинской школы», сделавшими из него посредственного мыслителя и плохого моралиста [21, с. 629–630].

Нетрудно заметить, что, моделируя образ Гоголя как противоречивой личности, Минин опирается на расхожие стереотипы о писателе, многие из которых сформировались под влиянием критики В. Г. Белинского. Так, идущая от Белинского формула «Гоголь-моралист против Гоголя-художника» является для Минина определяющей в восприятии личности писателя и в понимании его судьбы. Опираясь на формулу «Гоголь-моралист против Гоголя-художника», Минин развивает обозначенную Белинским концепцию «великого перелома» в мировоззрении писателя. Начало «крутого перело-

ма» Минин, как и большинство сторонников этой концепции, относит к 1836 г., когда после премьеры «Ревизора», уже находясь за границей, Гоголь решил «глубоко обдумать свои обязанности авторские». Именно тогда, считает Минин, впервые встретились два Гоголя, встретились, но «не узнали друг друга»: «Гоголь-моралист задумался над Гоголем-художником и не вполне понял и оценил его, а не оценивши, взглянул на него несколько искоса» [21, с. 635].

В своей статье Минин неоднократно противопоставляет Гоголя как носителя патриархального и, с его точки зрения, примитивного мировоззрения [16, с. 632] Белинскому – выразителю прогрессивных взглядов. Примечательно, что прогрессивность Белинского оценивается преподавателем духовной школы положительно, даже несмотря на неприязненное отношение критика к православной церкви, тогда как укорененное в христианской культуре мировоззрение Гоголя он называет примитивным. В частности, Минин критикует гоголевское представление о том, что источник зла «коренится не в общественном неустройстве, а в испорченной душе человека, коснеющего в своем нечестии», что зло происходит «оттого, что люди слишком нравственно развращены и не хотят отстать от своих недостатков» [21, с. 634].

Авторитет Белинского для Минина неоспорим, неслучайно он сравнивает его с «пророком», предсказавшим трагическую гибель Гоголя-художника. В частности, он отмечает, что именно его «зоркое око... усмотрело... раздвоение гоголевского таланта», именно его «тонкое ухо подслушало фальшивую нотку, проскользнувшую» уже в «Мертвых душах» [21, с. 636]. Финальной точкой в истории преждевременной гибели Гоголя-писателя Минин считает выход в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями», которым он дает довольно поверхностные характеристики, называя их «странной книгой», «тощей книжкой прописной морали», в которой Гоголь «преподнес какую-то туманную проповедь всем известных, иногда довольно сомнительных истин, только изложенных каким-то необычайным, докторальным, высокомерным тоном» [21, с. 637].

Публикация Минина, продолжающая линию Белинского в восприятии Гоголя, интересна не столько содержащимися в ней шаблонными суждениями о писателе, сколько парадоксальной позицией ее автора. Минин как представитель духовной школы, казалось бы, должен был подчеркнуть близость Гоголя к традиционным христианским ценностям, связав с ними его творчество 1840-х гг., в том числе последнюю опубликованную при жизни писателя книгу. Однако он предпочел посмотреть на Гоголя сквозь призму либеральной критики

Белинского, отрицающей все религиозное в русской культуре, а значит, и самого автора «Выбранных мест из переписки с друзьями» и «Размышлений о Божественной литургии». В этом смысле логично завершение статьи Минина: автор убежден в том, что достоянием русской литературы должны стать только те произведения Гоголя, которые совершили в ней «радикальный переворот», положили «начало новому течению – реалистическому» [21, с. 637], тогда как позднее творчество писателя, т. е. его духовная проза, должно быть предано забвению.

Итак, 1902 г. стал точкой отсчета в истории рецепции Гоголя в «Богословском вестнике». В двух юбилейных статьях выражены два противоположных взгляда на гений Гоголя, что соответствует общей тенденции восприятия его личности и творчества в этот период: писателя либо продолжали обвинять, называя «апостолом невежества», реакционером и клеветником, либо защищали, видя в нем художника-аскета и серьезного мыслителя.

В журнале нет информации о том, проводился ли в академии вечер памяти, посвященный Гоголю. Следует полагать, что торжественное мероприятие, скорее всего, проводилось, поскольку в январе 1902 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» среди правительственных распоряжений был опубликован циркуляр «О чествовании памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», в котором были даны следующие установки: «По отслужении всенощной накануне дня кончины упомянутых писателей, или Божественной заупокойной литургии в самый день кончины, или, наконец, панихиды... должны быть в помещениях учебных заведений устроены торжественные акты или собрания учащихся и учащихся, с разъяснением последним значения почившего писателя в отечественной литературе и истории и с раздачей, где позволят средства, разрешенных министерством биографий или сочинений чествуемого писателя, а равно и его портрета» [22, с. 20].

Доподлинно известно, что литературный вечер, приуроченный к столетию со дня рождения Гоголя, состоялся в академии в апреле 1909 г. Он имел довольно обширную программу: доклады преподавателей и студентов академии, чтение студенческих стихов, посвященных Гоголю, художественное чтение отрывков из произведений писателя. Кроме того, на вечере было озвучено «Приветствие Обществу Любителей Российской Словесности от студентов Московской Духовной Академии по случаю открытия памятника Гоголю». Завершился вечер словом ректора – арх. Фёдора (Поздеевского) и «вдохновенным пением» «вечной памяти» писателю. Сообщения, прозвучавшие на вечере памяти и носящие исключительно хвалебный характер, опу-

бликованы в журнале и могут послужить материалом для отдельной статьи.

Период между двумя гоголевскими юбилеями, а также период после 1909 г. и до закрытия «Богословского вестника» ознаменован построением довольно разнопланового дискурса о писателе. Несмотря на то что за это время в журнале не было опубликовано ни одной посвященной исключительно Гоголю статьи, рассуждения о нем и его произведениях содержатся во многих, казалось бы, далеких от литературы публикациях. В качестве примера можно привести «богословско-апологетическое исследование» прот. Павла Светлова «Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания», которое печаталось в академическом журнале частями с 1902 по 1904 г., а в 1905 г. вышло отдельным изданием. Пятая глава этой фундаментальной работы посвящена вопросу об интерпретации идеи Царства Божия в русской литературе, в частности, в сочинениях Гоголя, Достоевского, Л. Толстого. «Призыв к личному усовершенствованию или исканию царства Божия и правды Его, – пишет Светлов, – как условию общественного блага и прогресса начинается Гоголем, продолжается Достоевским и завершения достигает в Толстом» [23, с. 464].

Оценивая религиозные взгляды Гоголя, автор статьи пытается избежать крайности, в которую впадал, с его точки зрения, журнальная критика в юбилейный 1902 г., когда в одних статьях писателя возводили «на степень... образцового, идеального христианина» [23, с. 466, 469], а в других – ставили под сомнение саму способность Гоголя выражать в своих сочинениях голос православия в силу недостаточного религиозного образования писателя. Ориентиром для себя Светлов называет исключительную по своему трезвому тону статью профессора Н. И. Петрова «Новые материалы для изучения религиозно-нравственных воззрений Н. В. Гоголя», опубликованную в «Трудах Киевской духовной академии» (1902).

Однако, несмотря на стремление автора к объективности, его интерпретация Гоголя все же несвободна от тенденциозности. Сквозная идея исследования Светлова состоит в обосновании необходимости участия церкви в общественной и государственной жизни. Вопрос о роли церкви в социально-политических преобразованиях государства – давний и не имеющий однозначного решения. Известный спор XV–XVI вв. о «церковных имуществах» предопределил в русском религиозном сознании два направления, одно из которых связано с именем Иосифа Волоцкого, защищавшего «церковные имущества во имя социальных задач церкви» [24, с. 49], а другое – с именем Нила Сорского, представителя исихастской традиции,

видевшего задачу церкви в отношении государства в «молитвенной заботе о государстве» [24, с. 50]. В эпоху рубежа веков этот вопрос прозвучал с новой силой. В контексте повсеместного увлечения разного рода социалистическими теориями, обещающими построить царство Божие на земле, работа Светлова стала ответом на вопрошание эпохи о роли церкви в социальных преобразованиях государства. Профессор Киевской академии выступает против ограничения функций церкви только нравственной сферой, полагая, что она призвана к активному участию «в строении общественной жизни по заветам Христовым» [23, с. 473]. Только в этом случае, считает Светлов, появится возможность «примирить образованное общество с Церковью и богословием» [25, с. 50]. Свою позицию исследователь подкрепляет ссылками на работы западных и отечественных богословов (Дж. Орра, М. Олесницкого), которые также подчеркивают необходимость интеграции церкви и цивилизации посредством идеи царства Божия.

В связи с этим восприятие Гоголя сквозь призму выдвинутой Светловым концепции «активного» во внешней, общественной жизни христианства изначально ставит писателя, сосредоточенного на идее «внутреннего человека», в слабую позицию и вынуждает исследователя критиковать те стороны его религиозного мировоззрения, которые не соответствуют этой концепции. Поэтому образ Гоголя предстает в работе Светлова одновременно как положительный и отрицательный, поскольку писатель, как считает исследователь, призывая к активному воцерковлению русской жизни, в то же время отдавал предпочтение духовной созерцательности и тишине, полагая, что эти качества присущи и православной церкви, которую, он, как подмечает Светлов, сравнивает в «Выбранных местах...» с евангельской Марией в противоположность многопопечительной Марфе – западной церкви.

Светлов без тени сомнений называет писателя «хорошим и ревностным христианином» и полагает, что в размышлениях «о Боге, о душе... о добродетелях и грехах» он «был в своей родной стихии и внес много ценного в сокровищницу религиозно-назидательной духовной литературы» [23, с. 471]. Несомненную заслугу Гоголя Светлов видит также в том, что он впервые с литературной трибуны провозгласил идею «о необходимости согласования всего строя нашей жизни с требованием Евангелия», призвал «общество к обновлению началами христианства, хранимого в православной церкви» [23, с. 479].

В то же время профессор Киевской академии утверждает, что гоголевское «христианство носило окраску одностороннего аскетического типа» [23, с. 466]. Такой тип религиозности имеет пассивный

характер, сосредоточиваясь на внутренней духовной жизни и личной морали. Аскетическая религиозность, считает исследователь, определяет почти все общественные и эстетические построения Гоголя. Единственным исключением Светлов называет лишь суждения писателя о театре, которые он полностью разделяет и развивает их как в рамках данного исследования [2, с. 285–288], так и в своей отдельной статье о театре [26]. «Односторонне-аскетическая религиозность» оценивается Светловым отрицательно, так как, с его точки зрения, «не отвечает евангельскому учению», а также «служит средоточием между богословием и современным образованным обществом» [25, с. 50].

Наиболее уязвимой Светлов считает социальную концепцию Гоголя, в основе которой лежит идея о личном совершенствовании как условии общественного блага. Принцип личного совершенствования, по мнению Светлова, не только недостаточен для возрождения общества, но и ведет к ограничению сферы влияния церкви. Именно поэтому у Гоголя «общественное значение» церкви, как полагает Светлов, «признается... исключительно лишь как за нравственно-воспитательным учреждением» [23, с. 473]. В сосредоточенности на идее спасения души как «последней единой цели жизни» Светлов видит негативный момент, связанный с тем, что христианство в этом случае «перестает быть «мировой культурной силой и очагом царства Божия на земле» [25, с. 50].

Пытаясь вывести «точную формулу» социальной концепции Гоголя, профессор богословия полагает, что она заключается в следующих словах писателя: «Позаботься прежде о себе, а потом о других; стань прежде сам почище душою, а потом уже другим старайся приносить пользу» [23, с. 473]. Заметим, что сознательно или нет, но Светлов не соотносит выведенную им гоголевскую формулу с удивительно созвучными ей словами преп. Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен, и тогда тысячи вокруг тебя спасутся» (в другом варианте: «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи»), которые в 1903 г., когда была опубликована статья профессора и когда состоялось прославление старца, конечно, были у всех на слуху. Введение Светловым этой параллели могло бы подчеркнуть близость Гоголя православному аскетическому учению, но в то же время несколько подмыло бы основы его собственной идеи об активном участии церкви в социальной жизни государства.

Противоречивость социальной концепции Гоголя видится автору статьи также в том, что писатель, с одной стороны, желал «царства Божия на земле», т. е. желал общества, «всецело основанного на началах христианства и устроенного по указаниям... церкви» [23, с. 472], желал «ближе ве-

сти закон Христов как в семейственный, так и в государственный быт» [27, с. 198] и сокрушался от того, что «Церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в жизнь» [27, с. 36]. Но, с другой стороны, Гоголь, по мнению Светлова, отстранял церковь от «активного участия в строении общественной жизни», оставляя в сфере ее влияния «лишь внутренний духовный мир отдельных лиц» [23, с. 473]. Вопрос «о благодетельном воздействии Церкви» на социальную жизнь Гоголь, по словам Светлова, решает «аскетически односторонне», а значит, «неверно»: «церковь делает все, „не изменив ничего в государстве“, без всякой ломки общественного строя... Все сделано будет нравственным обновлением и перевоспитанием граждан под руководством церкви» [23, с. 473]. Светлов категорически не согласен с Гоголем в том, что влияние церкви должно выражаться только «подачей совета и благословения в случае какого-нибудь нововведения в России». Церкви, считает Светлов, принадлежит первое место в решении социально-экономических вопросов [23, с. 496], но именно такого понимания роли церкви исследователь не находит у Гоголя. Кроме того, Светлов отмечает, что «строение жизни в смысле внешних улучшений ее вообще отрицалось Гоголем, видевшим спасение не во внешних реформах, а в перевоспитании отдельных лиц. Это, — заключает исследователь, — было самым слабым местом в общественных взглядах Гоголя» [23, с. 473], «справедливо» вызвавшем жесткую критику в обществе.

Оценивая социально-политические идеалы Гоголя с позиции новой эпохи, Светлов не может не упрекнуть писателя в том, что он оправдывал именем православной религии существующий общественный строй дореформенной России, который нуждался, с его точки зрения, в коренных преобразованиях [18, с. 473]. В то же время Светлов пытается реабилитировать Гоголя, подчеркивая, что, выступив апологетом русской жизни, он имел в виду не столько реальную социальную действительность, сколько идеальный образ России. Не случайно, считает Светлов, основным мотивом его творчества, является грусть, которая возникает при сравнении «жалкой действительности с идеалом». При этом грусть у Гоголя не имеет тотального характера и не мешает ему «верить в обновление... жизни силою света Христова, сначала в русской земле, а отсюда — во всем мире», о чем свидетельствует, по мнению исследователя, последняя глава его «Выбранных мест из переписки с друзьями» — «Светлое воскресение» [23, с. 475].

«Выбранные места...» Светлов рассматривает также в контексте гоголевского мессианизма. Историческую миссию русского народа Гоголь, с точки зрения автора статьи, видит в осуществлении

«правды Христовой в своей собственной жизни» и откровении «этой правды на спасение всему миру» [23, с. 476]. Светлов подчеркивает, что свои мысли о будущем России Гоголь называет «плодом *внушения Божия*», что, однако, не мешает ему указать в «Переписке» на рациональные основы своего «патриотического мистицизма», к которым, с точки зрения исследователя, писатель относит «незаконченность нашей жизни, несложившейся в определенную и устойчивую форму... отсутствие непримиримой ненависти сословий, препятствующей на западе братскому соединению людей; способность... к безоглядному самоосуждению или раскаянию», «наша природная восприимчивость к религии христианской», а также «хранение Христовой истины в чистоте и неповрежденности в восточной православной церкви» [23, с. 476].

В гоголевском мессианизме Светлов обнаруживает близость к славянофильству, а также указывает на его связь с историософией Достоевского: у Гоголя можно найти «в зародыше ту аргументацию мессианизма, с какою встречаемся в славянофильстве и в частности у Достоевского» [23, с. 477]. В работе Светлова довольно обстоятельно рассматривается вопрос о гоголевской традиции у Достоевского. При этом, отмечая, что «у Достоевского много точек соприкосновения с Гоголем», профессор Киевской академии акцентирует внимание не столько на эстетическом аспекте этой общности, который до него уже был отмечен Белинским и Некрасовым, сколько на близости некоторых сторон мировоззрения писателей. Светлов видит эту близость в том, что оба они «не умеются в рамках славянофильства и западничества и выше их крайностей; оба они сходятся во взглядах на Петровскую реформу... в оценке значения поэзии Пушкина», в суждениях о «великом общественном значении иночества в будущем России» и о православной церкви как хранительнице Христовой истины [23, с. 478–479].

Достоевский, по мнению Светлова, последовательно развивает многие нравственно-философские идеи Гоголя, в том числе о «духовном перерождении общества в недрах православной церкви» [23, с. 479], о личном совершенствовании как «единственном средстве для улучшения общества» [23, с. 481]. Однако в понимании общественного значения религии Достоевский, с точки зрения Светлова, делает большой шаг вперед по сравнению с Гоголем, поскольку связывает сферу действия церкви не только с духовным миром человека, но и с «внешней общественной средой» [23, с. 481]. Поэтому идеальное общество, считает Светлов, мыслится Достоевским как «общество, основанное на христианской нравственности», как некое «подобие земного рая» и «хорошо обрисовы-

вается словами Алеши Карамазова: „будет правда на земле и будут все святые, и будут любить друг друга, и не будет богатых и бедных, возвышающихся и униженных; и будут все, как дети Божии, и наступит Царство Христово“» [23, с. 479].

В то же время Светлов полагает, что в осмыслении отношений между человеком и средой Достоевский, как и Гоголь, отдает предпочтение принципу «личной морали», аргументируя тем, что «общество складывается из отдельных единиц, а потому может быть улучшено лишь улучшением отдельных единиц» [23, с. 496]. Желая подчеркнуть близость двух писателей, исследователь приводит фрагмент из полемики Достоевского с А. Д. Градовским, в которой Федор Михайлович не только выражает созвучное гоголевскому убеждение в прямой зависимости общественного благополучия от духовного устройства человека, но также иллюстрирует свои идеи примерами из «Мертвых душ» [23, с. 494].

В исследовании профессора Киевской академии Гоголь и Достоевский оказываются на одном полюсе как представители «пассивного христианства», сосредоточенного на принципе внутреннего преображения личности и ограничивающего участие церкви в общественной жизни лишь нравственной функцией. Обозначенная Светловым триада Гоголь – Достоевский – Толстой позволяет ему подчеркнуть близость Гоголя и Достоевского в понимании идеи Царства Божия и противопоставить им обоим Толстого.

Таким образом, сочинение прот. Павла Светлова, посвященное «богословско-апологетической» проблеме, является вместе с тем одним из наиболее подробных исследований религиозного мировоззрения Гоголя из числа представленных на страницах «Богословского вестника». Не будучи специалистом в области литературы, профессор Светлов тем не менее оказался весьма незаурядным интерпретатором Гоголя. Ценным для Светлова представляется позднее творчество писателя, на материале которого он попытался раскрыть особенности гоголевского «мистического патриотизма» и его отношения к православной церкви. Однако, критикуя «односторонность» Гоголя, Светлов сам оказался излишне тенденциозным, что не позволило ему всесторонне осмыслить религиозное мышление писателя. Определив религиозность Гоголя как аскетическую, Светлов трактует данную категорию скорее в прогрессивном ключе как явление, которое разделяет церковь и общество (интеллигенцию), а вовсе не в контексте традиции русского исихазма. Поэтому положительно оценивая стремление Гоголя связать русскую культуру с церковью, Светлов в то же время полагает, что именно в силу своей односторонне-аскетической религиоз-

ности писатель не смог стать «хорошим христианским публицистом, толкователем христианства перед обществом», не смог «правильно осветить общественные и церковные вопросы с христианской точки зрения» [23, с. 471].

Отдельный сюжет в истории рецепции Гоголя в «Богословском вестнике» связан с публикациями об архимандрите Феодоре (Бухарева), который в статьях протоиерея Валериана Лаврского назван «коротким приятелем Гоголя» [28, с. 107]. В течение 1905–1906 гг. было напечатано пять заметок Лаврского под общим заглавием «Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухарева)», в которых содержатся неоднократные упоминания о Гоголе. В статье священника Александра Белорукова «Внутренний перелом в жизни А. М. Бухарева (архим. Феодора)», опубликованной в 1915 г., также рассказывается о дружбе отца Феодора с Гоголем [29, с. 788].

После юбилея 1909 г. имя писателя все реже появляется на страницах журнала. В это время критический дискурс о Гоголе представляет собой лишь краткие упоминания о нем в текстах разных жанров: письмах, статьях, эссе, некрологе. Так, в письмах К. Леонтьева к своему другу и ученику А. Александрову, опубликованных в «Богословском вестнике» в 1914 г., содержатся заметки философа о художественной литературе, в которых также упоминается Гоголь, причем всегда в резко негативном ключе. Леонтьев убежден, что современная русская литература должна преодолеть традиции гоголевской школы, должна избавиться от гоголевщины хотя бы в языке и форме [30, с. 771–772].

В эссе С. Дурылина «Начальник тишины», написанном в тяжелые для России годы Первой мировой войны, имя Гоголя возникает в контексте рассуждений об Оптиной пустыни. Автор сообщает о посещении писателем монастыря, приводит выдержки из его писем к оптинским старцам, в частности цитирует его слова из письма 1850 г. к иеромонаху Филарету, в котором он признается, что чувствует потребность «ежеминутно и на всяком месте своего странствия быть в Оптиной пустыни» [31, с. 433]. Публикация Дурылина завершает историю дореволюционной рецепции Гоголя в «Богословском вестнике».

Заключение

Таким образом, в журнале Московской духовной академии история критической рецепции Гоголя охватывает около 17 лет. Наиболее активная фаза восприятия личности и творчества Гоголя приходится на период его юбилеев 1902 и 1909 гг., когда были опубликованы подготовленные преподавателями и профессорами академии литературно-критические исследования о писателе, а также

материалы литературного вечера, приуроченного к столетию со дня его рождения. За рамками гоголевских юбилеев критический дискурс о писателе включает статьи по научно-богословской проблематике, но содержащие размышления о религиозном мировоззрении писателя и его художественном творчестве, а также материалы (письма, воспоминания и др.), в которых встречаются лишь краткие упоминания о писателе. Механизмы критической рецепции Гоголя определяются стремлением осмыслить «загадочную личность» писателя, его «сложный внутренний мир», а также оценить

его вклад в становление русской религиозной культуры. Образ Гоголя, смоделированный в публикациях «Богословского вестника» 1902–1916 гг., отражает возникшую еще при жизни писателя и развитую в критике рубежа веков противоречивость в оценке его личности и творчества. Исключительно позитивное восприятие Гоголя как выдающегося классика русской литературы содержится в сообщениях преподавателей и студентов, прозвучавших на праздничном мероприятии, состоявшемся в стенах духовной школы в честь столетнего юбилея писателя.

Список источников

1. Мандзюк-Ильницкий В. Н. «Труды Киевской духовной академии» – православный богословский журнал (1860–1917 гг.): историко-типологический анализ: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 209 с.
2. Светлов П. Я., прот. Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания (богословско-апологетическое исследование): [Понятие о Царстве Божиим] // Богословский вестник. 1902. Т. 3, № 11. С. 257–290.
3. Тареев М. М. Типы религиозно-нравственной жизни: пробная лекция // Богословский вестник. 1902. Т. 3, № 9. С. 42–81.
4. Кузнецов Н. Д. Русская художественная литература в ее отношении к вопросам религии // Богословский вестник. 1910. Т. 3, № 10. С. 333–352.
5. Берков П. Н. Из материалов пушкинского юбилея 1899 года // Пушкин: временник пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. [Вып. 3]. С. 401–414.
6. Татарский И. А. Александр Сергеевич Пушкин как русский национальный поэт // Богословский вестник. 1899. Т. 2, № 6. С. 239–249.
7. Воскресенский Г. А. Величие Пушкина как поэта и человека: речь в торжественном собрании в честь А.С. Пушкина, 26 мая // Богословский вестник. 1899. Т. 2, № 6. С. 212–238.
8. Невская Д. Р. Три фазиса признания и увенчания. К истории первых юбилеев Гоголя // Новый филологический вестник. 2013. № 1 (24). С. 106–139.
9. Пыпин А. Н. История русской литературы: в 4 т. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1898–1899. Т. 4. 1899. 654 с.
10. Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя: в 4 т. М.: Типография А. И. Мамонтова и К., 1892–1897.
11. Шенрок В. И. Гоголь как художник. Киев: Типография Ун-та св. Владимира АО Н. Т. Корчак-Новицкого, 1902.
12. Воскресенский Г. А. По поводу пятидесятилетия со дня кончины Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского (21 февраля и 12 апреля 1852 г.) // Богословский вестник. 1902. Т. 1, № 3. С. 596–620.
13. Полевой П. Н. Гоголь. Опыт характеристики // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1902. Т. 87. С. 583–589.
14. Нова Н. М. Великий юморист и подвижник (по случаю 50-летия со дня кончины Н. В. Гоголя) // Вестник всемирной истории. 1902. Т. 2. С. 20–38.
15. Минин П. М. К характеристике личности Гоголя // Богословский вестник. 1902. № 3. С. 621–637.
16. Минин П. М. К характеристике литературной деятельности Жуковского // Богословский вестник. 1902. № 4. С. 766–787.
17. Минин П. М. Мистицизм и его природа // Богословский вестник. 1911. Т. 1, № 4. С. 795–817; Т. 2, № 5. С. 85–112.
18. Минин П. М. Главные направления древнецерковной мистики // Богословский вестник. 1911. Т. 3, № 12. С. 823–838.
19. Баженов Н. Н. Болезнь и смерть Гоголя // Русская мысль. 1902. № 1. С. 132–149.
20. Баженов Н. Н. Болезнь и смерть Гоголя // Русская мысль. 1902. № 2. С. 52–71.
21. Минин П. М. К характеристике личности Гоголя // Богословский вестник. 1902. Т. 1, № 3. С. 621–637.
22. Циркуляры Министерства народного просвещения. 1902. Т. 340. С. 18–72.
23. Светлов П. Я., прот. Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания: богословско-апологетическое исследование: [Понятие о Царстве Божиим] // Богословский вестник. 1903. Т. 1, № 3. С. 463–498.
24. Зеньковский В. В. История русской философии. Ленинград: Эго, 1991. Т. 1, ч. 1. 221 с.
25. Светлов П. Я., прот. Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания: богословско-апологетическое исследование: [Понятие о Царстве Божиим] // Богословский вестник. 1902. Т. 2, № 5. С. 40–73.
26. Светлов П. Я., прот. О посещении театра духовенством: к вопросу о взаимных отношениях христианства и культуры // Богословский вестник, 1906. Т. 1, № 3. С. 570–576.
27. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями. Духовная проза. Критика. Публицистика / сост., подготовка текстов и комментариев И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М.: Изд-во Московской патриархии, 2009. 742 с.

28. Лаврский В., прот. Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухарева) // Богословский вестник. 1906. Т. 2, № 5. С. 98–128.
29. Белоруков А. М., свящ. Внутренний перелом в жизни А. М. Бухарева (архим. Феодора) // Богословский вестник. 1915. Т. 3, № 10/11/12. С. 785–867.
30. Леонтьев К. Н. Письма к Анатолию Александрову: [III–XIII: 9 ноября, 8 и 21 декабря 1887 г., 15 января, 1 и 5 февраля, 20 и 30 марта, 14, 19 и 26 апреля 1888 г.] / сообщил А. А. Александров // Богословский вестник. 1914. Т. 1, № 4. С. 771–792.
31. Дурьлин С. Начальник тишины // Богословский вестник. 1916. Т. 2, № 7/8. С. 417–445.

References

1. Mandzyuk-Ilinskiy V. N. “*Trudy Kiyevskoy dukhovnoy akademii*” – pravoslavnyy bogoslovskiy zhurnal (1860–1917 gg.): istoriko-tipologicheskii analiz. Dis. kand. filol. nauk [“Proceedings of the Kyiv Theological Academy” – Orthodox theological journal (1860–1917): historical and typological analysis. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 2015. 209 p. (in Russian).
2. Svetlov P. Ya., prot. Ideya Tsarstva Bozhiya i yeye znachenie dlya khristianskogo mirosozertsaniya: bogoslovsko-apologeticheskoye issledovaniye [Ponyatie o Tsarstve Bozhiem]. [The idea of the Kingdom of God in its meaning for the Christian worldview: Theological and apologetic study. [The concept of the kingdom of God]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1902, vol. 3, no. 11, pp. 257–290 (in Russian).
3. Tareyev M. M. Tipy religiozno-nravstvennoy zhizni: probnaya lektsiya [Types of religious and moral life: Trial lecture]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1902, vol. 3, no. 9, pp. 42–81 (in Russian).
4. Kuznetsov N. D. Russkaya khudozhestvennaya literatura v yeye otnoshenii k voprosam religii [Russian Fiction in its Relation to Religious Issues]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1910, vol. 3, no. 10, pp. 333–352 (in Russian).
5. Berkov P. N. Iz materialov pushkinskogo yubileya 1899 goda [From the materials of the Pushkin anniversary of 1899]. *Pushkin: Vremennik pushkinskoy komissii* [Pushkin: temporary of the Pushkin commission]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1937 [Vol. 3]. Pp. 401–414 (in Russian).
6. Tatarskiy I. A. Aleksandr Sergeyevich Pushkin kak natsional'nyy poet [Alexander Sergeevich Pushkin as Russian National Poet]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1899, vol. 2, no. 6, pp. 239–249 (in Russian).
7. Voskresenskiy G. A. Velichie Pushkina kak poeta i cheloveka: rech' v torzhestvennom sobranii v chest' A. S. Pushkina, 26 maya. [The greatness of Pushkin as a poet and a person: Speech at a solemn meeting in honor of A. S. Pushkin, 26 may]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1899, vol. 2, no. 6, pp. 212–238 (in Russian).
8. Nevskaya D. R. Tri fazisa priznaniya i uvenchaniya. K istorii pervykh yubileyev Gogolya [Three phases of recognition and crowning. To the history of the first anniversaries of Gogol]. *Novyy filologicheskii vestnik – The New Philological Bulletin*, 2013, no. 1 (24), pp. 106–139 (in Russian).
9. Pypin A. N. *Istoriya russkoy literatury: v 4 t.* [History of Russian Literature: in 4 volumes]. Saint Petersburg, Tipografiya Stasulevicha Publ., 1898–1899, vol. 4. 1899. 654 p. (in Russian).
10. Shenrok V. I. *Materialy dlya biografii Gogolya: v 4 t.* [Materials for the biography of Gogol: in 4 volumes]. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova i K. Publ., 1892–1897 (in Russian).
11. Shenrok V. I. *Gogol kak khudozhnik* [Gogol as an artist]. Kiev, Tipografiya Universiteta sv. Vladimira AO N. T. Korchak-Novitskogo Publ., 1902. P. 14 (in Russian).
12. Voskresenskiy G. A. Po povodu pyatidesyatiletia so dnya konchiny N. V. Gogolya i V. A. Zhukovskogo (21 fevralya i 12 aprelya 1852 g.) [On the fiftieth anniversary of the death of N. V. Gogol and V. A. Zhukovsky (February 21 and April 12, 1852)]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1902, vol. 1, no. 3, pp. 596–620 (in Russian).
13. Polevoy P. N. Gogol. Opyt harakteristiki [Gogol. Experience Characteristics]. *Istoricheskiy vestnik. Istoriko-literaturnyy zhurnal*, 1902, vol. 87, pp. 583–589 (in Russian).
14. Nova N. M. Velikiy yumorist i podvizhnik (po sluchayu pyatidesyatiletia so dnya konchiny N. V. Gogolya) [Great humorist and ascetic (on the occasion of the 50th anniversary of the death of N. V. Gogol)]. *Vestnik vseмирnoy istorii*, 1902, vol. 2, pp. 20–38 (in Russian).
15. Minin P. M. K kharakteristike lichnosti Gogolya [To the characterization of Gogol's personality]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1902, vol. 1, no. 3, pp. 621–637 (in Russian).
16. Minin P. M. K kharakteristike literaturnoy deyatel'nosti Zhukovskogo [To the characterization of Zhukovsky's literary activity]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1902, vol. 4. pp. 766–787 (in Russian).
17. Minin P. M. Mistitsizm i yego priroda [Mysticism and its nature]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1911, vol. 1, no. 4, pp. 795–817; vol. 2, no. 5, pp. 85–112 (in Russian).
18. Minin P. M. Glavnyye napravleniya drevnetserkovnoy mistiki [The main directions of ancient church mysticism]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1911, vol. 3, no. 12, pp. 823–838 (in Russian).
19. Bazhenov N. N. Bolezn' i smert' Gogolya [Illness and death of Gogol]. *Russkaya mysl'*, 1902, no. 1, pp. 132–149 (in Russian).
20. Bazhenov N. N. Bolezn' i smert' Gogolya [Illness and death of Gogol]. *Russkaya mysl'*, 1902, no. 2, pp. 52–71 (in Russian).

21. Minin P. M. K kharakteristike lichnosti Gogolya [To the characterization of Gogol's personality]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1902, vol. 1, no. 3, pp. 621–637 (in Russian).
22. *Tsirkulyary Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Circulars of the Ministry of Public Education]. 1902. Vol. 340. Pp. 18–72 (in Russian).
23. Svetlov P. Ya., prot. Ideya Tsarstva Bozhiya i ee znachenie dlya khristianskogo mirosozertsaniya: bogoslovsko-apologeticheskoye issledovaniye [Ponyatie o Tsarstve Bozhiem]. [The idea of the Kingdom of God in its meaning for the Christian worldview: Theological and apologetic study. [The concept of the kingdom of God]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1903, vol. 1, no. 3, pp. 463–498 (in Russian).
24. Zen'kovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Leningrad, Ego Publ., 1991. Vol. 1. Part 1. 221 p. (in Russian).
25. Svetlov P. Ya., prot. Ideya Tsarstva Bozhiya v yeyo znachenii dlya khristianskogo mirosozertsaniya: bogoslovsko-apologeticheskoye issledovaniye [Ponyatie o Tsarstve Bozhiem] [The idea of the Kingdom of God in its meaning for the Christian worldview: Theological and apologetic study [The concept of the kingdom of God]]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1902, vol. 2, no. 5, pp. 40–73 (in Russian).
26. Svetlov P. Ya., prot. O poseshchenii teatra dukhovenstvom: k voprosu o vzaimnykh otnosheniyakh khristianstva i kul'tury [About visiting the theater by the clergy: on the question of the mutual relations of Christianity and culture]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1906, vol. 1, no. 3, pp. 570–576 (in Russian).
27. Gogol N. V. Vybrannyye mesta iz perepiski s druž'yami [Selected places from correspondence with friends]. In: Gogol N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 17 tomakh. T. 6. Vybrannyye mesta iz perepiski s druž'yami. Dukhovnaya proza. Kritika. Publitsistika* [Complete Works and Letters: in 17 volumes. Vol. 6. Selected places from correspondence with friends. Spiritual prose. Criticism. Publicism]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. 742 p. (in Russian).
28. Lavrskiy V., prot. Moi vospominaniya ob arhimandrite Feodore (A. M. Bukhareve) [My memories of Archimandrite Theodore (A. M. Bukhareve)]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1902, vol. 2, no. 5, pp. 98–128 (in Russian).
29. Belorukov A. M., svyashch. Vnutrenniy perelom v zhizni A. M. Bukhareva (arhim. Feodora) [An internal turning point in the life of A. M. Bukharev (Archim. Theodor)]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1915, vol. 3, no. 10/11/12, pp. 785–867 (in Russian).
30. Leont'ev K. N. Pis'ma k Anatoliyu Aleksandrovu: [III–XIII: 9 noyabrya, 8 i 21 dekabrya 1887 g., 15 yanvary, 1 i 5 fevralya, 20 i 30 marta, 14, 19 i 26 aprelya 1888 g.]. Soobshchil A. A. Aleksandrov [Letters to Anatoly Alexandrov: [III–XIII: November 9, December 8 and 21, 1887, January 15, February 1 and 5, March 20 and 30, April 14, 19 and 26, 1888]. Reported by A. A. Alexandrov]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1914, vol. 1, no. 4, pp. 771–792 (in Russian).
31. Durylin S. Nachal'nik tishiny [Head of Silence]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1916, vol. 2, no. 7/8, pp. 417–445 (in Russian).

Информация об авторе

Бурмистрова С. В., кандидат филологических наук, доцент, Московская духовная академия (Троице-Сергиева лавра, Сергиев Посад, Московская область, Россия, 141300).

Information about the author

Burmistrova S. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow Theological Academy (Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, Russian Federation, 141300).

Статья поступила в редакцию 10.05.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 10.05.2022; accepted for publication 01.10.2022

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-121-131>

МАТЕРИНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

Елена Юрьевна Сафронова¹, Софья Александровна Глушкова²

¹ *Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева
Министерства обороны Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия*

² *Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия*

¹ *esafr@mail.ru*

² *avgustovst1@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток» определяется многими исследователями как роман воспитания. Если взаимоотношения Версилова и Аркадия всесторонне освещены в исследовательской литературе, то другая ипостась родительской любви – материнская – видится недостаточно разработанной. Хотя некоторые ученые (Н. А. Тарасова, Н. А. Кладова, Е. А. Иванова) опосредованно касались этой темы, она еще не становилась предметом самостоятельного изучения.

Цель – рассмотрение образов героинь-матерей в романе Ф. М. Достоевского «Подросток»: Софьи Андреевны Долгорукой и Дарьи Онисимовны.

Материал и методы. Материалом исследования является роман Ф. М. Достоевского «Подросток». С помощью структурно-семиотического, мотивного и сравнительного методов прослеживается специфика авторского воплощения художественных образов матерей от замысла и черновиков к окончательному тексту, анализируется роль материнских образов Софьи Андреевны Долгорукой и Дарьи Онисимовны (Настасьи Егоровны) в процессе воспитания Аркадия, Лизы и Оли.

Результаты и обсуждение. Ключевыми образами, воплощающими образы матерей и детей, являются Софья Андреевна Долгорукая и ее дети, Аркадий и Лиза, также Дарья Онисимовна и ее дочь Оля. В художественной концепции романа материнская любовь представлена как действенный способ преодоления духовной болезни нации, отдельной семьи и каждого ее члена. Жажда значительной жизненной цели, юношеский максимализм, отрицание опыта и ценностей предыдущих поколений, якобы «вина» родителей за недостаточные успехи или личные качества подростка – типично возрастные особенности развития личности. Незрелость неустоявшейся личности подростка можно преодолеть, исцелить именно в семье. Через преодоление эгоизма и тщеславия, осознание себя неотъемлемой частью своей семьи юноша обретает свой путь, свою индивидуальность. Причем ведущая роль в формировании подростка именно материнская. Через понимание и принятие «святой матерью» недостатков и ошибок ребенка любого возраста постепенно открываются источники любви и наследуется модель семейного поведения как сакральная нравственная норма, обеспечивающая стабильность и цельность взрослой личности.

Кроме того, в статье раскрывается процесс взаимовлияния в системе отношений «мама – дитя» как внутри семьи, так и в более широком социальном контексте. Писатель акцентирует негативную роль трагических событий в духовной трансформации художественных образов матерей, изображая страдание женщины, лишившейся младенца (Лиза), и горе женщины, пережившей самоубийство дочери (Дарья Онисимовна).

Заключение. В романе «Подросток» Достоевский изображает два типа материнской любви. Первый тип любви – милосердной и всепринимательной – воплощает Софья Андреевна. Ее любовь повлияла на образ мыслей Аркадия, трансформировала его душу и открыла перед ним ценность семейных отношений, безусловность родительской любви. Во взаимоотношениях Лизы и матери, как и в случае взаимоотношений Аркадия и Софьи Андреевны, любовь стала спасительной, принесла утешение в горе, помогла пережить страдания и возрасти духовно. Второй, противоположный тип – гипертрофированной любви-страсти к ребенку – реализован в отношениях между Дарьей Онисимовной и Олей. Такая любовь изначально деструктивна, лишена христианской основы, вследствие чего происходит трансформация материнского образа как художественной целостности: место Дарьи Онисимовны замещает тень героини – Настасьи Егоровны.

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, роман «Подросток», образ матери, типы материнской любви, Софья Андреевна Долгорукая, Дарья Онисимовна*

Благодарности: Работа выполнена при поддержке РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта № 20-412-420002 «Языковая личность в региональном социокультурном пространстве: режимы производства локального знания о жизни и творчестве Ф. М. Достоевского».

© Е. Ю. Сафронова, С. А. Глушкова, 2022

Для цитирования: Сафронова Е. Ю., Глушкова С. А. Материнские образы в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 121–131. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-121-131>

MOTHERS' IMAGES IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE ADOLESCENT"

Elena Yu. Safronova¹, Sofia A. Glushkova²

¹ *Military Educational Institution of Logistics named after General of the Army A. V. Khrulyov of the Ministry of Defense of the Russian Federation*

² *Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation*

¹ esafr@mail.ru

² avgustovst1@yandex.ru

Abstract

Introduction. Roman F. M. Dostoevsky's "The Adolescent" is defined by many researchers as a novel of education. If the relationship between Versilov and Arkady is comprehensively covered in the research literature, then another aspect of parental love – maternal – seems to be insufficiently studied. Although some scientists (N. A. Tarasova, N. A. Kladova, E. A. Ivanova) indirectly touched on this topic, it has not yet become the subject of independent study.

Aim of the article is to consider the images of heroines-mothers Sofia Andreevna Dolgorukaya and Daria Onisimovna in the novel by F. M. Dostoevsky's "The Adolescent".

Material and methods. The material of the study is Dostoevsky's novel "The Adolescent". With the help of structural-semiotic, motivic and comparative methods, the specificity of the author's embodiment of the artistic images of mothers is traced from the idea and drafts to the final text, the role of maternal images of Sofya Andreevna Dolgorukaya and Darya Onisimovna (Nastasya Egorovna) in the process of raising Arkady, Liza and Olya is analyzed.

Results and discussion. The key images embodying the images of mothers and children are Sofya Andreevna Dolgorukaya and her children, Arkady and Lisa, as well as Daria Onisimovna and her daughter Olya. In the artistic conception of the novel, maternal love is presented as an effective way to overcome the spiritual illness of a nation, an individual family and each of its members. Thirst for a significant life goal, youthful maximalism, denial of the experience and values of previous generations, supposedly "guilt" of parents for insufficient success or personal qualities of a Teenager are typical age-related features of personality development. The immaturity of the unsettled personality of a Teenager can be overcome and healed in the family. Through overcoming selfishness and vanity, realizing himself as an integral part of his family, the young man finds his way, his individuality. Moreover, the leading role in the formation of a teenager is maternal. Through the understanding and acceptance by the "holy mother" of the shortcomings and mistakes of a child of any age, the sources of love are gradually opened and the model of family behavior is inherited as a sacred moral norm that ensures the stability and integrity of an adult personality.

In addition, the article reveals the process of mutual influence in the system of «mother – child» relations both within the family and in a wider social context. The writer emphasizes the negative role of tragic events in the spiritual transformation of the artistic images of mothers, depicting the suffering of a woman who lost her baby (Liza) and the suicide of her daughter (Daria Onisimovna).

Conclusion. In the novel "The Adolescent" Dostoevsky depicts two types of motherly love. The first type of merciful and all-accepting love is embodied by Sofya Andreevna. Her love influenced Arkady's way of thinking, transformed his soul and revealed to him the value of family relationships, the unconditionality of parental love. In the relationship between Liza and her mother, as in the case of the relationship between Arkady and Sofya Andreevna, love became saving, brought comfort in grief, helped to survive suffering and grow spiritually. The second, opposite, type of hypertrophied love-passion for the child is realized in the relationship between Darya Onisimovna and Olya. Such love is initially destructive, devoid of a Christian basis, as a result of which the maternal image is transformed as an artistic integrity: the place of Darya Onisimovna is replaced by the shadow of the heroine – Nastasya Egorovna.

Keywords: F. M. Dostoevsky, the novel "The Adolescent", the image of the mother, types of maternal love, Sofia Andreevna Dolgorukaya, Daria Onisimovna

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Kemerovo region within the framework of the scientific project No. 20-412-420002 "Linguistic personality in the regional socio-cultural space: modes of production of local knowledge about the life and work of F. M. Dostoevsky".

For citation: Safronova E. Yu., Glushkova S. A. Materinskiye obrazy v romane F. M. Dostoyevskogo "Podrostok" [Mothers' Images in F. M. Dostoevsky's Novel "The Adolescent"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 121–131 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-121-131>

Введение

Прижизненной критикой роман Достоевского «Подросток» не был понят. Научное изучение началось с исследований В. Л. Комаровича, а затем К. В. Мочульского, которых интересовала проблема художественного единства произведения. Долгое время в достоевистике лидирующее положение занимали вопросы генезиса и литературных источников романа (А. Бем, А. С. Долинин, В. А. Туниманов), а также текстологические аспекты творческой истории текста (А. С. Долинин, Н. К. Савченко, А. В. Архипова, Г. Я. Галаган, Е. И. Кийко, И. Д. Якубович, Н. А. Тарасова). В советское время популярно было социологическое прочтение романа как «антикапиталистического» (В. В. Ермилов, М. С. Гус, В. Я. Кирпотин). В 1970-х гг. возобладали психолого-философская антропология (Н. М. Чирков, В. А. Туниманов, Г. К. Щенников, В. Д. Днепров). В зарубежной рецепции следует выделить монографию немецкого ученого Х.-Ю. Геригка [1], вновь поставившего вопрос художественного единства этого недооцененного в научном освещении произведения.

Активно обсуждалось жанровое своеобразие текста Достоевского: так, В. Я. Кирпотин [2] выделял черты авантюрного романа и пикарески; большинство ученых рассматривало «Подростка» как роман воспитания, иногда уточняя дефиницию: философский и социально-психологический роман воспитания (А. С. Долинин, Б. И. Бурсов, Е. И. Семенов, Э. А. Воронина и др.). Более точно движение авторского замысла обозначил В. А. Викторovich: «от романа испытания идеи Достоевский перешел к роману воспитания личности» [3, с. 134]. В центре размышлений ученых также были вопросы композиции (К. В. Рыцарев, Е. А. Иванчикова) и стиля (Н. М. Чирков, И. Д. Якубович), библейский подтекст (К. А. Степанян, Т. А. Касаткина, Ю. Бергнес, И. Л. Альми, М. А. Ионина, В. В. Лепахин).

Значимыми этапами изучения этого произведения Достоевского стали издание сборника «Роман Ф. М. Достоевского „Подросток“: возможности прочтения» [4] и коллективного труда «Роман Ф. М. Достоевского „Подросток“: современное состояние изучения» [5]. Чрезвычайно широкое исследовательское поле романа подробно освещено в обзорной статье В. В. Борисовой [6], которая справедливо полагает, что при всем разнообразии современных научных штудий наметилось тяготение к трем магистральным направлениям: духовный смысл, поэтика романа и источниковедение.

Истоки замысла «Подростка» можно увидеть и в незавершенных творческих планах, среди которых выделяется «роман мальчика», роман о герое-ребенке [7, с. 5–6], возвращающий к проблематике «маленького героя».

Еще на ранних стадиях творческой истории романа Достоевский хотел изобразить переломную историческую эпоху, «век без идеалов», где «исчезли и *стерлись* определения и границы добра и зла» [7, с. 7]. В подготовительных материалах автор фиксирует идею и пафос будущего произведения: «Главное. Во всем идея разложения, ибо все *врозь* и никаких не остается связей не только в русском семействе, но даже просто между людьми. *Разложение* – главная видимая мысль романа» [7, с. 16–17]. Задачей Достоевского было «появление нового романа, художественно аутентичного новой эпохе „общего беспорядка и хаоса“» [3, с. 137]. Постепенно была найдена и новая жанровая версия романа с повествованием от первого лица, «эстетически выражающая тотальный духовный беспорядок» [3, с. 136]. На специфику нарративной организации текста обратила внимание Э. А. Воронина: прием «потока сознания» позволил «открыть новый ракурс изображения психологической жизни молодого героя» [8, с. 18], с помощью него писатель хотел «максимально приблизиться к процессу формирования душевных изменений героя, внутренней реализации его душевных импульсов в психологическое движение, в сильное чувство, но эти процессы протекают на том уровне сознания, который не может быть выражен законченными синтаксическими предложениями» [8, с. 18].

Радикальный поворот замысла связан с новой иерархией образов, когда Версиков постепенно уступает главное место в романе Аркадию: 11 (23) июля 1874 г. в Эмсе он записывает окончательное решение: «ГЕРОЙ не Он, а мальчик.<...> Он же только АКССУАР, но какой зато аксессуар!!» [7, с. 24]. Первоначально герои были братьями, но постепенно наслаивается конфликт поколений: 7 августа 1874 г. – «ИДЕЯ. Не отец ли Он современный, а Подросток сын ЕГО (?)» [7, с. 41]. И далее в набросках к роману автор постоянно акцентировал линию отца и сына, подчеркивал особенности их отношений, отразившиеся на поведении Подростка и восприятии им отца: «Но ГЛАВНОЕ выдержать во всем рассказе тон несомненного превосходства ЕГО (Версикова) перед Подростком и всеми...» [7, с. 43]. Позднее в развитии этого плана появится загадочная зеркальная запись: «ОТЦЫ И ДЕТИ – ДЕТИ И ОТЦЫ» [7, с. 45]. Впоследствии, в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский пояснит, что Подросток был «первой пробой» замысла «моих „Отцов и детей“» [9, с. 7]. Зеркальность приведенной черновой записи, переворачивающей название тургеневского романа, очевидно, обозначала, что русские «теперешние дети» и «теперешние их отцы» поменялись своими местами: «Ибо сын, намеревающийся быть Ротшильдом, – в сущности *идеалист*, т. е.

новое явление как неожиданное следствие нигилизма» [7, с. 45; 3, с. 134]. Тургеневская оппозиция «Отцы и дети», предполагающая обособленность поколений и дистанцию между ними, у Достоевского дополнена их преемственностью «дети КАК отцы» со смещением фокуса внимания на новое поколение, о чем и свидетельствует и название романа – «Подросток».

Как справедливо отметил Г. К. Щенников, «Достоевский назвал своего героя Подростком, хотя по возрасту он уже юноша двадцати лет, только что окончивший гимназию. Но по психологии и по поведению это человек на пороге от подросткового восприятия жизни к юношескому выбору пути» [3, с. 139].

На ранних стадиях работы над замыслом уже просматривались будущие идеи, мотивы и эпизоды «Подростка»: «побочный сын», «святая мать», «идея накопления богатства», поиск идеала и «руководящей нити поведения» [7, с. 51].

«Исследование души подростка смутного времени» [10, с. 455], ее раздвоенности «получает разностороннее обоснование: возрастное – переходом от подросткового нигилизма к юношеским идеалам; генетическим – повторением «двойственности» отца, всю жизнь страдающего от своего «двойника», социально-психологической – жадой места за свою «случайность», антропологической – по мысли писателя, «душа паука» живет в каждом человеке; онтологической – нетвердостью в вере при заявленной любви к Христу. Раздвоение видно в установках на полярные ценности: жажда «благообразия» не раз вытесняется «плотоядными» влечениями, Подросток постоянно заявляет о своем характере и оригинальности, но и идейно, и психологически он неустойчив» [3, с. 140].

Е. А. Иванова, рассматривая родительские архетипы в романе как истоки генетической информации и культурного, нравственного начала для формирования личности, приходит к выводу, что «решающим фактором в развитии личности героя становятся взаимоотношения с родителями» [11, с. 405]. Если взаимоотношения Версилова и Аркадия всесторонне освещены в исследовательской литературе, то другая ипостась родительской любви – материнская – видится недостаточно изученной. Хотя некоторые ученые (О. А. Богданова, Н. А. Тарасова, Н. А. Кладова, Е. А. Иванова) опосредованно касались этой темы, она еще не становилась предметом самостоятельного изучения. В настоящей работе предлагается комплексное исследование поэтики материнских образов романа от замысла к окончательному тексту, выстраивается типология литературных образов матерей, осмысливается процесс взаимовлияния в системе отношений «мама – дитя» как внутри семьи, так и в более

широком социальном контексте. Работа уточняет сложившиеся в достоевистике представления о персонологии и поэтике женских образов.

Материал и методы

Материалом исследования является роман Достоевского «Подросток». С помощью структурно-семиотического, мотивного и сравнительного методов прослеживается специфика авторского воплощения художественных образов матерей от замысла и черновиков к окончательному тексту, анализируется роль материнских образов Софьи Андреевны Долгорукой и Дарьи Онисимовны (Настасьи Егоровны) в процессе воспитания Аркадия, Лизы и Оли. Обозначенная проблема интересует нас в таких аспектах: материнская любовь как особый тип родительской любви, влияние взаимоотношений матери и ребенка на процесс формирования и духовного становления его личности, материнский след в мировоззрении героя, специфика нарративной организации художественных образов матерей в романе.

Результаты и обсуждение

Закономерен вопрос: только ли отец имеет ключевое значение в формировании личности героя? Действительно, именно внимания отца Аркадий мучительно ищет на протяжении романа, именно его он идеализирует в течение всей жизни, Версиров загадочен и недостижим для Подростка. «Юридический» отец Аркадия, Макар Иванович, являет собой духовное начало и символизирует отца как духовного наставника. Роль матери, безусловно, также важна в процессе формирования личности и судьбе Аркадия, несмотря на авторскую установку раскрытия взаимоотношений отца и сына.

С самого начала романа Подросток акцентирует, насколько далек он был от родителей и родительской любви с детства: «Я был как выброшенный и чуть не с самого рождения помещен в чужих людях. Но тут не было никакого особенного намерения, а просто как-то так почему-то вышло» [10, с. 14]. Следовательно, Аркадий изначально исключен и из «случайного семейства», в характере молодого человека заведомо не может сформироваться представление о семейных ценностях и идеале семьи. Как точно подметил Г. К. Щенников, «в случайных семьях нет прежнего духовного единства – напротив, очевидна нравственная разобщенность их членов. „И далеко не единичный случай, что самые отцы и родственники бывших культурных семейств смеются над тем, во что может быть еще хотели верить их дети“» [3, с. 140; 10, с. 454].

Предопределяющим в отношении Аркадия к матери является знание о том, от кого он рожден и кто приходится ему отцом по документам, знание о

грехе матери: «Вопросов я наставил много, но есть один самый важный, который, замечу, я не осмелился прямо задать моей матери, несмотря на то что так близко сошелся с нею прошлого года и, сверх того, как грубый и неблагодарный щенок, считающий, что перед ним виноваты, *не церемонился с нею вовсе*» (выделено нами. – Е. С., С. Г.). Вопрос следующий: как она-то могла, она сама, уже бывшая полгода в браке, да еще придавленная всеми понятиями о законности брака, придавленная, как бессильная муха, она, уважавшая своего Макара Ивановича не меньше чем какого-то бога, как она-то могла, в какие-нибудь две недели, дойти до такого греха?» [10, с. 12]. Подростку не ясны мотивы матери, он считает ее почти предавшей его, предавшей святость брака. Вероятно, это становится причиной потери матерью собственной непогрешимости в глазах сына. Роль идеала занимает отец, Андрей Петрович, которого Аркадий тоже видел всего несколько раз в жизни.

Но образ матери все же проявляется в сознании и памяти героя, сопровождая и одновременно означая поворотные, кульминационные моменты в его судьбе. Кардинальные перемены в поведении Подростка по отношению к маме, которые он сам фиксирует в собственных записках, также раскрывают один из изначальных замыслов произведения – самовоспитание через «записывание». Так, в начале романа, в первых главах, Подросток держится с матерью холодно, подчеркивает свою обособленность и отчужденность: «Я обыкновенно входил молча и угрюмо, смотря куда-нибудь в угол, а иногда входя не здоровался» [10, с. 82]. Оправданием для подобного отношения к матери служит обида, растущая из самого детства. Здесь еще раз прослеживается характерная для «прежнего» Аркадия отчужденность от семьи. «В начале романа Аркадий постоянно упоминает об угле, скорлупе, в которых он хочет спрятаться от мира, как черепаха. В мифологической картине мира чердак, угол, отгороженное темное пространство является аналогом материнской утробы, детства» [12, с. 67]. Возвращение в каморку, в свой угол – это неудачная попытка вернуть утраченный объект любви, прожить детство в любви и безопасности под материнской опекой. Дальнейший путь Аркадия – это социализация и новое выстраивание отношений с родственниками, в которых именно мама задает ролевые матрицы взаимопомощи и заботы. «Она было стала поспешно вставать, чтоб идти на кухню, и в первый раз, может быть, в целый месяц мне вдруг стало стыдно, что она слишком уж проворно вскакивает для моих услуг, тогда как до сих пор сам же я того требовал» [10, с. 83]. Подросток не может напрямую выразить противоречивые чувства, терзающие его с момента осознания своей

незаконнорожденности, «оставленности» родителями, по этой причине они демонстрируются с помощью невербальных средств. Другими словами, это все внешние проявления внутреннего конфликта Подростка между естественной потребностью любви к матери и обидой на нее.

Подросток с любовью отзывается о ее внешности: лице, глазах, овале лица, красоте: «Лицо у ней было простодушное, но вовсе не простоватое, немного бледное, малокровное», «...и глаза, довольно большие и открытые, сияли всегда тихим и спокойным светом, который меня привлек к ней с самого первого дня», «Кроме глаз ее нравился мне овал ее продолговатого лица, и, кажется, если бы только на капельку были менее широки ее скулы, то не только в молодости, но даже и теперь она могла бы назваться красивою» [10, с. 83]. Ребенок, живущий в душе Аркадия, с теплом относится к матери, поскольку иначе относиться к ней, по сути, невозможно. В описании внешности очевиден иконописный код: бледность продолговатого лица, по контрасту выделяются большие светящиеся глаза, привлекающие к себе особым светом.

Отметим, что на этапе замысла первоначально все женские персонажи были хищного типа, пока 7 сентября 1874 г. не произошел важнейший перелом, связанный с трансформацией образа жены Его (sic, т. е. Версилова. – Е. С., С. Г.); теперь она – «прекрасный Божий ангел» [3, с. 135; 7, с. 112]. В почти иконописном облике Софьи Андреевны в окончательном тексте узнаваем первоначальный замысел – «святая мать», «прекрасный Божий ангел».

Н. А. Тарасова в статье «Интермедийные связи в романе Ф. М. Достоевского „Подросток“» отмечает: «Материнская любовь Софьи Андреевны неразрывно сплетена в ее душе с любовью христианской – это умная любовь, которой подвластны все страсти и искушения мира. Это умной любовью „мама“ исправляет все искажения „случайного семейства“» [13, с. 140]. То есть образ матери выступает не только как образ родного человека, но и как образ православный: женщина-спасительница. Героиня «занимает свое законное место в галерее „смирненных“ женщин – от Софьи Семеновны Мармеладовой до Софьи Ивановны Карамазовой» [14, с. 215].

Диалог между Татьяной Павловной, Софьей Андреевной, Аркадием и Лизой позволяет взглянуть на Подростка с другой стороны: он происходит в день, когда Аркадий получил жалованье, которое он намеревался отдать матери за свое содержание:

«– Мама, я сегодня жалованье получил, пятьдесят рублей, возьмите, пожалуйста, вот!

Я подошел и подал ей деньги; она тотчас же затревожилась.

– Ах, не знаю, как взять-то! – проговорила она, как бы боясь дотронуться до денег» [10, с. 85].

Таким образом, поведение Подростка по отношению к матери характеризуется как переходящее «из крайности в крайность»: он то раздражается и демонстрирует свою «независимость», то проявляет некоторую «благодарность», вновь по какой-то причине высокомерно возвышая себя над родительницей.

Чувства Софьи Андреевны к сыну также нельзя трактовать однозначно: она постоянно проявляет заботу о нем, как будто несет службу, пытаясь избавить себя от вины перед сыном буквально за все. Мать и боится за сына, и словно боится его самого, тревожится от любой произнесенной им фразы. Однако всегда готова простить его поступки, слова, резкость и грубость. Герой снимает маску заносчивого юноши, понимает ценность и безусловность материнской любви, что вновь свидетельствует о духовном преобразовании личности Подростка.

В образе Софьи Андреевны Достоевский воплотил христианское понимание мира, которое она надеется передать детям. Причиной этого исходного понимания является принадлежность матери Подростка к народной среде, к почве. Исследуя женские характеры в романном творчестве Достоевского, О. А. Богданова справедливо отметила следующую особенность образа Софьи Долгорукой, связанную с ее социальным положением: «Именно народ, по уже известному нам убеждению Достоевского, сохраняет в своей душе образ истинного Христа, евангельский образ. Это и есть главный источник народной силы» [15, с. 62].

Мать терпеливо объясняет сыну, какие ценности действительно важны, закладывает основы нравственной чистоты: «– ...Ты, Аркаша, на нас не сердись; умные-то люди и без нас с тобой будут, а вот кто тебя любить-то станет, коли нас друг у дружки не будет?» [10, с. 212]. Следовательно, в пространстве семьи первостепенным и определяющим в отношении друг к другу является безусловное принятие человека и осознание его самоценности, здесь снова прослеживается установка писателя на христианские ценности, присущие настоящей семье в его понимании: «Любовь надо заслужить. – Пока-то еще заслужишь, а здесь тебя и ни за что любят» [10, с. 212]. Так мягко, по-женски мудро мама указывает, что путь к признанию себя как уникальной личности через внешнее одобрение социума – тяжелый, трудный, тернистый, в то время когда есть более простой и естественный – развитие в кругу семьи, среди безусловной любви.

Наиболее ярким, кульминационным моментом романа является сон Аркадия, которому предшествует игра в рулетку. Стихия игры увлекает и потря-

сает Подростка – героя, который находится в «пограничном» состоянии: уже не ребенок, еще не взрослый. В онерическом пространстве герой погружается в детские воспоминания, вновь видя себя ребенком: «Мама, мама», – шептал я, вспоминая, и всю грудь мою сжимало, как в тисках. Я закрывал глаза и видел ее лицо с дрожащими губами, когда она крестилась на церковь, крестила потом меня, а я говорил ей: «Стыдно, смотрят»... Не узнаешь ты, мама, никогда, как я тебя тогда любил!» [10, с. 273–274].

Воспоминание, раскрывающееся посредством сна, дополняет материнский образ, позволяет узнать истинное, изначальное отношение Аркадия к матери – уже нет мыслей об идее уединения и затворничества, «душа паука» трансформируется в душу ребенка. Также сон представляет собой некоторый «портал» в прошлое, с помощью которого проясняются начальные этапы становления личности, события, наиболее повлиявшие на формирование Подростка.

Пространство сна часто понимается как место особое, в котором происходит рост: физический, духовный, сознательный или бессознательный. В статье «Сон – семиотическое окно» Ю. М. Лотман описывает разные исторические представления о сущности периода между бодрствованиями: сон – «голос подавленной совести человека, скрытый внутренний судья»; «окно в таинственное будущее»; «путь внутрь самого себя»; пророческий божественный голос [16, с. 126, 125, 124]. «Во сне душа сама все представила и выложила, что было в сердце, в совершенной точности и в самой полной картине и – в пророческой форме» [10, с. 306–307]. Во сне главного героя объясняются подлинные потребности его души, сновидение является кульминационным моментом, точкой бифуркации, с которой начинается его сознательное взросление.

В сцене прощания Аркадия с матерью, возникшей в сознании Подростка в бреду, испытанные стыд и неловкость по отношению к матери заставили его чувствовать вину за свое поведение: «Еще раз перекрестила, еще раз прошептала какую-то молитву и вдруг – и вдруг поклонилась и мне точно так же, как наверху Тушарам, – глубоким, медленным, длинным поклоном – никогда не забуду я этого!» [10, с. 273]. Мог ли поклон матери сыну, поклон, который слуги делают перед хозяевами, перевернуть что-то в детской душе, что изменило его отношение к Софье Андреевне? Можно предположить, что это событие также стало поворотным в изменении отношения героя к матери, повлияло на его мировосприятие в целом, иллюстрацией чего является мольба Подростка сквозь сон – хоть раз еще увидеть мать. Теплые материнские чувства, безропотность и преданная любовь транс-

формируют душу Аркадия, являются «ростком» длительного процесса духовного взросления личности, обретения истинных ценностей и самого себя. Так, в философско-аксиологической концепции Достоевского художественная гипнология становится способом обретения истинных ценностей, встречей с самим собой, со своей самостью.

В дальнейшем творчестве Достоевского земной поклон станет постоянным элементом его сюжетики. Так, в романе «Братья Карамазовы» старец Зосима кланяется в ноги Дмитрию Карамазову. Этот жест трактуется как предсказание будущих страданий Мити и попытка «спасения» героя от этого предсказания. Смысл, объединяющий эти поступки, заключается также в следующем: поклон как просьба о прощении у Дмитрия за его же грех. То есть Софья Андреевна, понимая, что лежит в основе холодного отношения Аркадия к ней, поклоном просит прощения у сына и за его поступок в том числе, внутренне оправдывая Подростка. Здесь прослеживается сокровенная мысль Достоевского об амбивалентности категорий вины: не категории вины обидчика и жертвы или преступника и жертвы, а всеобщей вины за грех и потребность прощения даже за невольно причиненные страдания и нанесенные обиды.

В заключительной главе романа Подросток приходит к осознанию того, что он – добытчик и теперь должен содержать мать и сестру: «...я даже и не имею теперь права учиться, потому что должен трудиться, чтобы содержать маму и Лизу» [10, с. 451]. Через душевные трансформации он постигает внутреннюю суть отношений, постигает необходимость деятельной заботы о матери, становясь буквально главой семейства (мать, сын и дочь). Аркадий отказывается от идеи уединения, поскольку перед героем открывается ценность семейных отношений, любви и взаимопомощи.

Проявление материнской любви Софьи Андреевны к Лизе, нюансы их взаимоотношений обнажаются в ходе развития сюжета. Впервые описание внешности сестры Аркадия появляется лишь в шестой главе первой части романа: «Сестра была блондинка, светлая блондинка, совсем не в мать и не в отца волосами; но глаза, овал лица были почти как у матери» [10, с. 84]. Лиза являет собой продолжение матери, она «ничего не унаследовала от своего отца и, напротив, почти *всё* – от матери» (курсив автора. – Е. С., С. Г.) [14, с. 220]. Особенно стоит обратить внимание на такое сходство внешнего облика дочери и матери, как глаза. Эту деталь можно трактовать как особое духовное родство. Еще на этапе черновых записей Достоевский отметил для себя глубокую внутреннюю связь между образами матери и дочери Долгоруких: «святая мать», Лиза – «ангельский тип» [7, с. 121]. «Про-

ницающие, гуманные глаза» [10, с. 161] отражают простые сердца, «любящие искренно и простодушно» [10, с. 102].

Особую роль во взаимоотношениях Софьи Андреевны и Лизаветы Макаровны играет следующее обстоятельство: беременность Лизы. Восприятие этой новости матерью не излагается напрямую, а описывается в диалоге сестры и брата, то есть Лизы и Аркадия: «...Я только из гордости сейчас молчала, не говорила, а вас и маму мне гораздо больше, чем себя самое, жаль... – Она не договорила и вдруг горячо заплакала», «– Она сказала: „носи!“ – еще тише проговорила Лиза» [10, 239]. Именно мать дает Лизе благословение на рождение ребенка вне брака, Софья Андреевна воплощает сакральный материнский архетип, в основе которого лежит безусловное понимание и принятие ребенка, а также тех трудностей, с которыми он сталкивается.

Поступки героинь схожи, «циклически» – дочь словно повторяет путь матери: Лиза также следует за Сергеем Сокольским, как и Софья Андреевна следовала за Андреем Петровичем. Лиза являет собой продолжение христианского начала, источником которого является ее мать. В данном случае вновь прослеживается преемственность поколений, подчеркивается идея романа: «дети КАК отцы». И теми и другими управляют общие принципы, сложившиеся модели поведения. «Софья *идет* за Версильовым именно потому, что у него нет благообразия, по той же причине Лиза *идет* за Сергеем Сокольским», «она становится для Сокольского, как и Софья для Версильова, той, которая способна оказать духовную помощь» (курсив автора. – Е. С., С. Г.) [17, с. 59–60]. Модели поведения спасительницы, сознательно приносящей себя в жертву мужчине, обусловлены христианскими взглядами героинь. «Вечная приниженность» [10, с. 381] Сонечки, которую «полюбил» Версильов, отражается в поведении дочери, которая проходит путь от «бедной Лизы» [10, с. 280, 292] до «добровольной искательницы мучений» [10, с. 336]. Более того, эти характерологические черты свидетельствуют о том, что такие женщины «всегда будут востребованы мужчинами, потому что значимы вне зависимости от времени и субстанциональны в любых поколениях» [14, с. 221].

Софья Андреевна и Лиза – духовно превосходящие остальных героинь женские персонажи, они заметно выделяются в образной системе романа. Их глубокая душевная связь, взаимная любовь позволяют Лизе справиться с теми невзгодами, которые ей пришлось пережить: «Лиза осталась одна, с будущим своим ребенком. Она не плакала и с виду была даже спокойна; сделалась кротка, смиренна; но вся прежняя горячность ее сердца как будто

разом куда-то в ней схоронилась. <...> Так продолжалось до одного страшного случая: она упала с нашей лестницы, не высоко, всего с трех ступенек, но она выкинула, и болезнь ее продолжалась почти всю зиму. Теперь она уже встала с постели, но здоровью ее надолго нанесен удар. Она по-прежнему молчалива с нами и задумчива, но с мамой начала понемногу говорить» [10, с. 450–451].

Лиза олицетворяет тип женщины, которой довелось носить ребенка от человека, приговоренного к тюремному заключению, более того, пошедшей, как и мать, на грех рождения ребенка вне брака. Однако отличие жизненного пути Лизаветы Макаровны состоит в том, что родить ей было не суждено – вероятно, таким образом наступило наказание за совершенный грех. Важно отметить, что справиться с душевной болью, вынести наказание помогают именно материнская любовь и поддержка. И для Аркадия спасением и выходом из раздвоенности, несвободы, антиномичности становится мама, готовая понять и поддержать в любой ситуации, встать на сторону ребенка, каким бы взрослым он ни казался себе или окружающим.

Таким образом, в художественной концепции романа материнская любовь представлена как действенный способ преодоления духовной болезни нации, отдельной семьи и каждого ее члена. Жажда значительной жизненной цели, юношеский максимализм, отрицание опыта и ценностей предыдущих поколений, якобы «вина» родителей за недостаточные успехи или личные качества Подростка – типично возрастные особенности развития личности. Незрелость неустоявшейся личности Подростка можно преодолеть, исцелить именно в семье. Через преодоление эгоизма и тщеславия, осознание себя неотъемлемой частью своей семьи юноша обретает свой путь, свою индивидуальность. Причем ведущая роль в формировании Подростка именно материнская. Через понимание и принятие «святой матерью» недостатков и ошибок ребенка любого возраста постепенно открываются источники любви и наследуется модель семейного поведения как сакральная нравственная норма, обеспечивающая стабильность и цельность взрослой личности.

В романе образу матери Аркадия Долгорукого противопоставлен другой родительский образ – Дарья Онисимовны (Настасьи Егоровны), которая задает другой тип материнско-дочерних отношений. Особого комментария заслуживает образ дочери Дарьи Онисимовны Оли: она фигурировала в черновиках первоначально как сестра Подростка [7, с. 117].

В романе Достоевского использован прием наделения героя другим именем под влиянием пережитого им духовного опыта: Дарья Онисимовна в

третьей части произведения внезапно именуется Настасьей Егоровной. Такую перемену имени мы считаем не ошибкой памяти автора, а его сознательным действием. На эту перемену имени обратила внимание Т. С. Карпачева, озаглавив свою статью «Как Дарья Онисимовна стала Настасьей Егоровной в романе Ф. М. Достоевского „Подросток“». Исследовательница приходит к выводу о том, что имя – это своеобразный «шифр» внутреннего мира личности: «Если Дарья Онисимовна – это трагический образ матери, потерявшей дочь, то Настасья Егоровна – это сплетница, шпионка, которой до всего и до всех есть дело и которая живет сплетнями и интригами» [18, с. 41]. Эта гипотеза о неслучайной перемене имени служит исходной точкой анализа отношений матери и дочери. При этом нас в большей степени интересует проблема развития личности под влиянием жизненных обстоятельств: почему Дарья Онисимовна после смерти ребенка, т. е. перестав быть матерью, обретает другое имя, следовательно, другую судьбу и поведенческие черты. Кроме того, в романе происходит и парадоксальная метафорическая ситуация «замены дочери»: «Настасья Егоровна за сплетнями и интригами почти что забыла дочь, Анна Андреевна для нее – новая дочь» [18, с. 40], что логично, ведь Оля – дочь Дарьи Онисимовны, той тихой и смирной женщины, полной противоположности Настасьи Егоровны, а новая, названная, как бы приемная дочь Анна Андреевна психологически близка, «родственна» новому образу героини.

Важно отметить, что Дарья Онисимовна и, следовательно, Оля не имеют фамилии – она ни разу не упоминается в тексте романа. Эта художественная деталь маркирует отсутствие корней, рода и защиты предков, уязвимость в социальной среде. Е. А. Иванова интерпретирует образ Дарьи Онисимовны как «многое испытавшую и отупевшую от горя женщину» и так высказывается о ее дальнейшем месте в романе: «Ее самостоятельная роль в романе оканчивается со смертью Оли, далее в тексте она играет роль посредника и информатора» [11, с. 404].

Мать и дочь вводятся в сюжет постепенно, это эпизодические персонажи, которые не фигурируют в основных линиях романа, известно, что «живут они здесь недели с три и откуда-то приехали из провинции; что комнатка у них чрезвычайно маленькая, и по всему видно, что они очень бедны; что они сидят и чего-то ждут» [10, с. 136], но Оля и Дарья Онисимовна оставляют яркий след в памяти и впечатлениях Подростка. Смерть молодой девушки, ее самоубийство вызывает бурю эмоций у Аркадия, глубоко отпечатываясь в его сознании.

Крепкая эмоциональная связь Подростка с Олей обусловлена невольной виной Аркадия в трагиче-

ской судьбе девушки. Оля интерпретировала помощь Версилова через «персонажный репертуар традиционной фабульной схемы: коварный соблазнитель и брошенная девушка» [12, с. 62] после признания Аркадия Долгорукого в том, что он незаконнорожденный сын Версилова и что у «этого господина бездна незаконнорожденных детей» [10, с. 131]. «Схема „богатый барин, который для развлечения отыскивает бесцельной наживы“, — это готовый, растиражированный в литературе штамп» [12, с. 59], знание о незаконнорожденных детях подтверждает в сознании девушки заимствованную из ее читательского опыта фабулу. Сам недостаточно глубоко и верно понимая поступки своего загадочного отца Версилова, Аркадий стал невольным свидетелем и провокатором случившейся трагедии: дважды оскорбленная девушка больше не способна верить в искренность и бескорыстность помощи.

Дарья Онисимовна описана уже после смерти Оли, в момент, когда открываются ее горе и все обстоятельства, приведшие к нему: «никогда я не видел более жестокого и прямого горя, как смотря на эту несчастную» [10, с. 142]. Более того, ее внешность выделена колористически — желтым цветом, который часто является характеристикой героев романов Достоевского: «...с желтыми, большими и неровными зубами. Да и все в ней отзывалось какой-то желтизной» [10, с. 142] — кожа, платье, ногти. В творчестве писателя этот цвет трактуется как цвет бедности, болезни, смерти: «Желтый пользовался плохой репутацией, особенно в простонародной среде, был известен как символ болезни, увядания, бедности... В романах Достоевского желтый не обладает таким давящим подтекстом. Разве что жизнь героев тяжела и грязна, и это отмечает Достоевский» [19, с. 915–916]. Цвет одновременно и предопределяет судьбу Дарьи Онисимовны, и влияет на нее, и также является результатом жизненных потрясений. Ее рассказ о том, как они оказались в Петербурге, как пытались начать в нем жить, вплоть до обнаружения мертвой дочери, сбивчив и надрывен, несмотря на изложение истории в записках самим Подростком. Финал рассказа обрывается на фразе Дарьи Онисимовны: «...смотрю, в углу, у двери, как будто она сама и стоит. Я стою, молчу, гляжу на нее, а она из темноты точно тоже глядит на меня, не шелохнется...», «...а она качается, понимаю я все и не хочу понимать... Хочу крикнуть, а крику-то нет... Ах, думаю! Упала на пол с размаха, тут и закричала...» [10, с. 147] — в жизни матери случилось непоправимое, сама жизнь вмиг стала пустой и бесцельной.

Записка, оставленная дочерью перед смертью, передает отношение дочери, заключенное в последних словах: «Маменька, милая, простите меня

за то, что я прекратила мой жизненный дебют. Огорчившая вас Оля» [10, с. 149]. В предсмертной записке выражена любовь, честность и робость дочери перед мамой. Избранная Олей форма обращения «маменька», усиленная адъективом «милая», акцентирует внимание читателя на неоднородности, порывистости их взаимоотношений. Метафора «жизненный дебют» подчеркивает юность героини, с одной стороны, и публичность пережитых страданий и оскорблений, оказавшихся невыносимыми. Форма действительного причастия несовершенного вида прошедшего времени — «огорчившая» — указывает на многократно повторяющийся признак и эксплицирует установку дочери на необходимость правильного поведения, чтобы заслужить принятие и любовь своей мамы.

В этой истории внимание автора сосредоточено на перемене взглядов и образа жизни героини, которую постигла трагическая участь похоронить собственного ребенка. Важнейшей, сущностной характеристикой образа является горе: смысл жизни Дарьи Онисимовны исчез, умер — весь он заключался в дочери. В набросках к роману Достоевский упоминает героиню как «мать Оли», впоследствии имя не называется, а фигурирует только ее родственная функция по отношению к Оле: «Роль матери Оли», «NB? (Мать Оли присунуть куда-нибудь)» [7, с. 264].

Героиня, которая не смогла защитить честь и душу своего ребенка, которой не удалось оградить дочь от жестокости общества, гибнет вследствие разрушения личности. Поэтому художественный образ трансформируется в течение романа: появляется другое имя, другой образ жизни, другое окружение. Смиренная Дарья Онисимовна продолжила существовать в кругу «случайного семейства» и получила роль посредника, «шпионки», буквально обезличенную.

Нельзя не отметить важную деталь: лишь Аркадий вспоминал об Оле после ее смерти, только он в моменты встреч с Дарьей Онисимовной говорил с ней как с несчастной женщиной, пережившей свое дитя. Сама же Дарья Онисимовна, впоследствии Настасья Егоровна, никогда не упоминала о дочери, чтобы не бередить глубокую рану. Внешне она надела маску служащей в доме Столбеевой, где проживала Анна Версилова, и стала выполнять другие функции в сюжете романа.

Заключение

Итак, в романе «Подросток» Достоевский изображает два типа материнской любви. Первый тип — деятельной, милосердной и все принимающей любви — воплощает Софья Андреевна. Ее любовь повлияла на все естество и образ мыслей Аркадия, трансформировала его душу и открыла перед ним

ценность семейных отношений, доверия и взаимопомощи. Во взаимоотношениях Лизы и матери, как и в случае взаимоотношений Аркадия и Софьи Андреевны, любовь стала спасительной, принесла утешение в горе, помогла пережить страдания и возрасти духовно. Второй, противоположный, тип гипертрофированной любви-страсти к ребенку реализован в отношениях между Дарьей Онисимов-

ной и Олей. Такая любовь изначально деструктивна, лишена христианской основы, вследствие чего происходит трансформация материнского образа как художественной целостности: с потерей ребенка кардинально меняется все: от имени до сущности персонажа и его функции в романе, место Дарьи Онисимовны замещает тень героини – Настасья Егоровна.

Список источников

1. Геригк Х.-Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / авторизов. пер. с нем. и науч. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: Изд-во Пушкинского дома, Нестор-История, 2016. 320 с.
2. Кирпотин В. Я. Жанровые особенности романа «Подросток». Мир Достоевского. Статьи, исследования. М.: Сов. писатель, 1983. С. 277–316.
3. Викторovich В. А., Щенников Г. К. «Подросток». Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник. СПб.: Пушкинский дом, 2008. 470 с.
4. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения: сб. ст. / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: Изд-во КГПИ, 2003. 262 с.
5. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 864 с.
6. Борисова В. В. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3 (15). С. 196–214.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 16: Подросток. Рукописные ред. Л.: Наука, 1976. 440 с.
8. Воронина Э. А. «Подросток» Ф. М. Достоевского как роман воспитания: своеобразие жанровой модели // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Лингвистика. 2015. № 2. С. 15–21.
9. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 22: Дневник писателя за 1876 год, январь – апрель. Л.: Наука, 1981. 407 с.
10. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 13: Подросток. Л.: Наука, 1975. 456 с.
11. Иванова Е. А. Родительские архетипы в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 403–406.
12. Якубова Р. Х. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: искусство диалога и синтеза. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. 102 с.
13. Тарасова Н. А. Интермедийные связи в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» (икона, картина, храм) // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. С. 139–145.
14. Макаричева Н. А. Художественная гендерология в творческих исканиях Ф. М. Достоевского. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. 301 с.
15. Богданова О. А. Спасет ли мир красота? Проблема красоты и женские характеры в романном творчестве Ф. М. Достоевского // Новый филологический вестник. 2014. № 1 (28). С. 41–69.
16. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2000. С. 123–126.
17. Кладова Н. А. «Подросток» Ф. М. Достоевского: идея сюжета // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 5. С. 54–62.
18. Карпачева Т. С. Как Дарья Онисимовна стала Настасьей Егоровной в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Вестник МГПУ. Серия: Филологическое образование. 2014. № 1 (12). С. 37–45.
19. Кравченко З. А. Философские идеи Ф. М. Достоевского в контексте цветовой символики его произведений // Гуманитарное пространство. 2019. № 7. С. 912–920.

Referens

1. Gerigk H.-U. *Literaturnoye masterstvo Dostoevskogo v razvitii. Ot “Zapisok iz Mertvogo doma” do “Brat'yev Karamazovykh”* [Dostoevsky's literary skill in development. From “Notes from the House of the Dead” to “The Brothers Karamazov”]. Saint Petersburg: Izd-vo Pushkinskogo doma; Nestor-Istoriya Publ., 2016. 320 p. (in Russian).
2. Kirpotin V. Ya. *Zhanrovyye osobennosti romana “Podrostok”*. *Mir Dostoevskogo. Stat'i, issledovaniya* [Genre features of the novel “The Adolescent”. World of Dostoevsky. Articles, research]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1983. Pp. 277–316 (in Russian).
3. Viktorovich V. A., Schennikov G. K. *“Podrostok”*. *Dostoevsky: sochineniya, pis'ma, dokumenty* [“The Adolescent”. Dostoevsky: writings, letters, documents]. Saint Petersburg, 2008. 470 p. (in Russian).
4. *Roman F. M. Dostoevskogo “Podrostok”: vozmozhnosti prochteniya* [Novel F. M. Dostoevsky's “The Adolescent”: Reading Opportunities]. Ed. V. A. Viktorovich. Kolomna, 2003. 262 p. (in Russian).

5. Roman F. M. Dostoevskogo "Podrostok": Sovremennoye sostoyaniye izucheniya [Novel F. M. Dostoevsky's "The Adolescent": current state of study]. Ed. T. A. Kasatkina. Moscow, IMLI RAN Publ., 2021. 864 p. (in Russian).
6. Borisova V. V. Roman F. M. Dostoevskogo "Podrostok": sovremennoye sostoyaniye izucheniya [Novel F. M. Dostoevsky's "The Adolescent": current state of study]. *Dostoevsky i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, 2021, no. 3 (15), pp. 196–214 (in Russian).
7. Dostoevsky F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy*. V 30 t. T. 16: Podrostok. Rukopisnyye red. [Complete Works. Vol. 16: The Adolescent. Manuscript editions: in 30 volumes. Vol. 16]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 440 p. (in Russian).
8. Voronina E. A. "Podrostok" Dostoevskogo kak roman vospitaniya: svoeobrazniye zhanrovoy modeli [F. M. Dostoevsky's "The Adolescent" as a novel of education: originality of the genre model]. *Vestnik UUGU. Seriya Lingvistika*, 2015, no. 2, pp. 15–21 (in Russian).
9. Dostoevsky F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy*. T. 22: Dnevnik pisatel'ya za 1876 god. Yanvar' – april': v 30 tomakh [Complete Works. Vol. 22: A Writer's Diary for 1876. January – April: in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 407 p. (in Russian).
10. Dostoevsky F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy*: v 30 t. T. 13: Podrostok. [Complete Works. Vol. 13: The Adolescent: in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 456 p. (in Russian).
11. Ivanova E. A. Roditel'skiye arkhetyipy v romane F. M. Dostoevskogo "Podrostok" [Parental archetypes in the novel by F. M. Dostoevsky "The Adolescent"]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*, 2019, no. 2 (75), pp. 403–406 (in Russian).
12. Yakubova R. H. *Roman F. M. Dostoyevskogo "Podrostok": iskusstvo dialoga i sinteza* [Novel by F. M. Dostoevsky's "The Adolescent": the art of dialogue and synthesis]. Ufa, RITs BashGU Publ., 2012. 102 p. (in Russian).
13. Tarasova N. A. Intermedial'nyye svyazi v romane F. M. Dostoevskogo "Podrostok" (ikona, kartina, khram) [Intermedial connections in the novel by F. M. Dostoevsky "The Adolescent" (icon, painting, temple)]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 2010, no. 4, pp. 139–145 (in Russian).
14. Makaricheva N. A. *Khudozhestvennaya genderologiya v tvorcheskikh iskaniyakh F. M. Dostoevskogo* [Artistic genderology in the creative searches of F. M. Dostoevsky]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo SPbSEU Publ., 2019. 301 p. (in Russian).
15. Bogdanova O. A. Spaset li mir krasota? Problema krasoty i zhenskiye kharaktery v romannom tvorchestve F. M. Dostoevskogo [Will beauty save the world? The problem of beauty and female characters in the novels of F. M. Dostoevsky]. *Novyy filologicheskii vestnik – The New Philological Bulletin*, 2014, no. 1 (28), pp. 41–69 (in Russian).
16. Lotman U. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, 2000. Pp. 123–126 (in Russian).
17. Kladova N. A. "Podrostok" F. M. Dostoevskogo: ideya syuzheta [Novel F. M. Dostoevsky's "The Adolescent": the idea of the plot]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya Gumanitarnogo i sotsial'nyye nauki*, 2018, no. 5, pp. 54–62 (in Russian).
18. Karpacheva T.S. Kak Darya Onisimovna stala Nastas'yey Egorovnoy v romane F. M. Dostoevskogo "Podrostok" [How Daria Onisimovna became Nastasya Egorovna in the novel by F. M. Dostoevsky "The Adolescent"]. *Vestnik MGPU. Seriya Filologicheskoye obrazovaniye*, 2014, no. 1 (12), pp. 37–45 (in Russian).
19. Kravchenko Z. A. Filosofskie idei F. M. Dostoevskogo v kontekste tsvetovoy simboliki yego proizvedeniy [Philosophical ideas of F. M. Dostoevsky in the context of the color symbolism of his works]. *Gumanitarnoye prostranstvo*, 2019, no. 7, pp. 912–920 (in Russian).

Информация об авторах

Сафронова Е. Ю., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Военного института (инженерно-технического), Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева Министерства обороны Российской Федерации (Набережная Макарова, 8, Санкт-Петербург, Россия, 199034).

Глушкова С. А., студент, Алтайский государственный педагогический университет (пер. Ядринцева, 136, Барнаул, Россия, 656031).

Information about the authors

Safronova E. Yu., Doctor of Philology, Associate Professor, Military Educational Institution of Logistics named after General of the Army A. V. Khrulyov of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Naberezhnaya Makarova, 8, Saint Petersburg, Russian Federation, 199034).

Glushkova S. A., undergraduate student, Altai State Pedagogical University (per. Yadrintseva, 136, Barnaul, Russian Federation, 656031).

Статья поступила в редакцию 10.05.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 10.05.2022; accepted for publication 01.10.2022

УДК 821.161.1:81'255.2

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-132-144>

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА СТЕПИ В ПЕРЕВОДАХ ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «СТЕПЬ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Дарья Александровна Олицкая¹, Виктория Викторовна Черткова²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ d.olitskaya@mail.ru

² vv.chertkova@mail.ru

Аннотация

Введение. Рассматривается англоязычная переводческая рецепция повести А. П. Чехова «Степь» (1888), которая стала первым крупным произведением, ознаменовавшим переход к зрелому периоду творчества писателя. Определяющим пространственным ориентиром в повести и творчестве Чехова в целом выступает степь. В контексте изучения переводов повести на английский язык особое значение приобретает вопрос о диалектическом единстве национальной и универсальной проблематики в чеховском образе степи.

Цель – изучение множественных репрезентаций образа степи в англоязычных переводах повести «Степь» в его двух взаимосвязанных измерениях: как национально-маркированного географического пространства и как «ландшафта настроения».

Материал и методы. Материалом исследования послужили переводы «Степи» на английский язык, выполненные Э. Л. Кэй (1915), К. Гарнет (1919), Р. Хингли (1980), А. Миллером (1989), Р. Уилксом (2001), Р. Пивером и Л. Волохонской (2004) и отражающие различные этапы восприятия повести.

В основе методологии настоящего исследования – сравнительно-сопоставительный метод изучения оригинала и переводов, объектом сопоставления выступают устойчивые формально-содержательные компоненты (мотивы), формирующие образ степи («простор», «даль», «тоска», «одиночество»).

Результаты и обсуждение. Основная пространственная характеристика степи – ее бесконечная протяженность – выражена в повести мотивами простора и дали. Данные понятия отражают особенности восприятия пространства носителями русского языка. Нерасторжимая связь пространства с национальной ментальностью наиболее ярко проявляется в слове «простор». Мотив простора является центральным в авторской трактовке образа степи Чеховым. Простор степи лишает человека ориентиров, делает пространство несоразмерным его устремлениям. Анализ мотива «простор» в переводах повести позволяет говорить о двух тенденциях: с одной стороны, переводчиками выделяются универсальные составляющие пространственной семантики (эквиваленты «space», «room»), с другой – предпринимаются попытки передать специфические свойства русского простора (эквиваленты «spaciousness», «wide (vaste) expanse», «vastness»). При передаче мотива дали основным эквивалентом выступает существительное «distance». При этом отмечаются его отличия от значения исходной единицы «даль»: соотносительность в большей степени с длиной, чем с шириной пространства, присутствие вектора движения. Наиболее очевидными трансформациями оригинала при передаче мотива дали можно считать использование переводчиками лексических единиц с семантикой границы («end», «horizon», «limits»).

Образ степи в чеховской повести построен на тесной связи изображения степных пейзажей с душевным состоянием героев. Пространство степи выступает проекцией их внутреннего мира. Непреодолимость степи, нескончаемое однообразие и монотонность ее пейзажей вызывают всеохватное чувство тоски и одиночества, которые становятся ключевыми мотивами, формирующими образ степи как «ландшафта настроения». «Тоска» относится к ключевым словам русской культуры. Национально-культурная специфика, в частности связь тоски с русскими пространствами, определяет обнаруженные в переводах трансформации мотива тоски. Он представлен широким рядом эквивалентов, формирующих для восприятия англоязычного читателя новое поле смыслов. На первый план в нем выходит общее значение горя или страдания («grieve»/«grief», «misery»/«miserable»/«miserably», «anguish» и др.), реже – желания чего-либо («longing», «yearning»/«yearn»), т. е. в переводах актуализируются прежде всего культурно-универсальные эмоциональные ассоциации. Индивидуальное воплощение данный мотив приобрел в переводе Хингли, где эксплицируется связь тоски со смертью («agonized», «lamenting», «dying»). Сходные трансформации обнаруживаются при передаче мотива одиночества. Наиболее часто переводчики выбирают эквиваленты, соответствующие оригиналу своей эмоциональной окрашенностью («lonely»/«loneliness», «solitary»/«solitariness», «solitude»).

Заключение. Образ степи включает в себе неразрывную связь русской национальной и чеховской индивидуально-авторской картин мира. Включенность формирующих образ степи мотивов в глубокий национально-культурный контекст ограничивает их переводимость на язык иной ментальности, что подтверждается множе-

ственностью и разнообразием предлагаемых переводчиками эквивалентов. С их помощью переводчики адаптируют образ степи, как правило выводя на передний план в рассмотренных мотивах универсальные смыслы и редуцируя национально-специфические, а вместе с тем и авторские, расставляют индивидуальные акценты в своих интерпретациях. В то же время вследствие такой, очевидно, неизбежной культурной адаптации в рассмотренных переводах не сохраняется «резонансный» принцип построения текста повести, реализованный Чеховым в системе авторских повторов.

Ключевые слова: А. П. Чехов, повесть «Степь», англоязычная рецепция, образ степи, сравнительный анализ, художественный перевод

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90031.

Для цитирования: Олицкая Д. А., Черткова В. В. Репрезентации образа степи в переводах повести А. П. Чехова «Степь» на английский язык // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 132–144. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-132-144>

REPRESENTATIONS OF THE STEPPE IN ENGLISH TRANSLATIONS OF ANTON CHEKHOV'S "THE STEPPE"

Dar'ya A. Olitskaya¹, Viktoriya V. Chertkova²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ d.olitskaya@mail.ru

² vv.chertkova@mail.ru

Abstract

Introduction. The article analyses English translations of Anton Chekhov's *The Steppe* (1888), the first major work of the writer's mature period. The central spatial landmark in the story is the steppe, whose image is of great importance for translation studies in terms of the dialectics between the national and the universal.

Aim. The author aims at studying the multiple representations of the steppe in English translations in two interrelated aspects: as a nationally marked geographical space and as a "mood landscape."

Material and methods. Six English translations of *The Steppe* at the various stages of reception: by Adeline Kaye (1915), Constance Garnett (1919), Ronald Hingley (1980), Alex Miller (1989), Ronald Wilkes (2001), Richard Pevear and Larissa Volokhonsky (2004). The author employs a comparative approach for analysing the recurring meaningful elements (motifs) embedded in the image of the steppe ("prostor", "dal", "toska", "odinochestvo").

Results and discussion. The main spatial feature of the steppe is its infinity expressed through the motifs of "prostor" and "dal", which are peculiar for the perception of the steppe by native Russian speakers. The motif of "prostor" is central for Chekhov's interpretation of the steppe. "Prostor" is something that deprives people of reference points and becomes disproportionate to human aspirations. This concept most clearly manifests an indissoluble connection of the steppe infinity with the national mentality. The analysis of its English translations shows two simultaneous tendencies: while in some cases the translators specify universal components of spatial semantics ("space", "room"), in others they seek to convey the specific properties of the Russian "prostor" through such equivalents as "spaciousness", "wide (vast) expanse", and "vastness." The Russian "dal" is mainly translated into English as "distance". However, there is an obvious difference between "distance" and the original "dal": the former is more about length and directed motion, while the latter correlates with the latitude of space. The most frequent translation equivalents of "dal" are the lexemes with the semantics of boundary ("end", "horizon", "limits").

The image of the steppe in Chekhov's story demonstrates a close connection of the landscape with the characters' state of mind. The steppe acts as a projection of people's inner world, with its infinite vastness and endless monotony evoking all-encompassing melancholy and loneliness. These feelings become the key motifs in the image of the steppe as a "mood landscape." Nationally and culturally determined, the motif of "toska" does not have a universal translation, producing a broad range of equivalents that shape new semantic fields for English-speaking readership. The most foregrounded concepts of grief and suffering ("to grieve"/"grief", "misery"/"miserable"/"miserably", "anguish" etc.) are followed by those of longing for something ("longing", "yearning"/"yearn"), i.e. the translations primarily promote universal emotional associations. In Hingley's translation, however, the original motif acquires a unique rendition, since the translator explicitly links melancholy with death. Similar transformations can be found in translation of the motif of loneliness. The translators mainly choose equivalents to match the emotional colouring of the original ("lonely"/"loneliness", "solitary"/"solitariness", "solitude").

Conclusion. Chekhov's image of the steppe demonstrates an inextricable link between the Russian national and the writer's pictures of the world. Since the motifs constructing the image of the steppe are deeply embedded in the

national culture, their translatability into other language mentalities is limited. Various equivalents are used to adapt the image of the steppe for other cultural contexts. As a rule, the translators foreground the universal component and reduce the national specificity, adding individual accents in their renditions. At the same time, due to such an obviously inevitable cultural adaptation, the “resonance” principle of constructing the text of the story, implemented by Chekhov through the system of repetitions, was not preserved in the considered translations.

Keywords: Anton Chekhov, *The Steppe*, English-language reception, image of the steppe, comparative analysis, literary translation

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-312-90031.

For citation: Olitskaya D. A., Chertkova V. V. *Reprezentatsii obraza stepi v perevodakh povesti A. P. Chekhova “Step” na angliyskiy yazyk* [Representations of the Steppe in English Translations of Anton Chekhov’s “The Steppe”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 132–144 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-132-144>

Введение

Как отметил В. Б. Катаев, присутствие сегодня Чехова во всех частях света, в самых разнообразных национальных театральных культурах, в произведениях писателей-прозаиков стало явлением «тотальной культурной глобализации» [1, с. 78]. Российские и зарубежные исследователи подчеркивают, что интерес к Чехову и его влияние в англоязычных странах особенно велики. Целый ряд мастеров короткой прозы в англоязычных литературах удостоились в XX в. звания национального Чехова (среди них Кэтрин Мэнсфилд, Джеймс Джойс, Шервуд Андерсон, Джон Чивер, Элис Манро, Реймонд Карвер [2, с. 247]). Очевидным показателем востребованности Чехова в англоязычной культуре служит постоянно пополняющийся корпус переводов его произведений, который почти не изучен современным чеховедением [3, 4]. Учитывая, что переводы являются не только формой, но и условием любой культурной рецепции, в рамках изучения англоязычного восприятия повести «Степь» мы в первую очередь рассматриваем его в аспекте перевода.

Повесть «Степь» (1888) – «степная энциклопедия» – первое крупное произведение Чехова, ознаменовавшее собой переход к зрелому периоду творчества писателя. Особенности поэтики повести были раскрыты в фундаментальных исследованиях чеховедов второй половины XX – начала XXI в. [5–9]. Исследователи подчеркивают, что «Степь» имеет характер эстетической программы Чехова, в повести сконцентрированы все основные творческие идеи, характерные для него как писателя и гражданина [5], даны «постоянные и глубинные свойства» чеховского художественного мира [8]. По замечанию Н. Е. Разумовой, в «Степи» Чехов впервые достиг той масштабности содержания и той гармоничности воплощения, которые будут характерны для его зрелого творчества [10, с. 58]. Таким образом, значимость повести «Степь» для творчества Чехова определяет ее выбор в качестве объекта исследования, направленного на изучение англоязычной рецепции творчества русского писателя.

Образ степи, ставшей в повести самостоятельным персонажем, выступает как определяющий пространственный ориентир в творчестве Чехова [9], отразивший суть его духовных исканий во второй половине 1880-х гг. Основным конфликт, организующий все творчество данного периода, Чехов обозначил как «человек и природа». В «степных» сюжетах («Шампанское», «Счастье», «Степь», «Огни», «Красавицы») данный конфликт раскрывается в онтологической плоскости. В чеховском образе степи воплотилось представление писателя о трагической разделенности человека и мира, о невозможности ориентации в большом мире. С этим связано новаторство Чехова, сумевшего «поднять образы природы на высоту больших философских обобщений» [5].

В контексте интерпретации образа степи переводчиками чеховской повести на английский язык особое значение приобретает вопрос о диалектическом единстве его национального и универсального (бытийного) содержания. Идея о влиянии географического пространства на национальное мировосприятие получила разработку в трудах В. С. Соловьева, В. О. Ключевского, И. А. Ильина, К. Леонтьева, Н. А. Бердяева, Г. Д. Гачева и др. Ю. М. Лотман выделил «простор степей» как одну из ведущих тем русской литературы первой половины XIX в. [11]. В диссертации Ю. Г. Пыхтиной степь рассмотрена как сквозной пространственный образ в произведениях русской литературы XX – начала XXI в. Согласно выводам исследователей, в русской национальной картине мира и литературе степной пейзаж, с одной стороны, олицетворяет свободолюбие русского человека, удаль, бесшабашный размах и широту его души, а с другой – передает всепоглощающую и неутолимую его тоску, рожденную бесконечным величием степных просторов [12, с. 15]. Мысль о конфликтности внутреннего мира русского человека, порождаемой безграничными пространствами, являлась принципиально важной для Чехова и получила отражение в письме к Д. В. Григоровичу от 5 февраля 1888 г.: «Русская жизнь бьет русского человека так, что

мокрого места не остается, бьет на манер тысяче-чудового камня. В Западной Европе люди погибают оттого, что жить тесно и душно, у нас же оттого, что жить просторно... Простора так много, что маленькому человечку нет сил ориентироваться...» [13, с. 632].

Цель данного исследования – изучить представленные в англоязычных переводах множественные репрезентации главного образа чеховской повести – образа степи – в его двух взаимосвязанных измерениях: как национально-маркированного географического пространства и как «ландшафта на-строения».

Материал и методы

Материалом исследования послужили шесть переводов «Степи», выполненные Э. Л. Кэй (1915) [14], К. Гарнет (1919) [15], Р. Хингли (1980) [16], А. Миллером (1989) [17], Р. Уилксом (2001) [18], Р. Пивером и Л. Волохонской (2004) [19] и отражающие особенности разных этапов восприятия повести в англоязычной культуре.

В основе исследования лежит сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий рассмотреть переводы в аспекте репрезентации смыслов оригинала в ином национальном и культурном контексте. Особенности переводческих репрезентаций главного образа чеховской повести рассматриваются через анализ раскрывающих его устойчивых формально-содержательных компонентов [20] (мотивы «простор», «даль», «тоска», «одиночество») в оригинале и их трансформаций в переводах.

Результаты и обсуждение

В основе смыслового комплекса образа степи лежит идея непреодолимой онтологической разноразности мира и человека. В чеховской повести степь контрастирует своими необозримыми масштабами с маленьким человеком, находящимся в ней. Ее основной пространственной характеристикой выступает бесконечная протяженность – простор, не имеющий «внутренней направленности, выстроенности, осмысленной изменчивости» [9, с. 86]. Важно отметить, что слово «простор» является исконно русским и относится к ключевым элементам национальной картины мира. На проблему переводимости слова, в котором закреплена нерасторжимая связь пространства с национальной ментальностью, обратил внимание В. В. Вейдле: «Первый факт русской истории – это русская равнина и ее безудержный разлив. Отсюда непере-водимость самого слова простор, окрашенного чувством мало понятным иностранцу и объясняющим, почему русскому человеку может показаться тесным расчлененный и перегороженный западно-европейский мир; отсюда и русское, столь отлич-

ное от западного, понимание свободы не как права строить свое и утверждать себя, а как права уйти, ничего не утверждая и ничего не строя» [21, с. 42–43].

В лингвистических исследованиях подчеркиваются глубокие семантические расхождения в значениях слов «простор» и «пространство» для носителя русского языка. В частности, в слове «простор» обнаруживается ширина в большей степени, чем высота или глубина. Если пространство трехмерно, то простор имеет только горизонтальное измерение. Пространство не предполагает никакого наблюдателя, простор – это всегда открытое пространство, воспринимаемое зрительно, чаще всего оно связано с равнинным степным пейзажем или с чистым полем. Самой важной характеристикой простора является отсутствие границ, тогда как пространство может быть замкнутым [22]. Представляется, что все эти различия не в последнюю очередь обуславливают отсутствие единого эквивалента данному слову в переводах «Степи».

В повести мотив простора появляется трижды. В описании широкой степной дороги, по которой едет Егорушка, автором задается тема несоответствия сказочных великанов реальным людям, которые населяют степь. В следующем фрагменте мотив простора появляется в контексте соотнесения образа степи с общей судьбой всех персонажей повести:

Своим простором она возбудила в Егорушке недоумение и навела его на сказочные мысли. Кто по ней ездит? Кому нужен такой простор? [13, с. 48].

Крест у дороги, темные тюки, простор и судьба людей, собравшихся у костра, – всё это само по себе было так чудесно и страшно, что фантастичность небылицы или сказки бледнела и сливалась с жизнью [13, с. 73].

Таблица 1

Эквиваленты для перевода мотива «простор»

Переводчик	Вариант перевода
Кэй	«width» (2), «wide steppe» (1)
Гарнет	«width» (1), «space» (1), «wide expanse» (1)
Хингли	«sheer scale» (1), «space» (1), «vast expanse» (1)
Миллер	«spaciousness» (1), «room» (1), «open space» (1)
Уилкс	«sheer scale» (1), «space» (1), «wide expanse» (1)
Пивер и Волохонская	«vastness» (3)

Переводчики повести на английский язык предлагают в совокупности восемь эквивалентов для слова «простор», при этом среди них можно выделить используемые чаще других. Одинаково часто (по 3 раза каждый) появляются эквиваленты «width»

(ширина, широта, расстояние) и «vastness» (широта, обширность, необъятность), в целом адекватно передающие горизонтальную ориентированность, протяженность как главную характеристику степного пространства, но в сравнении с «width» значение слова «vastness» подчеркивает именно необъятность простора, что в большей степени соответствует оригиналу. По тому же принципу соотносятся использованные переводчиками эквиваленты «space» (пространство) (3 раза) и «wide/vast expanse» (широкое/открытое пространство) (3 раза). В первом случае редуцируются специфические черты русского простора, во втором они находят более адекватное воплощение. Другие эквиваленты имеют индивидуальный характер и встречаются только в отдельных переводах.

Обращаясь к индивидуальным переводческим решениям, следует сначала обратить внимание на то, что авторский повтор слова «простор», принципиально важный для смысловой организации чеховской повести, сохранен лишь в переводе Пивера и Волохонской, ориентированном на близкое следование оригиналу. Образ степи сложен с точки зрения его насыщенности многоплановым ассоциативным содержанием, что является отличительной особенностью Чехова на фоне традиции русской литературы. По мнению В. Б. Катаева, именно в «Степи» Чехов широко ввел «резонансный» принцип построения целого, который будет активно применяться им в будущем: повторы отдельных слов, образов, мотивов. Подобными переключками автор наводит читателя на мысль о единстве всего сущего, о скрытых связях человека и окружающего его мира [23, с. 179]. Повесть пронизана подобными параллелями, в частности степные пейзажи формируются из одних и тех же повторяющихся деталей, одной из них является необозримое пространство степи, ее простор.

В большинстве переводов повести (Гарнет, Хингли, Миллер, Уилкс) можно выделить общий принцип воссоздания мотива простора. Переводчики используют по три эквивалента, один из которых выражает универсальную пространственную составляющую («space» или «goom»), два других подчеркивают специфические характеристики степного простора. Так, у Хингли и Уилкса обнаруживается идентичное переводческое решение, в котором словосочетание «wide/vast expanse» (широкое/открытое пространство) усиливается гиперболой «sheer scale» (абсолютный масштаб), характеризующей степное пространство как чрезвычайное по силе своего проявления. Несколько противоречивым, на первый взгляд, представляется решение, предложенное Миллером, у которого в качестве номинаций «простора» выступают сразу два английских существительных, имеющих значе-

ние «пространство» – «(open) space» и «goom». В отличие от «space» «goom» в английском языке указывает на более ограниченное, часто закрытое пространство. Однако можно предположить, что таким образом переводчик попытался обозначить идею смысловой неоднозначности мотива простора и, как следствие, самого образа степи в чеховской повести. С одной стороны, это символ свободы, с другой – огромные степные пространства подавляют волю, дезориентируют человека, не выпускают его за свои пределы. Наконец, в переводе Пивера и Волохонской, как уже отмечалось, мотив простора представлен в формальном отношении наиболее целостно за счет сохранения повтора. В значении выбранного переводчиками эквивалента «vastness» сочетаются две составляющие семантики «простора»: горизонтальная протяженность и обширность пространства.

Мотив простора степи связан в чеховской повести с мотивом дали. Слово «даль» встречается в тексте «Степи» 17 раз. Согласно словарю, «даль» обозначает далекое пространство, видимое глазом [24]. Как и простор, оно формирует пространственную горизонталь, устремленную в бесконечность, создавая образ степи как бескрайнего и непреодолимого пространства. Образ степной дали впервые возник у Чехова в рассказе «Счастье». В повести «Степь» он становится сквозным, «лиловая даль» выведена в меняющихся пространственных ракурсах, в диалектическом сочетании надвременной неподвижности степного мира и его зыбкой изменчивости [25]:

Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали [13, с. 16].

Загорелые холмы, бурозеленые, вдали лиловые, со своими покойными, как тень, тонами, равнина с туманной далью и опрокинутое над ними небо, которое в степи, где нет лесов и высоких гор, кажется страшно глубоким и прозрачным, представлялись теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски... [13, с. 16–17].

Егорушка нехотя глядел вперед на лиловую даль, и ему уже начинало казаться, что мельница, машущая крыльями, приближается [13, с. 19].

Увидел он то же самое, что видел и до полудня: равнину, холмы, небо, лиловую даль [13, с. 23].

...лиловая даль, бывшая до сих пор неподвижною, закачалась и вместе с небом понеслась куда-то еще дальше... [13, с. 26].

Она потянула за собою бурю траву, осоку, и Егорушка понесся с необычайною быстротою за убегающею далью [13, с. 26].

Холмы всё еще тонули в лиловой дали, и не было видно их конца [13, с. 28].

Даль была видна, как и днем, но уж ее нежная лиловая окраска, затуманенная вечерней мглой, пропала, и вся степь пряталась во мгле, как дети Мойсея Мойсеича под одеялом [13, с. 45].

Широкие тени ходят по равнине, как облака по небу, а в непонятной *дали*, если долго всматриваться в нее, высятся и громоздятся друг на друга туманные, причудливые образы... [13, с. 46].

В промежутках между изб и за церковью синела река, а за нею туманилась *даль* [13, с. 48].

Становясь всё меньше и меньше, они около деревни исчезали за избами и зеленью, а потом опять показывались в лиловой *дали* в виде очень маленьких, тоненьких палочек, похожих на карандаши, воткнутые в землю [13, с. 48–49].

Стоило ему только взглянуть в *даль*, чтобы увидеть лисицу, зайца, дрохву или другое какое-нибудь животное, держащее себя подальше от людей [13, с. 55].

Луна взошла сильно багровая и хмурая, точно больная; звезды тоже хмурились, мгла была гуще, *даль* мутнее [13, с. 81].

Даль заметно почернела и уж чаще, чем каждую минуту, мигала бледным светом, как веками [13, с. 84].

Между *далью* и правым горизонтом мигнула молния и так ярко, что осветила часть степи и место, где ясное небо граничило с чернотой [13, с. 84].

...Егорушка сквозь щели рогожи увидел вдруг всю большую дорогу до *самой дали*, всех подводчиков и даже Кирюхину жилетку [13, с. 85].

Молния сверкнула в двух местах и осветила дорогу до *самой дали*, весь обоз и всех подводчиков [13, с. 87].

Во всех переводах «Степи» при передаче словесного мотива «даль» основным эквивалентом выступает существительное «distance», которое имеет в английском языке значение «расстояние, промежуток между кем-либо или чем-либо» [26]. Соотнесение значений русского «даль» и английского «distance» также указывает на существующие межкультурные различия в восприятии пространства. Во-первых, в английском эквиваленте менее выражен момент зрительного восприятия пространства степи человеком, ключевой с точки зрения реализации мотивов простора и дали в чеховской повести. Во-вторых, английское «distance» больше связано с длиной, чем шириной пространства. Длина задает вектор движения, направление, в то время как степь в чеховской повести своей необозримой шириной лишает человека так необходимых ему ориентиров, даль и простор не имеют направленности. Как своего рода компенсацию этих различий, очевидно, следует рассматривать частое добавление переводчиками как к существительному

«distance», так и другим эквивалентам эпитета «far» (далеко, на значительном расстоянии).

Таблица 2

Варианты перевода мотива «даль»

Переводчик	Вариант перевода
Кэй	«distance» (9), «farthest end» (2), «horizon» (2), «far distance» (1), «atmosphere» (1), «limits» (1). В одном случае перевод пропущен
Гарнет	«distance» (15), «far distance» (1), «horizon» (1)
Хингли	«distance» (5), «horizon(s)» (3), «far distance» (2), «distant prospect» (2), «far horizon» (1), «background» (1), «distant background» (1), «perspective» (1), «far away» (1)
Миллер	«distance» (17)
Уилкс	«distance» (13), «far distance» (4)
Пивер и Волохонская	«distance» (15), «far distance» (1), «distant (mistiness)» (1)

Как и в случае с мотивом простора, мотив дали передан в отдельных переводах чеховской повести по-разному, но он представлен более целостно. Наиболее существенные трансформации обнаруживаются в переводах Кэй и Хингли. Кэй активно использует в качестве эквивалентов существительные, выражающие семантику границы, что противоречит идее оригинала: «limits» (пределы, границы), «farthest end» (дальний край, предел). В переводе Хингли мотив дали получается самым разнообразным. Он репрезентирован рядом из шести номинаций: (far) «distance» (7 раз), (far) «horizon(s)» (4 раза), «distant prospect» (2 раза), (distant) «background» (2 раза), «perspective» (1 раз), «far away» (далеко) (1 раз). Среди них обращает на себя внимание использование (как и у Кэй) слова «horizon(s)», которое также означает «видимую границу» – линию (кажущегося) соприкосновения неба с земной поверхностью. Другие номинации, которые встречаются только у Хингли (prospect – обширный вид, perspective – перспектива, background – фон, задний план), раскрывают для англоязычного читателя картину степной дали как большого открытого пространства.

Миллер, Уилкс, Пивер и Волохонская передают мотив дали наиболее единообразно, с помощью эквивалента «distance». Миллер не использует других эквивалентов, у Пивера и Волохонской наблюдается замена лишь в двух случаях. Словосочетание «туманная даль» переводчики передают как «distant mistiness» (далекая туманность), т. е. существительное «даль» становится прилагательным, но семантика мотива сохраняется. Также в одном контексте переводчики использовали словосочетание «far distance». В переводе Уилкса подобное дополнение встречается в четырех случаях. В переводе Гарнет «far distance» и «horizon» используются по одному разу.

Важным художественным принципом, реализованным Чеховым в повести, стало единство

изображения природы и душевного состояния героев, степь является лишь отражением человека. Устойчивыми компонентами образа степи в повести становятся настроения и философские раздумья персонажей. В повести тесно переплелись «два обостряющих друг друга настроения: тоски, однообразия, одиночества и жажды красоты, предчувствия счастливой жизни» [27, с. 314], но преобладающим признается «трагический обертон» [9, с. 68]. Бесконечность степных просторов, созерцание утомительно однообразного ландшафта навевают героям мрачные мысли о бессмысленности и скоротечности их жизни. Непреодолимость степи, нескончаемое однообразие и монотонность ее пейзажей выступают главным фактором, провоцирующим состояние тоски у героев повести.

Мотивы тоски и одиночества пронизывают повесть, объединяют все изображаемое. Являясь пространством, в которое проецируются чувства человека, гнетущую тоску испытывает прежде всего сама степь. Наиболее ярко это проявляется в дневное время, когда с восходом солнца природа начинает задыхаться, а с наступлением ночи, сбрасывая с себя духоту, «вздыхает широкой грудью»: *«Едва зайдет солнце и землю окутает мгла, как дневная тоска забыта, всё прощено, и степь легко вздыхает широкою грудью»* [13, с. 45]. Тоскует степь также из-за того, что люди не замечают ее величия, не могут откликнуться душой на ее красоту, поскольку поглощены своими проблемами: *«И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску, как будто степь сознает, что она одинока, что богатство ее и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые и никому не нужные, и сквозь радостный гул слышишь ее тоскливый, безнадежный призыв: певца! певца!»* [13, с. 46].

Обращаясь к переводам «Степи», нельзя не заметить, что, как и слово «простор», «тоска» – понятие лингвоспецифическое и относится к числу «ключевых слов» русской культуры [28, с. 10]. Это определяет его ограниченную переводимость на язык иной ментальности, так как оно содержит в своем значении «концептуальные конфигурации, отсутствующие в готовом виде в других языках» [28, с. 4]. В частности, широко известны наблюдения В. В. Набокова о непереводимости слова «тоска» в силу национальной специфичности обозначаемого им душевного состояния: «Ни одно слово в английском не передает всех оттенков слова „тоска“. В его наибольшей глубине и болезненности – это чувство большого духовного страдания без какой-либо особой причины...» [29, с. 151–152]. На отсутствие в других языковых системах аналогов русской «тоски» также обращал внимание Р.-М. Рильке (писатель сравнивал ее с нем.

Sehnsucht [28, с. 55]). Констатируя непереводимость русской «тоски» на язык иной ментальности, переводчик Р. Чандлер предложил, по аналогии с французским *ennui*, ввести в английский язык в качестве эквивалента слова его транслитерацию (*toska*) [30].

Интересное замечание о значении русской «тоски» принадлежит А. Д. Шмелеву. Исследователь считает, что даже определения, данные в словарях русского языка («тяжелое, гнетущее чувство, душевная тревога», «гнетущая, томительная скука», «скука, уныние» и др.) не выражают суть данного понятия, а чаще характеризуют лишь родственные тоске душевные состояния. Наиболее точным он считает следующее развернутое определение: «Тоска – это то, что испытывает человек, который чего-то хочет, но не знает точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо. А когда объект тоски может быть установлен, это обычно что-то утерянное и сохранившееся лишь в смутных воспоминаниях» [28, с. 31]. То есть в русской тоске важен момент неопределенности, стремления к чему-то далекому. Раскрывая природу этого слова, Шмелев указывает на его связь с бескрайними русскими пространствами, при мысли о которых возникает чувство тоски. Это находит, по словам исследователя, свое отражение в русской литературе: «тоска бесконечных равнин» у С. А. Есенина и «тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня» у Н. В. Гоголя.

Став объектом внимания многих русских писателей, особое внимание тоска заняла в глубоко психологичном творчестве Чехова: «О тоске Чехов писал так, что она стала опознавательным знаком его творчества. <...> Человек тоскующий – главный объект чеховского внимания» [31, с. 10]. Слово «тоска» у Чехова имеет экзистенциальные коннотации, это чувство, которое «вырывает... из мира повседневности, обыденности, напоминает о смысле существования... Переживание тоски напоминает об одиночестве и заброшенности человека в мире» [32]. В образе чеховской степи – окружающего человека и чуждого ему простора – получила пространственное выражение проблема цели и смысла человеческой жизни [9, с. 96–97].

Загорелые холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, со своими покойными, как тень, тонами, равнина с туманной далью и опрокинутое над ними небо, которое в степи, где нет лесов и высоких гор, кажется страшно глубоким и прозрачным, представлялись теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски... [13, с. 16–17].

Едва зайдет солнце и землю окутает мгла, как дневная тоска забыта, всё прощено, и степь легко вздыхает широкою грудью [13, с. 45].

И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и **тоску**, как будто степь сознает, что она одинока, что богатство ее и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые и никому не нужные, и сквозь радостный гул слышишь ее **тоскливый**, безнадежный призыв: певца! певца! [13, с. 46].

– Пожалуй... – согласился Егорушка с некоторой неохотой, хотя чувствовал сильную **тоску** по утреннему чаю [13, с. 62].

Слышно, как она молчит, и в этом молчании чувствуется присутствие души неизвестного человека, лежащего под крестом. Хорошо ли этой душе в степи? Не **тоскует** ли она в лунную ночь? [13, с. 67].

Все теперь отлично понимали, что это был влюбленный и счастливый человек, счастливый до **тоски** [13, с. 77].

И в следующую затем ночь подводчики делали привал и варили кашу. На этот раз с самого начала во всем чувствовалась какая-то неопределенная **тоска** [13, с. 81].

Чувствуя тошноту и тяжесть во всем теле, он напрягал силы, чтобы отогнать от себя эти образы, но едва они исчезали, как на Егорушку с ревом бросался озорник Дымов с красными глазами и с поднятыми кулаками или же слышалось, как он **тосковал**: «Скушно мне!» [13, с. 91–92].

Егорушка вспомнил, что еще много времени осталось до утра, в **тоске** припал лбом к спинке дивана и уж не старался отделаться от туманных угнетающих грез [13, с. 96].

Таблица 3

Варианты перевода мотива «тоска»

Переводчик	Варианты перевода
Кэй	«grief» (2), «melancholy» (2), «woes» (1), «longing» (1), «feel sad» (1), «painfully» (1), «complaining» (1), «anguish» (1)
Гарнет	«grieve»/«grief» (2), «dreariness» (1), «weariness» (1), «mournful» (1), «longing» (1), «poignantly» (1), «oppression» (1), «complaint» (1), «miserable» (1)
Хингли	«misery»/«miserably» (3), «agonized regret» (1), «anguished» (1), «dying» (1), «grieve» (1), «poignantly» (1), «melancholy» (1), «lamenting» (1)
Миллер	«yearn»/«yearning» (3), «misery» (3), «missing badly» (1), «sense of desolation» (1), «wretchedly crying out» (1). В одном случае перевод пропущен
Уилкс	«anguish»/«anguished» (2), «sorrows» (1), «sad yearning» (1), «longing» (1), «grieve» (1), «poignantly» (1), «melancholy» (1), «complaining» (1), «wearily» (1)
Пивер и Волохонская	«anguish»/«anguished» (8), «longing» (1), «anguish» (1)

Слова «тоска», «тоскливый», «тоскует» встречается в «Степи» 10 раз. Поражает своей обширно-

стью и подтверждает факт ограниченной переводимости палитра предложенных переводчиками эквивалентов для чеховской «тоски»: «anguish»/«anguished» (сильное душевное страдание) (12 раз), «misery»/«miserable»/«miserably» (страдание/несчастье, мучение) (7 раз), «grieve»/«grief» (горевать/горе, печалиться/печаль) (6 раз), «longing» (страстное желание чего-либо) (4 раза), «(sad) yearning»/«yearn» (грустить/грусть от невозможности получить что-либо) (4 раза), «melancholy» (меланхолия, уныние, подавленность) (4 раза), «complaint»/«complaining» (жалоба, недовольство/жалующийся) (3 раза), «poignantly» (мучительно) (3 раза), «weariness»/«wearily» (усталость, скука/устало) (2 раза). Единичны употребления номинаций: «missing badly» (страшно скучающий), «painfully» (болезненно), «wretchedly crying out» (несчастно кричит), «agonized regret» (мучительное сожаление), «overwhelming oppression» (подавляющее угнетение), «anguish» (томиться, изнывать), «lamenting» (сокрушающийся, стенающий), «mournful» (печальный, скорбный), «dying» (умирающий), «feel sad» (грустить, печалиться), «sorrow» (горе, печаль, скорбь), «dreariness» (чувство вялости или уныния), «woes» (беды, неприятности), «sense of desolation» (чувство одиночества, опустошения).

Выбор переводчиками разных эквивалентов приводит к перестановке акцентов: на первый план интерпретации выходит один или несколько семантических компонентов, по-разному соотносящихся с оригиналом. Так, в переводе Пивера и Волохонской в восьми из десяти случаев употребления «тоски» и ее производных авторы использовали слово «anguish»/«anguished», в котором передается значение сильного душевного страдания, т. е. высокая степень чувства, соответствующая тоске. В двух фрагментах переводчики выбрали единицы, воспроизводящие другие составляющие исходного значения. Слово «longing» передает семантику жизненной необходимости желаемого и его недостижимости, а «anguish» – длительности переживания, придающей ему именно характер общего состояния человека. Таким образом, в переводе Пивера и Волохонской в значительной степени сохраняется авторский повтор, а также актуализируются некоторые важные семантические составляющие чеховской «тоски», определяющие ее экзистенциальный характер.

В других переводах авторский повтор не сохраняется (Гарнет и Уилкс использовали по 9 разных эквивалентов, Кэй и Хингли – по 8, Миллер – 5), в результате чего мотив «тоски» распадается в тексте на внушительный ряд составляющих, которые охватывают целый спектр негативных эмоциональных проявлений и формируют для восприятия

англоязычного читателя новое поле смыслов, в совокупности репрезентирующих емкое «тоска» оригинала. Отдельные эквиваленты в разной степени приближаются к оригиналу или отдаляются от него, чаще всего на первый план выходит общее значение горя или страдания, реже – желания чего-либо (перевод Миллера), т. е. в переводах актуализируются прежде всего культурно-универсальные эмоциональные ассоциации. Основной же «потерей» в рассмотренных переводах в силу раздробленности словесного мотива в чеховской повести можно считать невозможность передачи семантики всеохватности тоски, predetermined просторами степи. Показательно также, что не во всех переводах нашло отражение одно из главных свойств русской и чеховской тоски – «неопределенная».

Своим индивидуальным акцентом в интерпретации мотива тоски очевидно выделяется перевод Хингли, в котором эксплицируется связь тоски со смертью. Смерть в повестях и рассказах Чехова 1880-х выступает силой, которая «обесмысливает все, что делается человеком» и поэтому является истоком тоски. Синонимичной смерти в таком понимании является в «Степи» безграничное степное пространство, перед которым человек оказывается исчезающе мал [9, с. 94]. В переводе Хингли три эквивалента чеховской тоски несут семантику смерти. В словосочетании «agonized regret» причастие «agonized» образовано от глагола «agonize» (сильно мучиться, быть в агонии), «lamenting», помимо «жаловаться, горевать», имеет значение «плакать, оплакивать», «dying» переводится как «погибающий, умирающий».

Отдельно следует сказать о соотношении понятий «тоска» и «скука» в повести «Степь» и ее переводах. По наблюдениям чеховедов, в словаре писателя «скука» имеет свое особое бытование и способ употребления, это слово-идеологема, в которое вложен «сверхсмысл» [33]. Совершенно очевидно это на примере повести «Степь», в которой наряду с «тоской» «скука» выступает самостоятельным мотивом (слово употребляется 18 раз). Трансформации данного мотива в изученных переводах сходны с описанными для мотива «тоска». Отметим лишь, что в переводах Гарнет и Миллера эти мотивы пересекаются, так как «скука» и «тоска» переводятся одной и той же лексической единицей: у Гарнет это «dreariness» (чувство вялости или уныния), а у Миллера – «misery»/«miserable» (страдание, несчастье/страдающий, несчастный). Это также свидетельствует об интерпретации, в которой на первый план выступают универсальные смыслы.

С тоской в чеховской повести неразрывно связан мотив одиночества. В творчестве Чехова оди-

ночество становится постоянной темой для философских размышлений именно в переломные для его творчества годы, когда появилась «Степь». В повести одиночество – общее состояние всех героев, оно свойственно повествователю и Егорушке, постоянно присутствует в описаниях степной природы, и не только: одиноко спит на кладбище Егорушкина бабушка, одиноки подводчики, в комнате Мойсея Мойсеича стоит «почти одинокий» стол. Одним из наиболее ярких символов одиночества в «Степи» и творчестве Чехова в целом выступает тополь. Трагическое одиночество становится особенно ощутимо с наступлением ночи, семантика которой у Чехова имеет индивидуально-авторское значение [34]. В ночных пейзажах мотив одиночества звучит наиболее отчетливо, а мысли героев повести об их оторванности от мира перерастают в мысли о смерти:

А вот на холме показывается одинокий тополь, кто его посадил и зачем он здесь – бог его знает. От его стройной фигуры и зеленой одежды трудно оторвать глаза. Счастлив ли этот красавец? Летом зной, зимой стужа и метели, осенью страшные ночи... а главное – всю жизнь один, один... [13, с. 17].

Этот стол был почти одинок, так как в большой комнате, кроме него, широкого дивана с дырявой клеенкой да трех стульев, не было никакой другой мебели. Да и стулья не всякий решился бы назвать стульями [13, с. 31].

Прежде чем Егорушка успел разглядеть ее черты, ему почему-то пришел на память тот одинокий, стройный тополь, который он видел днем на холме [13, с. 42].

Фигура приближается, растет, вот она поравнялась с бречкой, и вы видите, что это не человек, а одинокий куст или большой камень [13, с. 45].

И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску, как будто степь сознает, что она одинока, что богатство ее и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые и никому не нужные, и сквозь радостный гул слышишь ее тоскливый, безнадежный призыв: певца! певца! [13, с. 46].

Очень может быть, что этот старик не был ни строг, ни задумчив, но его красные веки и длинный, острый нос придавали его лицу строгое, сухое выражение, какое бывает у людей, привыкших думать всегда о серьезном и в одиночку [13, с. 49].

Когда долго, не отрывая глаз, смотришь на глубокое небо, то почему-то мысли и душа сливаются в сознание одиночества [13, с. 65].

Начинаешь чувствовать себя непорочно одиноким, и всё то, что считал раньше близким и родным, становится бесконечно далеким и не имеющим цены [13, с. 65].

Звезды, глядящие с неба уже тысячи лет, само непонятное небо и мгла, равнодушные к короткой жизни человека, когда остаешься с ними с глазу на глаз и стараешься постигнуть их смысл, гнетут душу своим молчанием; приходит на мысль то одиночество, которое ждет каждого из нас в могиле, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной... [13, с. 65–66].

В одинокой могиле есть что-то грустное, мечтательное и в высокой степени поэтическое... [13, с. 67].

И нет того прохожего, который не помянул бы одинокой души и не оглядывался бы на могилу до тех пор, пока она не останется далеко позади и не покроется мглой... [13, с. 67].

Таблица 5

Варианты перевода мотива «одиночество»

Переводчик	Вариант перевода
Кэй	«lonely»/«loneliness» (6), «solitude» (2), «alone» (2), «solitary» (1), «lonesome» (1). В одном случае перевод пропущен
Гарнет	«solitary» (6), «solitude» (3), «lonely»/«loneliness» (2), «alone» (2)
Хингли	«lonely»/«loneliness» (4), «solitary»/«solitariness» (3), «alone» (2), «isolated» (2), «lone» (1), «solitude» (1)
Миллер	«solitary» (5), «alone» (5), «solitude» (2), «on one's own» (1)
Уилкс	«lonely» (4), «solitary» (4), «solitude» (2), «alone» (2), «isolated» (1)
Пивер и Волохонская	«lonely»/«loneliness» (5), «solitary» (4), «alone» (3), «solitude» (1)

В переводах «Степи» семантика мотива одиночества (одинок, одиночество, один) выражена следующим синонимическим рядом: «solitary»/«solitariness» (23) – «lonely»/«loneliness» (21) – «alone» (16) – «solitude» (11) – «isolated» (3) – «lone» (1) – «lonesome» (1) – «on one's own» (1). По частотности появления в переводах первые места занимают эквиваленты «lonely»/«loneliness», «solitary»/«solitariness» и «solitude», которые отли-

чаются от других своей эмоциональной окрашенностью и включают не только значение «одинок/одиночество», но и «томящийся, страдающий от одиночества», что соответствует идее оригинала. Однако, как и в случае с «тоской», в отдельных переводах авторский повтор не сохраняется (Гарнет, Миллер, Пивер и Волохонская используют по 4 эквивалента, Кэй и Уилкс – по 5, Хингли – 6), что не способствует целостному воспроизведению данного словесного мотива. Это нарушает один из главных художественных принципов чеховской повести, в которой «степь, степная дорога, едущие по ней – одно» [35].

Заключение

Рассмотренные репрезентации образа степи в англоязычных переводах повести А. П. Чехова «Степь» позволяют сделать следующие выводы. Образ степи является сложным для перевода в силу его насыщенности ассоциациями и коннотациями, в которых тесно связаны русская национальная и чеховская индивидуально-авторская картины мира. В связи с включенностью формирующих образ степи мотивов «простор», «даль», «тоска», «одиночество» в глубокий национально-культурный контекст, они ограничены в своей переводимости на язык иной ментальности. Это подтверждается обилием предложенных в англоязычных переводах эквивалентов, выбор которых приводит к расстановке различных акцентов в интерпретации образа степи. В целом проанализированные трансформации мотивов позволяют говорить об адаптации образа степи для англоязычного читателя через выявление доступных ему общекультурных, универсальных смыслов и редуцирование смыслов национально-специфических. В то же время вследствие такой, очевидно, неизбежной культурной адаптации в рассмотренных переводах не сохранился «резонансный» принцип построения текста чеховской повести, реализованный писателем в системе авторских повторов.

Список источников

1. Катаев В. Б. Чехов современный // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 5. С. 76–85.
2. Бутенина Е. М. Реймонд Карвер – «американский Чехов» // Новый филологический вестник. 2018. № 4 (47). С. 247–255.
3. Аленькина Т. Б. Комедия А. П. Чехова «Чайка» в англоязычных странах: феномен адаптации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 30 с.
4. Селезнева Е. В. Повесть А. П. Чехова «Скучная история» в англоязычной рецепции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 19 с.
5. Громов Л. П. Этюды о Чехове. Ростов н/Д: Ростовское областное книгоиздательство, 1951. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000037/st004.shtml> (дата обращения: 03.04.2022).
6. Громов Л. П. Реализм А. П. Чехова второй половины 80-х годов. Ростов н/Д: Ростов. кн. изд-во, 1958. 218 с.
7. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 291 с.
8. Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1987. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000039/st004.shtml> (дата обращения: 27.03.2022).

9. Разумова Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. Томск: ТГУ, 2001. 521 с.
10. Разумова Н. Е. «Степь» Чехова: вариант интерпретации повести // Вестник Томского государственного университета. 1998. № 266. С. 53–59.
11. Лотман Ю. М. Поэтический мир Тютчева // Избр. статьи: в 3 т. Таллин, 1993. Т. 3. С. 158–159.
12. Пыхтина Ю. Г. Функционально-семантическая типология пространственных образов и моделей в русской литературе XIX – начала XXI в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 30 с.
13. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974–1982. Т. 7. 1977. 735 с.
14. Chekhov A. The Steppe // The steppe and other stories / tr. by A. L. Kaye. N. Y.: Books for Libraries Press, 1970. P. 3–127.
15. Chekhov A. The Steppe // The Bishop and Other Stories / tr. by C. Garnett. N. Y.: The Macmillan Company, 1919. P. 161–302.
16. Chekhov A. The Steppe // The Steppe and Other Stories / tr. and ed. by R. Hingley. N. Y.: Oxford University Press, 1998. P. 1–81.
17. Chekhov A. The Steppe / tr. by A. Miller // Anton Chekhov. Collected Works in 5 volumes. Volume Three (Stories 1888–1894). M.: Raduga Publishers, 1989. P. 9–122.
18. Chekhov A. The Steppe // The Steppe and Other Stories / tr. by R. Wilks. Penguin Books, 2003. P. 3–101.
19. Chekhov A. The Steppe // The Complete Short Novels / tr. by R. Pevear and L. Volokhonsky. N. Y.: Vintage Classics, 2005. P. 1–113.
20. Шехватова А. Н. Мотив в структуре чеховской прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 26 с.
21. Вейдле В. В. Задача России. Минск: Белорусская православная церковь, 2011. 512 с.
22. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2012. 692 с.
23. А. П. Чехов: энциклопедия / сост. и науч. ред. В. Б. Катаев. М.: Просвещение, 2011. 696 с.
24. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=5977> (дата обращения: 25.04.2022).
25. Ничипоров И. Б. Цветовое и звуковое оформление степных пейзажей в прозе А. П. Чехова // Вестник Московского университета. Филология. Сер. 9. 2007. № 5. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/39013.php> (дата обращения: 28.04.2022).
26. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/distance> (дата обращения: 30.04.2022).
27. Лакшин В. Я. Толстой и Чехов. Изд. 2-е, испр. М.: Сов. писатель, 1975. 456 с.
28. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
29. Набоков В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. 1006 с.
30. Чандлер Р. «Очуждать или осваивать»: по следам переводческого семинара // Иностранная литература. 2008. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2008/6/ochuzhdai-ili-osvaivat-po-sledam-perevodcheskogo-seminara.html> (дата обращения: 10.05.2022).
31. Порус В. Н. Тоска по бытию (А. П. Чехов и философия культуры) // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2011. № 3. С. 8–26.
32. Чеснокова Л. В. Тоска как национальный концепт русской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23). Ч. I. URL: <https://www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/51.html> (дата обращения: 10.05.2022).
33. Семкин А. Скучные истории о скучных людях? // Нева. 2012. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2012/8/skuchnye-istorii-o-skuchnyh-lyudyah.html> (дата обращения: 12.05.2022).
34. Кочнова К. А. Ночь в языковой картине мира А. П. Чехова // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 28–36.
35. Бицилли П. М. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // Трагедия русской культуры: исследования, статьи, рецензии. М.: Русский путь, 2000. URL: http://az.lib.ru/b/bicilli_p_m/text_1942_tvorchestvo_chekhova.shtml (дата обращения: 19.05.2022).

References

1. Katayev V. B. Chekhov sovremennyy [Chekhov, Our Contemporary]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Moscow State University Bulletin, Series 9: Philology*, 2015, no. 5, pp. 76–85 (in Russian).
2. Butenina E. M. Raymond Karver – “amerikanskiy Chekhov” [Raymond Carver as “The American Chekhov”]. *Novyy filologicheskij vestnik – The New Philological Bulletin*, 2018, no. 4 (47), pp. 247–255 (in Russian). DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00082
3. Alenkina T. B. *Komediya A. P. Chekhova “Chayka” v angloyazychnykh stranakh: fenomen adaptatsii. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [A. P. Chekhov’s comedy “The Seagull” in English-speaking countries: the phenomenon of adaptation. Abstract of thesis. cand. philol. sci.]. Moscow, 2006. 30 p. (in Russian).

4. Selezneva E. V. *Povest' A. P. Chekhova "Skuchnaya istoriya" v angloyazychnoy retseptsii. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [A. P. Chekhov "A boring story" in the English-language reception. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Tomsk, 2018. 19 p. (in Russian).
5. Gromov L. P. *Etyudy o Chekhove* [Sketches about Chekhov]. Rostov-on-Don, Rostovskoye oblastnoye knigoizdatel'stvo Publ., 1951 (in Russian). URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000037/st004.shtml> (accessed 3 April 2022).
6. Gromov L. P. *Realizm A. P. Chekhova vtoroy poloviny 80-kh godov* [A. P. Chekhov's realism in the second half of the 1880s]. Rostov-on-Don, Rostovskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1958. 218 p. (in Russian).
7. Chudakov A. P. *Poetika Chekhova* [Chekhov's Poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 291 p. (in Russian).
8. Sukhikh I. N. *Problemy poetiki A. P. Chekhova* [Problems of A. P. Chekhov's poetics]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1987 (in Russian). URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000039/st004.shtml> (accessed 27 March 2022).
9. Razumova N. E. *Tvorchestvo A. P. Chekhova v aspekte prostranstva* [A. P. Chekhov's creativity in terms of space]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2001. 521 p. (in Russian).
10. Razumova N. E. "Step'" Chekhova: variant interpretatsii povesti ["The Step'" by Chekhov: a variant of the interpretation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 1998, no. 266, pp. 53–59 (in Russian).
11. Lotman Yu. M. *Izbrannyye stat'i: v 3 tomakh* [Selected Articles: in 3 vols]. Vol. 3. Tallinn, Aleksandra Publ., 1993, pp. 158–159 (in Russian).
12. Pykhtina Yu. G. *Funktsional'no-semanticheskaya tipologiya prostranstvennykh obrazov i modeley v russkoy literature XIX – nachala XXI v. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [Functional-semantic typology of spatial images and models in Russian literature of the 19th – early 21st centuries. Abstract of thesis doc. philol. sci.]. Moscow, 2014. 30 p. (in Russian).
13. Chekhov A. P. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 30 tomakh. Sochineniya: v 18 t.* [Complete Works and Letters: In 30 volumes. Compositions: in 18 volumes]. Vol. 7. Moscow, Nauka Publ., 1977. 735 p. (in Russian).
14. Chekhov A. The Steppe. In: *The Steppe and Other Stories*. Translated from Russian by A. L. Kaye. New York, Books for Libraries Press, 1970. Pp. 3–127.
15. Chekhov A. The Steppe. In: *The Bishop and Other Stories*. Translated from Russian by C. Garnett. New York, The Macmillan Company, 1919. Pp. 161–302.
16. Chekhov A. The Steppe. In: *The Steppe and Other Stories*. Translated from Russian by R. Hingley. New York, Oxford University Press, 1998. Pp. 1–81.
17. Chekhov A. The Steppe. In: *Collected Works in 5 volumes*. Vol. 3. Moscow, Raduga Publ., 1989. Pp. 9–122.
18. Chekhov A. The Steppe. In: *The Steppe and Other Stories*. Translated from Russian by R. Wilks. Penguin Books, 2003. Pp. 3–101.
19. Chekhov A. The Steppe. In: *The Complete Short Novels*. Translated from Russian by R. Pevear, L. Volokhonsky. New York, Vintage Classics, 2005. Pp. 1–113.
20. Shekhvatova A. N. *Motiv v strukture chekhovskoy prozy. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Motif in the structure of Chekhov's prose. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2003. 26 p. (in Russian).
21. Veydle V. V. *Zadacha Rossii* [The Task for Russia]. Minsk, Belorusskaya Pravoslavnaya Tserkov' Publ., 2011. 512 p. (in Russian).
22. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Konstanty i peremennyye russkoy yazykovoy kartiny mira* [Constants and variables of the Russian linguistic picture of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2012. 692 p. (in Russian).
23. Katayev V. B. *A. P. Chekhov: entsiklopediya* [A. P. Chekhov: encyclopedia]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 2011. 696 p. (in Russian).
24. Ozhegov S. I. *Tolkovyy slovar'* [Explanatory Dictionary]. URL: <https://slovarozhegov.ru/word.php?wordid=5977> (accessed 25 April 2022).
25. Nichiporov I. B. Tsvetovoye i zvukovoye oformleniye stepnykh peyzazhey v proze A. P. Chekhova [Color and sound design of steppe landscapes in the prose of A. P. Chekhov]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Moscow University Philology Bulletin*, 2007, no. 5 (in Russian) URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/39013.php> (accessed 28 April 2022).
26. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/distance> (accessed 30 April 2022).
27. Lakshin V. Ya. *Tolstoy i Chekhov* [Tolstoy and Chekhov]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1975. 456 p. (in Russian).
28. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyucheve idey russkoy yazykovoy kartiny mira* [The Key Ideas of the Russian Picture of the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2005. 544 p. (in Russian).
29. Nabokov V. *Kommentarii k "Evgeniyu Oneginu" Aleksandra Pushkina* [Comments on "Eugene Onegin" by Alexander Pushkin]. Moscow, NPK "Intelvak" Publ., 1999. 1006 p. (in Russian).
30. Chandler R. "Otchuzhdat' ili osvivaiv": po sledam perevodcheskogo analiza ["To alienate or to master": in the Footsteps of a Translation Seminar]. *Inostrannaya literatura*, 2008, no. 6 (in Russian). URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2008/6/otchuzhdat-ili-osvivaiv-po-sledam-perevodcheskogo-seminara.html> (accessed 10 May 2022).
31. Porus V. N. *Toska po bytiyu (A. P. Chekhov i filosofiya kul'tury)* [Longing for being (A. P. Chekhov and the philosophy of culture)]. *Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury*, 2011, no. 3, pp. 8–26 (in Russian).
32. Chesnokova L. V. *Toska kak natsional'nyy kontsept russkoy kul'tury* [Yearning as national concept of Russian culture]. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki –*

Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice, 2012, no. 9-1 (23) (in Russian). URL: <https://www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/51.html> (accessed 10 May 2022).

33. Semkin A. Skuchnyye istorii o skuchnykh lyudyakh? [Boring stories about boring people?]. *Neva*, 2012, no. 8 (in Russian). URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2012/8/skuchnye-istorii-o-skuchnyh-lyudyah.html> (accessed 12 May 2022).
34. Kochnova K. A. Noch' v yazykovoy kartine mira A. P. Chekhova [Night in A. P. Chekhov's language picture of the world]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2015, no. 393, pp. 28–36 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/393/4
35. Bitsilli P. M. Tvorchestvo Chekhova: opyt stilisticheskogo analiza [Chekhov's work. Experience in stylistic analysis]. *Tragediya russkoy kul'tury: issledovaniya, stat'i, retsenzii* [The Tragedy of Russian Culture: Investigations, Articles, Reviews]. Moscow, Russkiy put' Publ., 2000 (in Russian). URL: http://az.lib.ru/b/bicilli_p_m/text_1942_tvorchestvo_chekhova.shtml (accessed 19 May 2022).

Информация об авторах

Олицкая Д. А., кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Черткова В. В., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the authors

Olitskaya D. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Chertkova V. V., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 31.05.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 31.05.2022; accepted for publication 01.10.2022

УДК 82.09(470)
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-145-155>

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ: КУЛЬТУРНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ КАК ПОЭТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Александра Анатольевна Хадынская

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия, opus2000@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматривается культурная изоляция как форма поэтического поведения Георгия Шенгели, одного из представителей «московского акмеизма» первой половины XX в., осознанно выбранная поэтом как реакция на идеологическое давление советского государства в области литературной политики.

Цель – проследить формирование указанной авторской стратегии, ее причины и отражение в лирике поэта.

Материал и методы. Методология исследования предполагает литературоведческую интерпретацию лирических текстов с опорой на эстетику и поэтику акмеизма, с использованием метода интертекстуального анализа и сопоставительного метода анализа поэтического текста, с привлечением исторического комментария.

Результаты и обсуждение. Лирика Георгия Шенгели редко привлекает внимание литературоведов на предмет анализа ее поэтики; наше исследование призвано рассмотреть влияние акмеизма на поэтическую ткань текстов разных периодов творчества автора, обнаружить близость эстетической и мировоззренческой позиции поэта к эмигрантской лирике, главной темой которой была ностальгия, имевшая причиной вынужденную культурную изоляцию.

Заключение. Лирика Георгия Шенгели в полной мере отражает стратегию культурной изоляции, выбранную поэтом как единственно возможный вариант творческого существования в период активной пропаганды официального советского искусства. Уход в мир культуры поэт расценивал как миссию по ее сохранению, добровольно принятую на себя как на наследника Серебряного века русской поэзии. Шенгели, знавший первое поколение великих имен начала XX в., считал своим долгом продолжить его дело как младший и один из последних в когорте поэтов, не покинувших родину в годину ее трагических испытаний. Его опыт вынужденного «ухода в литературное подполье» оказался сродни эмигрантскому, появившемуся у беженских поэтов в результате отрыва от родной культурной почвы. Очевидная близость во многом объясняется общностью «культурного лона» акмеизма, взрастившего Шенгели и его собратьев-эмигрантов. Идея сохранения традиций отечественной литературы в слове объединяет поэтов, живущих по разные стороны границы, и лишний раз доказывает призрачность этих границ для единой великой русской культуры.

Ключевые слова: *Георгий Шенгели, «московский акмеизм», культурная изоляция, акмеистические традиции, «внутренняя эмиграция»*

Для цитирования: Хадынская А. А. Георгий Шенгели: культурная изоляция как поэтическая стратегия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 145–155. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-145-155>

GEORGY SHENGELI: CULTURAL ISOLATION AS A POETIC STRATEGY

Aleksandra A. Khadynskaya

Surgut State University, Surgut, Russian Federation, opus2000@mail.ru

Abstract

Introduction. This article examines cultural isolation as a form of poetic behavior by Georgy Shengeli, one of the representatives of “Moscow Acmeism” of the first half of the 20th century, consciously chosen by the poet as a reaction to the ideological pressure of the Soviet state in the field of literary policy.

The purpose is to trace the formation of this author’s strategy, its causes and reflection in the poet’s lyrics.

Material and methods. The methodology of research assumes a literary interpretation of lyrical texts based on the aesthetics and poetics of Acmeism, using the method of intertextual analysis and comparative method of analysis of the poetic text, involving historical commentary.

Results and discussion. Georgy Shengeli’s lyrics have rarely attracted the attention of literary critics for the analysis of their poetics; our study is designed to consider the influence of Acmeism on the poetic fabric of texts from different periods of the author’s work, to discover the similarity of the aesthetic and outlook of the poet to the emigrant lyrics, the main theme of which was nostalgia, caused by the forced cultural isolation.

Conclusion. Georgy Shengeli's lyrics fully reflect the strategy of cultural isolation chosen by the poet as the only possible option for creative existence at a time of active promotion of official Soviet art. The poet regarded his "departure" into the world of Culture as a mission for its preservation, voluntarily undertaken as an heir to the Silver Age of Russian poetry. Shengeli, who knew the first generation of great names of the early 20th century, considered as his duty to continue his work as a younger and one of the last in the cohort of poets who did not leave their homeland in the throes of its tragic trials. His experience of forced "retreat into the literary underground" was akin to the emigrant experience of refugee poets resulting from the separation from their native cultural soil. The obvious affinity is largely explained by the commonality of the "cultural womb" of Acmeism, which nurtured Shengeli and his fellow emigrants. The idea of preserving the traditions of Russian literature in the Word unites the poets who live on different sides of the border, and once again proves the vagueness of these borders for a united great Russian culture.

Keywords: Georgy Shengeli, "Moscow acmeism", cultural isolation, acmeist traditions, "internal emigration"

For citation: Khadynskaya A. A. Georgiy Shengeli: kul'turnaya izolyatsiya kak poeticheskaya strategiya [Georgy Shengeli: Cultural Isolation as a Poetic Strategy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 145–155 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-145-155>

Введение

Георгию Аркадьевичу Шенгели (1894–1956) выпала доля так называемого «внутреннего эмигранта»: за границу после революционных событий 1917 г. он не уехал, но остался внутренне чужд советской власти, не приняв ее эстетических установок и оставшись верным идеалам Серебряного века. Творчество Г. Шенгели относят к течению «московского акмеизма», в отличие от «петербургского», не столь известного в силу некоторой его вторичности (его появление датируют 1923 г.) и камерности, а также неоформленности в качестве поэтического движения. Наряду с Г. Шенгели с разной долей причастности в качестве участников московского акмеистического круга можно отметить Михаила Зенкевича, Николая Минаева, Дмитрия Усова, Марка Тарловского, Марию Яковлеву-Ямпольскую и Надежду Пресман-Фридман. Творческого объединения по принципу гумилевских «штудий» москвичи не создали, большей частью движение существовало в формате поэтических встреч единомышленников, с чего началось для Георгия Шенгели «внедрение» в большую русскую культуру.

Он не был столичным жителем, родился в Темрюке, учился в керченской Александровской гимназии и Харьковском университете, хотя успел недолго побывать студентом юридического факультета Московского университета. Творческая биография Шенгели во многом типична для молодого провинциала того времени, решившего стать настоящим поэтом: влияние Северянина в ранней лирике (сборник «Гонг», вышедший в 1916 г. и дружба с автором «поэз»), интерес к акмеизму (сборник «Раковина» 1918 г. и знакомство с О. Мандельштамом) и важнейший вопрос выбора, с «кем быть мастеру культуры» после появления пролетарской диктатуры в идеологии и культуре. Шенгели выбрал поначалу «белый путь», отправившись на родину в Крым и став «комиссаром искусств» у белогвардейцев, но позже, решив, что вариант эми-

рации ему не подходит, вернулся в 1922 г. в Москву и, не примыкая ни к одному из лагерей, выбрал научную карьеру: будучи профессором филологии, стал преподавать в Литературном институте, писать работы по стиховедению, научное значение которых не утратилось и в наши дни. Для Шенгели научное и поэтическое творчество были во многом не параллельными, а содружественными путями в освоении «тайн ремесла». Обогащая друг друга, эти две ипостаси его дарования дали миру большого поэта, сохранившего традиции Серебряного века в советском XX в., к поэзии «неидеологической» явно не расположенном. Наиболее продуктивными для Шенгели стали 1920–30-е гг., когда вышел сборник «Избранные стихи», куда вошли его лучшие произведения. Кроме того, Шенгели, как и многие его собратья по перу, активно занимался художественным переводом, его русские версии западноевропейских поэтов до сих пор можно считать одними из лучших. Перевод как «способ эмигрировать», не покидая родину, стал для Шенгели личным вариантом связи с мировой литературой, что для него как для поэта большой культуры было вопросом принципиальным. Энергии Шенгели хватало и на общественную работу: в 1925 г. он становится председателем Всероссийского союза поэтов и прикладывает немало усилий по просвещению молодежи из низов, приобщившейся к литературе во многом стихийно, не имевшей системных знаний и в целом малообразованной. Он издал ряд популярных книг по стихосложению для начинающих поэтов, искренне полагая, что если у человека есть творческий дар, то это поможет ему на поэтическом пути облечь мысль в «правильные слова».

Отношение властей к Шенгели резко изменилось после его памфлета «Маяковский во весь рост» (1927), в котором им было оспорено величие и новаторство поэта революции. Подобные статьи вполне мог опубликовать эмигрант за границей, что лишний раз доказало бы его неблагонадежность. Но в случае с Шенгели это было вдвойне

непростительно с учетом его внедренности в научную и общественную жизнь советского государства. Личное мнение, к сожалению, стало серьезным препятствием в дальнейшей карьере, Шенгели перестали печатать, завершилась его научная и преподавательская деятельность, и в конце жизни он в основном занимался переводами, хотя своего часа ждали написанные «в стол» «Повар базилевса (Византийская повесть)», книга стихов и переводов «Ветер», многочисленные статьи и стихотворения.

Долгое время творчество Георгия Шенгели было на периферии исследовательского интереса, если не сказать больше – на протяжении многих лет мало кто знал его как поэта, воспринимая большей частью как переводчика и теоретика литературы. В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. были попытки публикации некоторых подборок стихов и очерков Г. Шенгели в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Литературное обозрение» и пр., иногда даже с качественным комментарием [1, 2]; М. Гаспаров по достоинству оценил блестящие знания Шенгели как теоретика-стиховеда [3], но работ по поэтике не появлялось по причине отсутствия современного издания творческого наследия Шенгели, тогда как советские издания оставались в архивах практически недоступными. После долгого перерыва были наконец опубликованы стихи и проза Шенгели в сборнике «Иноходец» (Москва, 1997). Комментарий и вступительная статья к книге принадлежат В. Перельмутеру [4]. До ее выхода в свет В. Перельмутер опубликовал статью о поэзии Шенгели, которая и легла в основу «вступительного очерка» к сборнику, как назвал его сам исследователь [5]. В статье представлена творческая биография поэта, вписанная в историю непростой эпохи, в которую тому выпало жить, а сам поэт причислен к последнему поколению Серебряного века русской поэзии, знавшему всех представителей первого поколения лично и принявшему от них поэтическую эстафету, которую, по сетованиям самого Шенгели, уже некому было передать. В настоящее время благодаря стараниям В. А. Резвого и В. Э. Молодякова мы имеем новое издание творческого наследия поэта, в котором собраны практически все известные на данный момент его произведения [6].

Вслед за В. Перельмутером последовала серия статей К. Ю. Постоутенко: к 75-летию сборника «Гонг» [7], о полемике Шенгели с В. Маяковским [8], об исследовании поэтом семантики метра [9], об отношениях поэта с А. Ахматовой [10].

Существенным вкладом в изучение творчества Г. Шенгели можно назвать книгу В. Э. Молодякова, представляющую собой биографию поэта, дополненную уникальными малоизвестными фактами

разных периодов жизни Г. Шенгели, раскрывающую обстоятельства написания многих его произведений [11].

Переводческий талант Шенгели был отмечен современниками еще при его жизни, с 2000-х гг. интерес к этой сфере его деятельности возродился, появились работы в указанной области [12–16].

Во втором десятилетии XXI в. исследования касались пушкинианы Шенгели [17–20], его таланта как ученого и поэта [21]. Но все же следует отметить явный недостаток исследований в области поэтики Шенгели как наследника поэзии Серебряного века, которые бы показали его преемственность с литературой эмиграции – прямой наследницы этой эпохи, которой удалось «продлить» ее, сохранив поэтические традиции метрополии вдали от родины. Шенгели, оставшись в России, по сути, реализовал стратегию культурной изоляции как форму «внутренней эмиграции»; в полной мере осознавая опасность подобной позиции, он, как человек культуры, не мог «поступиться принципами» и отречься от «присяги», данной поэтическому слову.

Примечательно, что сходство судеб эмигрантов «внешних» и «внутренних» было очевидно для всех. И если первые были отдалены от родины и русского читателя в прямом смысле слова, то вторые – опосредованно, через осознанное игнорирование властями и различные виды «публичной порки». Ю. Павельева в статье об эмигранте второй волны Дмитриии Кленовском делится его размышлениями о близости участи «поэтов оставленной родины» и беженцев и приводит выведенные тем разновидности «бескровной казни»: публичное оскорбление, казнь молчанием, казнь забвением, наконец, «пытка редактором» [22, с. 191]. В случае с Шенгели, равно как и с Ахматовой с Мандельштамом, Кленовского возмущает поведение на поэтических вечерах новой «пролеткультурской» молодежи, «тщеславной» и малограмотной, презирующей «прежние авторитеты», после встречи с которой поэтам уже не хотелось «подвергать себя и свое творчество публичным оскорблениям», и они «попытались, ушли в себя» [22, с. 191]. Правдивы и горьки слова Кленовского о поэте, отринутым «псевдолитературной публикой»: «Казненный молчанием Шенгели печататься не мог и превратился в преподавателя стихосложения на литературном факультете Московского университета, достигнув в сей науке большой эрудиции и профессорского звания. Но к чему была ему эрудиция без собственного творчества?» [22, с. 191].

В начале своей литературной деятельности он увлекся И. Северяниным, подражал его поэмам, а потом стал его другом, и они даже совместно

предприняли модное в начале XX в. турне по стране с поэтическими концертами, но вскоре интерес к этому течению у Шенгели иссяк, хотя дружба с мэтром эгофутуризма длилась долгие годы, большей частью по переписке, когда Северянин после октябрьских событий эмигрировал в Прибалтику. Подлинной культурной почвой, взрастившей из Шенгели настоящего поэта, стал акмеизм, к которому он тяготел в силу интереса к мировой культуре и литературе, блестящим знатоком которых он стал еще со студенческих лет. Акмеистическое мировидение оказалось близко поэту своим сакральным отношением к слову и его животворящей сути, глубоким проникновением в культуру других народов и верой в возможность диалога человека и мира. В работах по творчеству Г. Шенгели эта особенность редко указывается, косвенным свидетельством акмеистической ориентации поэта можно считать небольшую работу И. Б. Иткина, в которой он проводит текстологические разыскания, доказывающие близость одного из стихотворений Шенгели к Н. Гумилеву, причем речь идет об осознанной аллюзии как диалоге с мэтром акмеизма [23]. Нами также уже была предпринята попытка анализа экфрасиса в ранней лирике Г. Шенгели как черты акмеистической поэтики [24].

Материал и методы

Перечисленные факты биографии Шенгели во многом способствовали формированию у поэта особой жизненной и творческой установки – стратегии культурной изоляции, которая стала вынужденной мерой для сохранения в его собственном лице традиций русской классической поэзии в условиях формирования новой культурной политики, принципиально эти традиции отрицающей. В глазах созидателей «нового мира» Шенгели был прежде всего ученым-филологом, переводчиком и общественным деятелем, радеющим за просвещение пролетарского юношества, что, в сущности, соответствовало реальности, но его увлечение поэзией, не так заметное окружающим, для него самого было тем сакральным служением слову, для чего и рождаются настоящие поэты и чему они посвящают всю свою жизнь. «Тайная» поэтическая жизнь стала у Шенгели таковой в обстоятельствах «непреодолимой силы» в виде господствующей идеологии соцреализма, не приемлющей культурного плюрализма.

С нашей точки зрения, стратегию культурной изоляции у Шенгели следует возводить к особенности его поэтического мировидения, акмеистического по своему генезу. Именно идея сохранения сакральности Слова в эпоху ее тотальной утраты двигала им как поэтом, когда он размышлял об опасности отрыва от традиции и предвидел губи-

тельные последствия этого явления для культуры. Материалом для исследования послужил корпус поэтических текстов Шенгели разных периодов творчества, представленный в сборнике «Иноходец». В основе анализа лирики лежал комплексный подход: рассмотрение стихотворений в историческом контексте с учетом интертекстуальных связей, с применением герменевтического инструментария и сопоставительного метода при анализе поэтического материала.

Результаты и обсуждение

Акмеизм стал для Шенгели поэтическим ориентиром и во многом определил его раннее творчество, и впоследствии, в зрелом творчестве, стал его «культурным прибежищем», в котором он спасался от «официального» советского искусства.

В ранних стихах Шенгели можно обнаружить обширную мировую культурную географию: Босфор Кимерийский, Скифия, Самарканд, Солт-Лейк-Сити, Италия, Ватикан, Ливан, Амстердам и пр. Российские Крым, Кавказ и Кубань нашли особое место в душе лирического героя – эти южные русские земли стали важным культурным локусом в поэтическом мире Шенгели, знаком его приверженности отечественной классике. Например, воспоминания о Фанагории рожают в памяти суворовские походы («суворовская спит Фанагория» [6, с. 71]), Лермонтова – «певца заброшенной Тамани» [6, с. 71] с его Бэлой и пейзажами Кавказа. Шенгели живет в мире культурного прошлого, для него образы из художественных текстов столь же реальны, как и его современники. В стихотворении «Сижу, окутан влажной простынею...» герой бредет у «цирульника», и тот подает ему таз для бритья, который вызывает у него ожидаемую культурную ассоциацию:

И вдруг цирульник подает мне тазик,
Свинцовый тазик с выемчатым краем,
Точь-в-точь такой, как Дон-Кихот когда-то
Взял вместо шлема в площадной цирульне.
[6, с. 75]

Углядывая в каждом предмете нынешнего бытия приметы его исторического культурного прототипа, герой задается вопросом:

Какая глушь! Какая старь! Который
Над нами век проносится? Ужели
В своем движении повторном время
Всё теми же путями пробегает?
[6, с. 75]

И сам же себе отвечает:

О нет! Себя не повторяет время.
Пусть всё как встарь, но сердце вновь немо:
Носильщиком влачит сухое бремя,
Не обрета мечтательного шлема.
[6, с. 75]

Рефлексия прошлого в сопоставлении с настоящим приводит героя к мысли о вынужденной культурной изоляции: все эти образы живы только в его сознании, лишь ему, имеющему акмеистически «наточенное» зрение, виден этот «палимпсест культуры», и ему не с кем об этом поговорить. Время акмеизма ушло, наступила новая эра советского искусства, продекларировавшего жизнь с «чистого листа», что не желает принять поэт, тысячами нитей связанный с мировой культурной традицией. Поэзия становится у Шенгели способом сохранения культуры в слове, он выбирает ее себе в собеседники по завету Тютчева – «есть целый мир в душе твоей», ибо они говорят на одном языке.

Шенгелиевские тексты, перенасыщенные культурными аллюзиями, ищут и не находят достойного читателя среди современников, его поэзия из разряда «в стол» не находит выхода к интеллектуальной публике, и поэту остается лишь надеяться на отклик в следующих поколениях. В раннем стихотворении «Вон парус виден. Ветер дует с юга...» (1919) эта надежда была для поэта реальной:

Придет поэт. И снова Арго старый
Звон подвига в упругий стих вольет,
И правнук наш, одетый смутной чарой,
О нашем времени томительно вздохнет.
[6, с. 76]

Но чем старше становился поэт, тем больше он осознавал опасность остаться без собеседника: уходящий «старый мир» не мог уже тягаться с новой порослью «агитпроповской» молодежи. В диптихе «Дом» в первой части описывается дом со столетней историей, хранящий память о людях, здесь бывавших («Мавромихалис иль Маврокордато / Оттуда воскрешали свой народ», «туда входил корсар эгейских вод» [6, с. 84]), в числе которых предполагался и Пушкин (намек на известный биографический момент его южной ссылки):

Порой там бал плыл на паркете скользком
И Воронцов, идя с хозяйкой в «польском»,
Взор укусный на Пушкина цедил.
[6, с. 84]

Во второй части показана судьба дома в советской России, в нем «сошлись два мира в смертном поединке», и новый «пиит», карикатурно носящий пушкинские бакенбарды, «повелевает громами» нового мира:

Теперь там агитпроп. Трещат машинки
Среди фанерных, сплошь в плакатах, стен;
В чаду махры – мохрами гобелен;
И заву – борщ приносят в грубой крынке.
.....
Носящий баки (Пушкину вослед)
Здесь, к символу камина, стал поэт
И думает, жуя ломоть ячменный,
Что стих его – планету оплеснул

И, подавляя голос папских булл,
Как брат грозы, стремится по вселенной!
[6, с. 84]

Себя Шенгели отделяет от подобного «витии», жизнь свою он мерит иной меркой, и смерть осознается им как переход в иной мир – вечного искусства, ибо у него уже при жизни есть этот выход в «иное измерение», над которым время не властно. В стихотворении «Когда свеча неспешно угасает...» лирический герой-поэт, предчувствуя конец, желает, чтобы его уход был растворением в мировом культурном пространстве:

И вижу я, как смерть меня торопит.
Не выскажу, лукаво промолчу.
И пусть меня летейский мрак утопит,
Как топят ночь и стих мой, и свечу.
[6, с. 85]

Эта же мысль повторяется в стихотворении «В звездный вечер помчались...», герой которого оценивает современную ситуацию с позиции сходства ее с былыми веками:

Который
Век проплывает,
Какое
Несет нас в просторы судно,
Арго ль хищник,
Хирама ли мирный корабль,
Каравелла ль
Старца Колумба?..
Сладко
Слышать твой шепот, Вечность!
[6, с. 86]

В сохранении культуры поэт видит свою главную задачу, миссию и предназначение. Прошлое живо в поэтических строках, и сбережение его в наступившие страшные «непоэтические времена» равносильно подвигу. В стихотворении «Поэту» наставления собрату по перу изложены в традиции русских классиков, передающих свою энергию последующим поколениям.

Да, стиснуть зубы, губы сжать, как шпагу,
Перо в тугие пальцы вплавить, сердце
Взнуздать и мысль рассечь ланцетом – вот
Поэта полуночный подвиг.
[6, с. 93]

Культурный ассоциативный ряд здесь очевиден: перо в лучших классических традициях приравнивается к оружию (шпага как аналог пушкинскому и лермонтовскому кинжалам), «ланцет» как инструмент хирурга и «сердце» отсылают к известным пушкинским строкам – «и он мне грудь рассек мечом / И сердце трепетное вынул» – своеобразное воспроизведение «операции» серафима в «Пророке». Стихотворение завершается хрестоматийными образами паруса и ветра, символизирующими вечное движение вперед и неустоимость поэта,

а лирические строки призваны «реинкарнировать» золото угаснувшего «солнца русской поэзии»:

Ветр дует в парус и подолы крутит,
Но мчится, мчится, мчится. Будь и ты
Подобен ветру. Но стреми не воздух,
А вескую, а золотую жидкость, –
Настой давно угаснувшего солнца.
[6, с. 93]

Аналогию современной ситуации Шенгели видит в истории с Бетховеном, зашедшим в лавку антиквара узнать, проданы ли сданные им вещи. Обнаружив в углу свой же пыльный клавесин, он начинает играть на нем, не замечая «онемевших» клавиш и не слыша фальшивых звуков расстроенного инструмента. Музыка звучит в душе оглохшего композитора, и ему совершенно неважно, как воспринимают это слушатели:

Хозяин к ушам прижимает испуганно руки,
Учтивостью жертвуя, лишь бы не резали звуки;
Мальчишка от хохота рот до ушей разекает, –
Бетховен не видит, Бетховен не слышит –
играет!
[6, с. 102]

Поэт у Шенгели, находясь в вынужденной культурной изоляции, не может и не должен сверять свой камертон с глухой к искусству публикой, вступать с ней в полемику и объяснять ей суть искусства – он по-пушкински сам себе судия. В теме глухоты/слуха/молчания очевидна аллюзия на тютчевский *Silentium*, заканчивающийся призывом «внимать пенью» дневного мира и – молчать!

Стратегия молчания/изоляции оказывается самой верной в сложившейся обстановке культурной «глухоты». Этой теме вторит еще один обертон/вариация у Шенгели – скрипки и льда, «замороженной музыки», от которой герой также становится «нем» (стихотворение «Музе»). Порой тяжесть этой изоляции ощущается им как смерть, пришедшая на смену радостной жизни в лоне искусства. Лирический герой пробует играть на ледяной (замороженной) скрипке, звуки «впиваются льдинкой» в ухо и вылечивают его от «зубной боли» – жизненных мук. Но отогретая скрипка стала «немой», и герой в желании остаться в ледяном сне, сопоставимом со смертью, ибо только так он сможет сохранить свою музыку, восклицает:

Ты хочешь, чтобы стал я нем?
Скорбишь о холоде моем?
Скучаешь по другом, горячем?
Мечтаешь, как с цыганским плачем
С тобой мы о любви споем?
Ведь ты ж сама день ото дня
Со мной была всё боле строгой, –
Так пожалей же и не трогай
И не отогревай меня.
[6, с. 104].

Как видно из проанализированного текста, реализация бинарной оппозиции «тепло – холод» в художественном мире Шенгели возможна в оксюморонном варианте. В стихотворении «Дача» сочетание летнего холода отсылает к «летейской стуже», это ощущение «смерти наяву» (темно, холодно, тело немотствует). Лирический герой достигнут в момент творческого уединения, но оно безрадостно для него.

О летняя тоска, – особый дачный холод
В картонной комнате, где к потолку приколот
Пучок бессмертника, где узкая кровать
Окну подставила свой бок – отсыревать.
[6, с. 105].

Традиционное пространство для творчества (дача как вариация пушкинского дома/усадьбы в деревне – «приют спокойствия, трудов и вдохновения») становится тягостным местом заточения, и музыка сфер превращается в «скрипок хриплый вой», вся жизнь воспринимается как «томительный» и «тягучий бред»; герой лишен сил и, сидя в темноте, физически ощущает себя в «потустороннем мире», о чем говорит аллитерационно-ассонансный комплекс на *л/т/м/н/е/о*, созвучный словам «Лета» («река забвения»), «тело» и «темно» (выделение в тексте наше. – А. Х.):

**Но там – что делать мне? И лето отлетело,
Немоте и тоске покорным стало тело.**
И у окна сижу. **Темно.** И в глуби рощ
Гнилушки светятся и редкий краплет дождь.
[6, с. 106].

Немота как синоним отсутствия вдохновения нередко одолевает лирического героя, так он констатирует ослабление витальной энергии, столь необходимой для поэта, связывающей его с миром. Музыка, как и стихи, отражает внутренний порыв творческого человека, являясь формами его взаимодействия с мировым пространством. «Скрипичная тема» неоднократно звучит у Шенгели в связи с темой предназначения поэта. В стихотворении «Белый дом, большой и ровный...» лирический герой слышит мелодию скрипки, на ней играет старуха, и он потрясен силой музыки, заставляющей ее забыть о «гробе»:

Неужели та старуха
В кружевной, в крутой наколке
Ревматической рукою
Заставляет петь смычок?
Неужели в старом сердце
Вместо помыслов о гробе
Есть такая буря скорби,
Сумасшедшей страсти взмыв?
Неужели Страдиварий
Палисандровую скрипкой
Перевесил гроб дубовый
На решающих весах? [6, с. 115].

Герой не находит в себе такой витальной энергии, его дом не «большой и белый», куда он заглядывал в окна, а тяжелый, пустой и холодный, и он в горьком порыве восклицает:

Поменяться бы судьбою,
Холод свой отдать за старость,
За kloкочущую скрипку,
За бунтующую боль!
[6, с. 15].

Образ дома двойится у Шенгели: то он пуст и бесприютен, то выступает прибежищем героя, где он в окружении книг попадает в спасительное лоно искусства (аллюзии на пушкинский «Городок»). В стихотворении «За окнами – многоэтажный дом...» герой ночью спускается к морю и смотрит на вечерние огни на побережье: древняя крымская земля дышит историей, его Пантикапея всегда с ним, равно как и акации, напоминающие знаменитые Пропилеи:

И снова я в моей Пантикапее...
Мой пробковый сейчас надену шлем
И в темноту, в темно-соленый ветер,
По улицам, по крупной чешуе
Булыжников, пойду туда. Там бело;
Акации, как Пропилеи, встали
И древностью, и медом, и любовью
Струятся вниз...
[6, с. 131].

В зрелой лирике к Шенгели приходит осознание нелегкого пути поэта, родившегося не в свое время, точнее, дожившего до иных времен, когда прежняя поэзия, дышавшая культурой, оказалась не нужна. И ему приходится делать выбор, какую сторону занять, и он, в свое время присягнувший слову, делает его без раздумий, понимая, какую цену он за это заплатит. Эта цена – одиночество, уже экзистенциального плана, поэт один на краю бездны, и в этом смысле поздняя лирика Шенгели очень близка к трагической поэзии эмигрантского Г. Иванова, по мнению В. Заманской, первого русского экзистенциалиста. По сути, Шенгели можно отнести к представителям так называемой внутренней эмиграции, эстетическая позиция которых близка к эмигрантской. Утрата родной культурной почвы у последних оказалась сродни культурной изоляции «внутренних эмигрантов», сознательно выбравших путь, отличный от линии официального советского искусства (А. Ахматова, Б. Пастернак и пр.). Невозможность «встать в полный рост», сказать свое поэтическое слово «в полный голос» объясняет у Шенгели нарастание трагических настроений, фиксацию упадка сил в этой душевной и духовной борьбе, потому что надо было где-то черпать силы, и обращений к питательной силе мировой культуры уже не хватало. Стихотворение с красноречивым названием

«Итог» вполне могло быть написано эмигрантом Г. Ивановым, осознавшим невозвратность прошлого и невозможность умереть в родном краю с его акцентуацией эмиграции как смерти при жизни:

Я к минувшему стал равнодушен;
О несбывшемся поздно жалеть;
И любимый мой город разрушен,
И в чужом предстоит умереть.
И не будет для мертвого взора,
Что давно уж в тумане одрях,
Ни бессмертной лазури Босфора,
Ни колонны в коринфских кудрях.
[6, с. 161].

Этой же теме принадлежат стихотворения «Одиночество» и «Неврастения», стилистически, тематически и образно очень близкие к трагическому мироощущению позднего Г. Иванова, чей лирический герой фиксирует утрату эстетических ориентиров как распад своего сознания на соматическом уровне, как физический недуг, телесную болезнь. В «Одиночестве» герой и его собака («Мы живем вчетвером: я, собака / и наши две тени») словно находятся в инфернальном пространстве: они «полны отвратительной лени», их тени «кривляются, – / ноги бы вывернуть им!» [6, с. 209]. Герой объясняет происходящее отсутствием в организме фосфора и, как следствие, нервным расстройством, но на самом деле физическое недомогание есть соматический знак духовного истощения, мыслимого как бессилие культурного человека перед распадом мира:

И – стою: интеллект,
гражданин, пожилой и почтенный;
Оловянная изморозь,
слышу, растет на стене.
Я затерян среди
равнодушно висящей вселенной,
Свидригайловской вечностью
душу расплюснувшей мне...
[6, с. 209].

Известный герой Ф. М. Достоевского упомянут в связи с некоторыми характеристиками от лица других персонажей: его неоднократно называли «сумасбродом» и «сумасшедшим», то есть человеком, утратившим чувство реальности, который закончил жизнь, если сказать словами Г. Иванова, «с отчаяньем прыгая в мрак». В «Неврастении» герой воспринимает туман как ядовитый газ, в чаду которого путается сознание, выдавая, как в бреду, беспорядочную кавалькаду литературных образов, в числе которых оказывается Голядкин – знак двойственности, сумасшествия и душевной болезни. Примечательно, что у Достоевского в момент обнаружения господином Голядкиным своего двойника рядом с ним оказалась собачонка, мокрая и продрогшая: образ собаки в «Одиночестве можно

воспринять как автоцитату, оно написано спустя 7 лет после «Неврастении». Аллюзивно тема собаки и мира смерти связана с Мефистофелем и его пуделем из «Фауста» Гете. Тема двойничества, заявленная как одна из доминирующих в лирике Г. Иванова («мне исковеркал жизнь талант двойного зрения»), поддерживается у Шенгели через обширный литературный контекст, аккумулируя весь опыт мировой культуры:

И черным двойником ложится на асфальт,
Всегда двумерная, моя неврастения!
[6, с. 178].

Тема двойничества является сюжетной основой в стихотворении «Портрет Дориана Грея». Лирический герой осознает себя, перефразируя Тютчева, жильцом «двух миров» и их пленником одновременно, он завидует свободе злого гения, именно ее он лишен, именно эта вынужденная закрытость, отгороженность его поэзии от достойного читателя усугубляет чувство изоляции, оторванности от свободной поэтической стихии:

Я – тот портрет. Гуляет где-то
Нетленный мой оригинал,
Чтобы у пленного портрета
Свинцовый взор и рот ветшал.
[6, с. 219].

В этом мире герой ощущает себя несвободным, он словно при жизни попадает в объятия смерти, совершая акт поэтического самоубийства; оружие в данном случае выступает как амбивалентный символ, оборачиваясь против него самого:

Лишь он бы, низкий и жестокий,
Мог вольным быть, как не был я,
И не вонзил бы эти строки
В себя – в замену лезвия!
[6, с. 219].

Подобно Г. Иванову Шенгели хватается за искусство как за последний оплот сохранения в себе подлинного эстетического чувства. В обращении к самому себе как к «другу-стихотворцу», «безвестному керченскому бродяжке», поэт вспоминает свое поэтическое становление, благодарит за это природу и искусство (акмеистические постулаты!) и словно заговаривает себя, призывает не уходить с этого тернистого пути (стихотворение «Поэту»):

Дней осталось у тебя немного;
Не растрать хотя бы одного:
Далеко не пройдена дорога,
А с тобою – никого...
.....
Что успел ты? Где твой Мир певучий?
Долог путь, а мало впереди
Дней и лет... Так стисни зубы круче
И спеш! Не жди! Иди!
[6, с. 164].

Это заклинание «самоубеждения», уверения в собственной правоте, как молитва, повторится не раз в поздних стихах Шенгели; рефреном звучит у него пушкинский мотив бессмертия поэта, пока жива его поэзия:

Не уступлю дневному блуду!
Я был поэт! Я есмь поэт!
И я всегда поэтом буду!
Мой тесен мир: он в мутном сне,
Он огражден вседневной ширмой,
Но звезды падают ко мне
И говорят... Огромен мир мой!

.....
Всё сохраню, всё пронесу, –
И вечность, что открыл мне Пушкин...

.....
И долго буду мертв, – пока,
Устав от дел, в ночи бессонной
Меня грядущие века
Не вскинут трубкой телефонной.
[6, с. 168].

Рефлексия собственного творчества становится главной темой поздней лирики Шенгели. Эта экзистенциальная черта выражена у него манифестно, во многом по-ивановски, с констатацией вселенской усталости и соматической немощи. С горечью отмечая «утрату энергии» в этой неравной борьбе за искусство в антиэстетическое время, поэт из последних сил несет свою свечу, «сигналист» культурному миру о том, что он еще жив (стихотворение «Тут можно бы нагородить метафор...»):

Но хочется, без всяких выкрутасов,
Чеканить – как для бронзовых таблиц, –
Веревкой власяницу опоясав,
Сказать свое сквозь щебет мелких птиц.
Я ведь к моим привык робинзонадам,
Привык брести, обрызганный росой...
Но обмер Робинзон, увидев рядом
С собой на пляже – след ноги босой!..
[6, с. 245].

Находясь в культурной изоляции, ощущая себя Робинзоном, поэт живет мыслью о том, что он все же не одинок и сможет отыскать своих соратников («след ноги босой»), такую возможность дает ему искусство, только там и остались у него единомышленники.

В последние годы поэт, уставший и морально, и физически, пишет миру из своей «культурной темницы» гимн поэтической жизни, выполняя последний пушкинский наказ «последнего пиита», передавая эстафету последующим поколениям:

... Ты призван жить еще.
Тебе ль клонить покорное плечо,
Когда морской дышать ты можешь далью.
Ты целый год эпохе задолжал,
Ну и плати – не золотом, так сталью;

Но помни: золот пушкинский «Кинжал»!
[6, с. 259].

Заключение

Таким образом, культурная изоляция Георгия Шенгели стала поэтической стратегией, определив его эстетические установки «преемственности» русского культурного кода, идущие от акмеизма. С нашей точки зрения, выбор этой стратегии обусловлен генетической близостью Шенгели к поэтике этого течения. Не принадлежа ему в полной мере, он тем не менее в своем творчестве продолжил его традиции в неакмеистическое время, доказывая

жизнеспособность этого уникального по своему проникновению в мир культуры литературного явления. Акмеистическая идея единства слова и мира воплотилась у поэта в стремлении сохранить «порвавшуюся связь времен», стать тем связующим звеном, которое соединит «век нынешний и век минувший». Осознавая свою принадлежность к русской и мировой литературе, Шенгели идет на добровольное «внутреннее изгнание», чтобы, выполняя известный пушкинский завет, сохранить этот величайший мир для потомков, выполняя тем самым особую миссию по сохранению культуры.

Список источников

1. Кривцова А., Ланн Е. О Шенгели / публ., вступ. заметка и примеч. П. Нерлера // Вопросы литературы. 1987. № 6. С. 278–280.
2. Очерки белогвардейского тыла. Главы из романа-хроники Г. А. Шенгели «Черный погон» / публ. А. В. Маньковского // Встречи с прошлым: сб. материалов ЦГАЛИ СССР. М.: Сов. Россия, 1990. Вып. 7. С. 122–156.
3. Гаспаров М. Георгий Шенгели, ученый поэт // Арион. 1997. № 4. С. 32–36.
4. Шенгели Г. Иноходец: собр. стихов. Повар базилевса: Византийская повесть. Литературные статьи. Воспоминания. М.: Совпадение, 1997. 542 с.
5. Перельмутер В. Живущий на маяке: над архивом Георгия Шенгели // Вопросы литературы, 1990. № 6. С. 57–85.
6. Шенгели Г. А. Стихотворения и поэмы: в 2 т. / сост., подгот. текста, ком. В. А. Резвого, биограф. очерк В. Э. Молодякова. М., 2017.
7. Постоутенко К. Ю. 75 лет книге (Георгий Шенгели. «Гонг». 1916–1991) // Памятные книжные даты. 1991. М., 1991. С. 174–177.
8. Постоутенко К. Ю. Маяковский и Шенгели (к истории полемики) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1991. Т. 50, № 6. С. 231–240.
9. Постоутенко К. Ю. Г. А. Шенгели о семантике метра (К итогам русской нормативной поэтики) // Культура русского модернизма (UCLA Slavic Studies. Vol. 1). М., 1993. С. 280–290.
10. Постоутенко К. Ю. Анна Ахматова и Георгий Шенгели: к истории взаимоотношений // Поэзия и живопись: сборник трудов памяти Н. И. Харджиева. М., 2000. С. 727–735.
11. Молодяков В. Э. Георгий Шенгели. Биография. М.: Водолей, 2016. 616 с.
12. Жолковский А. «Крепкая вода» – крепкий орешек. О тонкостях перевода // Стенгазета. 1 марта 2007 // URL: <https://stengazeta.net/?p=10002931> (дата обращения: 01.08.2022).
13. Жуковская Т. Н. Георгий Шенгели: поэт, теоретик стиха и переводчик // Крымский архив. 2015. № 3 (18). С. 73–87.
14. Резвый В. А. «Фальсификация Шекспира»: неизданная статья Георгия Шенгели о переводах Бориса Пастернака // Studia Litterarum. 2017. Т. 2, № 3. С. 300–333.
15. Егорова Л. В. Лорд Байрон в переводах Георгия Шенгели // Вопросы литературы. 2019. № 4. С. 284–289.
16. Жаткин Д. Н. Г. А. Шенгели и Э. Л. Линецкая: неизвестные материалы к истории первых советских изданий В. Гюго и Э. Верхарна первой половины 1950-х гг. // Художественный перевод и сравнительное литературоведение: сб. науч. тр. / отв. ред. Д. Н. Жаткин. М., 2020. С. 62–75.
17. Станкевич А. И. Пушкиниана Шенгели // Парадигма: философско-культурологический альманах. Даугавпилс: Даугавпилсский университет. 2012. № 20. С. 33–43.
18. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Конкорданс к поэзии А. С. Пушкина, подготовленный в 1930-х гг. Г. А. Шенгели // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78, № 3. С. 39–51.
19. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. «Пушкинский словарь» Г. А. Шенгели: неизданная статья автора конкорданса к стихам А. С. Пушкина // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 458–476.
20. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Из истории пушкинской лексикографии: неудавшаяся попытка Г. А. Шенгели издать «Пушкинский словарь» // Болдинские чтения 2020: материалы междунар. науч. конф. 2020. С. 205–221.
21. Гаспаров М. Л. Георгий Шенгели: от искусства к науке // Избранные труды. Серия: Язык. Семиотика. Культура. М., 2012. С. 656–660.
22. Павельева Ю. «Казненные молчанием»: поэты оставленной родины в оценке поэта DP // Другие берега русской литературы и культуры: идеи, поэтика, контексты. Вроцлав, Краков: Scriptum, 2021. С. 185–196.

23. Иткин И. Б. «Старый доктор в обветшалой тоге...»: об одном «неоконченном» стихотворении Георгия Шенгели // Rhema. Рема. 2018. № 3. С. 9–14.
24. Хадынская А. А. Экфрасис в ранней лирике Георгия Шенгели // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25, № 1 (183). С. 78–87.

References

1. Krivtsova A., Lann E. O Shengeli. Publikatsiya, vstupitel'naya zametka i primechaniya P. Nerlera [About Shengeli. Publication, introductory note and footnote by P. Nerler]. *Voprosy literatury*, 1987, no. 6, pp. 278–280 (in Russian).
2. Ocherki belogvardeyskogo tyila. Glavy iz romana-khroniki G. A. Shengeli "Chyornyy pogon" (Publikatsiya A. V. Man'kovskogo) [Sketches of the White Guard Home Front. Chapters from the novel-chronicle G. A. Shengeli "Black epaulet"]. *Vstrechi s proshlym: Sbornik materialov CzGALI SSSR* [Encounters with the past: a collection of materials from the Central State Archive for Literature of the USSR]. Vol. 7. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1990. Pp. 122–156 (in Russian).
3. Gasparov M. Georgiy Shengeli, uchenyy poet [Georgy Shengeli, scholarly poet]. *Arion*, 1997, no. 4, pp. 32–36 (in Russian).
4. Shengeli G. *Inokhodets: sbornik stikhov. Povar bazilevs: Vizantiyskaya povest'. Literaturnyye stat'i. Vospominaniya* [The Pacer: A Collection of Poems. The Cook of Basileus: A Byzantine Narrative. Literary Articles. Memories]. Moscow, Sovpadeniye Publ., 1997. 542 p. (in Russian).
5. Perel'muter V. Zhivushchiy na mayake: nad arkhivom Georgiya Shengeli [Lighthouse dweller: Above the Georgi Shengeli Archive]. *Voprosy literatury*, 1990, no. 6, pp. 57–85 (in Russian).
6. Shengeli G. A. *Stikhotvoreniya i poemy: v 2 t.* [Shengeli G. A. Stikhotvoreniya i poemy [Rhymes and poems]. In 2 volumes. V. A. Rezvyi (ed. and comm.), V. E. Molodyakova (bio sketch).]. Moscow, 2017 (in Russian).
7. Postoutenko K. Yu. 75 let knige (Georgiy Shengeli. "Gong". 1916–1991) [5 years of the book (Georgy Shengeli. "Gong". 1916–1991)]. In: *Pamyatnyye knizhnyye daty* [Book anniversaries]. Moscow, 1991. Pp. 174–177 (in Russian).
8. Postoutenko K. Yu. Mayakovskiy i Shengeli (k istorii polemiki) [Mayakovskiy and Shengeli: (To the History of the Polemics)]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka – News of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Series*, 1991, vol. 50, no. 6, pp. 231–240 (in Russian).
9. Postoutenko K. Yu. G. A. Shengeli o semantike metra (K itogam russkoy normativnoy poetiki) [G. A. Shengeli about the semantics of meter (To the results of Russian normative poetics)]. In: *Kul'tura russkogo modernizma* [Readings in Russian Modernism]. UCLA Slavic Studies. Vol. 1. Moscow, 1993. Pp. 280–290 (in Russian).
10. Postoutenko K. Yu. Anna Akhmatova i Georgiy Shengeli: k istorii vzaimootnosheniy [Anna Akhmatova and Georgy Shengeli: Toward a History of Relationship]. In: *Poeziya i zhivopis'. Sbornik trudov pamyati N. I. Khardzhieva* [Poetry and painting. Collection of works in memory of N. I. Khardzhiev]. Moscow, 2000. Pp. 727–735 (in Russian).
11. Molodyakov V. E. *Georgiy Shengeli. Biografiya* [Georgy Shengeli. Biography]. Moscow, Vodoley Publ., 2016. 616 p. (in Russian).
12. Zholkovskiy A. "Krepkaya voda" – krepkiy oreshek. O tonkostyakh perevoda ["Hard water" is a hard nut to crack. On the nuances of translation]. *Stengazeta* [Placard newspaper]. 1 marta 2007 (in Russian). URL: <https://stengazeta.net/?p=10002931>. (accessed 1 August 2022).
13. Zhukovskaya T.N. Georgiy Shengeli: poet, teoretik stikha i perevodchik [Georgy Shengeli: poet, poetry theorist, and translator]. *Krymskiy arkhiv*, 2015, no. 3 (18), pp. 73–87 (in Russian).
14. Rezvyi V.A. "Fal'sifikatsiya Shekspira": neizdannaya stat'ya Georgiya Shengeli o perevodakh Borisa Pasternaka ["The Falsification of Shakespeare": Georgy Shengeli's unpublished article about Boris Pasternak's translations]. *Studia Litterarum*, 2017, vol. 2, no 3, pp. 300–333 (in Russian).
15. Egorova L.V. Lord Bayron v perevodakh Georgiya Shengeli [Lord Byron in translations by Georgy Shengeli]. *Voprosy literatury*, 2019, no. 4, pp. 284–289 (in Russian).
16. Zhatkin D. N. G. A. Shengeli i E. L. Linetskaya: neizvestnyye materialy k istorii pervykh sovetskikh izdaniy V. Gyugo i E. Verkharna pervoy poloviny 1950-kh gg. [G. A. Shengeli and E. L. Linetskaya: Unknown Materials for the History of the First Soviet Editions of V. Hugo and E. Verhaeren of the first half of the 1950s.]. *Khudozhestvennyy perevod i sravnitel'noye literaturovedeniye. Sbornik nauchnykh trudov*. Otv. redaktor D. N. Zhatkin [Literary Translation and Comparative Literature. Collection of scientific works]. Moscow, 2020. Pp. 62–75 (in Russian).
17. Stankevich A. I. Pushkiniana Shengeli [Shengeli's Pushkiniana]. *Paradigma: filosofsko-kul'turologicheskiy al'manakh* [Paradigm: A Philosophical and Culturological Almanac]. Daugavpils, University of Daugavpils Publ., 2012, no. 20, pp. 33–43 (in Russian).
18. Vasil'yev N. L., Zhatkin D. N. Konkordans k poezii A. S. Pushkina, podgotovlennyy v 1930-kh gg. G. A. Shengeli [Concordance to the poetry of Alexander Pushkin, prepared in the 1930s by G. A. Shengeli]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka – News of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Series*, 2019, vol. 78, no. 3, pp. 39–51 (in Russian).
19. Vasil'yev N. L., Zhatkin D. N. "Pushkinskiy slovar'" G. A. Shengeli: neizdannaya stat'ya avtora konkordansa k stikham A. S. Pushkina ["Pushkin's Dictionary" by G. A. Shengeli: an unpublished article by the author of the concordance to the poems of Alexander Pushkin]. *Literaturnyy fakt – Literary Fact*, 2020, no. 1 (15), pp. 458–476 (in Russian).

20. Vasil'yev N. L., Zhatkin D. N. Iz istorii pushkinskoy leksikografii: neudavshayasya popytka G. A. Shengeli izdat' "Pushkinskiy slovar'" [From the History of Pushkin's Lexicography: G. A. Shengeli's unsuccessful attempt to publish Pushkin's Dictionary]. In: *Boldinskiye chteniya 2020. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Boldin Readings 2020. Materials of the International Scientific Conference]. 2020. Pp. 205–221 (in Russian).
21. Gasparov M. L. Georgiy Shengeli: ot iskusstva k nauke [Georgy Shengeli: From Art to Science]. In: *Izbrannyye trudy. Seriya: Yazyk. Semiotika. Kul'tura* [Selected Works. Series: Language. Semiotics. Culture]. Moscow, 2012. Pp. 656–660 (in Russian).
22. Pavel'yeva Yu. "Kaznennyye molchaniyem": poety ostavlennoy rodiny v otsenke poeta DP ["Executed by Silence": Poets of the abandoned Homeland as Evaluated by the DP Poet]. In: *Drugiye berega russkoy literatury i kul'tury: idei, poetika, konteksty* [The other shores of Russian literature and culture: ideas, poetics, contexts: a collective monograph]. Vroczlav – Krakov, Skriptum Publ., 2021. Pp. 185–196 (in Russian).
23. Itkin I. B. Staryy doktor v obvetshaloy toge...": ob odnom "neokonchennom" stikhotvorenii Georgiya Shengeli ["An old doctor in a weathered toga...": about one "unfinished" poem by Georgy Shengeli]. *Rema – Rhema*, 2018, no. 3, pp. 9–14 (in Russian).
24. Khadynskaya A. A. Ekfrasis v ranney lirike Georgiya Shengeli [Ecphrasis in Georgy Shengeli's Early Lyrics]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* – *News of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science, and culture*, 2019, vol. 25, no. 1 (183), pp. 78–87 (in Russian).

Информация об авторе

Хадынская А. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и переводоведения Сургутского государственного университета (ул. Ленина, 1, Сургут, Тюменская область, 628412).

Information about the authors

Khadynskaya A. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Surgut State University (ul. Lenina, 1, Surgut, Russian Federation, 628412).

Статья поступила в редакцию 09.08.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 09.08.2022; accepted for publication 01.10.2022

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

УДК 811.161.1' 27'42 (063)

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-156-160>

ИТОГИ XII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «РУССКАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА И ТЕКСТ» (ТОМСК, 20–21 МАЯ 2022 Г.)

Нина Сергеевна Болотнова¹, Алексей Владимирович Болотнов², Анастасия Сергеевна Савенко³

^{1, 2, 3} Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

¹ nsb@tspu.edu.ru

² stylistica@tspu.edu.ru

³ saven@mail.ru

Аннотация

Введение. Рассмотрены результаты XII Международной научной конференции, посвященной актуальным проблемам изучения русской речевой культуры и текста в общем научном контексте современной русистики и методики обучения речевой культуре в вузе и школе.

Цель – представить обзор докладов, прозвучавших на секциях и пленарных заседаниях конференции «Русская речевая культура и текст» (Томск, 20–21 мая 2022 г.).

Материал и методы. Экспертное описание, анализ и обобщение.

Результаты и обсуждение. Анализ содержания докладов позволил выявить основные тенденции, характерные для современного речеведения и теории текста, актуальные для дальнейшего развития современной русистики. Намечены перспективы дальнейшего изучения речевой культуры и текста для обучающихся в вузе и школе на основе достижений лингвистической прагматики, когнитивной лингвистики, теории дискурса, междисциплинарной лингвистики, лингвоперсонологии, стилистики текста, текстоцентрического и аксиологического направлений современной методики преподавания русского языка.

Заключение. На конференции определены ключевые темы и проблемы, требующие дальнейшего изучения, намечены планы по укреплению научных связей, позволяющих обмениваться опытом и реализовать имеющиеся научные разработки в практической научной и образовательной деятельности.

Ключевые слова: русская речевая культура, текст, языковая картина мира, дискурс, языковая личность, медиакоммуникация, методика обучения речевой культуре и текстовой деятельности

Для цитирования: Болотнова Н. С., Болотнов А. В., Савенко А. С. Итоги XII Международной научной конференции «Русская речевая культура и текст» (Томск, 20–21 мая 2022 г.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 156–160. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-156-160>

SCIENTIFIC EVENTS

RESULTS OF THE XII INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “RUSSIAN SPEECH CULTURE AND TEXT” (TOMSK, MAY 20–21, 2022)

Nina S. Bolotnova¹, Aleksey V. Bolotnov², Anastasia S. Savenko³

^{1, 2, 3} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ nsb@tspu.edu.ru

² stylistica@tspu.edu.ru

³ saven@mail.ru

Abstract

Introduction. The results of the XII International Scientific Conference, dedicated to topical issues of the study of Russian speech culture and text, are considered in the general scientific context of modern Russian studies and methods of teaching speech culture in a university and school practice.

The aim is to present a brief review of the reports made at the sections and Plenary sessions of the conference “Russian Speech Culture and Text” (Tomsk, May 20–21, 2022).

Material and methods. Expert description, analysis and generalization.

Results and discussion. Analysis of the content of the reports made it possible to reveal the main trends characteristic of modern speech science and text theory, which are relevant for the further development of modern Russian studies. The prospects for further study of speech culture and text for university and school students based on the achievements of linguistic pragmatics, cognitive linguistics, discourse theory, media linguistics, linguopersonology, text style, text-centric and axiological directions of modern methods of teaching the Russian language are outlined in the article.

Conclusion. The conference identified key topics and issues that require further study, outlined plans to strengthen scientific ties that allow the exchange of experience and the implementation of existing scientific developments in practical scientific and educational activities.

Keywords: *Russian speech culture, text, language picture of the world, discourse, language personality, media communication, methods of teaching speech culture and text activity*

For citation: Bolotnova N. S., Bolotnov A. V., Savenko A. S. Itogi XII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Russkaya rechevaya kul'tura i tekst” (Tomsk, 20–21 maya 2022) [Results of the XII International Scientific Conference “Russian Speech Culture and Text” (Tomsk, May 20–21, 2022)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 156–160 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-156-160>

Введение

Очевидные изменения в современной русистике обусловлены ее поступательным развитием в русле новой лингвистической парадигмы, меняющейся языковой реальностью, научно-техническим прогрессом и запросами современного общества.

Неослабевающий интерес к проблемам современной коммуникации, связанный с социальной сущностью человека и его насущной потребностью общаться, стимулировал интерес к речевой культуре и тексту, на основе которого происходит общение. С этим связана актуальность тематики международной научной конференции «Русская речевая культура и текст», которая в 12-й раз была организована кафедрой русского языка Томского государственного педагогического университета (ТГПУ).

Основное научное направление коллектива связано с разработкой теоретических и прикладных аспектов коммуникативной стилистики текста и изучением текстовой деятельности языковых личностей разных типов в аспекте диалога с адресатом и анализом идиостиля в разных сферах коммуникации. Проблема идиостиля в рамках данного научного направления рассматривается комплексно, с учетом разных аспектов проявления языковой личности и исследованием ее культурно-речевого, коммуникативного и когнитивного стилей. Данные аспекты исследования нашли отражение в работе секций на конференции.

Особенно интенсивно в русле коммуникативной стилистики текста разрабатывается теория регулятивности, понятийный аппарат которой позволяет связывать обладающие прагматическим эф-

фектом различные использованные в текстах языковые средства и структуры (стилистические приемы, текстовые парадигмы разных типов) с ассоциативной деятельностью субъекта восприятия и формированием у него в сознании смыслового развертывания текста и его концептосферы. Это напрямую связано с ключевой проблемой филологии – проблемой понимания в диалоге автора и адресата текста. Данный комплекс вопросов, определяющих эффективность коммуникации на основе изучения текстовой деятельности, обусловил регулярность проведения международных конференций «Русская речевая культура и текст» в Томском государственном педагогическом университете.

Меняются аспекты рассмотрения отмеченных проблем и эмпирический материал, исследуемый участниками конференций, но ключевая проблема эффективности общения на основе текста в силу ее универсальности и неисчерпаемости по-прежнему остается в центре внимания ученых, методистов, учителей, преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов, студентов – всех, кто принимает участие в конференциях, проводимых кафедрой русского языка ТГПУ.

Новые импульсы в проблематике конференций связаны со сменой научных парадигм и новыми акцентами в анализе текстов разных типов, за которыми стоят языковые личности автора и адресата. В последние годы коммуникативно-когнитивный вектор современной лингвистики и повышенный интерес к проблеме медиакommunikации в связи с интенсивным развитием новых информационных технологий и общением в Интернете определил

повышенное внимание исследователей к изучению в динамике русской языковой картины мира и языкового сознания, к когнитивным особенностям текстовой деятельности, медиадискурсу. Именно эти проблемы были в центре внимания 83 участников двух пленарных заседаний и 70 участников восьми секций на конференции «Русская речевая культура и текст» в 2022 г.

Цель – представить обзор докладов, прозвучавших на секциях и пленарных заседаниях конференции «Русская речевая культура и текст» (Томск, 20–21 мая 2022 г.).

Материал и методы

Экспертное описание, анализ и обобщение.

Результаты и обсуждение

Представленные на конференции доклады вызвали большой интерес у слушателей, среди которых были преподаватели вузов, ученые, учителя, студенты, аспиранты российских вузов, магистранты из 16 городов России, Казахстана, Китая: Томска, Новосибирска, Новокузнецка, Барнаула, Екатеринбурга, Челябинска, Красноярска, Перми, Сургута, Омска, Саратова, Луганска, Санкт-Петербурга, Москвы, Муданьцзяня, Семей. В конференции участвовали представители вузов Томска (ТГПУ, ТГУ, ТГАСУ).

Открывая конференцию, с приветственным словом к присутствующим обратилась зав. кафедрой русского языка профессор Н.С. Болотнова, которая подчеркнула связь тематики конференции с основным научным направлением кафедры – коммуникативной стилистикой текста, напомнила об истории проведения конференций. Приветствуя участников, проректор по научной работе ТГПУ Е. А. Полева отметила актуальность тематики докладов и их теоретическое и практическое значение для современного образования.

Прозвучавшие на пленарных и секционных заседаниях доклады были посвящены рассмотрению русской речевой культуры в плане синхронии и диахронии, освещению различных современных подходов к изучению разных типов текстов, анализу дискурсивных практик языковых личностей, взаимосвязи русской языковой картины мира и текстовой деятельности, проблемам медиакommunikation, межкультурному общению и вопросам обучения эффективной текстовой деятельности и культуре русской речи.

Содержание всех докладов отражало современный уровень осмысления ключевых проблем русистики, связанных с разработкой новых аспектов в изучении русской речевой культуры, включая корпусные исследования, «цифровую» риторiku, расширение спектра современных технологий и

средств обучения речевой культуре и текстовой деятельности, а также освещение новых подходов к многоаспектному исследованию текста как центрального объекта современной филологии: когнитивно-дискурсивного, лингвокультурологического, этнолингвистического, коммуникативно-деятельностного.

На двух пленарных заседаниях в докладах докторов филологических наук, профессоров из разных вузов России были обозначены основные векторы работы конференции, отражающие современный уровень изучения текстовой деятельности в русистике и методике обучения русской речевой культуре и работе с текстом. Были сделаны акценты, в частности, на коммуникативно-прагматическом аспекте текстовой деятельности и методологии ее исследования (Н. С. Болотнова, г. Томск), когнитивно-дискурсивном анализе художественного текста (Е. В. Сергеева, г. Санкт-Петербург), изучении динамики культурного тезауруса читателей XXI в. на основе массового опроса (В. Д. Черняк, М.А. Черняк, г. Санкт-Петербург), представлены результаты анализа тематических доминант и языкового своеобразия постхарбинского текста в отечественной и зарубежной периодике русского восточного зарубежья (Е. А. Оглезнева, г. Томск), рассмотрены истоки и перспективы развития креативной стилистики (Е. А. Баженова, Т. Б. Карпова, г. Пермь).

Внимание к истории русской речевой культуры и методическим аспектам обучения текстовой деятельности привлекли доклады известных ученых, представленные на втором пленарном заседании. В частности, в докладах нашли отражение результаты исследования синтеза разных речевых культур в дискурсе диалектоносителя-старообрядца (О. Ю. Крючкова, г. Саратов), рассмотрен этикетный жанр просьбы в речи диалектной языковой личности (Е. В. Иванцова, г. Томск); освещены способы совершенствования речевой культуры преподавателя вуза (Е. В. Лукашевич, г. Барнаул), особенности работы с текстом в школьном курсе «Русский родной язык» (О. В. Мякишева, г. Саратов), на значительном материале исследованы сочинения школьников на свободные темы в аспекте формально-смысловой организации текстов (Л. О. Бутакова, г. Омск).

На секционных заседаниях обсуждались вопросы, связанные с освещением русской речевой культуры в синхронии и диахронии: специфика регионального делопроизводства рубежа XVII–XVIII вв. на материале сибирских дозорных книг (Т. П. Рогожникова, г. Омск), особенности функционально-прагматического анализа рассказов о прижизненных чудесах (М. В. Хоменко, г. Омск), функционирование наречий с учетом их семантики и коннотаций (А. Е. Зимбули, г. Санкт-Петербург), комму-

никативный потенциал субстантивных синлексов (С. В. Чайковская, г. Томск), использование этикетного жанра «благодарность» в различных дискурсивных практиках (С. М. Карпенко, И. В. Птушкина, г. Томск).

Результаты исследований различных дискурсивных практик в коммуникативно-когнитивных аспектах были представлены в секционных докладах, посвященных категоризации пространства в поэзии Б. Ахмадулиной (С. М. Карпенко, г. Томск), выявлению маркеров подтекстовой информации в художественных текстах (М. В. Бондарев, г. Новокузнецк), анализу идиостилевых особенностей очерков В. Попка (Т. А. Федосенко, г. Томск), рассмотрению загадок текста одного из стихотворений М. Ю. Лермонтова (Е. Ф. Саломатова, г. Красноярск), изучению речевых портретов ученых (А. П. Митина, г. Саратов; И. Ю. Пешикчева, г. Томск).

Одна из секций на конференции была посвящена рассмотрению современных подходов к изучению текста и дискурса. В представленных на этой секции докладах речь шла об изучении дискурсивных практик в Рунете с использованием средств искусственного интеллекта (В. А. Салимовский, г. Пермь; Ю. М. Кузнецова, г. Москва; Н. В. Чудова, г. Москва); о методике концептуального анализа с опорой на теории регулятивности и текстовых ассоциаций, разрабатываемых в коммуникативной стилистике, на материале поэтического дискурса К. Бальмонта (Н. Г. Петрова, г. Новосибирск), лирики М. И. Цветаевой (И. А. Пушкарева, г. Новокузнецк) и поэзии М. Волошина (С. А. Иванченко, г. Томск); об изучении варьирования коннотаций лексемы в процессе ее функционирования в текстовой деятельности на основе использования корпусных данных (Е. Ю. Жукова, г. Новосибирск).

Содержание докладов секции, посвященной актуальным проблемам медиакоммуникации, отражает новый медийный вектор развития современной русистики: особенности некоторых новых медиажанров, включая лонгрид (Ю. С. Зарембо, г. Томск), авторскую телевизионную программу (А. А. Каширин, г. Томск); жанровое варьирование медиадискурса публициста в аспекте идиостиля (А. В. Болотнов, г. Томск), изменения в региональной прессе на материале томских газет (Ю. А. Хомченко, г. Томск), языковую специфику медиакоммуникации в социальных сетях (Г. В. Ануфриева, г. Барнаул), анализ медиакоммуникации в риторическом аспекте (А. А. Шмаков, г. Барнаул).

Методические аспекты обучения русской речевой культуре и текстовой деятельности в вузе и школе были рассмотрены в ряде секционных докладов, посвященных как общим вопросам отражения представлений о советской и современной рос-

сийской школе в интернет-дискурсе (В. И. Шенкман, г. Пермь), так и прикладным аспектам школьного обучения, связанным с развитием текстовой деятельности школьников при подготовке их к итоговому сочинению по литературе в формате ЕГЭ (Е. Н. Ковалевская, г. Томск), при подготовке к сочинению в формате ОГЭ на основе образовательного проектирования (А. И. Дукмас, г. Томск), с развитием функциональной грамотности в процессе чтения (Е. А. Дьякова, г. Семей), с анализом упражнений и лексических особенностей упражнений в современных школьных учебниках по русскому языку и русскому родному языку (Р. Н. Акчурина, г. Саратов; М. В. Сеницина, г. Саратов).

Рассмотрение русской языковой картины мира и специфики ее отражения в текстовой деятельности было представлено участниками одной из секций в различных аспектах: в аспекте теории регулятивности на материале концепта *жизнь* в повести Г. И. Климовской «Онка» (Н. Г. Петрова, г. Новосибирск, Е. А. Бакланова, г. Новосибирск), в жанрово-стилистическом аспекте при анализе своеобразия жанрообразующих компонентов в книге очерков В. Попка (Т. А. Федосенко, г. Томск), в рамках категории экспрессивности для определения языковых закономерностей слов-образов в организации художественного текста В. П. Астафьева (О. В. Аксенко, г. Санкт-Петербург), с точки зрения средств художественной образности, в частности, антропоморфной метафоры с целью описания языковых средств концептуализации благополучия в советской песенной поэзии XX в. (Д. А. Марченко, г. Омск), в аспекте категории перцептивности при лингвостилистическом анализе репрезентации ситуации эмоционального состояния персонажей рассказов Л. Петрушевской (М. А. Кривоуцкая, г. Томск).

Традиционное обсуждение проблематики изучения русской речи в межкультурном общении состоялось и на XII Международной конференции, при этом особый интерес вызвали такие вопросы, как системно-структурная организация концептосферы учебных текстов, которые ориентированы на иностранного адресата (А. В. Курьянович, г. Томск, Е. А. Серебренникова, г. Томск), лингвометодическая составляющая изучения художественной литературы в иноязычной аудитории при анализе произведения с учетом культурных и лингвистических факторов (Л. Б. Крюкова, г. Томск, Е. Ю. Дорошкевич, г. Томск), лингводидактический потенциал корпусных онлайн-ресурсов в процессе обучения РКИ при рассмотрении приставочных глаголов (Н. Н. Кошкарлова, г. Челябинск), наивная лингводидактика и критерии оценки языковой сложности освоения китайского языка русскоязычными сетевыми пользователями (О. В. Орлова, г. Томск,

г. Муданьцзянь, Ван Синхуа, г. Муданьцзянь), экспрессивные этнонимы с компонентом *лао* в русско-китайской лингвокультурной рецепции и их функционирование в речи (О. В. Орлова, г. Томск, г. Муданьцзянь).

Методические аспекты обучения культуре речи и текстовой деятельности в вузе и школе нашли отражение в докладах, посвященных проблематике развития эмоциональности как стимула обучения текстовой деятельности (Л. А. Безменова, г. Томск) и созданию условий для активизации речевой деятельности через интерактивные формы обучения (Н. Н. Инина, г. Томск), рассмотрению комплексного подхода к формированию орфоэпической культуры студентов-филологов (А. С. Савенко, г. Томск), определению лингвокультурологического потенциала лирики М. И. Цветаевой и ее восприятия старшеклассниками с привлечением экспериментальных данных (Н. В. Захарчевская, г. Томск), а также в сообщениях, представленных в форме мастер-классов по организации текстовой деятельности с привлечением различных приемов (Л. Р. Алгина, г. Томск), в частности визуализации текста как средства формирования речевой компетенции обучающихся (И. И. Подрезова, г. Томск).

Заключение

Присутствующие отметили высокий уровень проведения конференции и ее результативность.

Профессор В. А. Салимовский (г. Пермь) подчеркнул актуальность разрабатываемого кафедрой русского языка научного направления и «интеллигентный коммуникативный стиль проведения конференций в Томске». Профессор Н. Н. Кошкарлова (г. Челябинск) отметила прекрасную организацию конференции и удачную структуру программы. О «душевном и содержательном, как всегда, общении на конференции» написала профессор

О. Ю. Крючкова (г. Саратов). По мнению профессора Е. А. Баженовой (г. Пермь), конференция «была организована отлично!». Было высказано пожелание: «Пусть традиция проведения конференции „Русская речевая культура и текст“ сохранится на долгие годы».

На конференции были приняты решения:

1. Считать в качестве приоритетных когнитивно-дискурсивный, лингвокультурологический, коммуникативно-деятельностный, лингвометодический подходы к изучению русской речевой культуры и текста.

2. Одобрить совместные усилия ученых-лингвистов, методистов, учителей-практиков, направленные на активное внедрение в практику обучения русскому языку в вузе и школе современных достижений в области коммуникативной теории текста, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, медиалингвистики, важных для формирования языковой, коммуникативной, этнолингвистической компетенций у современных школьников и студентов.

3. Шире пропагандировать в образовательной и научной деятельности современные достижения, связанные с многоаспектным изучением народной речевой культуры.

4. Продолжить укрепление творческих научно-методических связей в области лингвистики между ТГПУ и другими вузами страны и зарубежья, а также школами г. Томска и Сибирского региона.

5. Провести очередную XIII Международную научную конференцию в апреле 2024 г. на базе ТГПУ.

Впереди новые научные встречи, посвященные актуальным проблемам современной русистики и методики обучения русской речевой культуре и текстовой деятельности.

Информация об авторах

Болотнова Н. С., доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Болотнов А. В., доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Савенко А. С., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

Bolotnova N. S., Doctor of Philology, Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Bolotnov A. V., Doctor of Philology, Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Savenko A. S., Candidate of Philology, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 14.07.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 14.07.2022; accepted for publication 01.10.2022

ЮБИЛЕИ

УДК 811.161.1'271'38

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-161-165>

НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ «КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА ТЕКСТА» (К ЮБИЛЕЮ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА Н. С. БОЛОТНОВОЙ)

Светлана Михайловна Карпенко¹, Ирина Алексеевна Пушкарёва²

¹ *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

² *Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета, Новокузнецк, Россия*

¹ *karpenko_si@mail.ru*

² *irina_pushkareva2016@mail.ru*

Аннотация

Рассматриваются особенности коммуникативной стилистики текста как научного направления стилистических исследований, разрабатываемого в Томском государственном педагогическом университете под руководством профессора Н. С. Болотновой. Отмечаются особенности коммуникативной стилистики текста, ее связь со смежными научными дисциплинами, выделяются направления коммуникативной стилистики, подчеркивается ее связь с когнитивно-дискурсивными исследованиями.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика текста, теория смыслового развертывания текста, теория текстовых ассоциаций, теория регулятивности, Н. С. Болотнова

Для цитирования: Карпенко С. М., Пушкарёва И. А. Научное направление «коммуникативная стилистика текста» (к юбилею доктора филологических наук, профессора Н. С. Болотновой) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 161–165. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-161-165>

JUBILEE

SCIENTIFIC DIRECTION “COMMUNICATIVE STYLISTICS OF TEXT” (ON THE ANNIVERSARY OF THE DOCTOR OF PHILOLOGICAL SCIENCES, PROFESSOR N. S. BOLOTNOVA)

Svetlana M. Karpenko¹, Irina A. Pushkareva²

¹ *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation*

² *Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russian Federation*

¹ *karpenko_si@mail.ru*

² *irina_pushkareva2016@mail.ru*

Abstract

The article discusses the features of the communicative style of the text as a scientific direction of stylistic research, developed at Tomsk Pedagogical University under the guidance of Professor N. S. Bolotnova. Also, the features of the communicative stylistics of the text, its connection with related scientific disciplines are noted here, the directions of communicative stylistics are highlighted, its connection with cognitive-discursive studies is emphasized.

Keywords: *communicative style of text, theory of semantic development of text, theory of text associations, theory of regulativeness, N. S. Bolotnova*

For citation: Karpenko S. M., Pushkareva I. A. Nauchnoye napravleniye "kommunikativnaya stilistika teksta" (k yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora N. S. Bolotnovoy [Scientific Direction "Communicative Stylistics of Text" (on the Anniversary of the Doctor of Philological Sciences, Professor N. S. Bolotnova)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 161–165 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-161-165>



С начала 1990-х гг. в Томском государственном педагогическом университете активно развивается научное направление лингвистических исследований «Коммуникативная стилистика текста». Вот уже более 30 лет успешно руководит им заведующая кафедрой русского языка доктор филологических наук, профессор Нина Сергеевна Болотнова. Созданное на рубеже тысячелетий новое научное направление воплотило в себе традиции лингвистических и стилистических учений и вместе с тем явилось в отечественной стилистике зеркалом нового парадигмального поворота к тексту, к коммуникативной способности языковой личности. Коллектив научной школы – доктора и кандидаты наук, соискатели, аспиранты и студенты – развивают идеи своего Учителя – Ученого с большой буквы, преданного своей профессии и являющегося для них образцом в отношении к работе и к жизни. Коммуникативно-деятельностный подход постулируется в рамках данного направления как основа для постижения смысла текста, вместе с тем диалог является не только формой коммуникации, но и фундаментом бытия. Именно в диалоге научных мнений, диалоге традиций, диалоге поколений и культур рождается новое научное знание. Выдающийся мыслитель и филолог М. М. Бахтин отмечал: «Диалогические рубежи пересекают все поле живого человеческого мышления» [1, с. 299].

Н. С. Болотнова – создатель и идейный вдохновитель научной школы, получившей признание

отечественных и зарубежных ученых. Заслуги Н. С. Болотновой в развитии научного направления и в профессиональной деятельности, которая неотделима от ее научных интересов, подтверждены многочисленными наградами, званиями, победами в конкурсах: она лауреат государственной научной стипендии «Выдающимся ученым России» (1994–1996), научной стипендии НК «ЮКОС» (2000); победитель конкурса Томской области в сфере науки и образования (1998), конкурса «Человек года» ТГПУ (2004); член-корреспондент Академии гуманитарных наук (1999) и Сибирской академии наук высшей школы (2006); заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (1999). Разработка вопросов речевой культуры и текстовой деятельности, блестящее владение словом, идеальное речевое поведение явились закономерным результатом присвоения ей звания лауреата всероссийского конкурса «За образцовое владение русским языком в профессиональной речи» (2006).

В задачи научного направления, становление которого связано с развитием во второй половине XX в. речеведения и текстоведения, входит исследование правил эффективности речевой коммуникации в разных речевых средах, лингвистических и экстралингвистических законов текстообразования, роли языковых единиц в порождении и интерпретации текста. Отражая связь коммуникативного и когнитивного аспектов речевого общения, коммуникативная стилистика текста характеризуется следующими особенностями: комплексным интегративным характером, выражающимся в пересечении с рядом научных дисциплин – традиционной стилистикой, функциональной лексикологией, лингвистической прагматикой, психолингвистикой, филологической герменевтикой; коммуникативно-деятельностным подходом к тексту как форме коммуникации [2, с. 183]. Изучая текст как форму коммуникации и явление идиостиля [3, с. 157], исследователи, работающие в рамках данного направления, занимаются не только проблемой эффективности речевого общения в художественной и публицистической сферах, но и вопросами русской речевой культуры в синхронии и диахронии, дискурсивных практик языковых личностей разных типов, русской языковой картины мира и ее отражением в слове и текстовой деятельности;

проблемами обучения текстовой деятельности в вузе и школе; методическими аспектами интерпретации текстов разных типов и др. (см., например, сборники научных работ [4–7]).

В коммуникативной стилистике текста выделяют три направления: теория смыслового развертывания текста, теория текстовых ассоциаций, теория регулятивности [8]. Теория смыслового развертывания нацелена на изучение процесса формирования смысловой программы текста на основе информации, содержащейся в нем. При этом выделяются разные типы смыслового развертывания текста и различные виды его смысловой структуры, рассматриваются механизм формирования смысла текста в результате вторичной коммуникативной деятельности, индивидуально-авторские особенности в реализации эстетической программы текста и др. (Н. С. Болотнова, Е. А. Бакланова, Ю. Е. Бочкарёва, Е. В. Веселовская, С. М. Карпенко, А. В. Курьянович, О. В. Орлова, Н. Г. Петрова, И. А. Пушкарёва, Н. В. Торопова, И. Н. Тюкова, Т. Е. Яцуга) [8, с. 280; 9]. Теория ассоциативных связей развивается на базе ассоциативной лексикографии, опирается на данные ассоциативных экспериментов. Ученики и последователи активно используют разработанную Н. С. Болотновой методику моделирования текстовых и межтекстовых ассоциативно-смысловых полей концептов (Н. С. Болотнова, А. В. Болотнов, Л. Р. Безменова, А. А. Васильева, С. М. Карпенко, А. А. Коростелёва, О. В. Орлова, П. А. Становкин) [8, с. 282; 9]. Изучение ассоциаций в художественной сфере коммуникации является чрезвычайно важным и продуктивным, ведь еще Д. С. Лихачёв заметил: «Поэзия и хорошая проза ассоциативны по своей природе» [10, с. 229]. Теория регулятивности основывается на постулате способности текста воздействовать на сознание читателя, направляя его интерпретационную деятельность на регулятивные возможности текста, обусловленные его системным характером (Н. С. Болотнова, Е. А. Бакланова, Ю. Е. Бочкарёва, А. В. Громова, С. М. Карпенко, И. В. Кочетова, А. В. Курьянович, Н. Г. Петрова, С. В. Сыпченко, И. Н. Тюкова, Р. Я. Тюрина, Н. В. Щитова, А. В. Шутова, Т. Е. Яцуга) [8, с. 282; 9]. В последние годы в поле исследовательского внимания попадают публицистические тексты, что вызвано особой значимостью данного типа дискурса для массового сознания, необходимостью

анализа медиасреды и информационно-медийных языковых личностей, создания методики анализа медиадискурса. Таким образом, для современного этапа в развитии коммуникативной стилистики характерен медийный вектор (Н. С. Болотнова, А. В. Болотнов, Н. В. Камнева, А. В. Курьянович, А. А. Каширин, И. А. Пушкарёва) [11–13].

В рамках коммуникативной стилистики разрабатываются когнитивные аспекты изучения текста, связанные с анализом особенностей концептуализации и категоризации отдельных концептов, картин мира художников слова. В центре внимания исследователей – изучение закономерностей эффективной текстовой деятельности автора и адресата в разных типах дискурсов.

По данному направлению проводятся ставшие традиционными международные научные конференции «Русская речевая культура и текст», в которых участвуют ученые из Ирана, Казахстана, Китая, Польши, России, Украины, Чехии. География российских городов обширна – Астрахань, Барнаул, Волгоград, Екатеринбург, Иркутск, Красноярск, Мариинск, Москва, Новокузнецк, Новосибирск, Омск, Пермь, Ставрополь, Сургут, Томск, Тула, Омск, Саратов, Санкт-Петербург, Челябинск, Чита и др. Участники конференций отмечают актуальность научного направления, «интеллигентный коммуникативный стиль» их проведения, прекрасную организацию. Все это становится возможным благодаря умелому руководству Н. С. Болотновой. Интеллигентность, скромность, обаяние, подвижнический труд – все эти качества, присущие замечательному человеку и талантливому ученому, способствуют формированию особой атмосферы научной среды.

Научное направление «Коммуникативная стилистика текста» многократно поддерживалось российскими научными грантами, что также подтверждает его перспективность и значимость. Это гранты Российского фонда фундаментальных исследований (1996), Российского гуманитарного научного фонда (2000, 2001, 2007, 2010, 2012, 2015), РФФИ (РГНФ) (2016–2017), института «Открытое общество» (фонд Сороса) в рамках регионального конкурса участников мегапроекта «Развитие образования в России» (2001–2003), научные достижения направления отмечены золотыми медалями международных выставок «Учсиб-2002», «Учсиб-2003», «Учсиб-2007», медалью конкурса «Сибирские Афины» (2007).

Список источников

1. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 281–327.
2. Болотнова Н. С. Когнитивные исследования в коммуникативной стилистике текста: основные этапы и результаты // Русская речевая культура и текст: материалы VII Междунар. науч. конф. (16–18 мая 2012 г.) / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Том. ЦНТИ, 2012. С. 181–192.

3. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика художественного текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 157–162.
4. Текст и языковая личность: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (26–27 октября 2007 г.) / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2007. 388 с.
5. Русская речевая культура и текст: материалы VII Международной научной конференции (16–18 мая 2012 г.) / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Том. ЦНТИ, 2012. 420 с.
6. Русская речевая культура и текст: материалы XI Международной научной конференции (Томск, 22–23 октября 2020 г.) / под общ. ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Том. ЦНТИ, 2020. 204 с.
7. Русская речевая культура и текст: материалы XII Международной научной конференции (Томск, 20–21 мая 2022 г.) / под общ. ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Том. ЦНТИ, 2022. 222 с.
8. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 384 с.
9. Болотнова Н. С., Васильева А. А. Коммуникативная стилистика текста: библиографический указатель по научному направлению. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. 188 с.
10. Лихачёв Д. С. Письма о добром и прекрасном. 3-е изд. М.: Детская литература, 1989. 238 с.
11. Болотнова Н. С. Медийный вектор коммуникативной стилистики текста как отражение современного этапа развития научного направления // Русская речевая культура и текст: материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию кафедры русского языка (Томск, 17–18 мая 2018 г.) / под общ. ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Том. ЦНТИ, 2018. С. 129–136.
12. Языковая личность и медиасреда: коммуникативные и когнитивные аспекты взаимодействия / Н. С. Болотнова, А. В. Болотнов, Н. В. Камнева, А. А. Каширин, А. В. Курьянович, И. А. Пушкарёва; под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Том. ЦНТИ, 2017. 248 с.
13. Болотнова Н. С. Методики смыслового и лингвопрагматического анализа медиатекста: учебное пособие. Томск: Изд-во Том. ЦНТИ, 2015. 156 с.

References

1. Bakhtin M. M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza [The problem of text in linguistics, philology and other humanities. The experience of philosophical analysis]. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. Pp. 281–327 (in Russian).
2. Bolotnova N. S. Kognitivnyye issledovaniya v kommunikativnoy stilistike teksta: osnovnyye etapy i rezul'taty [Cognitive research in the communicative style of the text: main stages and results]. In: Bolotnova N. S. (ed.) *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst: materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (16–18 maya 2012 g.)*. [Russian speech culture and text: Materials of the VII International Scientific Conference (May 16–18, 2012)]. Tomsk, Center for Scientific and Technical Information Publ., 2012. Pp. 181–192 (in Russian).
3. Bolotnova N. S. Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta [Communicative style of a literary text]. In: Kozhina M. N. (ed.) *Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003. Pp. 157–162 (in Russian).
4. Bolotnova N. S. (ed.) *Tekst i yazykovaya lichnost': materialy V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem* (26–27 oktyabrya 2007 g.) [Text and Linguistic Personality: Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Tomsk, October 26–27, 2007)]. Tomsk, Tomsk Center for Scientific and Technical Information Publ., 2007. 388 p. (in Russian).
5. Bolotnova N. S. (ed.) *Tekst i yazykovaya lichnost': materialy V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem* [Russian speech culture and text: materials of the VII International Scientific Conference (Tomsk, May 16–18, 2012)]. Tomsk, Tomsk Center for Scientific and Technical Information Publ., 2012. 420 p. (in Russian).
6. Bolotnova N. S. (ed.) *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst: materialy XI mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Tomsk, 22–23 oktyabrya 2020 g.)* [Russian speech culture and text: materials of the XI International Scientific Conference (Tomsk, October 22–23, 2020)]. Tomsk, Tomsk Center for Scientific and Technical Information Publ., 2020. 204 p. (in Russian).
7. Bolotnova N. S. (ed.) *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst: materialy XII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Tomsk, 20–21 maya 2022 g.)* [Russian speech culture and text: materials of the XIII International Scientific Conference (Tomsk, May 20–21, 2022)]. Tomsk, Tomsk Center for Scientific and Technical Information Publ., 2022. 222 p. (in Russian).
8. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of text: thesaurus dictionary]. Tomsk, TSPU Publ., 2008. 384 p. (in Russian).
9. Bolotnova N. S., Vasilieva A. A. *Kommunikativnaya stilistika teksta: bibliograficheskiy ukazatel' po nauchnomu napravleniyu* [Communicative stylistics of the text: bibliographic index in the scientific direction]. Tomsk, TSPU Publ., 2009. 188 p. (in Russian).
10. Likhachev D. S. *Pis'ma o dobrom i prekrasnom* [Letters about the good and the beautiful]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1989. 238 p. (in Russian).
11. Bolotnova N. S. Mediyyny vektor kommunikativnoy stilistiki teksta kak otrazheniye sovremennogo etapa razvitiya nauchnogo napravleniya [The media vector of the communicative style of the text as a reflection of the current stage of development of the

- scientific direction]. In: Bolotnova N. S. (ed.) *Russkaya rechevaya kul'tura i teks: materialy X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 25-letiyu kafedry russkogo yazyka (Tomsk, 17–18 maya 2018 g.)* [Russian speech culture and text: materials of the X International Scientific Conference dedicated to the 25th anniversary of the Department of the Russian Language (Tomsk, May 17–18, 2018)]. Tomsk, Tomsk Center for Scientific and Technical Information Publ., 2018. Pp. 129–136 (in Russian).
12. Bolotnova N. S., Bolotnov A. V., Kamneva N. V., Kashirin A. A., Kuryanovich A. V., Pushkareva I. A. *Yazykovaya lichnost' i mediasreda: kommunikativnyye i kognitivnyye aspekty vzaimodeystviya* [Linguistic Personality and Media Environment: Communicative and Cognitive Aspects of Interaction]. Edited by professor N. S. Bolotnova. Tomsk, Tomsk Center for Scientific and Technical Information Publ., 2017. 248 p. (in Russian).
13. Bolotnova N. S. *Metodiki smyslovogo i lingvopragmaticheskogo analiza mediateksta: uchebnoye posobiye* [Methods of semantic and linguo-pragmatic analysis of media text: a training manual]. Tomsk, Tomsk Center for Scientific and Technical Information Publ., 2015. 156 p. (in Russian).

Информация об авторах

Карпенко С. М., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Пушкарёва И. А., доктор филологических наук, доцент, Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета (ул. Циолковского, 23, Новокузнецк, Россия, 654041).

Information about the authors

Karpenko S. M., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Pushkareva I. A., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University (ul. Tsiolkovskogo, 23, Novokuznetsk, Russian Federation, 654041).

Статья поступила в редакцию 07.10.2022; принята к публикации 08.10.2022

The article was submitted 07.10.2022; accepted for publication 08.10.2022

НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ, ИЗДАВАЕМЫЕ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ



«Вестник Томского государственного педагогического университета. **Tomsk State Pedagogical University Bulletin**» – рецензируемый научный журнал, основан в 1997 г., выпускается 6 раз в год. Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 21.04.2021).

Кроме того, журнал входит в базы данных периодических и продолжающихся изданий ULRICHSWEB, GOOGLE SCHOLAR, WORLDCAT, EBSCO, ERIHPLUS, DOAJ, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная версия: <http://vestnik.tspu.edu>

E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. **Tomsk**

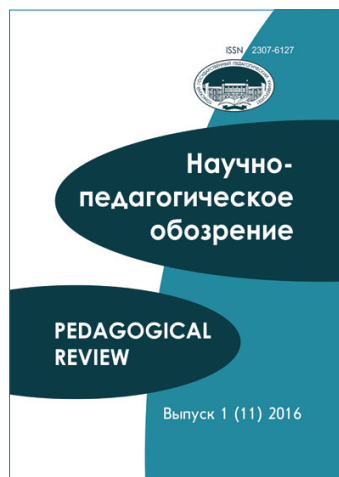
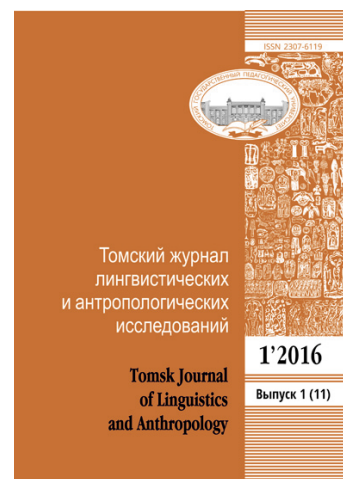
Journal of Linguistics and Anthropology» – рецензируемый научный журнал, основан в 2013 г., выпускается 4 раза в год. Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 21.04.2021).

Издание включено в индекс научного цитирования Web of Science ESCI с 10.09.2017 г., включено в RSCI на базе Web of Science.

Также журнал состоит в базах данных периодических и продолжающихся изданий ULRICHSWEB, ERIHPLUS, EBSCO, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная версия: <http://ling.tspu.edu.ru>

E-mail: tjla@tspu.edu.ru

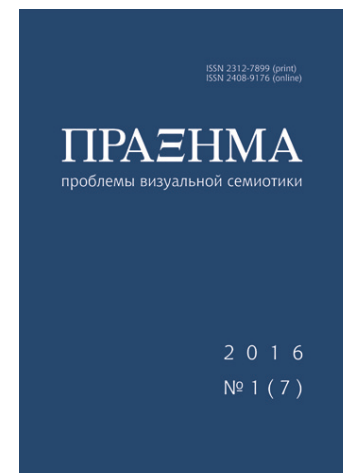


«Научно-педагогическое обозрение. **Pedagogical Review**» – рецензируемый научный журнал, основан в 2013 г., выпускается 6 раз в год. Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 21.04.2021).

Кроме того, журнал входит в базу данных периодических и продолжающихся изданий ULRICHSWEB, GOOGLE SCHOLAR, WORLDCAT, EBSCO, DOAJ, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная версия: <http://npo.tspu.edu.ru>

E-mail: npo@tspu.edu.ru



Научный журнал «Праксема. Проблемы визуальной семиотики» основан в 2014 г., выпускается 4 раза в год. Включен в базы данных ULRICHSWEB, SJR, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

С 2018 года журнал включён в базу индексируемых периодических изданий Scopus.

Электронная версия: <http://praxema.tspu.edu.ru>

E-mail: inir@tspu.edu.ru

I SSN 1609-624X



9 771609 624003

